

ISSN 2223–2974

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ЭКОНОМИКА И ПРАВО

№5 2025 (МАЙ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор

В.Н. Боробов

Выпускающий редактор

Ю.Б. Миндлин

Верстка

М. А. Комарова

Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 10472

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Издатель:

Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:

109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10

Тел./факс: 8(495) 755-1913

E-mail: redaktor@nauteh.ru

<http://www.nauteh-journal.ru>

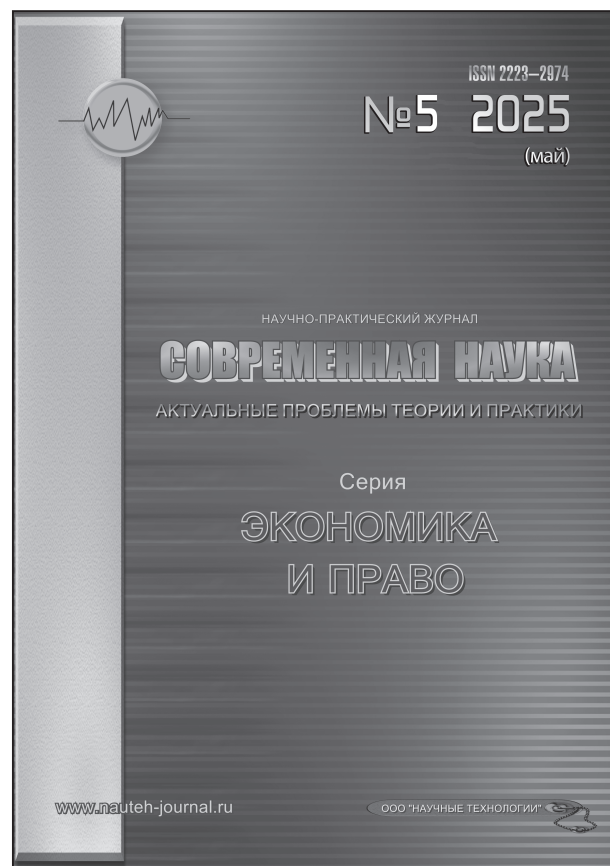
Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44912 от 04.05.2011 г.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.1.x, 5.2.x, 5.4.x)

В НОМЕРЕ:
ЭКОНОМИКА,
ПРАВО,
СОЦИОЛОГИЯ

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:

Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 16.05.2025 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2974

Редакционный совет

Боробов Василий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российская Академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ

Бусов Владимир Иванович — д.э.н., профессор,
Государственный университет управления

Волкова Ольга Александровна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН;
профессор, Белгородский Государственный Университет

Воронов Алексей Михайлович — д.ю.н., профессор, г.н.с.,
НИЦ 4 ВНИИ МВД России

Гомонов Николай Дмитриевич — д.ю.н., профессор,
Северо-Западный институт (филиал) Московского
гуманитарно-экономического университета

Горемыкин Виктор Андреевич — д.э.н., профессор,
Национальный институт бизнеса

Ермаков Сергей Петрович — д.э.н., профессор,
г.н.с., Институт социально-экономических проблем
народонаселения РАН

Жигунова Галина Владимировна — д.с.н., доцент,
Мурманский государственный арктический университет

Иванов Сергей Юрьевич — д.с.н., профессор, Московский
Педагогический Государственный Университет

Каныгин Геннадий Викторович — д.с.н., в.н.с.,
Социологический институт РАН (С.-Петербург)

Кобакин Михаил Викторович — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна — д.ю.н.,
профессор, Институт Государства и Права РАН

Лебедев Никита Андреевич — д.э.н., профессор, в.н.с.,
Институт экономики РАН

Леденева Виктория Юрьевна — д.с.н., доцент, г.н.с.,
Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН

Леонтьев Борис Борисович — д.э.н., профессор,
Федеральный институт сертификации и оценки
интеллектуальной собственности и бизнеса

Малышева Марина Михайловна — д.э.н., в.н.с., Институт
социально-экономических проблем народонаселения РАН

Мартынов Алексей Владимирович — д.ю.н., профессор,
Национальный исследовательский Нижегородский
государственный университет им. Н.И. Лобачевского.

Мельничук Марина Владимировна — д.э.н., к.п.н.,
профессор, Финансовый университет при Правительстве
Российской Федерации

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская
государственная академия ветеринарной медицины
и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Незамайкин Валерий Николаевич — д.э.н., профессор,
Российский государственный гуманитарный университет

Нижник Надежда Степановна — д.ю.н., профессор, Санкт-
Петербургский университет МВД России

Проказина Наталья Васильевна — д.с.н., профессор,
Алтайский филиал Российской академии народного
хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Рубан Лариса Семеновна — д.с.н., профессор, г.н.с.,
Институт социально-политических исследований ФНИСЦ
РАН

Ручкина Гульнара Флюровна — д.ю.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Рыкова Инна Николаевна — д.э.н., профессор, Научно-
исследовательский финансовый институт Минфина РФ

Рыльская Марина Александровна — д.ю.н., доцент,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Сумин Александр Александрович — д.ю.н., профессор,
Московский университет МВД России

Фролова Елена Викторовна — д.с.н., профессор,
Финансовый университет при Правительстве Российской
Федерации

Черкасов Константин Валерьевич — д.ю.н., профессор,
Всероссийский государственный университет юстиции

Шаленко Валентин Николаевич — д.с.н., профессор,
Институт социологии ФНИСЦ РАН; профессор, Российский
государственный социальный университет

Шедько Юрий Николаевич — д.э.н., доцент, Финансовый
университет при Правительстве Российской Федерации

Широкалова Галина Сергеевна — д.с.н., профессор,
с.н.с., Приволжский филиал ФНИСЦ РАН; профессор,
Нижегородская Государственная сельскохозяйственная
академия

Шмалий Оксана Васильевна — д.ю.н., профессор,
Российская Академия Народного Хозяйства
и Государственной Службы при Президенте РФ

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ЭКОНОМИКА

- Авдеева В.М.** — Концепция повышения результативности налогового контроля применения преференций по налогу на прибыль организаций
Avdeeva V. — The concept of improving the effectiveness of tax control over the application of corporate income tax preferences.....6
- Авдеева В.Н.** — Реинжиниринг как эффективный инструмент в менеджменте
Avdeeva V. — Reengineering as an effective tool in management.....10
- Альшалухи Али Хамад Жваид, Хасан Талиб Хашим** — Особенности внутреннего контроля в медицинских организациях России и Ирака
Alshaluhi Ali Hamad Jwaid, Hasan Talib Hashim — Features of internal control in medical organizations of Russia and Iraq.....15
- Буров П.Д.** — Развитие инфраструктуры для сделок pre-IPO: от инвестиционных платформ до биржи для МСП
Burov P. — Developing infrastructure for pre-IPO transactions: from investment platforms to SME exchanges19
- Гусейнова Г.Г.** — Вопросы регулирования структуры экспорта в развитии нефтяного сектора Азербайджана
Huseynova G. — Issues of regulation of export structure in the development of the non-oil sector of Azerbaijan26
- Дубков Д.А.** — Концептуальный подход к налоговому стимулированию инновационного потенциала хозяйствующих субъектов
Dubkov D. — A conceptual approach to tax incentives for the innovative potential of economic entities.....33
- Иванова Е.А., Левина Ю.В.** — Стратегия пространственного развития Российской Федерации: точки роста против региональных диспропорций
Ivanova E., Levina Yu. — Spatial development strategy of the Russian Federation: growth points versus regional disproportions.....44

- Исаенко А.П.** — Современные методы управления коммуникациями в организациях
Isaenko A. — Modern management methods communications in the organization49
- Ли Линянь, Чжан Вэйю** — Влияние Хэйлунцзянской свободной торговой зоны на структурные изменения в экономике Дальнего Востока России
Li Lingyan, Zhang Weiyou — The impact of the Heilongjiang free trade zone on structural changes in the economy of the Russian Far East.53
- Львова М.В., Краснов В.К.** — Основные тренды экономики РФ на современном этапе
Lvova M., Krasnov V. — Main trends of the Russian Federation's economy at the present stage57
- Ляшенко В.Е.** — Мониторинг и методы оценки эффективности взаимодействия корпораций и вузов
Lyashenko V. — Monitoring and methods for evaluating the effectiveness of cooperation between corporations and universities61
- Матох С.А., Раубо В.М., Мисун В.Л., Арсенов В.В.** — Импортзамещение в аграрном секторе экономики Республики Беларусь как фактор обеспечения продовольственной безопасности
Matokh S., Raubo V., Misun V., Arsenov V. — Import substitution in the agricultural sector of the economy of the Republic of Belarus as a factor in ensuring food security68
- Мельников В.В.** — Проектное финансирование как инструмент ресурсосбережения при строительстве промышленных объектов
Melnikov V. — Project financing as a tool for resource saving in the construction of industrial facilities73
- Мирзоян А.А., Казарян Г.И.** — Влияние внешнеполитического фактора на деятельность ТНК
Mirzoyan A., Kazaryan G. — Influence of foreign policy factors on the activities of TNCs82

- Пантелеев М.В.** — Трансформация высшего образования в условиях цифровизации и развития искусственного интеллекта
Panteleev M. — Transformation of higher education in the context of digitalization and the development of artificial intelligence87
- Пятина Е.И.** — Современный подход к понятию экологического агробизнеса
Pyatina E. — Modern approach to ecological agribusiness.....92
- Халилов А.Э.** — Пробелы решения в стратегическом развитии экономического агента
Khalilov A. — Gaps in the solution of the strategic development of an economic agent.....96
- Право
- Бузанова А.Р.** — Об организационных основах взаимодействия оперативных подразделений учреждений и органов ФСИН России с органами предварительного расследования
Buzanova A. — About organizational foundations of interaction of operational units of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia with bodies of preliminary investigation..... 100
- Воронов А.М.** — Защита детей от деструктивного контента в контексте национальной безопасности
Voronov A. — Protecting children from destructive content in the context of national security 105
- Георгиевская Е.А.** — Типичные следственные ситуации по делам, связанным с самоубийством несовершеннолетних
Georgievskaya E. — Typical investigative situations in cases related to the suicide of minors 111
- Долева О.А.** — Понятие и признаки организатора преступления
Doleva O. — Features of the legal regulation of criminal liability for organizational actions under the criminal legislation of foreign countries related to the content system of law 116
- Дьяченко Е.М., Томилова Л.Н.** — Ограничения прав распоряжения денежными средствами, находящимися на эскроу-счете
Dyachenko E., Tomilova L. — Restrictions the to of funds an account..... 120
- Картамышева О.Е.** — Теоретико-правовые основы и законодательство о детских омбудсменах
Kartamysheva O. — Theoretical and legal foundations and legislation on children’s ombudsmen 124
- Кобзарь-Фролова М.Н.** — Административно-правовые и финансово-экономические инструменты политики импортозамещения
Kobzar-Frolova M. — Administrative-legal and financial-economic instruments of import substitution policy 128
- Кольцова Д.И., Спильниченко В.К.** — Концепция комьюнити-менеджмента в управлении организациями
Koltsova D., Spilnichenko V. — The concept of community management in organizational governance 136
- Корягина И.А., Григорьянц И.А., Фурсов А.Л.** — Роль исследования психологии потребителей разных стран в международном маркетинге
Koryagina I., Grigiryants I., Fursov A. — The role of consumer psychology research from different countries in international marketing 143
- Левандовская М.Г.** — Вовлечение несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей: особенности совершения и уголовно-правовое противодействие
Levandovskaya M. — Engagement of minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunications networks: characteristics of commission and criminal law countermeasures .. 147
- Намцараев А.Н.** — Понятие «коренные малочисленные народы Дальневосточного федерального округа» и формы их самоопределения
Namtsaraev A. — The concept of «indigenous small-numbered peoples of the far Eastern federal district» and the forms of their self-determination..... 153
- Орехова Н.Л.** — Правовые механизмы защиты предпринимателей от недобросовестной конкуренции
Orekhova N. — Legal mechanisms for protecting entrepreneurs from unfair competition..... 159
- Орехова Н.Л.** — Правовые аспекты использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности
Orekhova N. — Legal aspects of the use of artificial intelligence in business activities..... 163

Упоров И.В. — Первый системный закон в России: как Земский собор принимал уложение в середине XVII века

Uporov I. — The first systemic law in Russia: how the Zemsky sobord adopted the code in the middle of the 17th century 168

Упоров И.В. — Обновление законодательной базы в деятельности краевых и областных советов народных депутатов после принятия последней советской Конституции

Uporov I. — Updating the legislative framework in the activities of regional and regional councils of people's deputies after the adoption of the last Soviet Constitution..... 173

Шипков Н.А. — Особенности и совершенствование гражданско-правового регулирования коммерческой концессии в сфере интеллектуальной собственности: соотношение с коммерческим лицензионным договором (коммерческой лицензией)

Shipkov N. — Features and improvement of civil-legal regulation of commercial concession in the sphere of intellectual property: relationship with the commercial license agreement (commercial license)..... 177

СОЦИОЛОГИЯ

Жданов А.В. — Добровольный общественно-социальный скоринг: проблемы и потенциал использования

Zhdanov A. — Voluntary public-social scoring: problems and potential uses..... 181

Завьялов А.Е. — Влияние цифровых трансформаций на рынок труда в Российской Федерации

Zavyalov A. — Impact of digital transformations on the labor market in the Russian Federation 185

Рубцова М.В., Мартьянов Д.С., Мартьянова Н.А. — Потенциал деколониального поворота в социологии: основные направления исследований и аргументы «против»

Rubtsova M., Martyanov D., Martyanova N. — The potential of the decolonial turn in sociology: main research directions and arguments against..... 189

Сафиуллина Ф.Р. — Влияние цифровизации на трудовую занятость студентов: возможности и риски

Safullina F. — The impact of digitalization on student employment: opportunities and risks 194

Сафиуллина Ф.Р. — Формирование предпринимательской культуры среди молодежи

Safullina F. — Formation of entrepreneurial culture among youth..... 199

Фомушкин А.В. — Синергия проектного и бережливого управления в системе государственных учреждений

Fomushkin A. — Synergy of project and lean management in the system of public institutions . 205

Наши авторы 214

КОНЦЕПЦИЯ ПОВЫШЕНИЯ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ НАЛОГОВОГО КОНТРОЛЯ ПРИМЕНЕНИЯ ПРЕФЕРЕНЦИЙ ПО НАЛОГУ НА ПРИБЫЛЬ ОРГАНИЗАЦИЙ

THE CONCEPT OF IMPROVING THE EFFECTIVENESS OF TAX CONTROL OVER THE APPLICATION OF CORPORATE INCOME TAX PREFERENCES

V. Avdeeva

Summary. The article presents the results of the study of the issue of the tax control tools for the application of preferences for corporate income tax. The concept of increasing the effectiveness of tax control presented in the article includes two interrelated structural areas: the development of analytical tools at the micro level and the improvement of the assessment of the effectiveness of tax preferences at the macro level. The expected result of the proposed control measures is to reduce violations of the law in terms of the application of tax preferences and increase the effectiveness of their application to achieve socio-economic goals.

Keywords: tax control, tax preferences, multi-level nature of tax control, principles of tax control, risk analysis, risk assessment criteria, performance assessment.

Авдеева Валентина Михайловна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации», г. Москва
valentinavdeeva1998@yandex.ru

Аннотация. В статье представлены результаты исследования вопроса об инструментарию налогового контроля применения преференций по налогу на прибыль организаций. Представленная в статье концепция повышения результативности налогового контроля включает два взаимосвязанных структурных направления: развитие аналитического инструментария на микроуровне и совершенствование оценки эффективности налоговых преференций на макроуровне. Ожидаемый результат от предложенных мероприятий контроля заключается в сокращении нарушений законодательства в части применения налоговых преференций и повышении эффективности их применения для достижения социально-экономических целей.

Ключевые слова: налоговый контроль, налоговые преференции, многоуровневый характер налогового контроля, принципы налогового контроля, риск-анализ, критерии оценки рисков, оценка эффективности.

В условиях сравнительно нестабильной экономической ситуации на первый план повестки государственной экономической политики выдвигаются цели по обеспечению сбалансированного развития страны и расширению производственного потенциала отечественной экономики. Для достижения социально-экономических целей государство использует не только прямые методы финансовой поддержки граждан, но и косвенные, в числе которых налоговые инструменты, прежде всего налоговые льготы и преференции. Установленные законодательством преференции по налогу на прибыль организаций не систематизированы, а результативность этих инструментов налогового стимулирования подвергается сомнению в связи с недостаточным темпом инвестиций. Отсюда следует необходимость налогового контроля за применением преференций по налогу на прибыль организаций с целью обеспечения правомерности их применения налогоплательщиками и макроэкономической эффективности как инструментов налогового стимулирования.

Налоговые льготы и преференции имеют близкие по смыслу значения, однако эти инструменты налогово-

го стимулирования имеют различные особенности функционирования. Необходимость четкого разграничения налоговых преференций и налоговых льгот отвечает потребности повышения результативности налогового контроля. Исходя из этого предлагается следующая формулировка понятия налоговой преференции: налоговые преференции представляют собой преимущества, предоставляемые налогоплательщикам для создания благоприятных условий ведения хозяйственной деятельности, включающие в себя инструменты, которые снижают и изменяют налоговое обязательство налогоплательщика, а также позволяют минимизировать административную нагрузку налогоплательщиков [1, С. 99–100]. Следуя этому видению, налоговая льгота представляется более узким понятием, чем понятие налоговой преференция.

Вместе с тем, с точки зрения концептуальной связи с налоговыми преференциями, льготы, сниженные ставки налога, специальные инвестиционные режимы существуют не отдельно, а являются конкретными способами проявления общей идеи — решения значимых государственных социально-экономических задач посредством предоставления налоговых преимуществ хозяйствующим

щим субъектам. В этой связи вышеуказанные элементы преференций по налогам следует рассматривать в качестве форм налоговых преференций.

Новая трактовка преференций по налогам предопределена следующими выявленными особенностями:

- 1) комплексность;
- 2) ориентированность на экономические субъекты;
- 3) территориальный характер;
- 4) широкий спектр целей предоставления.

Если рассматривать налоговые преференции как объект налогового контроля, их особенности определяют необходимость специального подхода к контролю за их применением. Так, комплексность преференций требует учета совокупного влияния налоговых, административных и смешанных элементов на социально-экономическое развитие. Ориентированность на экономические субъекты обуславливает дифференциацию контрольных мероприятий с учетом специфики финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщиков. Территориальный характер требует адаптации инструментов налогового контроля к региональной специфике. Широкий спектр целей предоставления преференций предполагает анализ бюджетной эффективности и оценку их вклада в достижение целевых показателей выполнения государственных программ и социально-экономических целей.

Принимая во внимание вышесказанное, можно сделать вывод о целесообразности содержательного подхода к налоговому контролю применения преференций по налогу на прибыль организаций, основанного на взаимодополнении мероприятий налогового контроля на микро- и макроуровнях налогового администрирования.

Налоговый контроль применения преференций по налогу на прибыль организаций на микроуровне осуществляется Федеральной налоговой службой и ее структурными подразделениями. На этом уровне контроль сосредоточен на проверке правильности расчета налоговых обязательств, корректности учета налоговых льгот, сниженных ставок или других форм преференций. Важным аспектом в этой связи является проверка соответствия финансово-хозяйственной деятельности налогоплательщика законодательно установленным требованиям применения преференций. В этом отношении налоговый контроль обеспечивает выявление случаев фиктивного применения преференций или злоупотребления предоставленными преимуществами. Таким образом, конструктивными задачами налогового контроля на микроуровне является проверка достоверности отчетности, минимизация рисков неправомерного применения преференций, а также обеспечение соблюдения налоговой дисциплины.

На сегодняшний день в Российской Федерации налоговые органы сосредотачиваются на проведении камеральных и выездных проверок, в рамках которых происходит выявление нарушений применения налоговых преференций. Сложившийся инструментальный контроль объясняется тем, что в России налоговая система и, в частности, налоговые органы исторически развивались с акцентом на непосредственный контроль за отдельными налогоплательщиками. Рассматривая ретроспективу моделей налогового контроля в России, Адвоката А.С. отмечает, что на начальном этапе формирования налоговой системы проводимые проверочные мероприятия в значительной степени носили характер принуждения, что выражалось в предъявлении обширных требований к предоставленной налогоплательщиками документации [2, с. 40]. В свою очередь действующая модель налогового контроля носит реактивный характер, позволяя оперативно выявлять налоговые правонарушения и обеспечивая поступление налоговых доходов в бюджеты бюджетной системы, однако зачастую приводит к судебным спорам. Вместе с тем, в последние годы в России наблюдаются попытки развития элементов риск-ориентированного подхода к налоговому контролю применения преференций, что проявляется во внедрении налогового мониторинга для организаций, применяющих преференции.

Представляется необходимым дальнейшее развитие риск-ориентированного подхода в налоговом контроле применения преференций по налогу на прибыль организаций в отношении внедрения критериев оценки рисков нарушений законодательства о налогах и сборах в части преференций.

На макроуровне налоговый контроль включает оценку эффективности применения преференций, которая заключается в анализе влияния инструментов налогового стимулирования на экономический рост, инвестиционную и инновационную активность и региональное развитие. Важно понимание, способствуют ли та или иная преференции достижению целевых показателей социально-экономического развития. Также оценка эффективности необходима, поскольку ее результаты обеспечивают информационную базу для разработки основных направлений налоговой политики. В этой связи субъектами контроля на макроуровне выступают Министерство экономического развития РФ и Министерство финансов РФ.

Вместе с тем, в практическом отношении вопросы оценки эффективности налоговых льгот и преференций остаются актуальными. Это подтверждается данными экспертно-аналитического отчета о налоговых расходах за 2019–2023 годы [4, с. 2]. В отчете указано, что из 145 налоговых расходов, включенных в перечень Российской Федерации на 2020–2022 годы, лишь 69 подлежат

оценке эффективности, для которой разработано 19 методик. Такая ситуация указывает на низкий уровень стандартизации и системности в методиках анализа инструментов налогового стимулирования, что, в свою очередь, ограничивает возможности их рационального использования. Из существующих методик для оценки эффективности преференций по налогу на прибыль организаций наиболее релевантной является методика оценки налоговых расходов, связанных с применением особого режима осуществления предпринимательской деятельности на территории особых экономических зон, предложенная Минфином России. Оценка выпадающих доходов бюджета является распространенным подходом к оценке эффективности налоговых льгот, но ограничивающим объективность оценки действительного экономического эффекта от их предоставления. В этой связи применение подхода к оценке эффективности, учитывающего выявленные особенности преференций по налогам, позволит сформировать более объективную картину результативности преференций по налогу на прибыль организаций, а также обеспечить достижение стратегических целевых ориентиров экономического развития.

Многоуровневый характер налогового контроля применения преференций по налогу на прибыль организаций детерминирует необходимость дополнительных учитывающих специфику контроля преференций по налогам принципов, которые в свою очередь имеют целевую установку обеспечения результативности контрольных мероприятий. Первоначально традиционные принципы налогового контроля и, в частности, принципы налогового контроля за правильностью исчисления налога на прибыль организаций, сгруппированы их в соответствии с критерием целесообразности их применения в рамках организационно-правового, информационно-аналитического и оценочно-целевого блоков. Представленные блоки принципов дополняются принципом отраслевого контроля, принципом согласованности действий налоговых органов с другими государственными органами, принципом оценки рисков и принципом оценки эффективности преференций. Дополнительные принципы в совокупности с общими принципами налогового контроля следует считать основой для контрольных мероприятий налоговых органов, направленных на проверку соблюдения налогового законодательства в части применения преференций по налогу на прибыль организаций.

Вместе с тем результаты анализа действующего инструментария контроля на микро- и макроуровне позволяют сделать вывод об отсутствии комплексной концепции налогового контроля за применением преференции по налогу на прибыль организаций, нацеленной на повышение результативности налогового администрирования. Более того, контрольные мероприятия

в отношении проверки правомерности преференций по налогу на прибыль организаций не учитывают риски нарушений законодательства, ведь минимизация рисков является эффективным способом снижения нагрузки на налоговые органы за счет сокращения налоговых проверок добросовестных налогоплательщиков.

Риски государства возникают как на микроэкономическом, так и на макроэкономическом уровне налогового контроля. Например, на микроуровне связаны с влиянием налоговых преференций на экономический рост и устойчивость бюджетной системы. Макроэкономически необоснованное предоставление преференций может привести к выпадающим доходам бюджета, снижению эффективности налоговой политики и диспропорциям в распределении налоговой нагрузки между отраслями и регионами. Такой подход к классификации рисков неправомерного применения налоговых преференций основан на специфике институциональной и поведенческой среды налоговых правонарушений, системный анализ которой позволил выявить ключевые макроэкономические и микроэкономические уязвимости государства в части предоставления преференций как инструментов налогового стимулирования.

В результате проведенного анализа для целей совершенствования налогового контроля за применением преференций по налогу на прибыль организаций предлагается включить в концепцию повышения налогового контроля следующие структурные направления: 1) развитие аналитического инструментария для контроля правомерности применения преференций по налогу на прибыль организаций; 2) развитие оценки макроэкономической обоснованности преференций по налогу на прибыль организаций.

Так, развитие аналитического инструментария для контроля правомерности применения преференций по налогу на прибыль организаций включает разработку критериев оценки налоговых рисков. Предлагается включение следующих критериев оценки рисков, которые могут быть рассчитаны по данным налоговой отчетности за один налоговый период:

- некорректное декларирование признака получателя преференции;
- высокая доля внереализационных доходов в структуре доходов;
- недостаточный объем расходов, связанных с выполнением условий применения налоговых преференций, в структуре расходов;
- несоответствие структуры доходов и расходов характеру налоговых преференций;
- недостаточность объема капитальных вложений для применения налоговых преференций в рамках специальных инвестиционных режимов;

- сумма налоговых преференций в общей сумме исчисленного налога на прибыль организаций превышает среднее значение по отрасли;
- применение налоговых преференций налогоплательщиком при отсутствии или низкой прибыли (убытке);
- несоответствие объема налоговых преференций и выручки по основной деятельности налогоплательщика.

При этом для каждого критерия оценки риска предусматривается система начисления баллов. Балльная оценка в свою очередь зависит от степени отклонения от установленных пороговых значений для каждого критерия. Таким образом, предложенные критерии оценки рисков позволяют классифицировать организации по шести уровням риска: очень низкий, низкий, ниже среднего, средний, высокий и очень высокий. Выбранный диапазон уровней риска предполагает осуществление дифференцированного подхода в выборе инструментов налогового контроля, который предусматривает сосредоточение внимания на организациях с высоким и очень высоким уровнем риска, снижая интенсивность контрольных мероприятий для налогоплательщиков с низкими рисками нарушений законодательства в части преференций по налогу на прибыль организаций. Так, описанный выше подход к развитию аналитического инструментария на микроуровне ориентирован на повышение результативности налогового контроля за счет совершенствования механизма риск-анализа и расширения аналитических возможностей автоматизированной информационной системы контроля.

Второе структурное направление концепции нацелено на развитие оценки макроэкономической обоснованности преференций по налогу на прибыль организаций. Как правило, оценка эффективности исходит из трех ключевых критериев: экономическая, социальная и бюджетная эффективность. Эти элементы являют-

ся базой для анализа эффективности инструментов налогового стимулирования, поскольку они обеспечивают всестороннюю оценку их воздействия на экономические и социальные процессы. Вместе с этим специфика преференций обуславливает содержательные особенности методического подхода к оценке эффективности, которые требуют оценки эффективности от сочетания нескольких преференций в рамках специальных инвестиционных режимов.

В этой связи необходимо учитывать комплексное применение налогоплательщиком различных налоговых и административно-налоговых инструментов, которые имеют место быть в рамках специальных инвестиционных режимов. Вместе с тем, контексте рассматривается не только их наличие, но и характер их взаимодействия. Некоторые инструменты способны усиливать общий экономический эффект, тогда как другие могут его снижать или даже приводить к снижению налоговых поступлений или созданию условий для нелегитимной налоговой оптимизации. Более того, следует анализировать долгосрочные эффекты от налоговых преференций в целях оценки их влияния на бюджетную устойчивость, инвестиционную активность и экономический рост.

Подводя итог, можно сделать вывод, что представленная концепция повышения результативности налогового контроля направлена на развитие налогового контроля как компоненты налогового администрирования, обеспечивающей выявление рисков нарушений законодательства в части преференций на микроуровне и целостную оценку воздействия налоговых преференций на социально-экономическое развитие государства на макроуровне. Приведенные инструменты, ожидается, с одной стороны, сократят административно-налоговую нагрузку на добросовестных налогоплательщиков, и с другой стороны, способствуют повышению налоговых доходов бюджетов бюджетной системы и создадут условия для устойчивого экономического роста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авдеева, В.М. Налоговые преференции как объект налогового контроля: терминологический аспект / В.М. Авдеева // Инновационное развитие экономики. — 2024. — № 3(81) — С. 97–102.
2. Адвокатова, А.С. Налоговый контроль в условиях модификации отношений налоговых органов и налогоплательщиков: специальность 08.00.10 «Финансы, денежное обращение и кредит»: диссертация на соискание ученой степени кандидата экономических наук / Адвокатова Алена Станиславовна; Финансовый университет. — Москва, 2019. — 227 с. — Библиогр.: с. 170–192.
3. Майбуров И.А. Налоговые льготы. Теория и практика применения: монография для магистрантов, обучающихся по программам направления «Финансы и кредит» — М.: ЮНИТИДАНА, 2014. — 201 с.
4. Отчет о результатах экспертно-аналитического мероприятия «Исследование деятельности кураторов налоговых расходов по осуществлению оценки эффективности налоговых расходов в 2019–2022 годах и истекшем периоде 2023 года (в части льгот, преференций и освобождений, установленных законодательством Российской Федерации по налогу на прибыль организаций, налогу на добавленную стоимость и налогу на добычу полезных ископаемых)». — URL: <https://ach.gov.ru/upload/iblock/985/sdxt2rejx3igowdrvfjq5u2tcngvs39d.pdf> (дата обращения: 15.03.2025).

РЕИНЖИНИРИНГ КАК ЭФФЕКТИВНЫЙ ИНСТРУМЕНТ В МЕНЕДЖМЕНТЕ

REENGINEERING AS AN EFFECTIVE TOOL IN MANAGEMENT

V. Avdeeva

Summary. The article is devoted to a topic that is relevant today. This is the application of reengineering. It is considered as an effective tool in management. Various approaches to the definitions of engineering and reengineering are presented. Reengineering is considered as a strategic tool in management, which is aimed at acquiring competitive advantages of business and increasing the efficiency of the enterprise. Comparative characteristics of the process of improvement and reengineering of business are presented. Three main categories of «beacons» are highlighted. They can signal the need to develop activities within the framework of reengineering. They are a loss of competitive positions, a decrease in loyalty and involvement of personnel, a discrepancy between the ambitious plans of the enterprise management and the capabilities of the organization. The technology for conducting the reengineering process is presented. The need to develop a development strategy that takes into account many factors is determined. These factors are the rapid development of modern technologies, the constantly changing needs of society; the availability of time and funds necessary and sufficient to implement changes. The main forms of reengineering are considered.

Keywords: innovation, management, reengineering, enterprise, employee, strategy, efficiency.

Авдеева Виктория Николаевна

кандидат наук государственного управления,
Федеральное Государственное бюджетное
образовательное учреждение высшего образования
«Луганский государственный университет
имени Владимира Даля»
v_avdeeva26@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной на сегодняшний день теме реинжиниринга на предприятии, который рассматривается как эффективный инструмент в менеджменте. Представлены различные подходы к дефинициям инжиниринг и реинжиниринг. Рассмотрен реинжиниринг как стратегическое средство в менеджменте, направленное на приобретение конкурентных преимуществ бизнеса и повышение эффективности деятельности предприятия. Представлена сравнительная характеристика процесса совершенствования и реинжиниринга бизнеса. Выделены три основные категории «маяков», которые могут сигнализировать о необходимости разработки мероприятий в рамках реинжиниринга, среди которых: потеря конкурентных позиций, снижение лояльности и вовлеченности персонала, несоответствие амбициозных планов руководства предприятия возможностям организации. Представлена технология проведения процесса реинжиниринга. Определена необходимость разработки стратегии развития, которая учитывает множество факторов, а именно: стремительное развитие современных технологий; постоянно изменяющиеся потребности общества; наличие времени и средств, необходимых и достаточных для внедрения изменений. Рассмотрены основные формы реинжиниринга.

Ключевые слова: менеджмент, реинжиниринг, предприятие, сотрудник, стратегия, управление, эффективность.

Современные условия, в которых субъектам хозяйствования приходится осуществлять свой бизнес, могут быть охарактеризованы постоянными изменениями во внешней и внутренней среде, увеличением стоимости ресурсов, инфляцией, диджитализацией и рисками. Под влиянием этих факторов усложняется процесс ведения хозяйственной деятельности и падает инновационная активность.

Значение проведения последней на постоянной основе сложно переоценить, поскольку бизнес, который внедряет инновации и делает это быстрее, чем остальные, имеет ряд преимуществ. Поскольку мы живем в эпоху стремительного развития новых технологий, внедрение инноваций можно идентифицировать со стратегической игрой на опережение, которая призвана помочь бизнесу не просто выжить и преуспеть, но и быть лидером. В случае, если нововведения на предприятии не внедряются, то в перспективе оно может сдать свои

позиции, стать нерентабельным и уйти с рынка. В этой связи объективно возникает потребность в разработке и внедрении инновационных подходов во всех сферах деятельности, в том числе и в менеджменте.

Исследованиям реинжиниринга посвящали свои работы многие зарубежные и отечественные ученые: М. Аистова, Ф. Гуйяр, Т. Давенпорт, В. Кравченко, И. Мазур, Д. Нелли, Е. Ойхман, Б. Райзберг, М. Робсон, Ф. Уллах, М. Хаммер, Д. Харрингтон, В. Шапиро, Д. Шорт, Д. Чампи и т.д.

Концепция реинжиниринга берет свое начало в теориях управления, разработанных еще в девятнадцатом веке. Цель реинжиниринга — сделать все процессы лучшими. В 1880-х годах Фредерик Тейлор предположил, что менеджеры могут обнаружить лучшие процессы для выполнения работы и реинжиниринговать их для оптимизации производительности [7,10]. Во времена Тейло-

ра специализация была передовым методом повышения эффективности с учетом технологий того времени. В начале 1900-х годов Анри Файоль создал концепцию реинжиниринга: «Вести предприятие в направлении его целей, стремясь извлечь оптимальную выгоду из всех доступных ресурсов». Хотя технологические ресурсы нашей эпохи изменились, эта концепция все еще актуальна. Примерно в то же время другой бизнес-инженер, Линдалл Урвик, заявил: «Недостаточно возлагать на людей ответственность за определенные действия, необходимо также делегировать им необходимые полномочия для выполнения этой ответственности» [7,10]. Это предупреждение предсказывает идею расширения прав и возможностей работников, которая является центральной в реинжиниринге.

Авторами термина «реинжиниринг» являются американские ученые Майкл Хаммер и Джеймс Чампи. При этом они подразумевали фундаментальное переосмысление и радикальную перестройку бизнес-процессов для достижения значительных улучшений в важнейших современных показателях производительности, таких как стоимость, качество, сервис и скорость [1-3].

В. Гончаров под реинжинирингом подразумевает механизм, обеспечивающий изменение организации и реализации основных направлений деятельности предприятия на основе анализа и оптимизации текущих работ. Он выделяет две составляющие механизма: диагностическую и оптимизационную, а именно предварительную диагностику выполняемых работ и последующее их перепроектирование [5].

Б. Райзберг и его единомышленники считают, что реинжиниринг — это специально разработанный инструмент, призванный помочь в обстоятельствах, требующих масштабных изменений, которые не могут обеспечить используемые на предприятии бизнес-процессы [2,6].

Другие авторы считают, что реинжиниринг — это процесс проведения мероприятий, позволяющих организации по-новому оценить собственные возможности в реализации главных целей своего бизнеса. При этом отмечают, что способ кардинальной перестройки бизнес-процессов в компании протекает с кардинальными качественными изменениями в деятельности конкретного предприятия, отмечаемыми элементами ресурсной, кадровой, производственной, маркетинговой, финансовой, логистической, информационной, экологической составляющих организационно-экономического механизма предприятия и включающих адаптацию бизнеса к изменяющейся рыночной ситуации [9,13].

Согласно экономическому словарю, инжиниринг — одна из форм международных коммерческих связей в сфере науки и техники, основное предназначение кото-

рой заключается в предоставлении услуг по доведению научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок до стадии производства; это процесс оздоровления предприятий, фирм, компаний посредством подъема инжиниринга на новый уровень. Под реинжинирингом подразумевается деятельность по модернизации ранее реализованных технических решений на действующем объекте [11].

Таким образом, можно констатировать наличие множества взглядов к дефиниции рассматриваемого термина, которые имеют как общие признаки, так и в некоторых моментах противоречивые суждения. Однако, можно обобщить вышеизложенное, и сделать вывод о том, что под реинжинирингом можно подразумевать процесс применения инновационных разработок в технических, производственных и управленческих сферах ведения бизнеса, которые наилучшим образом способствуют предприятию и его сотрудникам адаптироваться к изменениям.

Использование реинжиниринга может значительно улучшить существующие бизнес-процессы. Для этого необходимо оперативно выявить необходимость и осознать целесообразность проведения изменений. Внедрение реинжиниринга охватывает организации всех размеров и отраслей. Его цель — оптимизировать рабочие процессы, исключить ненужные элементы и улучшить использование ресурсов для оптимизации эффективности и результативности [7,10]. Необходимо понимать, что реинжиниринг не применяется в случаях, когда предполагается лишь некоторое улучшение или увеличение показателей деятельности компании. В этом случае используются методы, которые не связаны со значительным риском. Реинжиниринг целесообразно применять в случаях, когда необходимо достичь стремительного роста показателей результативности предприятия, которые достигаются с помощью замены старых методов в управлении новыми. В таблице представим различия между совершенствованием и реинжинирингом бизнеса.

При этом можно выделить три основные категории «маяков», которые могут сигнализировать о необходимости разработки мероприятий в рамках реинжиниринга. Во-первых, это потеря конкурентных позиций, что может быть, например, следствием несоответствия цены, качества и ассортимента ожиданиям потребителей. Во-вторых, это снижение лояльности и вовлеченности персонала, которые приводят к росту выбытия персонала и текучести кадров. В-третьих, речь может идти об амбициозных планах в части наращивания или расширения бизнеса, когда прежние методы, которые в прошлом рекомендовали себя как эффективные, в настоящее время не приносят желаемых результатов.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика совершенствования и реинжиниринга бизнеса [5,7]

Параметр	Совершенствование	Реинжиниринг
Уровень изменений	Наращиваемый	Радикальный
Начальная точка	Существующий процесс	«Чистая доска»
Частота изменений	Непрерывно/единовременно	Единовременно
Длительность изменений	Малая	Большая
Направление изменений	Снизу вверх	Сверху вниз
Охват	Узкий — на уровне функций (функциональный подход)	Широкий — межфункциональный
Риск	Умеренный	Высокий
Основное средство	Стратегическое управление	Информационные технологии
Тип изменений	Изменение корпоративной культуры	Культурный/структурный

На рисунке 1 представим технологию проведения процесса реинжиниринга. Реализация мероприятий в представленной последовательности позволит организованно и осмысленно подойти к этому процессу и значительно улучшить показатели деятельности предприятия, а именно производительность, эффективность и конкурентоспособность.

Но для того, чтобы добиться поставленных целей, следует определиться с формой реинжиниринга. В литературе преимущественно выделяют три различные формы: совершенствование существующих процессов, эволюционный реинжиниринг и революционный реинжиниринг [6,7].

Однако, прежде чем применить на каком-либо предприятии реинжиниринг целесообразным считается выстроить стратегию развития, учитывая множество факторов. К ним можно отнести: стремительное развитие современных технологий и информационных систем; постоянно изменяющиеся потребности общества; наличие времени и средств, необходимых и достаточных для внедрения изменений.

Также успешное внедрение реинжиниринга требует грамотных и сильных руководителей с соответствующими профессиональными компетенциями, которые смо-

Рис. 1. Технология проведения процесса реинжиниринга

гут не только продуцировать идеи, но и предоставить необходимые ресурсы и поддержку. Кроме того, руководителям организаций необходимо уделять достаточно внимания персоналу, чтобы смягчить их сопротивление изменениям, которые внедряются на предприятии, и быть уверенными в том, что лояльность сотрудников на достаточно высоком уровне.

Зачастую профессионально грамотное руководство делает всё возможное, чтобы оптимизировать каждый аспект деятельности, но всё равно не может искоренить неэффективные элементы. Это происходит, когда фундаментальный элемент начинает работать неправильно. Поэтому положительный эффект не будет достигнут до тех пор, пока слабое звено не будет выявлено и не будет устранена проблема.

Реинжиниринг дает организациям возможность улучшить показатели и характеристики своей деятельности. Прежде всего, он помогает компаниям синхронизировать свои процессы со стратегическими целями и бизнес-целями. Переосмыслив методы выполнения задач и сосредоточившись на тех видах деятельности, которые приносят максимальную ценность, организации могут обеспечить рациональное распределение ресурсов для поддержки своих стратегических приоритетов

Во-вторых, это повышение эффективности работы предприятия. Как мы уже обозначили выше, реинжиниринг фокусируется на радикальном перепроектировании процессов, который приводит к оптимизации производства. Это способствует более эффективному использованию ресурсов и, как правило, сокращению времени цикла. Устранение лишних действий, автоматизация рутинных задач и оптимизация распределения ресурсов способствуют сокращению затрат и наращиванию экономии для компаний. Таким образом, предприятия могут добиться большего результата с меньшими затратами, что способствует увеличению эффективности.

В-третьих, речь идет о стабильном конкурентном преимуществе в своей сфере, которое достигается за счет значительных улучшений в деятельности, управлении качеством и удовлетворении потребностей клиентов.

В-четвертых, наблюдается повышение качества товаров и услуг. Стандартизация процессов с учетом выявленных ошибок и их устранение, а также внедрение

современных методов производства и контроля качества продукции позволяют предлагать клиентам более качественные товары, что, в свою очередь, способствует увеличению их удовлетворенности и лояльности

Также стоит подчеркнуть, что реинжиниринг помогает сократить время выхода новых товаров и услуг на рынок за счет оптимизации разработки, производства и доставки продукции. Уменьшая время цикла и повышая гибкость, компании могут быстрее реагировать на изменения в спросе.

Кроме того, среди его преимуществ — и повышение степени удовлетворенности клиентов, так как реорганизация процессов сосредоточена на создании продукции, которая имеет для потребителей большую ценность и полезность. Это, в свою очередь, способствует повышению лояльности клиентов и расширению клиентской базы.

Таким образом, если организация стремится к новым достижениям, ей не следует придерживаться привычных методов, — утверждает Майкл Хаммер в своей знаменитой статье «Реинжиниринг: не автоматизируйте — уничтожайте», опубликованной в журнале *Harvard Business Review* [13,15]. Это утверждение стало основным принципом реинжиниринга — процесса, требующего нестандартных и смелых решений, которые могут быть жесткими и бескомпромиссными [14,17].

Реинжиниринг имеет не только достоинства. На его счету ряд «побочных» явлений и рисков. Прежде всего, если стратегия будет разработана неграмотно или акценты расставлены неверно, компания может столкнуться с серьезными потерями или даже банкротством. Во-вторых, возможно сокращение подразделений и численности сотрудников, которое может быть вызвано оптимизацией организационной структуры. Или предъявление сотрудниками новых, более высоких стандартов в связи с изменениями в производственных процессах, что может вызвать текучесть кадров, саботаж и увеличение социальной напряженности в коллективе. Этот список можно продолжать.

Поэтому перед внедрением любых изменений важно тщательно оценить все достоинства и недостатки, проанализировать свои перспективы и возможности, а также максимально учесть все возможные риски.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баринов, В.А. Реинжиниринг: сущность и методология / В.А. Баринов // *Главный механик*. — 2016. — № 1. — С. 29–38. — EDN WHHJAT.
2. Баринов, В.А. Идентификация факторов, сдерживающих повышение эффективности инжиниринговых услуг / В.А. Баринов, В.Р. Пиримова // *Экономика и управление: проблемы, решения*. — 2017. — Т. 2, № 8. — С. 45–50. — EDN ZELOJV.
3. Герасимов, Б.Н. Реинжиниринг процессов организации: монография / Б.Н. Герасимов. — Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2025. — 256 с. — (Научная книга). — ISBN 978-5-9558-0518-4. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.ru/catalog/product/2188296> (дата обращения: 11.03.2025). — Режим доступа: по подписке.

4. Герасимов, К.Б. Управление процессом реализации проектов по реинжинирингу бизнес-процессов / К.Б. Герасимов // Научный журнал НИУ ИТМО. Серия: Экономика и экологический менеджмент. — 2023. — № 3. — С. 60–69. — DOI 10.17586/2310-1172-2023-16-3-60-69. — EDN BEYZHS.
5. Гончаров В.Н., Коваленко Е.В. Совершенствование организации инновационной деятельности на предприятии // Организатор производства. 2010. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovershenstvovanie-organizatsii-innovatsionnoy-deyatelnosti-na-predpriyatii> (дата обращения: 10.03.2025).
6. Златкина Алла Александровна, Гегечкори Евгений Трдатович. Методология реинжиниринга бизнес-процессов и типовые приемы её применения // ОНВ. 2016. №1 (145). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metodologiya-reinzhiniringa-biznes-protsessov-i-tipovye-priemy-eyo-primeneniya> (дата обращения: 18.03.2025).
7. Королёв Г.В., Баринов В.А. Реинжиниринг бизнес-процессов как инструмент успешного ведения бизнеса // Бюллетень науки и практики. 2019. №12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/reinzhiniring-biznes-protsessov-kak-instrument-uspeshnogo-vedeniya-biznesa> (дата обращения: 18.03.2025).
8. Лесина, Т.В. Эффективность реинжиниринга. Финансовые и нефинансовые показатели для оценки / Т.В. Лесина // Вестник НГИЭИ. — 2017. — № 4(71). — С. 129–136. — EDN YLGAGH.
9. Организационное проектирование: реорганизация, реинжиниринг, гармонизация: учебное пособие / С.А. Лочан, Л.М. Альбитер, Ф.З. Семенова, Д.С. Петросян; под ред. Д.С. Петросяна. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 196 с. — (Высшее образование: Магистратура). — DOI 10.12737/19670. — ISBN 978-5-16-011880-2. — Текст: электронный. — URL: <https://znanium.com/catalog/product/1905135> (дата обращения: 11.03.2025). — Режим доступа: по подписке.
10. Подлесных Виктор Иванович. Сущность и содержание реинжиниринга // Научно-технический вестник информационных технологий, механики и оптики. 2001. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/suschnost-i-soderzhanie-reinzhiniringa> (дата обращения: 19.03.2025).
11. Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. 2-е изд, испр. Москва: ИНФРА-М, 1999. — 479 с.
12. Уфимцева, С.Н. Методика реинжиниринга бизнес-процессов организации / С.Н. Уфимцева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 11 (406). — С. 183–185. — URL: <https://moluch.ru/archive/406/89521/> (дата обращения: 18.03.2025).
13. Хэ, Гучжэни. Реинжиниринг бизнес-процессов предприятия / Гучжэни Хэ. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2022. — № 17 (412). — С. 124–127. — URL: <https://moluch.ru/archive/412/90770/> (дата обращения: 13.03.2025).
14. Чумаченко, Г.В. Инновационные технологии в маркетинге персонала: использование бенчмаркинга в условиях корпоративной коллаборации / Г.В. Чумаченко, Р.И. Литвин // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2023. — № 4(70). — С. 119–122. — EDN GVCOCV.
15. Чупров, К.К. Стандарт IDEF-инструмент реинжиниринга бизнес-процессов / К. К. Чупров // Консультант директора. 2003. № 15. С. 13.
16. Чупров, К.К. Методика распознавания организационных кризисов и обусловленность применения реинжинирингового подхода к управлению организационными кризисами К.К. Чупров // Консультант директора. 2003. № 24.
17. Шова, Н.А. Экономические критерии обоснования совершенствования организационных структур управления / Н.А. Шова, Г.В. Чумаченко // Вестник Луганского государственного университета имени Владимира Даля. — 2023. — № 4(70). — С. 133–136. — EDN ВСУТҮА.

© Авдеева Виктория Николаевна (v_avdeeva26@mail.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ ВНУТРЕННЕГО КОНТРОЛЯ В МЕДИЦИНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЯХ РОССИИ И ИРАКА

FEATURES OF INTERNAL CONTROL IN MEDICAL ORGANIZATIONS OF RUSSIA AND IRAQ

*Alshaluhi Ali Hamad Jwaid
Hasan Talib Hashim*

Summary. The article is devoted to the study of the implementation of internal control in hospitals in Russia and Iraq. Key aspects such as the goals and objectives of internal control, legal regulation, organizational structure and methods of control, technological support, as well as the level of transparency and reporting are considered. The analysis shows that in Russia the internal control system is more developed due to the regulatory framework, automation of processes and strict reporting requirements. At the same time, internal control in Iraq is at a basic level, which is due to political and economic instability, shortage of personnel and resources. The main problems and risks typical for internal control in both countries are also identified.

Keywords: internal control, Russian hospitals, Iraqi hospitals, legal regulation, financial reporting, control automation, transparency and accountability, risks and problems, healthcare, comparative analysis.

Альшалухи Али Хамад Жваид

*Аспирант, Казанский Федеральный Университет
alihatamadalshami@gmail.com*

Хасан Талиб Хашим

*Аспирант, Южный технический университет;
Технический колледж Ду-Кар
Hasan.alkhafaji@stu.edu.iq*

Аннотация. Статья посвящена изучению реализации внутреннего контроля в больницах России и Ирака. Рассматриваются ключевые аспекты, такие как цели и задачи внутреннего контроля, нормативно-правовое регулирование, организационная структура и методы осуществления контроля, технологическое обеспечение, а также уровень прозрачности и отчетности. Анализ показывает, что в России система внутреннего контроля более развита благодаря нормативной базе, автоматизации процессов и строгим требованиям к отчетности. В то же время в Ираке внутренний контроль находится на базовом уровне, что обусловлено политической и экономической нестабильностью, дефицитом кадров и ресурсов. Также выявлены основные проблемы и риски, характерные для внутреннего контроля в обеих странах.

Ключевые слова: внутренний контроль, больницы России, больницы Ирака, нормативно-правовое регулирование, финансовая отчетность, автоматизация контроля, прозрачность и подотчетность, риски и проблемы, здравоохранение, сравнительный анализ.

Введение

Внутренний контроль является ключевым управленческим механизмом, который имеет значительные последствия для этических, ответственных, эффективных и результативных организационных процессов и результатов. Он представляет собой непрерывный процесс проверки управления, сравнивающий поведение, действия и результаты со стандартами или ожиданиями, основанными на соответствующих индексах, для улучшения процессов и эффективности организации. Внутренний контроль также может помочь в случаях, когда организационные механизмы контроля не в состоянии обнаружить и стимулировать немедленное улучшение того или иного процесса или результата, тем самым способствуя большей согласованности между действиями членов организации и желаемым направлением и целями организации в целом. Более того, данные, полученные в результате внутреннего контроля, могут способствовать позитивным изменениям. Выявляя несоответствие между желаемыми целями и реальностью и анализируя его последствия, внутренний контроль может быть мощным средством для улучшения результатов работы в организациях и разработки более безопасных и надежных систем движения финансовых средств.

Актуальность темы внутреннего контроля в больницах России и Ирака обусловлена необходимостью эффективного управления финансовыми ресурсами в сфере здравоохранения, особенно в условиях ограниченности бюджетного финансирования и возросшего спроса на медицинские услуги. Внутренний контроль играет ключевую роль в обеспечении прозрачности и подотчетности использования средств, что важно для повышения качества медицинских услуг, предотвращения коррупции и злоупотреблений. В России данная тема актуальна в контексте оптимизации государственных расходов и соблюдения стандартов государственного страхования, а для Ирака — в свете восстановления инфраструктуры и создания эффективной системы управления в условиях экономической и политической нестабильности. Сравнительное изучение методов и практик контроля в этих странах позволяет выявить лучшие практики и возможные пути улучшения финансового контроля в системе здравоохранения.

Материалы и методы исследования

При написании данной работы были проанализированы статьи и монографии ряда авторов, освещающих вопросы организации внутреннего контроля в меди-

цинских организациях России и Ирака, также было проведено комплексное исследование, выявлены важные закономерности и предложены рекомендации по улучшению внутреннего финансового контроля в больницах России и Ирака.

Результаты и обсуждение

Внутренний контроль может быть определён как перманентное системно-организованное наблюдение за ведением финансово-хозяйственной деятельности на всех уровнях и в рамках всех подразделений учреждения с целью определения возможностей роста эффективности финансово-хозяйственной деятельности, устранения причин и условий, способствующих возникновению хищений и бесхозяйственности. Он ориентирован на обеспечение соблюдения национального законодательства в области финансовой деятельности учреждения, повышение качества ведения бухгалтерского учета и эффективности расходования бюджетных средств [7, с. 46].

Система внутреннего контроля представляет собой процесс, осуществляемый руководством и сотрудниками организации с целью обеспечения эффективности и прозрачности управления, соблюдения нормативных требований и защиты активов от рисков, включая мошенничество и злоупотребления [4]. В контексте медицинских учреждений, таких как больницы, система внутреннего контроля направлена на контроль за расходованием средств, соблюдение стандартов бухгалтерского учета и обеспечение высокого уровня финансовой подотчетности [8]. Указанная система включает в себя механизмы мониторинга, регулярные проверки, управление рисками, организацию документооборота, оценку эффективности операций, а также соблюдение этических стандартов и законов. Внутренний контроль охватывает все уровни управления и основывается на четко распределенных обязанностях и систематизированных процедурах, что помогает предотвращать ошибки, минимизировать риски и обеспечивать прозрачность всех финансовых операций [2, с. 89].

Внутренний контроль как один из управленческих процессов, направлен на решение таких задач, как повышение уровня эффективности расходования средств в процессе деятельности учреждения, обеспечение сохранности всех активов учреждения, а также соблюдение всех официальных требований регуляторов и представление достоверной отчетности в рамках бухгалтерского учета [11]. Соответственно, развивая данную мысль, можно отметить, что он ориентирован на достижение организационных целей, предотвращение отклонений от норм, правил и задач, минимизацию рисков посредством обеспечения корректного учета и контроля.

Специалисты отмечают, что системы внутреннего контроля используются в качестве инструментов управ-

ления в финансовом менеджменте [6, с. 185]. Также в литературе отмечено, что существует положительная взаимосвязь между системой внутреннего контроля и операционными финансовыми показателями, полученными по результатам работы медицинских организаций [5, с. 43]. Мы согласны с данным высказыванием, поскольку в настоящее время совершенно очевидно, что внутренний контроль имеет огромное значение для организаций здравоохранения: они могут работать достаточно эффективно, если методика внутреннего контроля будет должным образом внедрена в их повседневную деятельность. Однако организация внутреннего контроля зависит от ряда факторов, а реализация его целей и задач — от инструментария, который при этом применяется.

На основе всего вышесказанного интересным представляется необходимым рассмотрение особенностей организации внутреннего контроля в российских и зарубежных медицинских организациях для того, чтобы сравнить уровень эффективности данного процесса. Проведем сравнение организации внутреннего контроля в медицинских организациях России и Ирака.

Организация внутреннего контроля в каждой из указанных стран имеет свои особенности, которые обусловлены рядом факторов: социально-экономическими условиями, состоянием системы здравоохранения и уровнями организации здравоохранительных учреждений в этих странах. Общей целью организации системы внутреннего контроля и в Ираке, и в России выступает обеспечение эффективности и прозрачности использования финансовых ресурсов, однако подходы к внутреннему контролю в этих странах значительно различаются.

Основные цели внутреннего контроля в российских медицинских организациях включают контроль за использованием бюджетных средств, минимизацию финансовых рисков, соблюдение законодательных требований, а также предотвращение коррупции и мошенничества [10, с. 12]. При этом, очень важно, чтобы внутренний контроль соответствовал требованиям государственной политики в сфере здравоохранения и страховой медицины.

В условиях Ирака первостепенной целью внутреннего контроля выступает предотвращение коррупции, минимизация рисков утечки средств, а также осуществление контроля за соблюдением базовых финансовых процедур. Политическая нестабильность и разрушенная инфраструктура создают условия, в которых главной задачей является обеспечение базового уровня подотчетности и прозрачности для доноров и государственных органов.

Внутренний контроль в медицинских организациях России регламентируется различными федеральными законами и подзаконными актами, такими как Федеральный закон «О бухгалтерском учете» от 06.12.2011 № 402-ФЗ (в ред. от 12.12.2023 N 579-ФЗ) и Федеральный закон «Об аудиторской деятельности» от 30.12.2008 № 307-ФЗ (в ред. 08.08.2024 N 222-ФЗ). Кроме того, специалисты указанных организаций руководствуются множеством методических рекомендаций, изданных Министерством здравоохранения и Минфином России: Приказом Минздрава России от 30.12.2014 N 965 (ред. от 08.08.2017) «Об организации внутреннего финансового контроля в Министерстве здравоохранения Российской Федерации», Приказом Министерства здравоохранения РФ от 31 июля 2020 г. № 785н «Об утверждении Требований к организации и проведению внутреннего контроля качества и безопасности медицинской деятельности», Приказом Минфина России от 07.09.2016 N 356 (ред. от 30.11.2018) «Об утверждении Методических рекомендаций по осуществлению внутреннего финансового контроля» и т.д.

Порядок организации и проведения контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи по обязательному медицинскому страхованию утвержден приказом ФОМС от 28 февраля 2019 г. № 366 и определяет правила и процедуру организации и проведения страховыми медицинскими организациями и фондами обязательного медицинского страхования контроля объемов, сроков, качества и условий предоставления медицинской помощи медицинскими организациями

В Ираке нормативно-правовая база для внутреннего контроля в медицинских организациях остается слабо развитой. Хотя некоторые базовые финансовые нормы установлены Министерством здравоохранения Ирака, их реализация затруднена из-за дефицита квалифицированных кадров и общей нестабильности в стране. В ряде регионов международные организации, такие как Всемирный банк и ВОЗ, поддерживают проекты по восстановлению управления и финансового контроля в больницах.

В медицинских организациях России внутренний контроль, как правило, проводится специализированными финансовыми и бухгалтерскими отделами. В зону их ответственности входит регулярный мониторинг и оценка всех финансовых операций. Основные методы включают регулярные проверки, инвентаризации, анализ отчетности и внутренний аудит. Чаще всего указанные процессы автоматизированы.

В Ираке многие больницы испытывают проблемы с организацией эффективного внутреннего контроля, поскольку инфраструктура и система управления часто

не соответствуют необходимым стандартам [4]. Основной метод контроля — это периодические проверки, которые в некоторых случаях проводятся совместно с международными аудиторами. Электронные системы учета используются редко, что создает дополнительные сложности в отслеживании расходов.

Технологическое обеспечение внутреннего контроля в больницах России активно развивается. Внедряются информационные системы, которые интегрируют учет всех операций, касающихся закупок, выдачи медикаментов, инвентаря и оплаты труда. Автоматизация процессов повышает точность и снижает нагрузку на бухгалтерские отделы. В частности, в крупных медицинских организациях может использоваться интеграция МИС (медицинской информационной системы) и ERP (системы управления ресурсами). Это дает возможность детально контролировать все финансовые потоки.

В Ираке технологическая поддержка внутреннего контроля в больницах остается на низком уровне. Многие учреждения используют бумажные формы отчетности, что затрудняет оперативный контроль за расходами и учет финансовых операций. В некоторых крупных городах внедряются простейшие электронные таблицы, но централизованной системы автоматизации нет, что усложняет контроль и создает высокий риск ошибок и утечек средств.

Внутренний контроль в российских больницах направлен на повышение подотчетности и прозрачности перед государственными органами, в том числе Минздравом и страховыми фондами. Система отчетности строго регламентирована и предполагает регулярное предоставление отчетов. Внутренний контроль подготавливает данные для внешних проверок и улучшает качество финансового менеджмента.

В Ираке уровень подотчетности значительно ниже. Часто больницы ограничены в возможностях по предоставлению полной отчетности из-за дефицита кадров и технических возможностей. Министерство здравоохранения Ирака и международные доноры стремятся повысить уровень прозрачности, но в текущих условиях гарантировать это удается далеко не всегда.

Основные риски для системы внутреннего контроля в России связаны с человеческим фактором, коррупцией, а также региональными различиями в финансировании. В Ираке внутренний контроль находится на базовом уровне и сталкивается с огромными проблемами, связанными с нехваткой кадров, низким уровнем квалификации, политической и экономической нестабильностью, коррупцией и дефицитом ресурсов. Данная ситуация значительно затрудняет проведение эффективного контроля за финансовыми потоками и обеспечивает лишь минимальную подотчетность.

Выводы

Организация внутреннего контроля в медицинских организациях России и Ирака имеет определенные различия: в России более развит и организован благодаря

нормативной базе, автоматизации процессов и строгой подотчетности. В Ираке же система контроля сталкивается с большими проблемами из-за дефицита ресурсов, политической нестабильности и слабого нормативного регулирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Моргунова А.В. Использование хитозана в технологии мясopодуKтоB / А.В. Моргунова // Сборник научных трудов Всероссийского научно-исследовательского института овцеводства и козоводства. — 2015. — Т. 1. — №8. — С. 771–773.
2. Моргунова А.В. Использование хитозана для получения пленкообразующего покрытия колбасных изделий / А. В. Моргунова // Вестник АПК Ставрополя. — 2015. — № 4 (20). — С. 55–58.
3. Ким Г.Н. Барьерные технологии в производстве пресервов высокого качества / Г.Н. Ким // Материалы Шестой международной конференции «Новые перспективы в исследовании хитина и хитозана». — М.: Издательство ВНИРО, 2001. — С. 176–177.
4. Шепило Е.А. Разработка технологии вареных колбасных изделий с использованием гидроколлоидов с модифицированными функциональными свойствами: дис. ... канд. тех. наук: 05.18.04: защищена 22.01.05: утв. 15.07.05 / Шепило Евгения Александровна. — Ставрополь: СевКавГТУ, 2005. — 159 с.
5. Моргунова А.В. Производство колбасных изделий без оболочки с использованием активированных растворов хитозана / А.В. Моргунова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2015. — №12-1. — С. 136–138.
6. Моргунова А.В. Использование хитозана в технологии мясopодуKтоB / А.В. Моргунова // Сборник научных трудов Всероссийского научно-исследовательского института овцеводства и козоводства. — 2015. — Т. 1. — №8. — С. 771–773.
7. Моргунова А.В. Использование хитозана для получения пленкообразующего покрытия колбасных изделий / А.В. Моргунова // Вестник АПК Ставрополя. — 2015. — № 4 (20). — С. 55–58.
8. Ким Г.Н. Барьерные технологии в производстве пресервов высокого качества / Г.Н. Ким // Материалы Шестой международной конференции «Новые перспективы в исследовании хитина и хитозана». — М.: Издательство ВНИРО, 2001. — С. 176–177.
9. Шепило Е.А. Разработка технологии вареных колбасных изделий с использованием гидроколлоидов с модифицированными функциональными свойствами: дис. ... канд. тех. наук: 05.18.04: защищена 22.01.05: утв. 15.07.05 / Шепило Евгения Александровна. — Ставрополь: СевКавГТУ, 2005. — 159 с.
10. Моргунова А.В. Производство колбасных изделий без оболочки с использованием активированных растворов хитозана / А.В. Моргунова // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. — 2015. — №12-1. — С. 136–138.

© Альшалухи Али Хамад Жваид (alihamad@shami@gmail.com); Хасан Талиб Хашим (Hasan.alkhafaji@stu.edu.iq)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РАЗВИТИЕ ИНФРАСТРУКТУРЫ ДЛЯ СДЕЛОК PRE-IPO: ОТ ИНВЕСТИЦИОННЫХ ПЛАТФОРМ ДО БИРЖИ ДЛЯ МСП

DEVELOPING INFRASTRUCTURE FOR PRE-IPO TRANSACTIONS: FROM INVESTMENT PLATFORMS TO SME EXCHANGES

P. Burov

Summary. The presented article characterises the state of pre-IPO market infra-structure and assesses the existing barriers and opportunities for its development. Objective: to systematise the knowledge about the practice, problems and opportunities for the development of infrastructure for pre-IPO transactions in Russia, taking into account national interests and the continuing pressure of international sanctions on the investment market. Methods: the method of analysing regulatory and legal documents, statistical data and scientific literature was used in writing the paper. The method of analysis of regulatory legal acts, scientific literature, and statistical data was used in the research to determine the characteristics of the pre-IPO market infrastructure, to identify the advantages and disadvantages of using different models of market organisation, to identify and analyse gaps in the functioning of the infrastructure and the reasons for their emergence, and to assess the prospects for the development of the pre-IPO market.

Results: the current state of the pre-IPO market infrastructure was studied, the main barriers were identified and ways of its further development were proposed.

Conclusion: at the end of the research the possible ways of development and improvement of the market infrastructure for pre-IPO transactions are proposed.

Keywords: pre-IPO transactions, startups, public finance, stock exchange, infrastructure, innovative development, risks, audit, venture investments, crowdfunding, investment platforms.

Буров Павел Дмитриевич

Финансовый университет при Правительстве РФ;

Начальник управления кредитного анализа

АО «Альфа-Банк», Москва

burov__pavel@mail.ru

Аннотация. В представленной статье изложена характеристика состояния инфраструктуры рынка pre-IPO и дана оценка имеющемуся барьерам и возможностям ее развития. *Цель:* систематизация знаний о практике, проблемах и возможностях развития инфраструктуры для сделок pre-IPO в России с учетом национальных интересов и продолжающегося давления международных санкций на рынок инвестиций. *Методы:* при написании работы использовался метод анализа нормативно-правовых документов, статистических данных и научной литературы. При проведении исследования применялся метод анализа нормативно-правовых актов, научной литературы, а также статистических данных, благодаря которому было осуществлено определение характеристик состояния инфраструктуры рынка pre-IPO, определение преимуществ и недостатков использования различных моделей организации рынка, выявление и анализ пробелов в функционировании инфраструктуры и причин их возникновения и оценка перспектив развития рынка pre-IPO.

Результаты: изучено текущее состояние инфраструктуры рынка сделок pre-IPO, выявлены основные барьеры и предложены пути ее дальнейшего развития.

Вывод: по итогу проведения исследования предложены возможные пути развития и совершенствования инфраструктуры рынка для совершения сделок pre-IPO.

Ключевые слова: сделки pre-IPO, стартапы, публичные финансы, биржа, инфраструктура, инновационное развитие, риски, аудит, венчурные инвестиции, краудфандинг, инвестиционные платформы.

Введение

Продолжающиеся процессы цифровой трансформации национальной экономики России естественным образом активируют работу по институциональной реформации финансово-кредитной системы страны, стимулируя ее к формированию новых моделей устройства и реализации финансовых отношений, что особенно явно проявляется на рынке инвестиционного капитала. Заинтересованность со стороны национального финансового рынка к институциональным преобразованиям имеет под собой достаточно простые и ясные причины: *во-первых*, финансовая система априори не может оставаться «на обочине» в условиях мас-

штабных цифровых перемен в обществе и экономике, напротив, она является одной из песочниц для тестирования синтетических решений, создаваемых финтех-индустрией; *во-вторых*, российский рынок инвестиций после введенных международных санкций испытывает острый голод в мобилизации иностранного капитала и невозможности использования традиционных механизмов привлечения (выведения) инвестиций и капитала; *в-третьих*, растет внутренний спрос со стороны финансового бизнеса и компаний «нового поколения» (т.н. бизнесов-акселераторов) в сфере IT и сопряженных с ней отраслей на скорейшее масштабирование деловой активности, что требует свободных финансовых ресурсов.

Такое положение дел объективно ставит перед финансовым рынком вопрос о необходимости ускоренного развития соответствующей инфраструктуры и регуляторного поля для реализации сравнительно нового как для российского, так и мирового финансового рынка механизма pre-IPO, определяемого в общих чертах, как привлечение инвестиций для выхода бизнеса на публичные торги (акционирование) на ранних стадиях за счет «сбора возмездных пожертвований» (краудинвестинг).

Актуальность темы научного исследования обусловлена сравнительно низкой проработанностью вопросов эффективной организации инфраструктуры для сделок pre-IPO и их регуляции со стороны компетентных органов государственного управления, а также разрозненностью статистики о количестве, структуре и деловой активности уже имеющихся представителей такой инфраструктуры на финансовом рынке. *Цель научной публикации* — систематизация знаний о практике, проблемах и возможностях развития инфраструктуры для сделок pre-IPO в России с учетом национальных интересов и продолжающегося давления международных санкций на рынок инвестиций. *Объектом научного исследования* выступает инфраструктура финансового рынка для сделок pre-IPO, *предметом* — процессы развития инфраструктуры финансового рынка для сделок pre-IPO и ее регуляции.

Материалы и методы исследований

Теоретическую основу научной публикации составили публикации представителей отечественных и зарубежных развития инфраструктуры финансового рынка в условиях глобальной цифровой трансформации, а также национальное законодательство в сфере инвестиций и работы рынка ценных бумаг, в частности: Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» № 39-ФЗ от 22.04.1996 г. (в ред. от 11.03.2024 N 45-ФЗ); Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 № 259-ФЗ (в ред. от 08.08.2024 №263-ФЗ); Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (в ред. от 25.10.2024 № 349-ФЗ).

В процессе подготовки научной публикации в части теоретических и методических исследований применялись *общенаучные методы познания* (анализ, синтез, дедукция, сравнение, научная абстракция, логическое рассуждение, сбор фактов), при подготовке аналитического и экспертного раздела публикации использовались *конкретно-научные методы познания* (статистический анализ, экспертные оценки, графический метод).

Результаты

В мире существуют несколько моделей реализации pre-IPO, и каждая из них предъявляет свои требования к инфраструктуре финансового рынка, а также имеет свои преимущества и недостатки.

1. *Биржевая модель.* Основу инфраструктуры реализации механизма pre-IPO составляет действующая фондовая биржа, которая:
 - выделяет сделки по pre-IPO в отдельный сегмент, устанавливает в отношении их отдельный свод правил, а также подбирает команду управляющих партнеров, специализирующихся именно на таких операциях. Особенностью такого варианта является «несмешиваемость» капиталов на биржевых торгах, возможность для участников отслеживать все процессы сделки;
 - проводит сделки pre-IPO в составе сегмента рынка IPO, но делает специальную отметку о том, что бизнесы находятся на предварительном листинге и биржа не может подтвердить их надежность в долгосрочной перспективе. Такой вариант используется как правило на рынке с активным потоком pre-IPO и накопленным опытом управляющих, которые подтверждают положительную репутацию таких компаний и перспективность сделок pre-IPO. Общие преимущества такой модели выражаются в интеграции регуляторных процессов в уже действующее законодательство и отсутствие необходимости формирования отдельных регуляторных пакетов документов [3; 4].
2. *Банковская модель.* Основу инфраструктуры реализации механизма pre-IPO составляют неолбанки, т.е. максимально полно оцифрованные финансовые организации, которые от своего имени проводят управление сделкой pre-IPO, взамен получая возможность стратегического управления бизнесом, долю в уставном капитале, а также дивиденды. Удобство такого подхода обусловлено наличием у банков лицензий на биржевые операции, собственный капитал и заинтересованность в положительном завершении сделки pre-IPO. Законодательное регулирование как правило применяется действующее, справедливое в отношении биржевых операций [1; 3].
3. *Модель инвестиционных платформ.* Ключевым игроком являются инвестиционные платформы — цифровая версия инвестиционных фондов, работающих в формате краудинвестинга (сбора инвестиционных взносов с неограниченного круга лиц, не являющихся профучастниками рынка ценных бумаг) с целью дальнейшего инвестирования в высокодоходные бизнесы, проекты или финансовые активы. Инвестиционные платформы выполняют роль агрегатора капитала и одно-

временно распорядителя инвестициями своих членов. В РФ имеется два типа платформ: краудлендинговые (занимаются прежде всего заемным финансированием) и краудинвестиционные (целенаправленно осуществляют инвестиционные операции с капиталом своих пайщиков).

Сильной стороной модели является гибкость работы в части мобилизации капитала самых разных групп лиц и бизнесов, в т.ч. физических лиц с минимальными суммами вложений, которые традиционным банкам неинтересны. Также следует отметить гибкость инвестиционной стратегии самой платформы, которая формирует инвестиционный портфель из преимущественно молодых бизнесов, обладающих потенциалом роста. К недостаткам данного типа инфраструктуры следует отнести: отсутствие закрепленных в законодательстве требований к минимальным компетенциям управляющего ИП, несогласованность применимости норм безопасного функционирования ИП по аналогии с банками [2; 4].

4. *Модель DeFi-агентов* — новейший тренд на финансовом рынке, основанный на формировании инфраструктуры децентрализованных финансов на основе технологии блокчейн и применения построенных с ее помощью цифровых финансовых активов. Основными участниками данной модели выступают: эмитенты стейблкоинов, децентрализованные биржи, платформы форсайт-услуг, финтех-компании, предоставляющие займ (инвестиции) в криптовалюте, фарминг-компании. Данная модель обладает значительным потенциалом для развития, т.к. ее участники полностью погружены в применение цифровых финансовых активов, и в целом являются драйверами институциональных изменений на сравнительно новом сегменте рынка pre-IPO. С точки зрения российского законодательства эмиссия цифровых финансовых активов возможна только в информационной системе без обращения к третьему лицу, что позволяет использовать уже существующую инфраструктуру финансового рынка и функцию учета цифровых прав депозитарие, что позволяет применять модель DeFi-агентов хотя бы при минимальном регуляторном участии государства.

Вместе с тем важно понимать, что модель DeFi-агентов опирается на принципы анонимности ее участников и стремление к автономности своей деятельности (генезис самой модели — противопоставление централизованной финансово-вой системе), что несет в себе не только риски для национальных интересов финансовой системы России, но и может способствовать всплеску мошеннических операций с капиталом перспективных бизнесов, в т.ч. попытками его выведения за рубеж и легализации финансов, полученных преступным путем [1; 2].

В рамках аналитического раздела автором была подготовлена таблица, отражающая сводные данные развития инфраструктуры рынка для совершения сделок pre-IPO (таблица 1).

Как следует из приведенных в таблице данных, в целом рынок сделок pre-IPO постепенно набирает обороты, о чем свидетельствует рост как количества совершаемых сделок (в интервале с 2020 по 2024 гг. они увеличились с 3 до 10 ед., или в 3,3 раза, а в стоимостном выражении рост составил 4,16 млрд руб., или более чем 30 раз. Что же касается инфраструктуры для совершения сделок pre-IPO, то здесь следует отметить безусловное лидерство банков и небанковских кредитно-финансовых организаций, на долю которых пришлось от 70 до 80 % всех совершенных сделок, при этом неолбанки как игроки нового поколения пока не проявили повышенного интереса к данному типу инвестиционных операций: согласно рэнкингу лидерами 2024 г. стали Альфа-Банк, Инвестиционный Банк Синара, ВТБ Капитал; среди НКФО (включая неолбанки) — БК Регион, Цифра брокер, Риком-Траст, Ньютон Инвестиции, Юнисервис Капитал, BCS Global Markets.

Активность инвестиционных платформ, на которые возлагаются определенные надежды и в которых видится значительный потенциал участия в таких операциях, пока что достаточно сдержана: из 93 ИП, зарегистрированных в реестре Банка России, на конец 2024 г. только 5 принимали участие в сделках pre-IPO, причем наибольший объем капитала прошел через ИП Rounds: в 2024 г. на ней было совершено 4 сделки с суммой капитала более 900 млн руб. Среди других платформ выделяется работа Zorko (ООО «ПФЛ Новые инвестиции») с привлеченной суммой капитала более 200 млн руб.

Не остаются в стороне и такие институциональные игроки как фондовые биржи: Московская и Санкт-Петербургская, что является естественным процессом расширения сферы своего влияния, т.к. процедура классического IPO непосредственно проходит на бирже. В анализируемом периоде Мосбиржа совершила пробный выход на рынок pre-IPO в 2022 г., а затем объявила о создании собственной платформы для проведения сделок pre-IPO — MOEX START для привлечения капитала российскими непубличными компаниями сроком существования более одного года и объемом выручки от 50 млн рублей за последний отчетный год путем размещения акций по закрытой подписке на базе инфраструктуры Группы «Московская Биржа». Доступ к платформе имеют все участники клиринга Московской биржи на фондовом рынке, получившие положительную оценку от аккредитованного оценщика и сформированным инвестиционным кейсом для инвесторов, включающим планы публичного размещения. По данным на начало 2025 г. было осуществлена pre-IPO сделка с участием

Таблица 1.

Сводные данные о развитии инфраструктуры рынка для совершения сделок pre-IPO за 2019–2024 гг.

Показатели	2020 г.	2021 г.	2022 г.	2023 г.	2024 г.
<i>Справочная информация:</i>					
— количество сделок pre-IPO, ед.	3	9	1	8	10
— стоимость совершенных сделок pre-IPO, млрд. руб.	0,14	0,31	2,1	4,95	4,3
1. Общее количество инвестиционных платформ, ед. <i>В том числе:</i>	20	31	54	84	93
— принявшие участие в сделках pre-IPO	1	2	3	4	5
— объем операций с долевыми ценными бумагами, совершенными с участием инвестиционных платформ, млн руб.	0,2	0,5	3,9	4,5	6,9
2. Количество банков и небанковских организаций, принявших участие в сделках pre-IPO, всего, ед. <i>В том числе:</i>	12	25	20	18	15
— классические банки	5	9	5	4	5
— необанки	2	4	1	–	–
— инвестиционные / венчурные фонды	5	12	14	14	10
— оценочный объем совершенных сделок с участием банков и НКФО, млн руб.	0,1	0,3	1,7	4,0	3,4
3. Количество сделок, совершенных на специальном сегменте фондовых бирж, ед. <i>В том числе:</i>	–	–	1	2	2
— Мосбиржа (специальный сегмент для pre-IPO)	–	–	1	2	1
— СПб биржа	–	–	–	–	1
— оценочный объем совершенных сделок с участием биржевой инфраструктуры	0,0	0,0	0,4	1,0	0,9

Источник: Разработано автором на основании данных информационно-аналитических отчетов Центрального Банка России, Мосбиржи, коммерческих банков за 2020–2024 гг. *Source:* Developed by the author based on the data of information and analytical reports of the Central Bank of Russia, Moscow Exchange, commercial banks for 2020–2024.

SR Space, а сейчас реализуются две сделки с участием компаний «Цифровые привычки» и «Экзалтер». Несмотря на это сделки совершаются на внебиржевом сегменте, или OTC-рынке (от английского Over-The-Counter) с участием центрального контрагента, предоставляемого самой биржей. На бирже Санкт-Петербурга была совершена одна сделка pre-IPO в 2024 г. с компанией «Группа Элемент» (подробности сделки не раскрываются).

Обсуждение

Вообще, говоря о развитии инфраструктуры рынка для сделок pre-IPO, нужно понимать зависимость динамики его развития от доверия заинтересованных лиц к механизму pre-IPO в целом, а здесь имеется ряд сложностей, которые выражаются в следующих тезисах:

1. *Противоречивое отношение инвесторов к механизму pre-IPO с одновременным наличием регуляторного вакуума со стороны Банка России* — для потенциальных владельцев капитала механизм pre-IPO является отличной возможностью сохра-

нения и приумножения инвестиций путем покупки долей в перспективных быстрорастущих бизнесах, что позволит получать доходность выше, чем инвестиции в традиционные финансовые инструменты. Однако, активность таких процессов сдерживает факт неразвитости оценочных процедур и недостаточной прозрачности инвестиционных стратегий самих бизнесов, заявляющих свое участие на рынке pre-IPO вкпе с регуляторными пробелами в части ответственности заявителей за дальнейшее проведение IPO в соответствии с действующим законодательством. Это приводит к тому, что сделки pre-IPO являются больше «домашними», в которых участвует круг лиц, которые обладают инсайдерской информацией или имеют косвенные связи с бизнесом, в который планируют инвестировать капитал [1; 2].

2. *Ограниченность объемов привлечения капитала через инвестиционных платформы* — согласно действующему законодательству, неквалифицированные инвесторы (лица, не являющиеся про-

фучастниками рынка ценных бумаг) могут инвестировать не более 0,6 млн руб. в год, что сразу ограничивает круг заинтересованных лиц для участия в операциях pre-IPO именно с использованием инвестиционных платформ. Единственными участниками, на которых не распространяются данные ограничения являются биржа (Московская и Санкт-Петербургская), однако на обеих из них только ведутся работы по формированию отдельного направления работы с малым и средним бизнесом, которые как правило и являются ключевыми участниками pre-IPO.

На сегодняшний день в деловой среде ведутся разговоры о формировании нового самостоятельного участника — биржи именно для субъектов МСП, — которая могла бы быть создана на базе инвестиционной платформы, однако практические шаги в данном направлении пока не предпринимаются ввиду как организационных сложностей (необходимо прохождение сложного круга процедур регистрации и верификации ИП в качестве биржи), так и экономических соображений: на сегодняшний день рынок pre-IPO практически не имеет выраженных трендов в своем развитии, а компании, заинтересованные в таком механизме единичны, что и обуславливает консерватизм ожиданий участников о возможности формирования новой биржи [2; 4].

3. *Потенциальный «конфликт интересов» новых участников рынка pre-IPO с банковским сектором* — в российской модели фондового рынка банки играют наиболее заметную роль, что обусловлено как наличием у них свободного капитала, так и соответствующих компетенций (если посмотреть операции классического IPO, то более 85% из них проходят с участием банка как профучастника рынка ценных бумаг). Для банков pre-IPO не является чем-то принципиально новым (не беря в расчет более высокие риски и сложность прогнозирования будущего компании) и они готовы развивать данное направление под своей эгидой, что может стать как барьером для появления новых игроков на рынке, так и напротив, запустить процессы конкуренции, и ускорить развитие новых институциональных структур, например, создание цифровой биржи именно для субъектов малого и среднего бизнеса [3; 5].
4. *Рост неудовлетворенного спроса со стороны инвесторов на качественное информационное сопровождение и проведение due diligence быстрорастущих бизнесов со стороны независимых компаний-аудиторов* — по мнению автора, имеющийся регуляторный пробел, который выражается в отсутствии требований к менеджменту бизнеса проводить аудит и раскрывать информацию для инвесторов в рамках IR-политики (политика

взаимоотношений с инвесторами), делает объективно невозможным качественную проверку заявителя на проведение pre-IPO и существенно повышает финансовые и инвестиционные риски, что в свою очередь находит отражение в росте стоимости капитала, ужесточении условий предоставления финансирования и общем снижении деловой активности на рынке [4; 5].

В заключение научного исследования автором были сформулированы основные тезисы, которые отражают его видение будущего развития инфраструктуры рынка pre-IPO:

1. Включение в действующий Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 № 39-ФЗ (в ред. от 19.12.2022 №519-ФЗ) в главу 2 «Виды профессиональной деятельности на рынке ценных бумаг», 3 «Допуск ценных бумаг к торгам», 5 Эмиссия ценных бумаг и главу 6 «Обращение эмиссионных ценных бумаг» статей, посвященных детальному описанию инфраструктуры рынка для сделок pre-IPO и закрепление требований к форме размещения акций: а) по закрытой подписки силами компании — в случае если речь идет об объеме эмиссии до 100 млн руб.; б) с участием оператора инвестиционной платформы и сотрудничества с брокерами — при объеме эмиссии акций на сумму, превышающую 100 млн руб. Данное решение позволит устранить пробел в части необходимости привлечения финансовых посредников и разграничить зоны ответственности менеджмента компаний-эмитентов [5].
2. Введение на законодательном уровне (через регулятора в лице Банка России) обязательного рэнкинга инвестиционных платформ с предоставлением им прав на ведение сделки pre-IPO в зависимости от объема привлекаемого бизнесом капитала: основываясь на сложившейся рыночной практике сегментации сделок в зависимости от масштабности бизнеса, объема привлекаемого капитала, иных факторов (например, стратегии дальнейшего IPO, индивидуальных запросов клиентов и их требований к финансовому посреднику) рекомендуется выделить инвестиционные платформы, занимающиеся микросделками (например, для венчурных бизнесов со стоимостью активов 50–100 млн руб.), управляющие партнеры мезосделок (компании со стоимостью активов до 300 млн руб.), управляющие партнеры крупных сделок (компании со стоимостью активов более 500 млн руб.). Уже сегодня такие платформы, как Ко-Фи», «Поток», «ВДело», Jetlend, «Мани Френдс» зарекомендовали себя как активные игроки именно в сегменте мезосделок, а УК «ВИМ Инвестиции», УК «Альфа-Капитал» и «ВТБ Капитал» — представители, проводящие крупные сделки [2; 4].

3. Инициация со стороны Министерства экономического развития совместно с Министерством промышленности и торговли запуска финансовой песочницы — формирования на базе АО «Корпорация МСП» и АО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» формирования цифровой (виртуальной) биржи для привлечения финансирования под запросы субъектов малого и среднего бизнеса. Преимущества такого предложения определяются следующими моментами:

во-первых, обе структуры изначально ориентированы на поддержку субъектов МСП, т.е. знают их потребности лучше других;

во-вторых, Банк МСП обладает значительным капиталом, что упрощает прохождение им регистрационно-разрешительных процедур со стороны государственных регуляторов;

в-третьих, это позволит мягко сменить модель поддержки субъектов МСП от бюджетного дотирования или классического кредитования на инвестиционную модель поведения и поиска требуемого финансирования под контролем профессиональной команды менеджмента;

в-четвертых, и Банк и Корпорация являются государственными институтами развития предпринимательской индустрии, и функционирование биржи на их базе безопасно для государства, т.к. не будет идти в разрез с национальными интересами страны [1; 3; 5].

Выводы

По результатам научного исследования было установлено, что инфраструктура рынка сделок pre-IPO может формироваться на основе следующих моделей (одной или нескольких одновременно): биржевая, банковская, модель инвестиционных платформ, модель DeFi-агентов. Для российского рынка pre-IPO наиболее приемлемо является применение банковской модели, что обусловлено как наличием опыта и капитала для

участия в сделках классического IPO, так и доверием со стороны бизнеса. Роль инвестиционных платформ, чья деятельность официально стала признаваться только в 2019 г., пока остается сравнительно низкой и точечной, однако и деловое сообщество, и регуляторные субъекты признают значительный потенциал и важность их присутствия на рынке pre-IPO. Биржевой институт в лице фондовых бирж г. Москвы и Санкт-Петербурга в настоящее время организационно только планирует пробный запуск совершения сделок pre-IPO, и то с ограничением (торги проводятся на внебиржевом рынке, а биржа только выступает в роли арбитра).

Для более активного развития инфраструктуры рынка pre-IPO необходимо преодолеть противоречивое отношение инвесторов к механизму pre-IPO с одновременным наличием регуляторного вакуума со стороны Банка России; урегулировать вопрос с ограничением объемов привлечения капитала через инвестиционных платформы; устранить потенциальный «конфликт интересов» новых участников рынка pre-IPO с банковским сектором, а также обеспечить наличие качественного информационного сопровождения и проведения due diligence быстрорастущих бизнесов со стороны независимых компаний-аудиторов.

Перспективными направлениями развития инфраструктуры рынка pre-IPO, по мнению автора, являются: включение в действующий Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» статей, посвященных детальному описанию инфраструктуры рынка для сделок pre-IPO и закрепление требований к форме размещения акций; введение на законодательном уровне (через регулятора в лице Банка России) обязательного рэнкинга инвестиционных платформ с предоставлением им прав на ведение сделки pre-IPO в зависимости от объема привлекаемого бизнесом капитала; инициация со стороны Министерства экономического развития совместно с Министерством промышленности и торговли запуска финансовой песочницы — формирования на базе АО «Корпорация МСП» и АО «Российский Банк поддержки малого и среднего предпринимательства» формирования цифровой (виртуальной) биржи для привлечения финансирования под запросы субъектов малого и среднего бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Березинец И.В., Ильина Ю.Б., Бобров К.А., Копцев В.С. 2023. Альтернативные инвестиции: мотивы и риски инвестирования на краудфандинговых платформах // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент 22 (3): 313–336. <http://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2023.30>
2. Власов А.В., Абреков М.М. Криптоэкономика: методика экспертной оценки ICO стартапов в процессах управления финансовыми инновациями // Актуальные проблемы экономики и права. 2018. Т. 12, № 4. С. 745–761. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.12.2018.4.745-761>
3. Иванова М.В. Новые возможности развития венчурного рынка России для обеспечения технологического суверенитета // Государственное управление. Электронный вестник. 2024. № 107. С. 50–61. DOI: 10.55959/MSU2070-1381-107-2024-50-61
4. Полевщиков Д.В. Концепция перехода от стартапа к публичной компании // Дискуссия. — 2024. — Вып. 126. — С. 78–83.
5. Siwach P., Kumar P.R., Gupta V. Effect of underwriter's reputation on performance of small business IPOs. Finance: Theory and Practice. 2023;27(6):54–66. DOI: 10.26794/2587-5671-2023-27-6-54-66

6. Федеральный закон «О рынке ценных бумаг» от 22.04.1996 N 39-ФЗ [Электронный ресурс] — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10148/ (дата обращения: 15.06.2024, режим доступа: свободный)
7. Статистика всех российских IPO с 2014 по 2023 год: на что может рассчитывать частный инвестор от участия в IPO? [Электронный ресурс] — URL: <https://smart-lab.ru/company/mozgovik/blog/982098.php> (дата обращения: 19.06.2024, режим доступа: свободный).
8. Обзор рынка IPO до 2025 г. [Электронный ресурс] — URL: <https://aigenis.by/wp-content/uploads/2023/12/obzor-rynka-ipo-rf-do-2025-g..pdf> (дата обращения: 19.06.2024, режим доступа: свободный).
9. Обзор платформенных сервисов в России [Электронный ресурс]. URL: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/49243/platform_services_2024-1.pdf (дата обращения: 19.06.2024, режим доступа: свободный).

© Буров Павел Дмитриевич (burov__pavel@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОПРОСЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СТРУКТУРЫ ЭКСПОРТА В РАЗВИТИИ НЕНЕФТЯНОГО СЕКТОРА АЗЕРБАЙДЖАНА

ISSUES OF REGULATION OF EXPORT STRUCTURE IN THE DEVELOPMENT OF THE NON-OIL SECTOR OF AZERBAIJAN

G. Huseynova

Summary. The article emphasizes the relationship between the production capabilities of the national economy and exports, as well as the importance of effective management of production capabilities and export potential. The analysis and approaches of various researchers on the development and participation in exports of the non-oil and gas sector in Azerbaijan, as well as the regulation of its development are included. A graphical representation of changes in non-oil and gas GDP and non-oil and gas exports in Azerbaijan over the past years is presented. The interaction between the indicators was studied. The ratio of imports and exports to GDP and the balance of foreign trade in the oil and gas and non-oil and gas sectors by years are analyzed. A 24-year structure of exports and imports by non-oil and gas product sectors, excluding the mineral fuel, lubricants and similar materials sector, is given, and the share of dominant sectors is calculated. The share of non-oil and gas sector products with high export and import rates for 2023 is calculated. Based on theoretical, statistical analysis and logical reasoning, the results were summarized and proposals were put forward.

Keywords: export, import, non-oil and gas sector, non-oil and gas production, export potential.

Гусейнова Гюльнар Гурбан кызы

Диссертант, Бакинский Государственный Университет
gulnar.h90@gmail.com

Аннотация. В статье подчеркивается взаимосвязь производственных возможностей национальной экономики и экспорта, а также важность эффективного управления производственными возможностями и экспортным потенциалом. Включены анализ и подходы различных исследователей по развитию и участию в экспорте нефтегазового сектора в Азербайджане, а также регулированию его развития. Представлено графическое представление изменений в нефтегазовом ВВП и экспорте нефтегазового сектора в Азербайджане за прошедшие годы. Было изучено взаимодействие между показателями. Проанализированы соотношение импорта и экспорта к ВВП и сальдо внешней торговли нефтегазовым и нефтегазовым секторами по годам. Приведена 24-летняя структура экспорта и импорта по секторам нефтяной и газовой продукции, за исключением сектора минерального топлива, смазочных материалов и аналогичных материалов, а также рассчитан удельный вес доминирующих секторов. Рассчитан удельный вес продукции нефтегазового сектора с высокими показателями экспорта и импорта на 2023 год. На основе теоретического, статистического анализа и логических рассуждений были обобщены результаты и выдвинуты предложения.

Ключевые слова: экспорт, импорт, нефтегазовый сектор, нефтегазовое производство, экспортный потенциал.

Введение

Результаты интеграции национальных экономик в мировую экономику взаимосвязаны с наличием социально-экономических ресурсов, которыми располагают эти страны, уровнем их использования, особенностями развития и динамикой внутреннего рынка. Страны формируют спрос и предложение на товары и услуги, формируя свои позиции на внешних рынках, прежде всего за счет результатов, которые они получают от использования собственных ресурсов. Когда страна не обеспечивает эффективное использование своих ресурсов, влияние внешнеторговых связей на интересы страны не находится на желаемом уровне, увеличивается зависимость страны от импорта, уменьшаются валютные резервы, уровень цен на внутреннем рынке нестабилен и имеет тенденцию к росту, снижается покупательная способность национальной валюты. Каждая страна должна, прежде всего, как субъект международного разделения труда в пределах своих ресурсных возмож-

ностей стремиться к организации и совершенствованию производства и услуг, а в конечном итоге оценивать возможности получения более эффективных результатов за счет наличия производственных технологий в сферах, где она частично или в значительной степени зависит от ресурсов. Современная мировая экономика формируется таким образом, что страны все больше развивают производство, транспорт, сферу услуг и т.д. Специализация в различных областях и трансграничное сотрудничество, взаимный обмен ресурсами, производственными технологиями и элементами производства, опытом происходят одновременно. В некоторых случаях специализация и обмен странами по деталям конечного продукта привели к одновременному возникновению изоляции и взаимного сотрудничества в результате специализации.

А. Шекаралиев делает вывод, что, несмотря на производственный потенциал и формирование финансовых ресурсов на необходимом уровне, развитие промышленности, как одного из движущих факторов развития не-

нефтяного сектора национальной экономики, находится ниже желаемого уровня. Он отмечает, что «в условиях глобальной конкуренции невозможна устойчивость экспорта товаров и продукции на мировых товарных рынках, не отражающих критерии устойчивости» [7, с. 6].

З.А. Шекаралиева обратила внимание на растущую уязвимость стран с преимущественной ориентацией на сырьевой экспорт, особенно на экспорт нефти, к глобальным воздействиям в вопросе регулирования экспортного потенциала в ненефтяном секторе. Она затронула важность эффективного использования потенциала в ненефтяных секторах, где этот потенциал сильнее, и более глубокого определения экспортной ориентации, исходя из имеющихся природных и экономических ресурсов страны. По ее мнению, «стратегия диверсификации экспортного сектора должна быть оптимизирована, в конкуренции должны учитываться глобальные критерии и определены соответствующие меры» [8, с.45]. Адаптация к глобальным критериям также подчеркивалась в других исследованиях [2]. Этот фактор является одним из ключевых для конкурентоспособности страны на мировых рынках, начиная с ненефтяного производства, и является важным условием адаптации к тенденциям. В. Алиев считает важным комплексный подход к таким вопросам как критерии усиления экспортного потенциала в ненефтяном секторе, существующей политики и механизмам управления в сфере регулирования, совершенствование принципов привлечения инвестиций, экономические возможности, которые создадут активное участие банковской системы в экспортном процессе, начиная с производства и т.д. Наряду с этим, нельзя упускать из виду и дальнейшее совершенствование распределения продукции нефтегазового и ненефтяного сектора в структуре экспорта.

Обращает на себя внимание проведенный анализ структуры экспортируемой продукции Турции в период с 1995 по 2015 год с точки зрения разнообразия продукции и степени сложности конечного продукта. Установлено, что, несмотря на определенный прогресс в анализируемые годы, экспортируемая продукция группируется по степени сложности и, как и в развивающихся странах, среди них преобладают более низкие по уровню сложности группы [10, с.128]. Это свидетельствует о том, что для более высокого уровня развития экономики, в нашей стране, где в экспорте преобладают сырьевые товары, в основном продукты минерального топлива, усиление внимания к переходу от продукции с меньшей степенью сложности к продукции с большей степенью сложности и добавленной стоимостью на основе высоких технологий является важным условием, как с точки зрения диверсификации, так и с точки зрения экспорта. Другими словами, подход должен быть не только дифференцированным по секторам, но и направлен на обеспечение того, чтобы экспорт осуществлялся после того,

как все возможные этапы производства и переработки в этих секторах, от сырья до конечного продукта, будут завершены с более высокой добавленной стоимостью. Естественно, что предполагаемый процесс требует, помимо производственного сырья и финансовых ресурсов, высококвалифицированной рабочей силы, а также всестороннего и устойчивого формирования глубокой и обширной базы научных исследований и трансфера технологий в национальной экономике.

С точки зрения современного состояния экономического развития высокую зависимость от импорта в слаборазвитых странах следует рассматривать не только с точки зрения объемов импорта и экспорта, местного производства, но и с точки зрения широты структуры импорта и экспорта. В этом смысле обеспечение широкой диверсификации местного производства по всем видам продукции поможет снизить зависимость от импорта и создать больше направлений экспорта. Важно стимулировать инвестиции, которые будут способствовать развитию местного производства. Однако применение стимулов должно осуществляться с учетом их эффективности. В своих исследованиях Э. Эсер пришел к выводу, что невозможно достичь какого-либо уровня развития без создания развитой организационно-экономической системы, обеспечивающей оперативный, прозрачный информационный поток, контроль, оценку и координацию государственной поддержки, стимулирования, инвестиций и результатов их применения [9, с.204].

А. Гурбанов, рассматривая такие вопросы, как маркетинговые стратегии увеличения несырьевого экспорта, совершенствование транспортной инфраструктуры, связанной с внешнеторговой деятельностью, конкурентные преимущества продукции, выделяет в качестве одного из вопросов, ожидающих решения, выделение финансовых ресурсов на развитие механизмов управления внешней торговлей и их продуктивное использование [5, с.62].

Анализ экспортного потенциала и структуры ненефтяного сектора страны

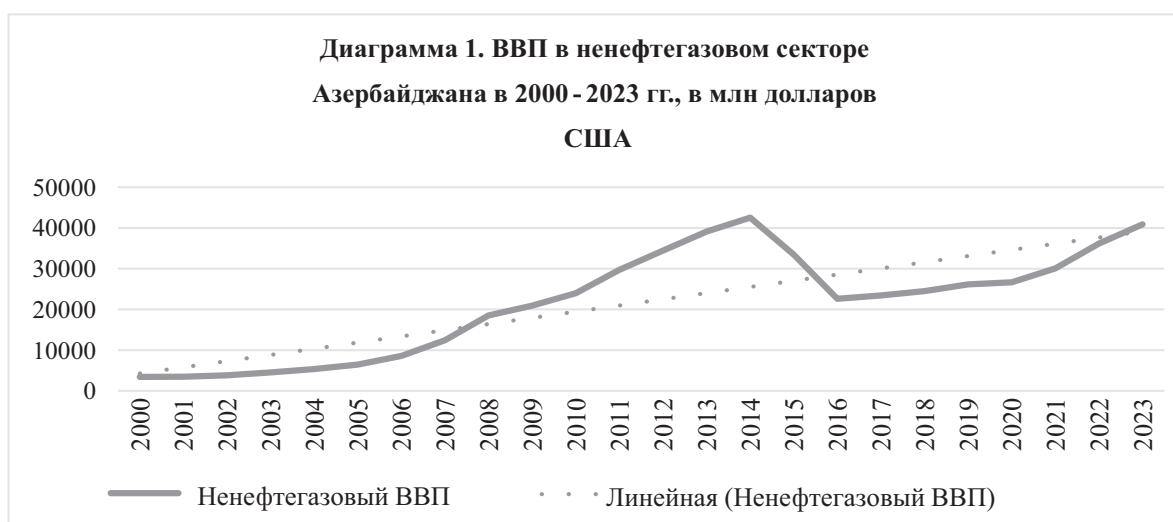
Коэффициент концентрации и коэффициенты Херфиндаля-Хиршмана могут быть использованы для выявления уровня концентрации производства сельскохозяйственной продукции по экономическим районам [4].

Формирование экспортного потенциала в ненефтяном секторе в первую очередь определяется производственными возможностями ненефтяных секторов страны. Необходимо взаимодействие набора элементов с широким охватом, таких как организационно-управленческие, инфраструктурные, финансово-контрольные и регулирующие механизмы, которые мобилизуют производственные возможности в ненефтяных секто-

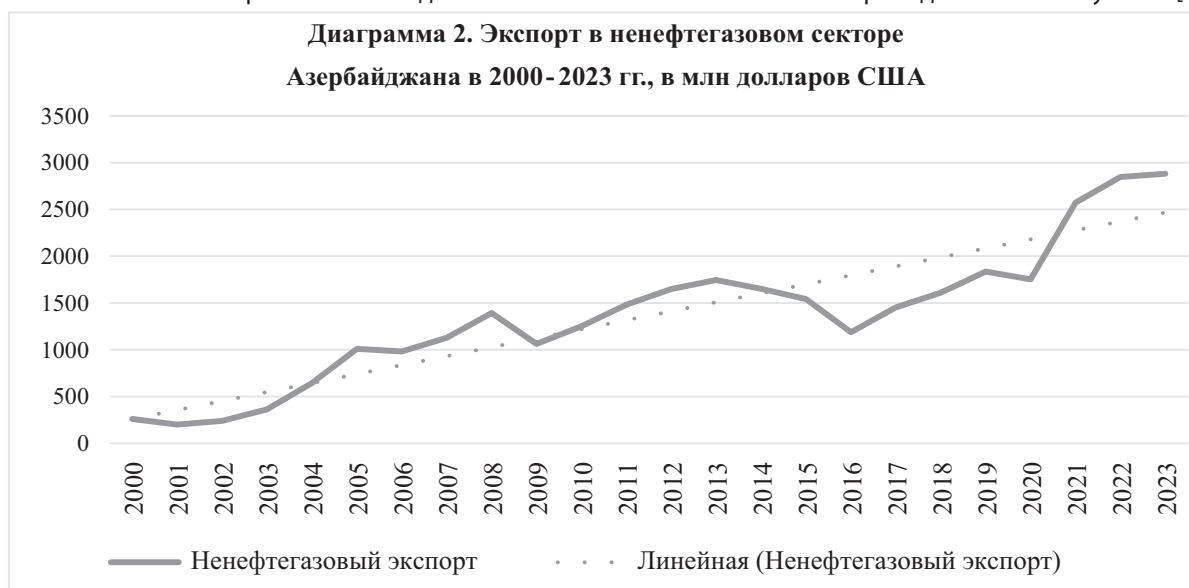
рах и обеспечат их эффективное использование, сотрудничество с зарубежными странами и организациями, благоприятную рабочую среду и т. д. Экспортный потенциал может быть удовлетворен за счет импорта недостающих товаров в случаях, когда не все факторы производства имеются в стране. Современный мировой опыт показывает, что взаимный обмен многими элементами производства — от рабочей силы, технологий, сырья до знаний и опыта, а также приобретение авторских прав — стал неотъемлемой частью внешней торговли. Однако в нашей стране есть много секторов, где несмотря на то, что местные факторы производства и объемы производства достаточно высоки, уровень реализации и участия в экспорте по-прежнему низок по сравнению с нефтегазовым сектором. Этот фактор является одной из главных причин, по которым вопросам развития производства в нефтяном секторе уделяется все большее внимание в исследованиях экспортной политики.

На диаграмме 1 и диаграмме 2, основанной на данных Государственного статистического комитета Азербайджанской Республики, представлены изменения ВВП и экспорта в нефтегазовом секторе Азербайджана в 2000–2023 годах. Графики не учитывают чистые налоги на продукты и импорт в ВВП. Показатели экспорта товаров, не связанных с нефтью и газом, рассчитывались с использованием таблицы Международной торговой классификации путем вычитания показателя по разделу минерального топлива, смазочных материалов и аналогичных материалов из общего показателя экспорта.

Сравнивая оба графика, можно увидеть, что в Азербайджане экспорт товаров, не связанных с нефтью и газом, в рассматриваемые годы претерпел большие колебания, чем ВВП. Однако резкое падение нефтегазового экспорта, начавшееся в 2013 году, а ВВП — в 2014 году, продолжалось до 2017 года. Следует отметить, что, ис-

Источник: Составлено автором на основе данных Статистического Комитета Азербайджанской Республики[12]

Источник: Составлено автором на основе данных Статистического Комитета Азербайджанской Республики[12]

ходя из описания, это особенно заметно в нефтегазовом ВВП. Рассматривая линию тренда, следует отметить, что, несмотря на общую тенденцию к росту обоих показателей, объем экспорта в рассматриваемые годы ниже ВВП. В абсолютном выражении эта разница составила 3173,2 млн долларов США в 2000 году и 37990,8 млн долларов США в 2023 году. Наибольшая разница составила 40 907,4 млн долларов США в 2014 году. В Азербайджане ВВП в нефтегазовом секторе в номинальном выраже-

нии в 2023 году по сравнению с 2000 годом увеличился в 11,9 раза, а экспорт увеличился примерно в 11,1 раза.

Хотя в Азербайджане нет явного преимущества импорта над экспортом ни в одном секторе, нефтегазовый сектор имеет меньшую экспортную ориентацию по сравнению с нефтегазовым сектором, и этот сектор на протяжении многих лет имеет отрицательный показатель во внешнеторговом балансе.

Таблица 1.

Соотношение показателей импорта-экспорта к ВВП в нефтегазовом и нефтегазовом секторах Азербайджана в 2000–2023 гг.

Секторы	Нефтегазовый			Нефтегазовый		
	Экспорт/ВВП	Импорт/ВВП	Внешнеторговое сальдо млн долл. США	Экспорт/ВВП	Импорт/ВВП	Внешнеторговое сальдо млн долл. США
2000	0.96	0.3	1427.7	0.07	0.32	-854.6
2001	1.17	0.12	1897.6	0.05	0.35	-1014.6
2002	0.99	0.15	1634.8	0.06	0.36	-1132.9
2003	1.01	0.13	1931.7	0.07	0.51	-1967.6
2004	1.09	0.14	2570.8	0.12	0.58	-2471.3
2005	0.56	0.08	2837.4	0.15	0.57	-2701.5
2006	0.47	0.05	4777.5	0.11	0.54	-3672.2
2007	0.26	0.007	4788.1	0.09	0.44	-4443.4
2008	1.7	0.004	46248.8	0.07	0.38	-5662.8
2009	0.67	0.003	13574.8	0.05	0.28	-4996.6
2010	0.78	0.002	20036.4	0.05	0.27	-5276.9
2011	0.75	0.002	25005.4	0.04	0.32	-8190.5
2012	0.7	0.002	22174.4	0.04	0.27	-7919.4
2013	0.72	0.004	22088.1	0.04	0.27	-8825.3
2014	0.73	0.01	19880.1	0.03	0.2	-7239.2
2015	0.74	0.009	11037	0.04	0.27	-7524.5
2016	0.99	0.02	11987.5	0.05	0.36	-7019
2017	0.95	0.02	13488.2	0.06	0.35	-6951.5
2018	0.94	0.03	17154.8	0.06	0.43	-9131.6
2019	1	0.04	16972.8	0.07	0.49	-11005.1
2020	0.99	0.02	11701	0.06	0.39	-8700.4
2021	0.96	0.02	19101.8	0.08	0.37	-8597
2022	0.96	0.03	33924.6	0.07	0.36	-10317.8
2023	1.24	0.07	29031.8	0.07	0.37	-12418.6

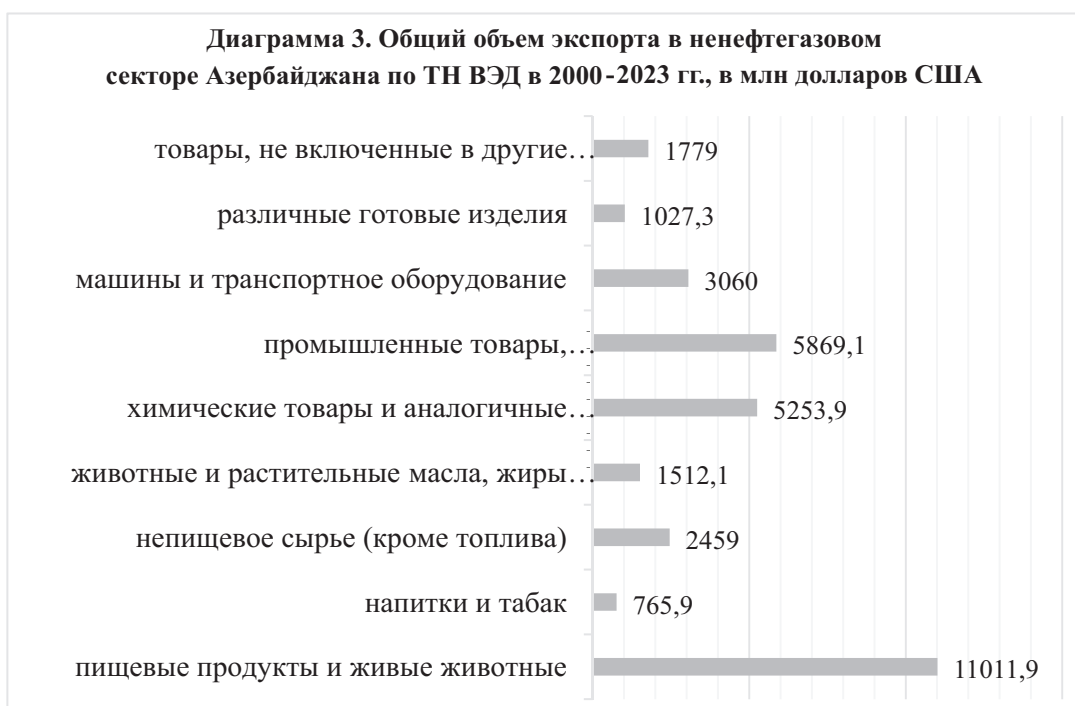
Источник: Составлено автором на основе данных Статистического Комитета Азербайджанской Республики [12]

Из Таблицы 1 видно, что отношение экспорта нефти и газа к нефтегазовому ВВП в целом высокое, хотя в некоторые годы оно резко различается, что можно объяснить высокой экспортной ориентацией. Хотя тот факт, что экспорт в нефтегазовом секторе в основном базируется на сырье, снижает возможности для эффективного использования перерабатывающих мощностей этого сектора, более высокий объем производства по сравнению с внутренним спросом страны создал условия для реализации экспорта в большем объеме, чем импорт. Основанием для такого утверждения может служить и тот факт, что соотношение импорта к ВВП в этом секторе весьма невелико. В нефтегазовом секторе соотношение экспорта к нефтегазовому ВВП существенно ниже, тогда как соотношение импорта достаточно высокое, а внешнеторговый баланс в этом секторе был отрицательным за все наблюдаемые годы. В целом сальдо экспорта нефтегазового сектора в 2000–2023 гг. составило 355 273,1 млн долл. США, в среднем 14 803 млн долл. США в год, тогда как сальдо нефтегазового сектора составило –148 034,3 млн долл. США, в среднем –6 168 млн долл. США в год. Данный показатель за рассматриваемые 24 года свидетельствует о том, что превышение доходов страны от внешней торговли над ее расходами за счет экспорта продукции нефтегазового сектора увеличило валютные резервы и создало широкие макроэкономические возможности для инвестиций. Однако следует учитывать, что определенная часть доходов, получаемых данной отраслью от экспорта, идет на покрытие издержек производства, в том числе амортизацию используемых основных фондов и т.д. и должна быть использована в необходимых направлениях. Таким

образом, если финансовые резервы, сформированные за счет экспорта нефтегазового сектора, не будут эффективно использоваться для увеличения внутреннего производства и экспортных возможностей в нефтяном секторе, потеря положительного сальдо может быть неизбежной из-за отрицательного сальдо растущего нефтегазового сектора.

Хотя внешнеторговый баланс в нефтегазовом секторе демонстрировал резкие увеличения и уменьшения в абсолютном выражении из-за колебаний цен на мировых рынках и объемов добычи, в нефтегазовом секторе эта сумма колебалась в сравнительно небольших объемах. В относительном выражении этот показатель в 2023 году в нефтегазовом секторе Азербайджана по сравнению с 2000 годом увеличился в 20,3 раза, а в нефтегазовом секторе — в 14,5 раза.

Ожидается, что рост совокупного спроса, обусловленный социально-экономическими условиями в стране, приведет к дальнейшему росту импорта и снижению уровня экспортной ориентации местного производства, при этом местное производство не будет развито на должном уровне. В нефтегазовом секторе, имеющем более широкий спектр продукции и услуг, макроэкономическая политика страны в целях экономического роста и развития определяется с учетом уникального ресурсного потенциала, рыночной конъюнктуры и особенностей развития каждого сектора. Хотя эти условия различны для каждой страны, между группами стран в распределении уровней развития в мире имеются сходства. Общий объем и удельный вес экспорта продук-

Источник: Составлено автором на основе данных Статистического Комитета Азербайджанской Республики [12]

Источник: Составлено автором на основе данных Статистического Комитета Азербайджанской Республики [12]

ции нефтегазового сектора Азербайджана по структуре за 24 года приведены в Диаграмме 3 и Диаграмме 4.

В большинстве развитых стран мира можно наблюдать многопрофильную отраслевую структуру национальной экономики, преимущественное развитие сферы услуг, а в экспорте преобладает конечная продукция с высокой добавленной стоимостью. При рассмотрении структуры 24-летнего экспорта в нефтегазовом секторе Азербайджана первое место заняли продукты питания и живые животные с долей 34 %, второе место заняли промышленные товары, классифицированные в основном по типу материала, с долей 18 %, а третье место заняли химические товары и аналогичные продукты, не включенные в другие категории, с долей 16 %. Только в 2023 году свежие фрукты, свежие овощи и продукция из хлопкового волокна составили 27,9 % нефтегазового экспорта.

В структуре импорта за 24 года преобладали машины и транспортное оборудование (39 %), промышленные товары, классифицированные в основном по типу материала (20 %), а также продукты питания и живые животные (13 %). Следует отметить, что общая стоимость импорта машин и транспортного оборудования за этот период составила 71 453,2 млн долларов США. В стоимостном выражении импорт нефтегазового сектора в 2023 году составил 10,9 % легковых, грузовых автомобилей и транспортных средств специального назначения, 3 % — фармацевтических препаратов и 2,2 % — телефонов для мобильных или других беспроводных сетей связи.

Выводы

Хотя в структуре экспорта и импорта преобладают товары и отрасли с высокими показателями, при импор-

тозамещении и наращивании экспортных возможностей необходимо учитывать национальный ресурсный потенциал страны и современные реалии мирового рынка. Структурный анализ нефтегазового экспорта свидетельствует о том, что развитие промышленности и ее интеграция с другими секторами в Азербайджане все еще недостаточны как в горизонтальном, так и в вертикальном направлениях. В целях повышения экспортного потенциала страны необходимо развивать местное производство, совершенствовать транспортную и коммуникационную инфраструктуру, содействовать инвестициям, организационно-управленческой деятельности, рекламе, пропаганде, продвижению и т.д. Хотя по таким вопросам и достигнут прогресс, его недостаточно с точки зрения масштаба и динамики. Реализация экспортного потенциала может быть эффективной в долгосрочной перспективе, прежде всего, за счет использования местных производственных мощностей на основе устойчивых факторов производства, которые превышают спрос внутреннего рынка. Поскольку экспортные результаты нефтегазового сектора Азербайджана оказывают большое влияние на устойчивость национальной экономики, на нее также могут влиять изменения на внешнем рынке, уровень национального дохода, возможности финансирования нефтегазового сектора и спрос на импорт.

На основе рассмотренных вопросов и анализов с целью повышения экспортного потенциала в нефтегазовом секторе Азербайджана можно отметить следующие предложения:

- разработка краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных стратегий группировки продукции нефтегазового сектора с высокой импортозависимостью и высокими издержками импорта и организация местного производства;

- разработка и реализация механизма использования доходов от экспорта продукции нефтегазового сектора для прямых инвестиций в нефтегазовый сектор на основе современных технологий;
- постоянная оценка тенденций развития мирового рынка и на этой основе регулирование организационных, управленческих и финансовых проблем образования, подготовки кадров, научно-исследовательской деятельности, совершенствование национального рынка труда, что будет служить организации местного производства;
- разработка программ, их интеграция в местное производство, а также рассмотрение возможностей международного сотрудничества для развития технологий местного производства;
- для решения проблем рынка продукции местного производства, оказание организационной поддержки на всех уровнях и во всех областях по таким вопросам, как: информации, координации, транспортировки, поставок и т.д.
- для развития местного производства в нефтегазовом секторе, обеспечение прежде всего, укрепления внутренних рыночных механизмов и конкурентной среды, а также защиты здоровой конкурентной среды.
- создание предприятий перерабатывающей промышленности в соответствующих масштабах в тех направлениях и регионах страны, где имеется ресурсный потенциал путем кредитного, налогового, таможенного, правового и т.п. стимулирования и поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аббасов И.М., Алиев Т.Н. Экономика нефтяных отраслей. Учебник. Баку, 2018, 267 с. (на азерб. яз.)
2. Алиев В.Н. Проблемы регулирования использования экспортного потенциала в нефтяном секторе Азербайджана. Автореф. диссертации. Баку, 2015.
3. Гурбанов А.А. Направления по облегчению доступа на зарубежные рынки в условиях предпринимательства. Журнал «Audit», № 2/24, 2019, с. 61–69.
4. Указ Президента Азербайджанской Республики №1713 «О дополнительных мерах по стимулированию экспорта не нефтяных продуктов» от 18 января 2016 года
5. Указ Президента Азербайджанской Республики об утверждении «Стратегических дорожных карт по национальной экономике и основным секторам экономики» от 16 марта 2016 года № 1897.
6. Шакаралиев А.Ш. Государственная экономическая политика: реалии и перспективы. Монография. Баку. 2009. 414 с. (на азерб. яз.)
7. Шакаралиев А.Ш. Направление расширения за счет нефтяного продукции структуры экспорта. Научный Вестник: Серия Гуманитарных и Социально-Политических наук, №1, 2017, с.5–15
8. Шекаралиева З.А. «Направления по улучшению использования экспортного потенциала в нефтяном секторе». «Известия НАНА. Серия экономических наук», №3, 2019, Баку, с.44–49
9. Эсер З.Э. Системы стимулирования инвестиций, внедренные в Турции, и предложения по структуре действующей системы. Экспертная работа. 2011. 227 с. (на турец. яз.)
10. Gul Ertan Ozguzer Structure of Turkey's Exports and Government Incentives. International Journal of Public Finance. 2020, Vol. 5 No. 1, pp. 127–143
11. Агентство поощрения экспорта и инвестиций Азербайджанской Республики // URL: <https://azpromo.az/az/page/haqqimizda/hesabat-ve-nesrler> (дата обращения: 18.03.2025).
12. Государственный Комитет Статистики Азербайджанской Республики. // URL: <https://www.azstat.gov.az/portal/?lang=az> (дата обращения: 14.03.2025).

© Гусейнова Гюльнар Гурбан кызы (gulnar.h90@gmail.com)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ ПОДХОД К НАЛОГОВОМУ СТИМУЛИРОВАНИЮ ИННОВАЦИОННОГО ПОТЕНЦИАЛА ХОЗЯЙСТВУЮЩИХ СУБЪЕКТОВ

Дубков Денис Алексеевич

Аспирант, Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации (Москва)
denis_dubkov@list.ru

A CONCEPTUAL APPROACH TO TAX INCENTIVES FOR THE INNOVATIVE POTENTIAL OF ECONOMIC ENTITIES

D. Dubkov

Summary. The article presents a comparative analysis of tax policy directions in Russia with the results of statistical analysis of the innovation potential and innovative activity of economic entities; it outlines the shortcomings of the present model of governmental tax support of the innovation potential and proposes some possible ways for tax instruments development. The results of correlation and regression analysis of the impact of tax incentive instruments on innovation potential and innovation activity are presented on the basis of official statistical data. The research substantiates the application of a comprehensive approach to tax incentives for the innovation potential and proposes a conceptual model for developing tax incentives for economic entities' innovation potential at the present stage. The paper provides recommendations for improving the «patent box» regime in the realisation of property rights to intellectual activity results, makes proposals for tax incentives for individuals engaged in research and development, proposes a taxation regime and tax incentives for business entities involved in joint innovation activities at a micro level. It concludes with the need to operate the proposed tax incentives model under mandatory governmental control.

Keywords: tax incentive instruments, tax policy, «patent box» tax regime, joint innovation activity tax regime, efficiency evaluation.

Аннотация. В статье представлен сравнительный анализ направлений налоговой политики России с результатами статистического анализа инновационного потенциала и инновационной активности хозяйствующих субъектов, выявлены недостатки текущей модели государственной налоговой поддержки инновационного потенциала и предложены возможные пути развития налоговых инструментов. На основании официальных статистических данных проведен корреляционный и регрессионный анализ влияния инструментов налогового стимулирования на инновационный потенциал и инновационную активность. В ходе исследования обозначена необходимость комплексного подхода к налоговому стимулированию инновационного потенциала, предложена концептуальная модель развития налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов. В работе сформулированы рекомендации по совершенствованию режима «патентной коробки», разработаны предложения по налоговому стимулированию физических лиц, занятых исследованиями и разработками, предложен режим налогового стимулирования хозяйствующих субъектов, осуществляющих совместную инновационную деятельность. Сделан вывод о необходимости функционирования предложенной модели налогового стимулирования в условиях обязательного государственного контроля.

Ключевые слова: инструменты налогового стимулирования, налоговая политика, налоговый режим «патентная коробка», налоговый режим совместной инновационной деятельности, оценка эффективности.

Введение и актуальность исследования

Технологическое перевооружение производства, осуществляемое посредством внедрения современных технологий и методов, является ключевым фактором, обеспечивающим выполнение задач четвертой промышленной революции и формирование новой неоиндустриальной модели экономического развития. В этой связи инновации, знания и новые технологии становятся движущей силой создания автоматизированных, роботизированных и интеллектуальных производственных систем, что обеспечит рост конкурентных преимуществ хозяйствующих субъектов на рынке и повышение производительности хозяйственной деятельности. В то же время инновации становятся не только детерминантом экономического развития субъектов бизнеса, но и ключевым фактором обеспечения национальной и технологической безопасности государства.

Согласно статистическим данным, уровень инновационной активности российских организаций за период 2010–2023 гг. колеблется в диапазоне от 8,4 до 14,6 %. На протяжении длительного времени этот показатель остаётся низким по сравнению с другими зарубежными странами. Так, в 2023 году значение показателя в России составило — 11,3 %, в то время как в Греции значение показателя составляет 72,6 %, в Бельгии — 71,3 %, Канаде — 71,9 %, Финляндии — 68,6 %, Германии — 68,8 %, Швеции — 65,2 %, Норвегии — 69,9 %, на Кипре — 65,8 % [12]. В 2024 году Россия заняла 59-е место в рейтинге «Глобальный инновационный индекс» из 133 стран. Лидирующие позиции в этом рейтинге занимают Швейцария, Швеция и США. За ними следуют Великобритания, Южная Корея, Финляндия, Сингапур, Германия, Дания [21].

Анализ патентной активности показывает, что 85 % всех поданных в мире патентных заявок в 2023 году

пришлось на пять ведущих ведомств (Китай — 47,2 %, США — 16,8 %, Япония — 8,4 %, Республика Корея — 6,8 %, Европейское патентное ведомство (далее — ЕПВ) — 5,6 %) [14].

В 2021 и 2022 годах Россия входила в десятку ведущих ведомств по числу патентных заявок после Китая, США, Японии, Республики Корея, ЕПВ, Индии, Германии, Канады, Австралии. Однако в 2022 году по сравнению с 2021 годом Россия ухудшила положение на 13,1 %, а в 2023 покинула десятку ведущих ведомств [14]. В то же время наибольший прирост зафиксирован в патентном ведомстве Индии. В целом необходимо отметить рост доли азиатских ведомств, которая составляет не менее 2/3 от общего числа поданных в мире заявок на получение патентов или регистрацию товарных знаков и промышленных образцов, а также почти все мировые заявки на регистрацию полезных моделей.

Ослабление научно-технического и технологического потенциала страны может привести к внешней технологической зависимости и потере суверенитета. «Наблюдаемые в последние годы сложные внешнеполитические условия, характеризующиеся введением в отношении РФ множественных рестрикций и нарастающим санкционным давлением со стороны «недружественных» стран, ставят задачу укрепления технологического суверенитета в ряд наиболее актуальных» [1, с. 391].

Необходимость технологического развития и укрепления технологического суверенитета обозначена Президентом РФ в национальных проектах¹, закреплена в Стратегии научно-технологического развития РФ² и реализуется Правительством РФ в рамках утверждённой Концепции технологического развития России до 2030 года³.

Для переориентации национальной экономики к новому технологическому укладу на государственном уровне выработан широкий набор бюджетно-налоговых инструментов поддержки: от прямых мер поддержки стратегически важных для национальной безопасности предприятий до масштабных налоговых послаблений для отдельных отраслей [2]. Следует отметить, что от-

¹ Указ Президента РФ от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года».

² Указ Президента РФ от 01.12.2016 № 642 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» и Указ Президента РФ от 28.02.2024 № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации».

³ Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года».

ечественный и зарубежный опыт свидетельствует, что поддержка хозяйствующих субъектов через систему налоговых льгот и преференций признается эффективным инструментом экономического роста [3] и достижения национальных целей [4].

Однако нарастание политических вызовов и стремительное соперничество в сфере технологического лидерства на глобальном уровне указывают на необходимость ускоренного научно-технологического развития России и перехода от экспортно-сырьевой модели к неиндустриальной модели экономического развития. Так, председатель Правительства РФ М.В. Мишустин в феврале 2025 года на форуме «Digital Almaty 2025» отметил: «в настоящий момент идёт бескомпромиссная технологическая гонка, которая определит контуры будущего мироустройства» [18].

Отмеченное выше позволяет обозначить актуальность исследования текущих инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов и определения факторов, препятствующих эффективной поддержке их технологического развития за счет мер государственной налоговой поддержки, а также формирование перспективных направлений совершенствования налогового инструментария в условиях осуществления четвертой промышленной революции (Индустрия 4.0) и постепенного перехода к Индустрии 5.0.

Материалы и методы исследования

Информационной базой исследования послужили публикации и монографии отечественных и зарубежных ученых, официальные статистические данные и сведения, опубликованные по теме исследования в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

В основу написания статьи положен методологический принцип комплексности научного исследования. Данный принцип позволил всестороннее рассмотреть существующие направления налоговой политики государства в отношении формирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов и предложить пути совершенствования инструментов государственной налоговой поддержки в данной области.

При написании статьи применялись общенаучные методы познания: анализ, синтез, дедукция, индукция, абдукция, аналогия, сравнение, описание, метод научного моделирования и аппроксимации. В качестве специальных методов познания использовались статистические и эконометрические методы анализа, методы экономического анализа, а также обзор нормативных правовых документов в области налогообложения.

Анализ текущих инструментов государственной налоговой поддержки, направленных на формирование инновационного потенциала хозяйствующих субъектов

Нормативный и теоретический анализ существующих инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов и их классификация представлены в более ранних исследованиях автора [6,7,8]. Проведенный анализ позволил выявить ряд особенностей, обозначенных в таблице 1.

Сравнительный анализ взаимосвязи результатов теоретического и нормативного анализа (таблица 1) с результатами статистического анализа показывает, что налоговая политика РФ включает широкий набор инструментов, стимулирующих инновационный потенциал хозяйствующих субъектов и их инновационную активность. Вместе с тем, существует ряд недостатков, которые могут сдерживать инновационное развитие России.

Выводы, полученные в результате сравнительного анализа, позволяют определить траекторию развития государственной налоговой политики в части формирования и расширения инновационного потенциала. Однако для формирования новых инструментов поддержки необходимо учитывать степень влияния инструментов налогового стимулирования на уровень инновационного потенциала и рост инновационной активности.

Исследование влияния налоговых инструментов на уровень инновационного потенциала и инновационной активности хозяйствующих субъектов

Анализ налоговых расходов в разрезе государственных программ свидетельствует, что большая часть инструментов налогового стимулирования науки и инноваций закреплена в двух государственных программах «Экономическое развитие и инновационная экономика» и «Научно-технологическое развитие Российской Федерации». Согласно данным Минфина России в 2022 году сумма налоговых расходов по этим программам составляет порядка 871,4 млрд руб.⁴ Для сравнения объём ассигнований из федерального бюджета на гражданскую науку в 2022 году составляет порядка 631,7 млрд руб. [19], что свидетельствует о том, что инструменты налогового стимулирования занимают равное или даже преобладающее положение в сравнении с прямыми инструментами поддержки. Однако анализ содержания государственных программ показывает, что не все программы, включаемые в совокупные государственные

⁴ Отчет об оценке налоговых расходов Российской Федерации за 2023 год, оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2024 год и оценке налоговых расходов Российской Федерации на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов.

программы, направлены на стимулирование науки и инноваций. Это говорит о том, что идентифицировать точную сумму налоговых расходов на формирование и расширение инновационного потенциала хозяйствующих субъектов не представляется возможным. Кроме того, проведенный анализ инструментов налогового стимулирования позволяет констатировать, что весомая часть инструментов приходится на инструменты косвенного воздействия [6,7,8].

В связи с этим, используя данные публичной статистической налоговой отчетности [17] для оценки влияния инструментов налогового стимулирования на инновационный потенциал хозяйствующих субъектов была сформирована аддитивная модель идентификации инструментов налогового стимулирования прямого воздействия, которая имеет следующий вид:

$$\begin{aligned} \text{НРПВ} = & P1_{4300} + P1_{4301} + P1_{4302} + P1_{4430} + P1_{4440} + P2_{1116} + \\ & P2_{1175} + P2_{1577} + P2_{1577} + P2_{2011} + P2_{2305} + P3_{1632} + P3_{1633} + \\ & P3_{1626} + P3_{1627} + P3_{1624} + P3_{1634} + P3_{2632} + P3_{2633} + P3_{2626} + \\ & P3_{2627} + P3_{2624} + P3_{2634} + P4_{1720} + P4_{1723} \end{aligned} \quad (1)$$

где НРПВ — налоговые расходы, возникающие в результате применения инструментов прямого воздействия;

P1 — сумма налоговых расходов по НДС из формы 1-НДС;

P2 — сумма налоговых расходов по НПО из формы 5-П;

P3 — сумма налоговых расходов по НИО из формы 5-НИО;

P4 — сумма налоговых расходов по земельному налогу из формы 5-МН;

i — строка в статистической налоговой отчетности.

При формировании данной модели учитывалась разработанная ранее классификация инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала [8, с. 116]. Для исследования связи между инновационной активностью хозяйствующих субъектов [16] и инновационным потенциалом [13]⁵, а также между инновационным потенциалом и долей налоговых расходов в ВРП [16, 17]⁶, характеризующих величину государственной налоговой поддержки хозяйствующих субъектов и идентифицированных по предложенной аддитивной модели, применялись методы корреляционного и регрессионного анализа.

⁵ В рамках исследования было сделано допущение, что инновационный потенциал характеризуется индексом научно-технического потенциала: применение данного показателя представляет собой аппроксимацию уровня инновационного потенциала хозяйствующих субъектов РФ.

⁶ Для нивелирования эффекта масштаба и обеспечения сопоставимости данных абсолютные значения налоговых расходов были скорректированы с учетом величины ВРП субъектов РФ.

Таблица 1.

Направления развития инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов

Результаты статистического анализа	Результаты нормативного и теоретического анализа	Направления развития инструментов налогового стимулирования
1	2	3
На протяжении длительного времени наблюдается низкий уровень инновационной активности хозяйствующих субъектов [12]	За 30 лет в налоговой системе РФ сформировался широкий набор инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала. Однако часть инструментов остаётся невостребованной налогоплательщиками, необходим анализ факторов, сдерживающих их применение, а также оценка эффективности налоговых инструментов	Необходимо развитие налогового учета и отчетности хозяйствующих субъектов, переход к автоматизированной оценке эффективности налоговых расходов, развитие методики оценки эффективности налоговых расходов с учетом специфики инновационной деятельности
Увеличение числа малых технико-внедренческих организаций [16]	Специальные режимы налогообложения не содержат инструментов поддержки для субъектов малого предпринимательства (далее — СМП), осуществляющих НИОКР.	Необходимо исследовать вопрос о возможности корректировки специальных режимов для СМП, занятых исследованиями и разработками
Наличие субъектов РФ и отраслей с высокой инновационной и патентной активностью [15]	Налоговая политика РФ содержит налоговые инструменты, направленные на развитие отдельных регионов, отраслей и видов деятельности	Налоговые инструменты требуют оценки с учетом дифференцированного подхода и последующей экстраполяции положительного опыта
Положительная динамика патентной активности по отдельным объектам интеллектуальной собственности (далее — ОИС). При этом количество зарегистрированных патентов (свидетельств) на изобретения и промышленные образцы имеют тенденцию к снижению [15]	Необходимо внедрить в налоговую систему России инструменты, стимулирующие использование результатов интеллектуальной деятельности (далее — РИД), имеющих правовую защиту	Введение режима «патентной коробки», получившего широкое распространение за рубежом. Изучение опыта ОЭСР в части унификации налоговых правил и установления мер по регулированию налоговой конкуренции
Вузы и исследовательские институты являются постоянными участниками НИОКР, число организаций, выполняющих научные исследования и разработки, увеличилось [15]	Организации — «создатели инноваций» зачастую сталкиваются с препятствием от заказчиков, которые не готовы покупать РИД, без учета, входящего НДС	Необходимо пересмотреть вопрос налогового стимулирования организаций — «создателей инноваций» в части снижения налоговой нагрузки по НПО, вместо освобождения от НДС
Физические лица являются постоянными участниками инновационного процесса, однако отмечено стойкое снижение научного персонала [15]	Не предусмотрены инструменты налогового стимулирования физических лиц, занятых исследованиями и разработками	Необходимо изучение вопроса налогового стимулирования физических лиц, занятых исследованиями, для оказания поддержки и развития человеческого капитала
Низкий показатель удельного веса организаций, участвующих в совместных проектах [12]	Не предусмотрен механизм налогового стимулирования совместной деятельности для инновационных проектов на микроуровне	Следует рассмотреть возможность введения нового налогового режима для оформления кооперации субъектов инновационной деятельности
Наблюдается стабильный рост затрат на инновационную деятельность, однако уровень интенсивности снижается [12]	Отсутствует увязка между предоставленными инструментами налогового стимулирования с результатами инновационных проектов и целевым использованием «высвободившихся средств». Большая часть инструментов сосредоточена на стадии научных исследований, в то время как стадия получения результатов не поддерживается. Налоговая политика РФ содержит широкий перечень инструментов, направленных на стимулирование капиталовложений, в том числе в инновационную деятельность	Необходимо формирование набора инструментов налогового стимулирования, не только на стадии осуществления затрат в НИОКР, но и на стадии коммерциализации новшества. Учитывая, что одной из проблем внедрения и распространения инноваций является вопрос финансирования инновационных проектов, необходимо изучение вопроса о налоговом стимулировании инвесторов, в том числе в рамках договора конвертируемого займа
Большая часть затрат на инновационную деятельность осуществляется за счет собственных средств организаций и за счет бюджетных средств [12]		
Весомая часть затрат на инновационную деятельность связана с выполнением исследований и разработок, а также обновлением материально-технической базы [12]		

Источник: составлено автором.

Для проверки выборки на нормальность распределения в ходе анализа применялся тест Колмогорова-Смирнова⁷. По результатам анализа предположение о нормальности распределения было подтверждено, значение коэффициента парной корреляции Пирсона⁸ составило 0,4121 ($p < 0,001$), что свидетельствует о наличии прямой, умеренной связи между инновационным потенциалом и инновационной активностью. Однако полученное значение свидетельствует, что инновационный потенциал не является единственным предиктором, который оказывает влияние на инновационную активность.

Используя аддитивную модель идентификации инструментов налогового стимулирования прямого воздействия, проведена оценка влияния результатов государственной налоговой поддержки на инновационный потенциал на примере Приволжского, Центрального и Северо-Западного федеральных округов [16, 17]⁹. Для проверки выборки на нормальность распределения использован тест Шапиро-Уилка¹⁰, так как выборка составила 43 субъекта РФ. В ходе дальнейшего корреляционного анализа для оценки влияния использован коэффициент ранговой корреляции Спирмена¹¹, значение которого составило 0,2878 ($p = 0,0618$). Полученные значения свидетельствуют о наличии прямой, слабой связи между показателями. По результатам анализа можно сделать вывод, что текущие налоговые инструменты выступают компонентом инновационного потенциала, оказывают влияние на его формирование, могут способствовать расширению инновационного потенциала и росту инновационной активности. Однако воздействие инструментов налогового стимулирования на инновационный потенциал можно охарактеризовать как незначительное.

В рамках исследования сделан вывод, что существующие инструменты налогового стимулирования в текущем составе не могут способствовать достижению национальных целей, обозначенных Президентом РФ и Правительством РФ. Схожей позиции придерживается Л.И. Гончаренко, отмечая, что «налоговые инструменты играют определенную роль в налоговом стимулировании инновационной деятельности и спроса на инновации, несмотря на это они не могут быть решающим фактором развития инновационной экономики» [10, с. 156]. Вместе с тем необходимо учитывать, что «налоговые инструменты могут способствовать достижению нацио-

нальных целей, даже если они напрямую с ними не коррелируют. Причем, предпочтительность применения налоговых стимулов по сравнению с методами прямого финансирования состоит в том, что они оказывают меньшую нагрузку на бюджетную систему» [5, с. 123]. Следует резюмировать, что ключевым условием к стимулированию инновационного потенциала хозяйствующих субъектов должно стать гармоничное сочетание налоговых и неналоговых инструментов.

В связи с этим предложена концептуальная модель развития инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала (рис. 1), которая, базируясь на применении комплексного подхода к налоговому стимулированию, обеспечит расширение инновационного потенциала хозяйствующих субъектов за счёт имплементации востребованных мер поддержки. Предложенная концептуальная модель включает совершенствование текущего налогового законодательства по двум направлениям: за счёт «настройки» текущих инструментов поддержки и за счёт введения новых инструментов налогового стимулирования. Причем обязательным условием для функционирования модели является её интеграция в систему обязательного государственного контроля.

Рекомендации по развитию инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов

В процессе исследования предложены три направления развития инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов за счет инструментов прямого и косвенного воздействия (рис. 1): налоговое стимулирование на стадии распространения РИД за счёт имплементации и «настройки» режима «патентной коробки»; налоговое стимулирование совместной инновационной деятельности; налоговое стимулирование физических лиц, занятых исследованиями и разработками.

Развитие режима «патентной коробки» в России включает: распространение режима в рамках УСН; исключение принципа «двух ключей» при установлении пониженной ставки по НПО; распространение режима «патентной коробки» по договору коммерческой концессии, договору об отчуждении исключительного права и договору авторского заказа; распространение налогового режима «патентной коробки» с учётом соблюдения обязательных экономических условий и сроков применения налогового инструмента. Важным аспектом «настройки» режима «патентной коробки» является совершенствование налогового администрирования в части контроля над ценообразованием между взаимозависимыми лицами и препятствованием налоговой конкуренции и релокации.

⁷ <https://www.socscistatistics.com/tests/kolmogorov/default.aspx>

⁸ <https://www.socscistatistics.com/pvalues/pearsondistribution.aspx>

⁹ Субъекты РФ с высоким уровнем инновационной активности
¹⁰ <https://www.statkingdom.com/shapiro-wilk-test-calculator.html>

¹¹ <https://www.socscistatistics.com/tests/spearman/default.aspx>

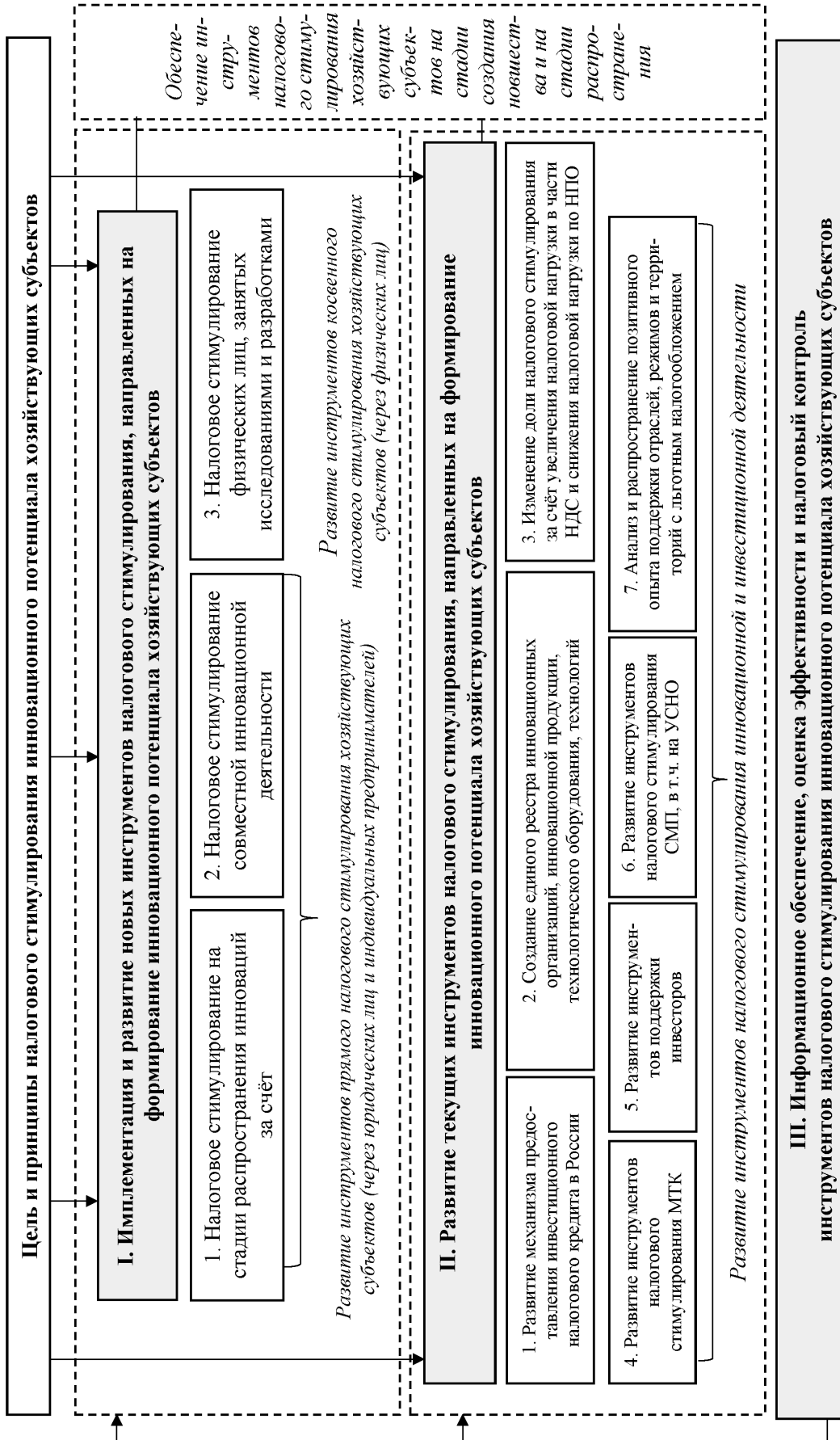

Рис. 1. Концептуальная модель развития налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов
 Источник: составлено автором.

Мировой опыт показывает, что кооперация в инновационной деятельности позволяет диверсифицировать риски между участниками совместной деятельности, привлекать дополнительные источники финансирования в инновационные проекты, усиливать контроль реализации инновационного проекта, повышать результативность проекта. В связи с этим в процессе исследования предлагается сформировать режим налогообложения и налогового стимулирования хозяйствующих субъектов, осуществляющих совместную инновационную деятельность на микроуровне. Внедрение режима с льготным налогообложением для участников совместной инновационной деятельности будет способствовать реализации комплексного подхода к налоговому стимулированию, так как предполагает поддержку как на стадии создания РИД, так и на стадии использования новшества. Кроме того, режим совместной инновационной деятельности предполагает поддержку на стадии распространения инновационных товаров, работ и услуг (далее — ТРУ) и налоговую поддержку инвесторов, осуществляющих вложения в инновационные проекты. Концептуальная модель налогового стимулирования участников совместной инновационной деятельности представлена на рисунке 2.

Нельзя не согласиться с мнением, что «невозможно осуществлять инвестиционные проекты, производить инновационную продукцию, осуществлять НИОКР без компетентного персонала. В Индустрии 4.0 человеческий ресурс выходит на передний план. Не машины и оборудование, а человек с его знаниями, идеями, компетенциями» [11, с. 314]. В ходе исследования сделан аналогичный вывод, что стимулирование инновационного потенциала следует осуществлять не только в отношении субъектов бизнеса, но и за счёт поддержки физических лиц, занятых исследованиями и разработками, что будет способствовать научно-технологическому развитию России и наращению человеческого капитала. В этой связи сформулированы следующие рекомендации по развитию инструментов налогового стимулирования физических лиц: обозначена необходимость развития профессионального налогового вычета по НДФЛ; предложено увеличение социального налогового вычета на обучение для учёных, исследователей и высококвалифицированных специалистов, правообладателей РИД, получивших правовую защиту в течение последних 3 лет; предложено рассмотреть возможность предоставления иностранным лицам, которые не являются резидентами РФ и получают доход от российских организаций по лицензионным договорам или по договору об отчуждении исключительного права, налоговой ставки по НДФЛ по аналогии с ВКС при условии, что их РИД получили правовую защиту в РФ.

Вместе с тем рекомендовано внедрить повышающий коэффициент в отношении доходов по НПД для населе-

ния, занятого исследованиями и разработками. Для усиления мотивации специалистов, выполняющих работы в рамках гранта в составе научного коллектива, предложено частично освободить от налогообложения НДФЛ вознаграждения за выполненные работы.

Важным условием достижения положительного эффекта от внедрения инструментов налогового стимулирования является их востребованность. Недостаточная осведомлённость налогоплательщиков и сложность налогового законодательства являются факторами, сдерживающими применение инструментов поддержки гражданами. Так, для формирования открытой и прозрачной среды представляется важным разработка и внедрение понятного для физических лиц, занятых исследованиями и разработками, алгоритма информирования физических лиц. Данный алгоритм может быть использован ФНС России для создания и внедрения интернет-сервиса «Поддержка физических лиц, занятых наукой и инновациями в России» на официальном сайте ФНС России, ссылка на который может быть представлена в открытых источниках.

Развитие методики оценки эффективности инструментов налогового стимулирования

Предоставление инструментов налогового стимулирования хозяйствующим субъектам сопряжено с возникновением налоговых расходов. Система управления налоговыми расходами РФ требует дальнейшего развития. Так, в частности, «необходимо развитие методики оценки эффективности налоговых расходов с учетом особенностей, характерных для определенных отраслей, видов деятельности, преференциальных зон и инновационных научно-технологических центров» [9, с. 2869].

Применение современных информационных технологий налогового контроля, автоматизация процессов оценки и применения современных методов анализа позволяют дифференцировать методические подходы к оценке эффективности налоговых расходов в разных отраслях и для разных режимов налогообложения, учитывая их специфику. Инновационная деятельность обладает рядом отличительных характеристик, которые отличают её от других видов деятельности и требуют индивидуального подхода.

В связи с этим предложен научно-методический подход, который состоит в расширении системы показателей бюджетной и экономической эффективности, необходимых для комплексной и справедливой оценки инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала. Так, предлагается расширить методику оценки за счёт применения дополнительных показателей бюджетной эффективности, расчёт которых возможно производить по методике расчёта показателя моди-

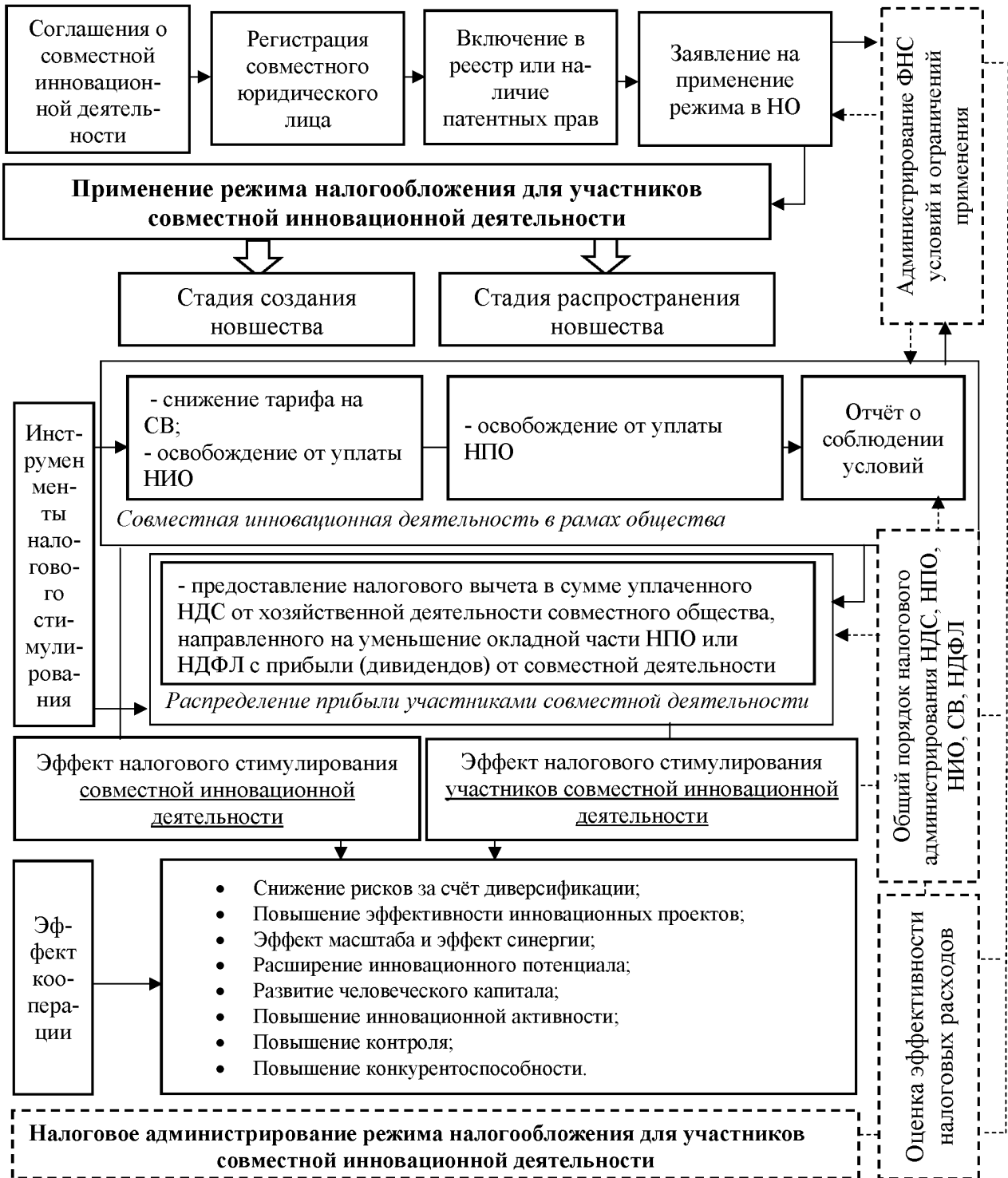

Рис. 2. Концептуальная модель налогового стимулирования участников совместной инновационной деятельности
 Источник: составлено автором.

фицированной внутренней нормы доходности (MIRR) и модифицированной чистой текущей стоимости (MNPV).

В результате адаптации методов оценки эффективности инвестиционных проектов к оценке эффективности инструментов налогового стимулирования предложены следующие дополнительные показатели:

$$E2 = \sqrt[n]{\frac{\sum_{i=1}^n P_i \cdot (1+r)^{n-1}}{\sum_{i=0}^n \frac{I_i}{(1+d)^i}}} - 1 = \sqrt[n]{\frac{TV(P)}{PV(I)}} - 1 \quad (2)$$

$$E3 = \frac{\sum_{i=1}^n P_i \cdot (1+r)^{n-1}}{(1+d)^n} - \sum_{i=0}^n \frac{I_i}{(1+d)^i} \quad (3)$$

где I_i — налоговые расходы (оттоки бюджетной системы), руб.;

P_i — прирост налоговых поступлений (притоки бюджетной системы), руб.;

$TV(P)$ — терминальная (будущая) стоимость налоговых поступлений, руб.;

$PV(I)$ — современная (дисконтированная) стоимость налоговых расходов, руб.;

r — стоимость среднесрочных рыночных займов, %;

n — срок предоставления инструмента налогового стимулирования, лет;

d — ставка дисконтирования, %.

Идея адаптации данных показателей для оценки эффективности налоговых инструментов состоит в том, что совокупный прирост налоговых поступлений за оцениваемый период (5 лет) должен покрывать налоговые расходы. Однако, принимая во внимание специфику инновационной деятельности, предлагается не учитывать номинальный темп прироста базовых налоговых поступлений, рекомендованный существующей оценкой эффективности¹², а учитывать индекс потребительских цен в РФ, а также реинвестирование прироста налоговых поступлений для реализации более точной и справедливой оценки. Предложение о реинвестировании прироста налоговых поступлений является актуальным в контексте внедрения Федеральным казначейством РФ единого казначейского счета и методики «cash-concentration» [20].

Логика применения представленных показателей бюджетной эффективности следующая: если показатель E2 превышает значение расчётной стоимости среднесрочных рыночных займов, то налоговое стимулирование признаётся эффективным. Налоговый инструмент считается эффективным, если значение показателя E3 больше нуля.

Показатели E2 и E3 могут быть дополнительными, взаимодополняющими индикаторами при комплексной оценке эффективности инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов. Кроме того, для реализации принципа целевого использования высвободившихся средств, в работе предложены следующие показатели экономической эффективности: удельный вес затрат на НИОКР и (или) затрат на приобретение РИД в общем объеме затрат организации; удельный вес инновационных ТРУ в общем объеме отгруженных ТРУ; удельный вес затрат на приобретение (модернизацию) основных средств

¹² Письмо от 28.04.2018 № 23-05-07/29126 «Методические рекомендации по проведению оценки эффективности налоговых льгот (налоговых расходов) субъектов Российской Федерации и муниципальных образований».

производственного назначения в общем объеме затрат организаций; наличие вновь зарегистрированных РИД в Роспатенте; создание новых рабочих мест; участие в совместных инновационных проектах.

Результаты исследования

Проведённое исследование позволило сформировать следующие рекомендации, имеющие теоретическую значимость и практическую ценность.

Во-первых, в ходе исследования, используя методы корреляционного и регрессионного анализа, научно доказано прямое влияние налоговых расходов бюджетов бюджетной системы РФ на инновационный потенциал и инновационную активность хозяйствующих субъектов. Однако, учитывая, что связь характеризуется как незначительная, сделан вывод, что существующие налоговые инструменты поддержки в текущей комбинации не являются основными предикторами формирования и расширения инновационного потенциала и не могут оказать решающего эффекта в обеспечении технологического развития и укрепления технологического суверенитета государства, кроме того, существующий набор налоговых инструментов требует совершенствования.

Во-вторых, разработана концептуальная модель развития налогового стимулирования инновационного потенциала, которая обеспечит совершенствование текущих инструментов поддержки и расширение инновационного потенциала хозяйствующих субъектов за счёт имплементации новых мер поддержки. В связи с этим необходимо совершенствование налогового режима «патентной коробки» и инструментов налогового стимулирования физических лиц. Кроме того, требуется поддержка хозяйствующих субъектов, осуществляющих совместную инновационную деятельность.

В-третьих, предложенная модель комплексного налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов должна функционировать при выполнении следующих условий.

1. Развитие научно-методического подхода к оценке эффективности инструментов с учетом специфики инновационной деятельности и анализа востребованности мер государственной налоговой поддержки.
2. Изменение информационного обеспечения оценки эффективности инструментов налогового стимулирования и уточнения понятийно-категориального аппарата [9, с. 2870].
3. Совершенствование подходов налогового администрирования инструментов государственной налоговой поддержки [9, с. 2870].

В-четвертых, для стимулирования использования инструментов государственной налоговой поддержки физическими лицами, которые заняты исследованиями и разработками, предложено разработать алгоритм налогового информирования физических лиц по форме «вопрос-ответ», который может быть представлен на официальном сайте ФНС России. Внедрение данного алгоритма будет способствовать информированию граждан о существующих инструментах поддержки и повысит уровень их налоговой культуры и налоговой грамотности. Применение такого подхода является актуальным в связи с формированием нового вектора налоговых отношений между налоговым органом и налогоплательщиком в сторону конвергенции их позиций, консенсуса в решении противоречий и внедрения концепции человекоцентричности.

Заключение

Существующие инструменты налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих

субъектов не оказывают должного эффекта и не способствуют достижению национальных целей. Это связано с тем, что современный подход к налоговому стимулированию носит «разрозненный» характер, существующие инструменты остаются невостребованными налогоплательщиками, отсутствует увязка между предоставленными инструментами налогового стимулирования с полученными результатами и целевым использованием «высвободившихся средств». Для перехода к новой неиндустриальной модели экономического развития необходимо изменить «точечный» подход к налоговому стимулированию инновационного потенциала на комплексный, функционирующий в системе обязательного государственного контроля. Полученные результаты позволяют определить траекторию развития перспективной модели государственной налоговой поддержки инновационной деятельности в России.

ЛИТЕРАТУРА

1. Засько В.Н. Анализ и оценка инструментария налогового сопровождения национальных правительственных проектов с целью решения задачи укрепления технологического суверенитета / В.Н. Засько // *Инновации и инвестиции*. — 2024. — № 5. — С. 389–392.
2. Королева Л.П. Современные тенденции налогового стимулирования неиндустриального развития в России / Л.П. Королева // *Финансы и кредит*. — 2023. — № 7(835). — С. 1574–1594.
3. Тихонова А.В. Проблема сепарирования эффектов государственной финансовой поддержки и варианты ее решения / А.В. Тихонова // *Экономика. Налоги. Право*. — 2023. — № 5. С. 104–113.
4. Логинова Т.А. Налоговое стимулирование расходов предприятий на НИОКР: особенности и проблемы регулирования / Т.А. Логинова // *Правоприменение*. — 2022. — № 1. — С. 111–123.
5. Косенкова Ю.Ю. Роль стимулирующих эффектов НДС в реализации национальных проектов / Ю.Ю. Косенкова // *Экономика. Налоги. Право*. — 2023. — Т. 16, № 6. — С. 120–130.
6. Дубков Д.А. Имплементация режима «патент бокс» в качестве инструмента налогового стимулирования инновационной деятельности / Д.А. Дубков // *Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право*. — 2023. — № 11. — С. 23–32.
7. Дубков Д.А. Инструменты налогового стимулирования инновационной деятельности: экономическая сущность и понятийно-категориальный аппарат / Д.А. Дубков // *Аудиторские ведомости*. — 2023. — № 4. — С. 185–192.
8. Дубков Д.А. Классификация инструментов налогового стимулирования инновационного потенциала хозяйствующих субъектов / Д.А. Дубков // *Аудиторские ведомости*. — 2024. — № 1. — С. 114–123.
9. Дубков Д.А. Инструменты государственной налоговой поддержки: проблемы и перспективы налогового администрирования / Д.А. Дубков // *Финансы и кредит*. — 2024. — № 12. — С. 2861–2876.
10. Финансовые и денежно-кредитные методы регулирования экономики. Теория и практика: учебник для вузов / М.А. Абрамова [и др.]; под редакцией М.А. Абрамовой, Л.И. Гончаренко, Е.В. Маркиной. — 3-е изд., испр. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2024. — 508 с. — ISBN 978-5-534-13530-5.
11. Исследование альтернативных концепций налогового регулирования как фактора обеспечения новой индустриальной революции в России: монография / Л.И. Гончаренко, В.П. Вишневецкий, А.В. Гурнак [и др.]; под науч. ред. Л.И. Гончаренко, В.П. Вишневецкий, А.В. Гурнак. — Москва: КноРус, 2023. — 486 с. — ISBN 978-5-406-11627-2.
12. Индикаторы инновационной деятельности: 2024: статистический сборник / В.В. Власова, Л.М. Гохберг, Г.А. Грачева и др.; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2024. — 261 с.
13. Рейтинг инновационного развития субъектов Российской Федерации. Выпуск 8 / В.Л. Абашкин, Г.И. Абдрахманова, С.В. Бредихин и др.; под ред. Л.М. Гохберга; НИУ ВШЭ — М.: ИСИЭЗ ВШЭ. — 2023. — 260 с. — ISBN 978-5-7598-3000-9.
14. Всемирная организация интеллектуальной собственности. ВОИС: ИС в фактах и цифрах 2024 год [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/publications/ru/details.jsp?id=4761&plang=RU> (дата обращения: 14.02.2025).
15. Федеральная служба по интеллектуальной собственности Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rospatent.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).
16. Федеральная служба государственной статистики: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 01.02.2025).

17. Федеральная налоговая служба Российской Федерации: официальный сайт. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nalog.gov.ru/> (дата обращения: 23.02.2025).
18. Технологическая гонка определит контуры будущего мироустройства. [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2025/01/31/mishustin-tehnologicheskaia-gonka-opredelit-kontury-budushchego-miroustrojstva.html> (дата обращения: 16.02.2025).
19. Ассигнования на гражданскую науку из средств федерального бюджета в Российской Федерации. [Электронный ресурс]. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/848712459.pdf> (дата обращения: 16.02.2025).
20. Кэш-менеджмент в Казначействе России: состояние и перспективы. [Электронный ресурс]. URL: https://roskazna.gov.ru/upload/iblock/0a1/prezentatsiya-kesh_menedzhment-v-kaznacheystve-rossii-sostoyanie-i-perspektivy.pdf (дата обращения: 12.01.2025).
21. Глобальный инновационный индекс 2024. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wipo.int/web-publications/global-innovation-index-2024/en/> (дата обращения: 07.02.2025).

© Дубков Денис Алексеевич (denis_dubkov@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СТРАТЕГИЯ ПРОСТРАНСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ТОЧКИ РОСТА ПРОТИВ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСПРОПОРЦИЙ

SPATIAL DEVELOPMENT STRATEGY OF THE RUSSIAN FEDERATION: GROWTH POINTS VERSUS REGIONAL DISPROPORTIONS

*E. Ivanova
Yu. Levina*

Summary. In the article, the authors analyze the evolution of the state policy of spatial development, comparing the provisions of the Strategy of Spatial Development until 2025 and the current Development Strategy until 2030 with the forecast until 2036, emphasizing the shift of the state strategic vector from the priority of geostrategic territories to the direction of the development of core settlements. The obtained results of the study allow us to conclude that there are persistent imbalances in the socio-economic development of the constituent entities of the Russian Federation.

It is noted that despite the declared goals of balanced development, the key instrument of state policy in this subject area remains the concentration of resources in «growth points» (agglomerations, core settlements, geostrategic territories), which can aggravate the center-periphery imbalances. The paper critically assesses the gaps in regulation, including the lack of effective mechanisms to stimulate the resettlement of the population to small towns, which leads to overcrowding in megacities, insufficient synchronization of strategic documents and special regulatory legal acts in the field of urban development, as well as the low efficiency of measures to support depressed regions. Directions for improving the state policy of spatial development are proposed, including strengthening the role of the macroregional approach, developing horizontal links between territories and introducing comprehensive mechanisms to stimulate migration to small towns and rural areas.

Keywords: spatial development, regional disparities, strategy, growth points, key settlements.

Введение

Устойчивое социально-экономическое развитие страны, включая повышение эффективности использования потенциала эффективного пространственного развития, является значимой задачей государственной политики.

Несмотря на принимаемые меры по выравниванию ситуации, отмечаются диспропорции в социально-эко-

Иванова Елена Александровна
д.э.н., профессор, Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
s888pe@yandex.ru

Левина Юлия Владимировна
к.э.н., Ростовский государственный
экономический университет (РИНХ)
kochurau@gmail.com

Аннотация. В статье авторы анализируют эволюцию государственной политики пространственного развития, сравнивая положения Стратегии пространственного развития до 2025 года и действующей Стратегии развития до 2030 года с прогнозом до 2036 года, подчеркивается смещение государственного стратегического вектора с приоритета геостратегических территорий в направлении развития опорных населенных пунктов. Полученные результаты исследования позволяют сделать вывод о сохраняющихся диспропорциях в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации.

Отмечается, что несмотря на заявленные цели сбалансированного развития, ключевым инструментом государственной политики в данной предметной области остается концентрация ресурсов в «точках роста» (агломерациях, опорных населенных пунктах, геостратегических территориях), что может усугубить центр-периферийные диспропорции. Критически оцениваются пробелы в регулировании, включая отсутствие эффективных механизмов стимулирования переселения населения в малые города, что ведет к перенаселенности мегаполисов, недостаточную синхронизацию стратегических документов и специальных нормативных правовых актов в сфере градостроительства, а также низкая эффективность мер поддержки депрессивных регионов.

Предлагаются направления совершенствования государственной политики пространственного развития, в том числе усиление роли макрорегионального подхода, развитие горизонтальных связей между территориями и внедрение комплексных механизмов стимулирования миграции в малые города и сельские территории.

Ключевые слова: пространственное развитие, региональные диспропорции, стратегия, точки роста, опорные населенные пункты.

номическом развитии субъектов Российской Федерации по целому ряду показателей, таким как уровень доходов и качество жизни населения, объем валового регионального продукта, размер инвестиций в региональную экономику.

В этой связи в современных условиях неравномерного развития территорий и, как следствие, происходящих процессов урбанизации, сохраняется актуальность научного осмысления и исследования подходов к эффек-

тивной организации территориального, в том числе регионального пространства.

По-прежнему при оценке пространственных диспропорций остаётся востребованной и продолжает активно использоваться сформулированная более десяти лет назад профессором МГУ им. М.С. Ломаносова Н.В. Зубаревич концепция «Четыре России», устанавливающая деление регионов на центральные и периферийные, существующие одновременно в границах нашей страны [10, с. 81–82]. В частности, по мнению автора концепции, «Первая Россия» — это экономически развитые крупные города-миллионники, центры экономики и модернизации. «Вторая Россия» — представляет собой средние индустриальные города со специализированной экономикой. «Третья Россия» — обширная периферия с низким качеством жизни, которую преимущественно составляют малые города, рабочие поселки, сельская местность. «Четвертую Россию» составляют национальные Кавказские республики и Южная Сибирь, где урбанизация находится в зачаточном состоянии, а в обществе сохраняется архаичная иерархия.

Достижению цели сбалансированного развития территорий и регионов, сокращению межтерриториальных диспропорций субъектов Федерации способствует принятие государственной стратегии пространственного развития, устанавливающей сценарии и приоритеты такого развития на долгосрочную перспективу, согласно законодательству о стратегическом планировании.

Первая Стратегия пространственного развития Российской Федерации до 2025 года [6] заложила основы перспективной экономической специализации российских регионов по отраслям и видам деятельности, установила общие подходы к определению приоритетов государственной политики пространственного регулирования, выделив в качестве перспективных центров роста и развития крупные (крупнейшие) агломерации, а также представила перечень геостратегических зон и макрорегионов страны.

В действующей Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года с прогнозом до 2036 года (далее — Стратегия пространственного развития) [7] законодателем сделан акцент на обеспечении экономического суверенитета России посредством развития международного сотрудничества и транспортных коридоров со странами Азии и Ближнего Востока, Китайской Народной Республикой, Республикой Индия и рядом других стран для преодоления последствий санкций недружественных государств в виде разрыва международных торговых отношений и логистических цепочек.

Кроме этого, в отличие от предыдущей Стратегии пространственного развития с упором на Центральную

Россию, в новой Стратегии усиливается роль значимости Сибири и Дальнего Востока в развитии промышленности с использованием преимуществ такого финансового механизма, как венчурное финансирование инновационных и (или) технологических проектов.

Отдельное внимание заслуживает рассмотрение в Стратегии пространственного развития фактора экологического благополучия и мер по адаптации к изменению климата в качестве важнейшего приоритета повышения качества жизни населения страны.

Таким образом, роль Стратегии пространственного развития определяется необходимостью максимального вовлечения и эффективного использования пространства страны в целях практической реализации установленных государством показателей пространственного развития, прежде всего направленных на создание оптимальных условий для укрепления института семьи и улучшения демографической ситуации, повышения здоровья нации и качества жизни граждан, а также формирования благоприятной и безопасной среды проживания.

Методология

Выявление проблем пространственного развития и их преодоление, пересмотр традиционных подходов к территориальному планированию и регулированию будет способствовать обеспечению устойчивого экономического роста и повышению качества и уровня жизни населения.

Проведение настоящего исследования базируется на междисциплинарном подходе, включающем методы сравнительного анализа, пространственного и контент-анализа. В работе использованы экспертные оценки, а также результаты эмпирических исследований, в том числе научных материалов по соответствующей тематике, что позволяет выявить ключевые тенденции пространственного развития и оценить существующие диспропорции в развитии регионов РФ.

Вопросы пространственного развития неоднократно исследовались различными учеными, в том числе М.Н. Гаврилук выявила проблему разночтения в определении объектов пространственного развития, подчеркнув, что предусмотренные в предшествующей Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года такие пространственные объекты, как геостратегическая территория, городская агломерация, сельская территория, агропромышленный и минерально-сырьевой центр отсутствуют и в Градостроительном кодексе Российской Федерации, и в Федеральном законе от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» [1].

Обозначенная проблема законодательного закрепления понятий объектов пространственного развития и синхронизации нормативных правовых актов не решена и сейчас.

Действующая Стратегия пространственного развития оперирует понятиями «малый город», «средний город», «ядро городской агломерации», которые отсутствуют в специальном законодательстве, регулирующем градостроительную деятельность.

Вместе с тем, Стратегия пространственного развития не содержит четких критериев для отнесения городов Кавминградской (Пятигорск, Кисловодск и Ессентуки Ставропольского края) к категории «ядро городской агломерации». Это создает неопределенность в понимании намерений законодателя и требует уточнений по причине неоднозначности в интерпретации предусмотренных норм и требований в данной области права.

Сомнения в целесообразности реализации в Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года концепции разделения страны на «перспективные» и «неперспективные» территории справедливо высказывали Н.Г. Жаворонкова и Ю.Г. Шпаковский, отметив, что реализованный ранее в стране подобный опыт привел к потерям, как в экономике, так и в социальной сфере [2].

По мнению Н.Ф. Поповой, которое мы полностью разделяем, учитывая статус России как федеративного государства, характеризующегося разнообразием экономико-географических зон, особой системой расселения населения, значимым выступает пространственное развитие страны с учетом внутрирегиональных взаимосвязей, как необходимого элемента социально-экономического развития территорий. Положительно на процесс уменьшения региональной асимметрии развития может повлиять макрорегиональное деление Российской Федерации [5].

Результаты

Как в предыдущем варианте, так и в действующей Стратегии пространственного развития имеются проблемы регулирования и «узкие места», в том числе необходимо отметить, что акцент на выделение «реперных точек роста» (крупных агломераций, особых экономических зон, портовых городов) и создание условий для их последующего развития может усилить существующий дисбаланс и привести к еще большему ослаблению сельских и депрессивных территорий и моногородов.

В частности, в указанном стратегическом документе приоритетную концентрацию ресурсов и мер государственной поддержки планируется сосредоточить в си-

стеме опорных населенных пунктов, что, на наш взгляд, будет способствовать поляризации экономического пространства и усугублению существующего кризиса развития периферийных территорий.

Предусмотренное в Стратегии пространственного развития инфраструктурное развитие и создание дополнительных рабочих мест в малых городах и моногородах для повышения их привлекательности, доступности жилья, образования и медицины имеет институциональные пробелы.

Рассматривая реализацию государственной программы «Дальневосточная ипотека», эксперты и ученые отмечают, что решение социально-экономических проблем Дальнего Востока России предполагает комплексный подход и требует более кардинальных государственных решений, поскольку привлекательная социальная среда — это не только инфраструктура для комфортного проживания, но также и рабочие места, предусматривающие достойную оплату труда, отвечающую уровню цен на товары в регионах [4, с. 144].

По результатам исследования внедрения государственной программы «Земский доктор», проводимой в течение более десяти лет и предусматривающей значительные финансовые стимулы для привлечения врачей в периферийные территории, одним из экспертов Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» сделан вывод, о том, что программа имеет спорные результаты, участие в программе не является достаточным условием трудоустройства, переезда врачей и их дальнейшего закрепления на новом месте [9, с. 121].

Отсутствие действенных механизмов реализации мер поддержки сельских и депрессивных территорий, стимулирования переселения населения в малые города, несогласованность стратегических документов и несистемный характер регулирования данной проблемы приводит к юридической неопределенности реализации задекларированных в Стратегии пространственного развития инициатив.

В этой связи в целях комплексного развития территорий необходима более четкая синхронизация стратегических документов и реализуемых на практике программ государственной поддержки и развития конкретных регионов нашей страны.

Обсуждение

В современных условиях пространственное развитие Российской Федерации осуществляется с учетом сформулированных государством в Стратегии пространственного развития таких приоритетов, как создание

сети опорных населенных пунктов, развитие округов Российской Федерации с учетом имеющейся специфики, поддержка геостратегических территорий, включая арктическую территорию, а также интеграция новых субъектов Федерации.

Повышение эффективности использования конкретной территории планируется за счет концентрации внимания и ресурсного обеспечения ограниченного числа объектов пространственного развития, которые становятся центрами роста и обеспечивают доступность услуг для населения прилегающих территорий.

Анализ двух государственных стратегических документов демонстрирует смещение акцентов планирования с геостратегических территорий на систему опорных населенных пунктов, выступающих в качестве новых объектов территориального развития Российской Федерации.

Создание системы опорных населенных пунктов, состоящей из городских агломераций и административных центров, существенно влияющих на экономику, а также городов, население которых обеспечивает работоспособность критически важной инфраструктуры, относится к числу новел действующей Стратегии.

Дефиниция «опорный населенный пункт» в Стратегии пространственного развития раскрывается посредством конкретизации назначения обособления указанной территории, роли в достижении национальных целей и обеспечении национальной безопасности, в том числе повышении доступности для жителей прилегающей территории образования, медицинской помощи, услуг в сфере культуры и реализации иных потребностей населения.

Также понятие «опорный населенный пункт» закреплено в Методических рекомендациях по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий (далее — Методические рекомендации) [8].

В силу положений Методических рекомендаций «опорный населенный пункт» — это находящиеся за пределами агломерации поселения с населением от 3 до 50 тысяч жителей, удаленное от крупных городов на расстояние 50 км, с развиваемой инфраструктурой для обслуживания прилегающих территорий.

Таким образом, можно говорить о достаточно большом разнообразии признаков опорных населенных пунктов, а также о вариативности поставленных перед стратегическими населенными пунктами задач.

Вместе с тем, значение статуса «геостратегическая территория» и «опорный населенный пункт» существенно различается по содержанию и функциям.

Геостратегическая территория обеспечивает решение не только экономических задач, включая развитие промышленности с использованием механизмов приоритетного федерального финансирования инвестиционных проектов, но и задач в сфере национальной безопасности и обороны страны.

Зачастую, развитие геостратегической территории охватывает пространственное развитие целого региона или даже нескольких регионов, что увеличивает её стратегическое значение на уровне страны или международных отношений и выполняет сразу несколько важных функций: экономическую, военную, политическую и транспортную. Она может быть одновременно торговым, промышленным и логистическим узлом, а также военным объектом стратегической важности.

Тогда как опорные пункты ориентированы на муниципальный уровень — обеспечение социальных услуг для населения (образование, медицинская помощь, культура и отдых) и устойчивое развитие конкретной территории.

На практике опорные пункты — это, в том числе, технопарки, промышленно-индустриальные зоны, транспортные хабы (например, аэропорт «Шереметьево»), которые нацелены на выполнение определенного вида экономической деятельности и не имеют широкого стратегического влияния.

При этом не стоит недооценивать «значимость опорных населенных пунктов, которая определяется в первую очередь мелкодисперсной системой расселения и угрожающими темпами пространственного сжатия, свойственными подавляющему большинству российских регионов. Система опорных населенных пунктов может играть важную роль и в вопросах территориального развития, улучшения системы предоставления различных услуг, в том числе публичного администрирования» [3, с. 95–96].

Обеспечение национальной безопасности выделено законодателем в качестве цели пространственного развития Российской Федерации наравне с формированием сбалансированной системы расселения и территориальной организации экономики.

В этой связи остается спорным решение об исключении в действующей редакции Стратегии пространственного развития Российской Федерации Ростовской области из перечня регионов, имеющих геостратегическое значение, по причине формального прекращения приграничного статуса региона после вхождения в состав нашей страны Донецкой и Луганской народных республик, а также Херсонской и Запорожской областей.

Несмотря на формальную утрату статуса приграничной территории, Ростовская область в силу своего

уникального географического, геополитического, экономического и транспортно-логистического положения на юге России продолжает выполнять критически важные геостратегические функции для обеспечения территориальной целостности и национальной безопасности Российской Федерации.

В условиях проведения специальной военной операции регион сохраняет специфические особенности жизни и ведения хозяйственной деятельности, участвует в восстановлении экономики новых регионов России.

Представляется, что исключение Ростовской области из перечня геостратегических территорий произведено автоматически на основании изменения государственной границы без анализа реальных угроз безопасности населения и сохранения существующей инфраструктуры в результате ежедневных беспилотных и даже ракетных атак, в том числе по жилым домам, критической инфраструктуре, промышленным объектам, а также комплексного анализа таких ключевых факторов, как экономическая взаимозависимость с Донбассом, обеспечение функций непрерывного транспортного сообщения и логистического центра для новых субъектов Федерации.

Заключение

Эффективная государственная стратегия распределения производственного потенциала, инвестиционных потоков и трудовых ресурсов с учетом особенностей территории страны не только является основой для омологации пространственного развития Российской Федерации, но и способствует обеспечению национальной безопасности в условиях внешнего санкционного давления недружественных стран.

Разработанная Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года имеет ключевое значение для обеспечения национальной

безопасности и сбалансированного социально-экономического развития территорий и регионов нашей страны в условиях глобальных политических вызовов.

Применяемые законодателем в целях создания оптимальных условий распределения ресурсов общие подходы к выделению объектов развития, ориентированные на разные типы территорий, позволяют устанавливать приоритеты с использованием дифференцированного подхода и региональных особенностей. Указанное в целом соответствует закрепленной в Стратегии задаче исправления существующих диспропорций в территориальном развитии регионов страны и создает условия для эффективного осуществления государственной политики пространственного развития.

Вместе с тем, противоречивость современной пространственной политики государства заключается в том, что, ставя и реализуя цель по сглаживанию диспропорций в социально-экономическом развитии регионов посредством поддержки «точек роста», фактически усиливается региональное неравенство, создается новый уровень центрально-периферийных противоречий.

Кроме этого, не исключается формальный подход к определению статуса регионов, ярким примером которого стало исключение Ростовской области из перечня геостратегических территорий Российской Федерации при сохранении аналогичного статуса для других территорий с сопоставимыми критериями (как например, Республика Крым и Курская область), что нарушает принципы единообразия и справедливости государственного управления.

В этой связи представляется целесообразным включение в государственную Стратегию пространственного развития положения о необходимости учета мнения жителей региона при принятии решения об изменении статуса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаврилюк М.Н. Правовые проблемы пространственного развития территории Российской Федерации // Имущественные отношения в Российской Федерации. — 2024. № 6 // СПС КонсультантПлюс.
2. Жаворонкова Н.Г., Шпаковский Ю.Г. Правовые проблемы пространственного развития Российской Федерации: вопросы стратегического планирования // Юрист. — 2020. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
3. Маркварт Э., Киселева Н.Н., Соснин Д.П. Система опорных населенных пунктов как механизм управления пространственным развитием: теоретические и практические аспекты // Власть. — 2022. № 2. — С. 95–96.
4. Обухова О.В., Полякова Е.М. Государственная программа «Дальневосточная ипотека» как средство решения социально-экономических проблем Дальнего Востока России // МНИЖ. — 2020. № 8-2 (98). — С. 144.
5. Попова Н.Ф. Основные проблемы и приоритеты пространственного развития РФ // Административное право и процесс. 2020. № 5 // СПС КонсультантПлюс.
6. Распоряжение Правительства РФ от 13.02.2019 № 207-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» // СПС КонсультантПлюс.
7. Распоряжение Правительства РФ от 28.12.2024 № 4146-р «Об утверждении Стратегии пространственного развития Российской Федерации на период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс.
8. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 23.12.2022 № 4132-р «Об утверждении Методических рекомендаций по критериям определения опорных населенных пунктов и прилегающих территорий» // СПС КонсультантПлюс.
9. Шарепина Е.А. Программа «Земский доктор» как фактор миграции врачей на периферию регионов Центрального федерального округа // Демографическое обозрение. — 2022. № 4. — С. 121.
10. Шахрай С.М. Неизвестная конституция. *Constitutio incognita*. — М.: Красная звезда, — 2013. — С. 320.

© Иванова Елена Александровна (s888pe@yandex.ru); Левина Юлия Владимировна (kochurau@gmail.com)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЕ МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ КОММУНИКАЦИЯМИ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

MODERN MANAGEMENT METHODS COMMUNICATIONS IN THE ORGANIZATION

A. Isaenko

Summary. The article examines the evolution of communication research in an organization in the light of modern challenges such as globalization, rapid technology changes, and cultural differences. The importance of understanding the basic principles of communication, identifying barriers and developing methods to overcome them is emphasized. The proliferation of channels that facilitate and accelerate contacts between people has led to the emergence of an information and communication system.

Keywords: communication, dynamics, activity, modern methods, management, organizations.

Исаенко Александр Павлович

*к.э.н., Государственный Университет Просвещения,
г. Москва;
Московский финансово-юридический университет
isaenko.aleksandr@bk.ru*

Аннотация. В статье рассматривается эволюция исследований коммуникаций в организации в свете современных вызовов, таких как глобализация, быстрые изменения технологий и культурные различия. Подчеркивается важность понимания основных принципов коммуникации, выявления барьеров и разработки методов их преодоления. Распространение каналов, облегчающих и ускоряющих контакты между людьми, привело к появлению информационно-коммуникационной системы.

Ключевые слова: коммуникация, динамика, активность, современные методы, менеджмент, организации.

С самого начала истории человечества развивались не только технологии, позволяющие удовлетворить основную потребность человека в общении, но и его способности к этому. Многие из этих каналов должны соответствовать категории того, что в настоящее время рассматривается как важнейшие компоненты информационно-коммуникационной системы. Крупномасштабные миграции населения, торговля и обмен являются примерами таких исторических путей коммуникации. История человеческого общества и коммуникации насчитывает тысячи лет. Несмотря на то, что коммуникация получила множество названий, первоначально она изучалась в Древней Греции и Китае под эгидой философии. По мере развития социологии и психологии к концу 20-го века коммуникация стала важной областью социальных наук.

Основная проблема, с которой сталкивается наука о коммуникации при определении своего предмета и границ как самостоятельной науки, — это диапазон тем, которые она исследует, от внутрипсихических до макрокоммуникационных систем. С точки зрения исторической продолжительности, начальный этап эволюции человеческого общения был самым продолжительным. Точнее говоря, за несколько сотен тысяч лет речь развивалась из самых архаичных средств общения — мимики, нечленораздельных криков и жестикуляции. Развитие человеческого самовыражения и коммуникации с помощью различных знаков, рисунков, символов и т.д. рас-

сматривается как второй этап в развитии информации и коммуникаций. Этот период продолжался примерно 7000 лет и пришелся на эпоху неолита. Появление знаков, или письменных символов, которые входят в состав алфавита, знаменует собой третий этап в эволюции коммуникации. Это письменность, известная как шумерская клинопись, разработанная в Месопотамии около 3000 года до нашей эры.

Появление алфавитного письма, и системы письменных знаков и букв, которая остается фундаментальной техникой и средством межличностного письменного общения, знаменует начало четвертой фазы эволюции коммуникации. Письмо ознаменовало собой настоящую революцию в области коммуникации. Это способствовало развитию науки, культуры, образования, экономики, а также более значительному и быстрому объединению людей. Письмо не уменьшило ценности или преобладания личного общения; напротив, оно сделало возможной запись устного общения. Ценность коммуникаций в современном мире настолько велика, что ее даже невозможно измерить. По мере развития средств коммуникации все большее число людей лишается каких-либо мотивирующих факторов. [4] С развитием средств коммуникации все большее число людей — независимо от внешних стимулов — осознают важнейшую роль коммуникации в повседневной жизни.

Эффективность сообщества и качество его взаимодействия определяются несколькими элементами,

но краеугольным камнем всего этого является коммуникация между его членами. В этом смысле «сообщество» может относиться к семье, обществу или организации.

Именно отдельные сотрудники должны решать, приведет ли улучшение взаимной коммуникации к более гармоничным отношениям и повышению эффективности организации. Несмотря на то, что каждый сотрудник тщательно отслеживает и следует руководящим принципам организации в области коммуникации, наилучших результатов еще предстоит достичь. С технической точки зрения, организация может быть достаточно эффективной, но без подлинной преданности делу всех участников и честного, открытого общения не хватает того тонкого, неуловимого элемента, который способствует созданию хорошей рабочей среды.

Деловой мир осознал, что мы живем в самый конкурентный период в истории. За последние десять лет глобализация в Европе и во всем мире стремительно ускорилась, что привело к росту ожиданий от делового общения и повышению добросовестности всех сторон, участвующих в этом процессе.

Современный бизнес цикличен; деятельность корпораций чередуется с периодами роста и спада. Циклы и методы ведения бизнеса подвержены изменениям. Подход компании к деловому мышлению и принятию решений меняется в периоды упадка и кризиса, позволяя ей в течение длительного времени ориентироваться в условиях роста и продвижения вперед и эффективно решать экологические проблемы. Страх перед предварительной коммуникацией является самым большим препятствием на пути к успеху компании, поскольку он препятствует установлению отношений и обмену информацией. В таких условиях изоляция бизнеса неизбежна. Было установлено, что искусство коммуникации составляет большую часть формулы успеха компании — 85 %, в то время как информация и способности составляют лишь 15 %. Системы, ориентированные на достижение целей, зависят от коммуникации как одной из основных операций. Поэтому в этом нуждается любой бизнес. Наука, практика и профессия менеджера связаны с той уникальной ролью, которую в них играют коммуникации. Принимая во внимание, что управление — это процесс выполнения задач по обеспечению, распределению и эффективному использованию человеческих усилий и физических ресурсов для достижения определенной цели, а коммуникация — это процесс обмена информацией между двумя субъектами с использованием понятных символов, мы видим, что целесообразность и коммуникабельность являются точками соприкосновения этих процессов. Это объясняется тем, что коммуникационные стратегии практически полностью определяют состав, охват и широту охвата организации. Постановка и реализация целей компании, разработка планов по их реа-

лизации, максимально эффективное распределение человеческих и других ресурсов, отбор, развитие и оценка сотрудников организации, а также руководство, ориентация, вдохновение и создание среды, в которой люди готовы вносить свой вклад в достижение целей, — все это зависит от эффективной коммуникации. [3]

Менеджмент является важнейшим участником коммуникации, ведь каждая функциональная, процветающая и современная организация полагается на эффективные коммуникации для контроля за достижением своих целей. Следовательно, менеджер должен понимать процесс коммуникации, его основные компоненты, как эти компоненты зависят друг от друга и как работают принципы функционирования, различные формы коммуникации и их плюсы и минусы, а также коммуникационные барьеры и способы их преодоления. Менеджер может только создавать новые каналы коммуникации или повышать эффективность существующих, чтобы улучшить общую производительность системы, которую он курирует, основываясь на этих знаниях. Это накладывает на него дополнительный уровень ответственности за эффективность коммуникации. Когда четко определены взаимоотношения между отдельными лицами и организационной структурой, адекватно сформулированная организационная ситуация может стать одним из видов препятствий для эффективной коммуникации.

В подобных обстоятельствах неясно, кто является главным или подчиненным, кто за что отвечает, или были ли даны недостаточные разъяснения относительно утвержденных каналов коммуникации, недопонимания в отношении целей или недостатка знаний о лицах, с которыми необходимо работать над решением проблемы. Способность организационных коммуникационных систем преодолевать одностороннюю коммуникацию и поддерживать двустороннюю или трехстороннюю коммуникацию имеет решающее значение для их эффективности. [1]

Чтобы коммуникация была успешной, менеджер должен устранить все барьеры, в том числе выбрать подходящие каналы коммуникации, предложить каналы обратной связи и поддержать точное определение организационной структуры.

Целенаправленный обмен концепциями, точками зрения и данными с целевой аудиторией с помощью сигналов, изображений и символов — это еще одно определение делового общения. Деловое общение должно планироваться как целенаправленное действие с конкретной целью, которая согласуется с установленными целями организации для достижения ее целей. Он должен основываться на обмене концепциями, точками зрения, директивами и данными между двумя организационными подразделениями, при этом специфика со-

держания должна варьироваться в зависимости от ситуации и цели. Эффективная коммуникация повышает преданность сотрудников, эффективность управления и принятия решений, продвижение по службе и вовлеченность в работу организации. [5] Многие авторы также подчеркивают важность включения различных аспектов организационной структуры, которые улучшают организационную коммуникацию. На рисунке 1 показано взаимодействие структурных и содержательных аспектов организации.

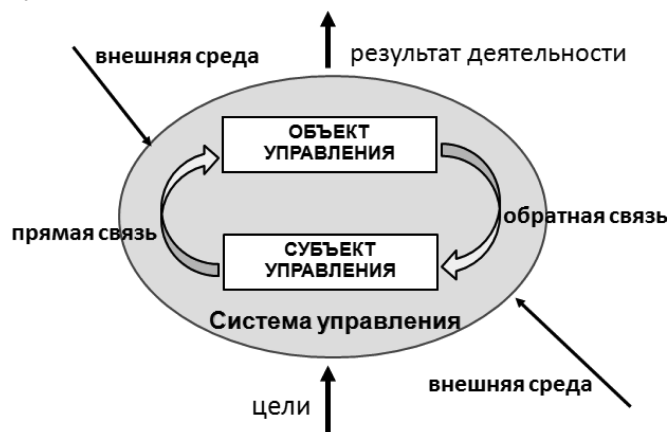

Рис. 1. Взаимодействие структурных и содержательных аспектов организации

У организаций есть структура, которая определяет их статус, так же как у людей есть каркас, который может определять их форму. Одной из фундаментальных идей при создании организации является организационная структура.

Широкие определения и акцент на эффективности структуры подчеркивают ее значимость, особенно с учетом того, что любые организационные изменения влияют на структуру. Коммуникации организации и взаимодействия между ее различными элементами и компонентами отражены в ее организационной структуре.

Информация, передаваемая по коммуникационной системе внутри бизнес-организации, может передаваться различными путями. В свете этого мы можем обсудить основные формы коммуникации (табл. 1).

Двумя наиболее распространенными способами организационной коммуникации являются формальная и неформальная. Формальная коммуникация определяется как коммуникация, необходимая для выполнения задачи или передающаяся по цепочке командования с самого верха организационной структуры.

Постоянное совершенствование информационных каналов и методов коммуникации, используемых для такого рода коммуникаций, несомненно, сыграло свою роль. Три наиболее распространенные формы комму-

Таблица 1.

Типы коммуникационных взаимодействий в управлении

Вид коммуникации	Содержание
Нисходящая коммуникация	Описывается поток информации от руководства к сотрудникам. Нижние иерархические уровни организации используют этот вид коммуникации для информирования сотрудников, отдачи команд, координации и оценки. Это указывает на важность достижения целей, поставленных руководством организации, которые должны принести пользу другим сотрудникам, от понимания которых зависит успех достижения целей. Для такого рода коммуникации можно использовать любой существующий метод коммуникации.
Восходящая коммуникация	Относится к передаче информации в обратном направлении внутри той же организации. Это пример передачи информации с более низких уровней организации руководству, которая служит основным источником знаний менеджеров о состоянии компании в целом. Для определенного числа фирм, которые уделяют приоритетное внимание и в основном используют нисходящую коммуникацию, в последнее время этот вид коммуникации часто вызывает множество проблем. В результате этого сильно пострадали отношения между руководством и сотрудниками. Организационная культура, которую развивает организация, в значительной степени влияет на этот вид коммуникации.
Горизонтальная коммуникация	Относится к коммуникации между сотрудниками в рамках одной и той же организационной иерархии. Этот вид коммуникации характерен для компаний, где выполнение задач в команде имеет решающее значение для планирования и выполнения организационных обязанностей.
Диагональная коммуникация	Это способ общения сотрудников различных подразделений и уровней организации в рамках одной компании. Это распространено в современной корпоративной среде и влияет на скорость и эффективность принятия важных решений, которые влияют на всю организацию.

никационных сетей, известные на сегодняшний день, могут быть созданы путем объединения коммуникаций, упомянутых ранее, в рамках одного бизнеса.

Чтобы предприятия оставались конкурентоспособными, им необходим доступ к самой свежей информации, которую предоставляет Интернет [2]. Помимо Интернета, различные программные решения направлены на упрощение задач своих пользователей и облегчение коммуникации. Гарольд Лассуэлл был одним из первых, кто определил три роли, которые информационно-ком-

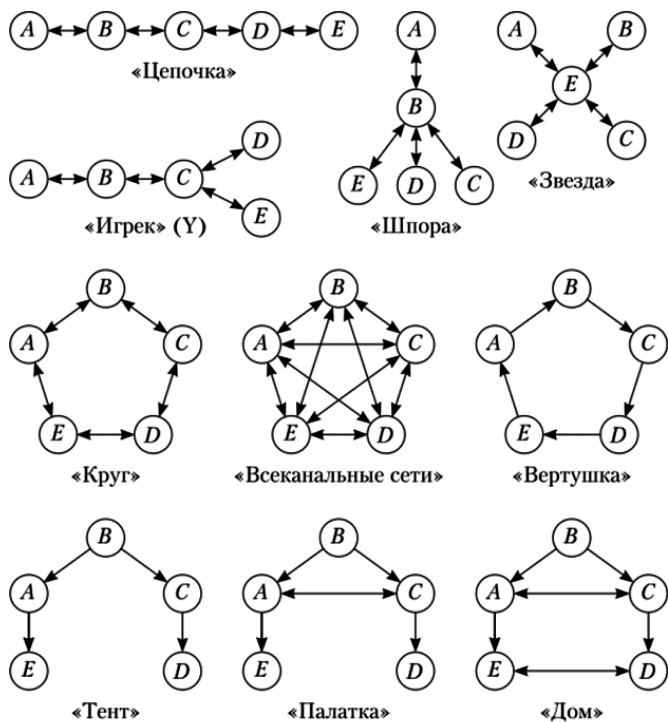

Рис. 2. Виды коммуникационной сети

коммуникационная система играет в глобальном обществе. Эти роли заключаются в том, чтобы следить за окружающей средой, объединять социальные слои и направлять их реакцию на нее, а также передавать культурное наследие от одного поколения к другому. В отличие от недавнего прошлого, развитие технологий, особенно информационных, привело к радикальным изменениям в сфере коммуникации.

В условиях стремительных изменений как во внешней среде, так и внутри организации руководители должны обеспечивать бесперебойную работу своей компании, постоянно совершенствовать свою деятельность и оставаться конкурентоспособными. Благодаря технологиям, в том числе информационным, способы общения людей в компании полностью изменились. Это значительно расширило возможности менеджеров по контролю за работой команды или отдельных сотрудников. Теперь сотрудники могут принимать решения быстрее и с большей полнотой благодаря современным информационным технологиям, которые облегчают столь необходимое сотрудничество и обмен информацией.

ЛИТЕРАТУРА

- Исаенко, А.П. Инновационный подход к оценке человеческого капитала / А.П. Исаенко // Социально-экономические проблемы и закономерности развития Северо-кавказского федерального округа: Сборник научных трудов по материалам региональной научно-практической конференции, Ставрополь, 08–10 ноября 2016 года. Том 1. — Ставрополь: Издательство «АГРУС», 2016. — С. 177–181. — EDN XCOFSH.
- Коммуникационный менеджмент / О.С. Звягинцева, Д.С. Кенина, О.Н. Бабкина, А.П. Исаенко. — Ставрополь: Издательство «АГРУС», 2019. — 132 с. — EDN MINVUX.
- Коммуникационный менеджмент / О.С. Звягинцева, Д.С. Кенина, О.Н. Бабкина, А.П. Исаенко. — Ставрополь: Издательство «АГРУС», 2019. — 132 с. — EDN MINVUX.
- Сафонов, К.Б. О некоторых особенностях стратегии управления корпоративными коммуникациями и аспектах гуманизации социального менеджмента / К.Б. Сафонов // Наука и бизнес: пути развития. — 2024. — № 6(156). — С. 229–232. — EDN ELCLTC.
- Серба, В.Я. Коммуникации как основа менеджмента на современных предприятиях / В.Я. Серба, А.Д. Бурькин // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2018. — Т. 7, № 8. — С. 38–48. — EDN VAECAS.

© Исаенко Александр Павлович (isaenko.aleksandr@bk.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ХЭЙЛУНЦЗЯНСКОЙ СВОБОДНОЙ ТОРГОВОЙ ЗОНЫ НА СТРУКТУРНЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ В ЭКОНОМИКЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РОССИИ¹

THE IMPACT OF THE HEILONGJIANG FREE TRADE ZONE ON STRUCTURAL CHANGES IN THE ECONOMY OF THE RUSSIAN FAR EAST

Li Lingyan
Zhang Weiyu

Summary. This article examines the impact of the Heilongjiang Free Trade Zone (HFTZ) on structural changes in the economy of the Russian Far East. It explores key transformations in the region's industrial composition influenced by the growth of cross-border trade, shifts in investment flows, and technological cooperation. Particular attention is given to the modernization of industrial production, the development of logistics infrastructure, and the impact of Chinese investments on the Russian labor market. The study identifies key challenges, including dependence on raw material exports, sectoral imbalances, and regulatory barriers. The article concludes with recommendations to optimize regional cooperation for more balanced and sustainable growth.

Keywords: Heilongjiang Free Trade Zone, Russian Far East, structural changes, investments, cross-border trade, industrial development.

Ли Линянь

Преподаватель, Университет Хэйхэ
150666377@qq.com

Чжан Вэйю

Преподаватель, Университет Хэйхэ

Аннотация. В статье анализируется влияние Хэйлунцзянской свободной торговой зоны (ХСТЗ) на структурные изменения в экономике Дальнего Востока России. Рассматриваются ключевые трансформации в отраслевой структуре экономики региона под воздействием роста трансграничной торговли, изменения инвестиционных потоков и технологического сотрудничества. Особое внимание уделяется модернизации промышленного производства, развитию логистической инфраструктуры и влиянию китайских инвестиций на российский рынок труда. Выявляются основные вызовы, такие как зависимость от сырьевого экспорта, дисбаланс в развитии отдельных секторов и регуляторные барьеры. В заключении предлагаются меры по оптимизации взаимодействия между регионами для достижения более сбалансированного и устойчивого роста.

Ключевые слова: Хэйлунцзянская свободная торговая зона, Дальний Восток России, структурные изменения, инвестиции, трансграничная торговля, промышленное развитие.

Введение

В последние десятилетия экономическое сотрудничество между Россией и Китаем значительно усилилось, особенно в приграничных регионах. Одним из ключевых элементов этой динамики стало создание Хэйлунцзянской свободной торговой зоны (ХСТЗ), призванной стать драйвером трансграничной торговли, инвестиционной активности и технологического обмена [2]. В этом контексте особенно важно изучить, каким образом развитие ХСТЗ влияет на структурные изменения в экономике Дальнего Востока России, учитывая значительные различия в экономических моделях, регуляторной среде и уровне промышленного развития двух стран. Анализ этого взаимодействия позволит не только оценить существующие возможности, но и выявить ключевые ограничения и перспективы интеграции.

Экономика Дальнего Востока традиционно ориентирована на сырьевой экспорт, в первую очередь на добычу полезных ископаемых, лесозаготовку и рыболовство. Однако расширение торгово-экономических связей с Китаем открывает новые перспективы для диверсификации региональной экономики. Инвестиции из Китая способствуют модернизации промышленности, развитию логистической инфраструктуры и технологическому обновлению ряда отраслей. Тем не менее влияние ХСТЗ на экономику российского Дальнего Востока не является однозначным: рост зависимости от китайского капитала, несбалансированное развитие секторов и регуляторные барьеры создают определённые вызовы для устойчивого роста региона.

В данной статье анализируется влияние ХСТЗ на структурные изменения в экономике Дальнего Востока России, включая изменения в отраслевом распреде-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке научного проекта «Исследование взаимосвязанного развития Китайской (Хэйлунцзянской) пилотной зоны свободной торговли и региональной экономики в новой модели «двойного цикла» (Специальный фонд базового научного исследования провинциальных вузов Хэйлунцзяна за 2020 год, проект Хэйхэского института, № 2020-KYYWF-0873)».

лении инвестиций, динамику трансграничной торговли, модернизацию производственных мощностей и кадровые изменения. Особое внимание уделяется анализу барьеров и возможных рисков, которые могут ограничивать положительное влияние ХСТЗ на российскую экономику. Исследование направлено на выработку рекомендаций по оптимизации экономической политики, направленной на достижение более сбалансированного и устойчивого регионального развития.

1. Влияние Хэйлуцзянской свободной торговой зоны на инвестиционные потоки и торговые связи

Создание Хэйлуцзянской свободной торговой зоны (ХСТЗ) стало важным фактором, влияющим на динамику трансграничного сотрудничества между Китаем и Россией, особенно в контексте Дальнего Востока. Одной из ключевых целей ХСТЗ является привлечение прямых иностранных инвестиций (ПИИ), стимулирование торговли и развитие логистической инфраструктуры. В последние годы можно наблюдать изменения в структуре инвестиций и экспортно-импортных операций, которые оказывают прямое воздействие на российские дальневосточные регионы. Однако процесс интеграции сталкивается с рядом вызовов, включая регуляторные ограничения, инфраструктурные барьеры и неравномерность распределения инвестиций. Данный раздел анализирует, каким образом ХСТЗ повлияла на приток капиталов в Дальний Восток и как изменились основные тренды трансграничной торговли.

1.1. Изменения в структуре иностранных инвестиций в Дальневосточный регион

За последние годы прямые инвестиции из Китая стали одним из ключевых источников капитала для развития Дальнего Востока России. В результате работы ХСТЗ наблюдается изменение структуры ПИИ, что выражается в увеличении доли вложений в обрабатывающую промышленность, транспортную инфраструктуру и энергетику. Если ранее китайские инвестиции преимущественно направлялись в добывающий сектор (нефть, газ, лесозаготовка), то теперь происходит диверсификация вложений, что способствует модернизации отдельных отраслей.

Одним из наиболее значимых инвестиционных проектов стало развитие логистических и промышленных хабов на российско-китайской границе, таких как зоны в Приморском крае и Амурской области. Эти объекты способствуют формированию новых экономических кластеров, что создает возможности для ускоренной переработки сырья, снижения транспортных издержек и увеличения добавленной стоимости продукции. Однако, несмотря на положительную динамику, сохраняются барьеры, связанные с регуляторной политикой России. Например, ограничения на владение иностранными компаниями стратегическими активами и сложные административные процедуры снижают привлекатель-

ность региона для долгосрочных китайских инвесторов.

Важным аспектом остается дисбаланс в распределении инвестиций. В то время как Приморский край и Амурская область получают основной объем вложений, более удаленные регионы Дальнего Востока (например, Чукотка и Магаданская область) остаются в стороне от инвестиционного потока. Это создает неравномерность экономического развития и ограничивает потенциал глубокой интеграции Дальнего Востока в глобальные экономические цепочки.

1.2. Динамика трансграничной торговли и развитие экспортно-импортных операций

Развитие ХСТЗ также привело к пересмотру структуры трансграничной торговли между Россией и Китаем. Одним из ключевых изменений стало увеличение объемов несырьевого экспорта, что свидетельствует о постепенной диверсификации экономики Дальнего Востока. В частности, растет экспорт аграрной продукции, продукции рыбной переработки и древесных материалов с высокой степенью обработки, что позволяет российским предприятиям выходить на новые сегменты китайского рынка.

Однако сырьевые товары по-прежнему занимают доминирующее положение в структуре экспорта. Китай остается крупнейшим покупателем российской нефти, газа, угля и леса, что делает экономику региона зависимой от природных ресурсов. В то же время импорт китайских товаров на Дальний Восток продолжает расти, особенно в сферах промышленного оборудования, электроники и потребительских товаров. Это приводит к торговому дисбалансу, когда российские регионы зависят от импорта готовой продукции из Китая, в то время как их экспортная база остается ограниченной.

Одним из перспективных направлений развития торговли становится цифровизация трансграничных логистических процессов. Введение электронных систем таможенного контроля и платформ для ускоренной обработки грузов позволяет повысить скорость и эффективность экспортно-импортных операций. Однако разница в таможенных процедурах, стандартах сертификации и административных требованиях продолжает оставаться барьером для углубления торговых связей.

2. Промышленная трансформация и модернизация региональной экономики

Экономическая интеграция между Хэйлуцзянской свободной торговой зоной (ХСТЗ) и Дальним Востоком России способствует переходу от сырьевого экспорта к развитию обрабатывающих отраслей, что обусловлено ростом китайских инвестиций, модернизацией инфраструктуры и расширением торговли. Однако процесс сопровождается вызовами, включая технологический разрыв, нехватку кадров и ограниченные возможности для малых предприятий. Неравномерное развитие ло-

гистических коридоров и различия в нормативных стандартах также остаются барьерами для модернизации. В данном разделе рассматриваются влияние китайских инвестиций на промышленность и роль логистики в экономической трансформации региона.

2.1. Влияние китайских инвестиций на промышленное развитие и переработку сырья

Китайские инвестиции в промышленный сектор Дальнего Востока России постепенно трансформируют региональную экономику. В последние годы наблюдается сдвиг от сырьевого экспорта к созданию совместных предприятий в сфере переработки природных ресурсов. Одним из наиболее значимых примеров является строительство предприятий по переработке древесины в Приморском крае, которые позволяют увеличивать добавленную стоимость продукции перед экспортом в Китай. Кроме того, китайские компании активно вкладываются в проекты глубокой переработки рыбы и морепродуктов, что способствует развитию пищевой промышленности в регионе.

Однако не все отрасли демонстрируют равномерный рост. В отличие от аграрного и лесопромышленного сектора, инвестиции в машиностроение, электронику и высокотехнологичные производства остаются ограниченными. Основной причиной является недостаточное развитие научно-технологической базы и нехватка кадровых ресурсов, способных обеспечивать высокотехнологичное производство. Это создает риск того, что Дальний Восток останется сырьевым придатком Китая, несмотря на постепенное развитие перерабатывающих предприятий.

Еще одним важным аспектом является проблема контроля и регуляции китайских инвестиций. В России сохраняются ограничения на иностранное владение стратегическими отраслями, что сдерживает приток капитала в крупные промышленные проекты. Кроме того, некоторые китайские компании предпочитают арендовать российские ресурсы и вывозить сырьё на переработку в Китай, вместо создания полноценных производственных цепочек на территории России. В результате, хотя китайские инвестиции способствуют локальной модернизации отдельных отраслей, они пока не приводят к глубокой индустриализации региона.

2.2. Логистическая инфраструктура как фактор ускоренной экономической интеграции

Развитие транспортной инфраструктуры играет ключевую роль в эффективной интеграции Дальнего Востока России с ХСТЗ. В последние годы были реализованы крупные проекты по модернизации железнодорожных и портовых узлов, что позволило значительно повысить пропускную способность трансграничных коридоров. Одним из наиболее значимых событий стало расширение железнодорожного перехода Нижнеленинское —

Тунцзян, который увеличивает товарооборот между Амурской областью и провинцией Хэйлунцзян.

Несмотря на успехи, остаются существенные проблемы с логистикой внутри России. В первую очередь, это нехватка современного подвижного состава и недостаточная автоматизация таможенных процессов, что приводит к увеличению сроков поставок и росту транспортных издержек. Китайская сторона активно внедряет цифровые логистические решения, однако их адаптация на российской территории продвигается медленно. Это снижает конкурентоспособность российских поставщиков, вынуждая их работать по китайским стандартам, а не разрабатывать собственные схемы логистической оптимизации.

Еще одним вызовом остается неравномерное развитие логистических узлов. В то время как Приморский край и Амурская область активно модернизируют транспортную инфраструктуру, регионы, удалённые от границы (например, Сахалин и Камчатка), не получают достаточного финансирования для обновления своих портов и железнодорожных линий. Это ограничивает потенциал интеграции всей дальневосточной территории в единую экономическую систему.

3. Основные вызовы и перспективы структурных изменений

Несмотря на позитивные сдвиги в экономике Дальнего Востока России, вызванные взаимодействием с Хэйлунцзянской свободной торговой зоной (ХСТЗ), остаётся ряд системных вызовов, препятствующих устойчивому развитию региона. Главные проблемы связаны с дисбалансом в отраслевой структуре экономики, нехваткой квалифицированных кадров, регуляторными ограничениями и неравномерностью инвестиционного распределения. Без эффективных решений этих вопросов долгосрочная модернизация Дальнего Востока может замедлиться, а зависимость от внешних факторов — усилиться. В данном разделе анализируются ключевые риски, возникающие в процессе экономической трансформации, а также возможные пути их преодоления.

3.1. Риски дисбаланса: сырьевая зависимость и нехватка кадров

Одним из главных рисков остаётся диспропорция между сырьевым и несырьевым секторами экономики. Несмотря на приток китайских инвестиций, значительная их часть продолжает направляться в добывающие отрасли — лесозаготовку, угледобычу, нефтегазовый сектор. Это усиливает зависимость Дальнего Востока от экспорта сырья, снижая его промышленный потенциал и ограничивая возможности по созданию продукции с высокой добавленной стоимостью. В результате экономика региона остаётся уязвимой перед колебаниями мировых цен на сырьевые товары.

Другой серьёзной проблемой является нехватка квалифицированных кадров для новых производств. Китайские инвестиции создают спрос на специалистов в сфере логистики, машиностроения и переработки сырья, но российская система подготовки кадров не успевает адаптироваться к этим потребностям. В итоге предприятия сталкиваются либо с дефицитом персонала, либо с необходимостью привлекать китайских рабочих, что создаёт социальные и языковые барьеры. Недостаточное развитие образовательных программ и низкая мобильность трудовых ресурсов мешают формированию конкурентоспособной рабочей силы.

Кроме того, географическая специфика региона создаёт дисбаланс в развитии трудового рынка. Основные экономические центры — Владивосток, Хабаровск и Благовещенск — получают максимальные инвестиции и рабочие места, тогда как менее развитые территории продолжают испытывать отток населения. Это приводит к концентрации экономической активности в ограниченном числе городов, оставляя большую часть Дальнего Востока без значимых перспектив развития.

Перспективным направлением решения этих проблем является создание стимулов для инвестиций в перерабатывающие отрасли и внедрение образовательных инициатив, направленных на подготовку кадров с учётом потребностей новых производств. Государственная поддержка инновационных предприятий, интеграция вузов с бизнесом и развитие профессионального образования могут снизить кадровый дефицит и создать основу для устойчивого экономического роста.

3.2. Регуляторные барьеры и пути их преодоления

Регуляторные ограничения остаются одним из главных факторов, замедляющих развитие экономического сотрудничества между Дальним Востоком России и ХСТЗ. В первую очередь речь идёт о сложных процедурах регистрации бизнеса, налоговой нагрузке и административных барьерах для иностранных инвесторов. Несмотря на улучшение инвестиционного климата, многие китайские компании сталкиваются с непредсказуемыми изменениями в законодательстве, что снижает их интерес к долгосрочным проектам на российской территории [1].

Одним из барьеров является нестыковка торговых и таможенных процедур. Различия в технических регламентах, сертификации и стандартизации продукции затрудняют трансграничную торговлю и увеличивают

транзакционные издержки. Это приводит к тому, что часть компаний предпочитает вести операции через третьи страны, а не напрямую с российскими партнёрами. Решение этой проблемы требует гармонизации нормативно-правовой базы и ускоренного внедрения электронных таможенных систем.

Кроме того, ограничения на владение иностранными компаниями стратегическими активами создают препятствия для крупных промышленных инвестиций. В отличие от Китая, где активно создаются механизмы привлечения зарубежного капитала в обрабатывающие отрасли, в России сохраняются ограничения на покупку земель, долей в крупных предприятиях и участие в ключевых инфраструктурных проектах. Это снижает уровень доверия иностранных инвесторов и замедляет индустриализацию региона.

Для преодоления этих проблем необходимо развитие механизмов инвестиционного стимулирования, упрощение административных процедур и более гибкая политика в сфере трансграничной торговли. Введение налоговых льгот, упрощённый визовый режим для иностранных специалистов и ускоренная цифровизация логистических процессов могут значительно повысить привлекательность Дальнего Востока для иностранных инвесторов и способствовать более динамичному развитию региона.

Заключение

Экономическое взаимодействие между Хэйлунцзянской свободной торговой зоной (ХСТЗ) и Дальним Востоком России создаёт возможности для структурных изменений в региональной экономике, однако эти процессы сопровождаются серьёзными вызовами. Несмотря на рост инвестиций и расширение трансграничной торговли, сохраняются сырьевая зависимость, кадровый дефицит, регуляторные барьеры и неравномерное развитие инфраструктуры. Без целенаправленной политики, направленной на диверсификацию промышленности, подготовку квалифицированных кадров и гармонизацию нормативной базы, Дальний Восток рискует остаться лишь поставщиком сырья, а не полноценным индустриальным центром. Перспективы устойчивого роста региона напрямую зависят от его способности преодолеть существующие ограничения и интегрироваться в глобальные производственные цепочки на более выгодных условиях, используя потенциал сотрудничества с Китаем для долгосрочной модернизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Афоняева, А.В. Роль зарубежных китайцев в развитии северной ветки Экономического пояса Шелкового пути / А.В. Афоняева // Проблемы Дальнего Востока. — 2016. — № 4. — С. 63–73.
2. Портяков, В.Я. Политика внешнеэкономической открытости в Китайской Народной Республике: основные итоги и перспективы / В.Я. Портяков // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. — 2019. — Т. 12, № 1. — С. 44–68.

ОСНОВНЫЕ ТRENДЫ ЭКОНОМИКИ РФ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

MAIN TRENDS OF THE RUSSIAN FEDERATION'S ECONOMY AT THE PRESENT STAGE

**M. Lvova
V. Krasnov**

Summary. The relevance of the article is due to the need to understand and deeply comprehend the current state of the Russian economy and its further development prospects. As the main research tool, it is proposed to use the econometric method of constructing trends and their mathematical analysis based on the processing of statistical data. As a result, a significant equation for the dynamics of the relative growth of nominal wages was obtained. A very high correlation between investment in fixed assets and Russia's GDP was confirmed. Based on the econometric analysis of the constructed trend of the real wage index dynamics, a conclusion was made about the adequacy of the Central Bank's monetary policy in modern conditions.

Keywords: investment, gross domestic product, inflation, regression equation, linear trend.

Львова Марина Вячеславовна

Кандидат экономических наук, доцент, Чувашский
государственный университет им. И.Н. Ульянова
lvova-marina@mail.ru

Краснов Вячеслав Константинович

Кандидат физико-математических наук, доцент,
Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова
Vkras1956@mail.ru

Аннотация. Актуальность статьи обусловлена необходимостью понимания и глубокого осмысления современного состояния экономики России и дальнейших перспектив её развития. В качестве основного инструмента исследования предлагается использовать на основе обработки статистических данных эконометрический метод построения трендов и их математического анализа. В результате получено значимое уравнение динамики относительного роста номинальной заработной платы. Подтверждена весьма высокая корреляционная связь между инвестициями в основной капитал и ВВП России. На основе эконометрического анализа построенного тренда динамики индекса реальной заработной платы сделан вывод об адекватности денежно-кредитной политики Центробанка в современных условиях.

Ключевые слова: инвестиции, валовый внутренний продукт, инфляция, уравнение регрессии, линейный тренд.

Для достижения макроэкономической стабильности экономического развития РФ и обеспечения «экономической безопасности» необходимо понимать основные тренды экономики и риски, которые имеют место в настоящее время и вероятные их перспективы появления в будущем. В «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1], а также в документе президента РФ — «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [2] экономическая безопасность прописана как важная составная часть национальной безопасности. Поэтому на современном этапе обострения геополитической ситуации объективная и беспристрастная оценка различных особо значимых экономических факторов в их динамике представляется особенно актуальной. На основе анализа динамики этих факторов и учёта всех рисков регулятором в лице государства необходимо принимать верные управленческие решения для поддержания стабильности и устойчивости роста ВВП России.

Согласно данным Федеральной службы государственной статистики Российской Федерации [3] за последние 7–9 лет наблюдался устойчивый рост валового внутреннего продукта (ВВП) России. По этим данным построен график-диаграмма значений ВВП РФ за 7 лет

до 2023 года включительно. Построенное уравнение линейной регрессии указывает на увеличение ВВП каждый год в среднем на 10 триллионов рублей. По расчетам на 2024 год рост ВВП продолжился и составил 4,1 % по отношению к 2023 году. Заметим, что по уточнённым данным, в 2023 году рост составил также 4,1 %. В пересчете на текущие цены объём ВВП за 2024 год составил рекордные 200 триллионов рублей. Международный валютный фонд (МВФ) по итогам 2024 года признал РФ четвёртой экономикой мира по паритету покупательной способности. Доля России в мировом ВВП составила 3,55 %. Существенный вклад в этот рост внесли отрасли реального сектора экономики: обрабатывающая промышленность в машиностроительном комплексе, строительство, электронная и радиоэлектронная промышленность, автомобилестроение.

Устойчивый линейный тренд ВВП сопровождался инвестиционной активностью. Проблемам влияния инвестиций в основной капитал на «экономическую безопасность» Российской Федерации и её хозяйствующих субъектов посвящены работы многих авторов (см. напр. [4],[5]). В работе [6] авторов данной статьи обоснуется значимое влияние инвестиций на получение валового регионального продукта и его приращения. По итогам

2024 года ожидается прирост инвестиций в основной капитал порядка 7,8 %, однако этот показатель по итогам 2023 года был выше и составил 9,8 %. То есть наблюдается спад инвестиционной активности, хотя по нашим расчетам вплоть до 2023 года темпы прироста были ускоренными и хорошо описывались полиномом регрессии второй степени.

Вопрос сохранения темпов роста инвестиционной активности зависит от многих факторов. Как видно, из предыдущего анализа прироста инвестиций, он уже упал на два процентных пункта. По авторитетному мнению ряда экспертов экономика РФ слишком «перегрета» и достигла своего локального максимума. Кроме того, растут издержки, связанные с санкционным давлением и продолжением специальной военной операции.

Выход экономики РФ на площадку локального экстремума можно проиллюстрировать динамикой коэффициента обновления основных фондов в сопоставимых ценах, представленной на рисунке 1 за семь лет до 2023 года включительно.

Из анализа уравнения регрессии можно сделать вывод, что коэффициент обновления приблизительно константа на протяжении семи лет, и он колеблется около 4,5 % при наличии тренда на его понижение.

Таким образом, в 2025 году по ряду сценариев ожидается уменьшение темпов роста экономики по показателю ВВП в пределах 1–2 процентов, а следовательно, и падение роста инвестиций в основной капитал. Есть надежда, что накопленный за два года потенциал хозяйствующих субъектов позволит, по крайней мере, не допустить в 2025 году рецессию и другие кризисные явления.

Как известно, в 2022–2024 годах основной вклад в стабильный рост ВВП внесли ряд машиностроительных отраслей, связанных с оборонно-промышленным комплексом, финансовый сектор экономики, строительство, сельское хозяйство. Предельные значения показателей, обеспечивающие рост в этих отраслях, по мнению ряда экспертов, не позволяют надеяться на их дальнейшее увеличение. Имеется в виду, прежде всего, отсутствие

дополнительных трудовых ресурсов, загруженность оборудования, наличие свободных производственных мощностей. Продолжат естественный рост импортозамещающие отрасли, ориентированные на внутреннее потребление, такие как IT технологии, связь, электронная промышленность.

По данным электронного журнала «Национальная оборона» [7] рост объемов производства в электронной и радиоэлектронной промышленности достиг десятков и даже сотен процентов в год. За 2023 г. выручка российских разработчиков электроники возросла почти в 2,5 раза, объем рынка контрактного производства электроники увеличился на 42 %, производство компьютеров, электронных и оптических изделий выросло на 32,8 %. На рынок был выведен целый ряд отечественных технологических решений, включая автономный программно-аппаратный комплекс для 3D-печати.

Особую озабоченность экспертов вызывает инфляционное давление, которое может приостановить и даже разрушить устойчивый рост и планомерное развитие экономики России. Годовая инфляция в 2024 году составила 9,52 %. Поэтому ЦБ в очередной раз решил сохранить исторический максимум ключевой ставки равный 21 %, хотя многие предрекали его повышение.

На основании данных Росстата построим тренд роста индексов потребительских цен на товары и услуги за семь лет с 2018 года по 2024 (рис. 2). Анализ линейного уравнения регрессии указывает, что каждый год индекс прирастает приблизительно на 1.1 %, а коэффициент детерминации приблизительно равный 0,57 указывает на высокую связь (коэффициент корреляции приблизительно 0,76) между временным фактором и индексом потребительских цен. Интересно, что при $x=0$, согласно уравнению, индекс потребительских цен приблизительно равен 2,58, а согласно статистике за 2017 год он имел значение 2,51. Расхождение всего в 0,07 %.

Анализ уравнения регрессии, проведенный с использованием пакета прикладных программ MS Excel, подтвердил значимость уравнения регрессии в целом и его углового коэффициента на уровне доверия в 95 %.

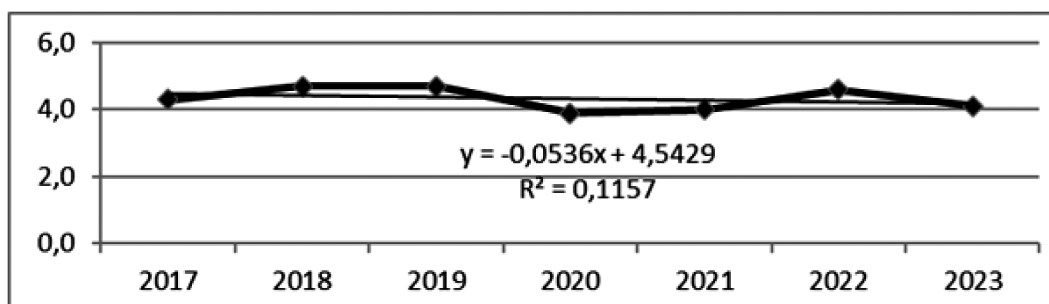

Рис. 1. Коэффициент обновления основных фондов в процентах

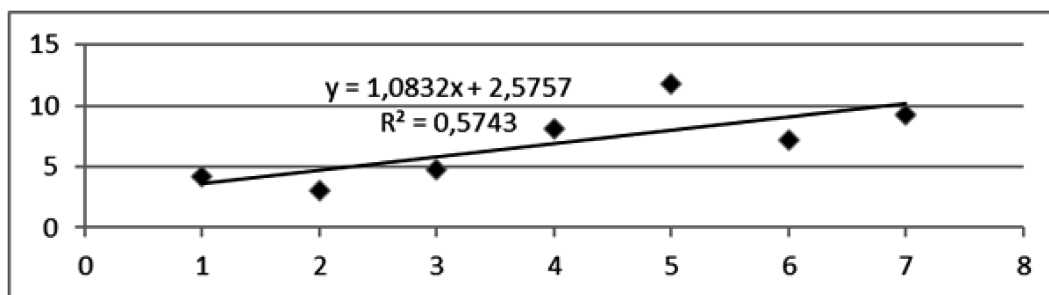

Рис. 2. Индексы потребительских цен на товары и услуги за 7 лет до 2024 г.

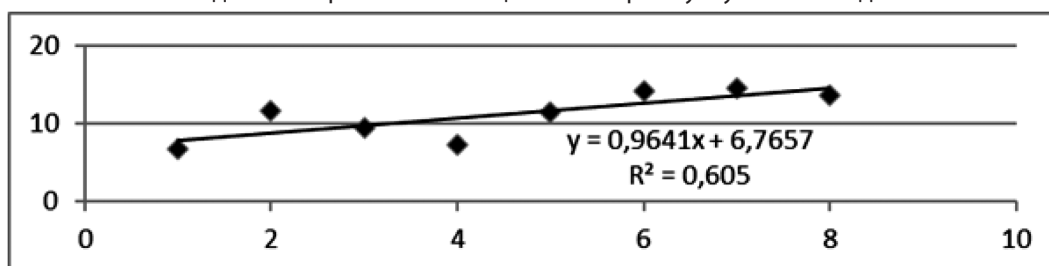

Рис. 3. Динамика роста относительной номинальной заработной платы 2017–2024

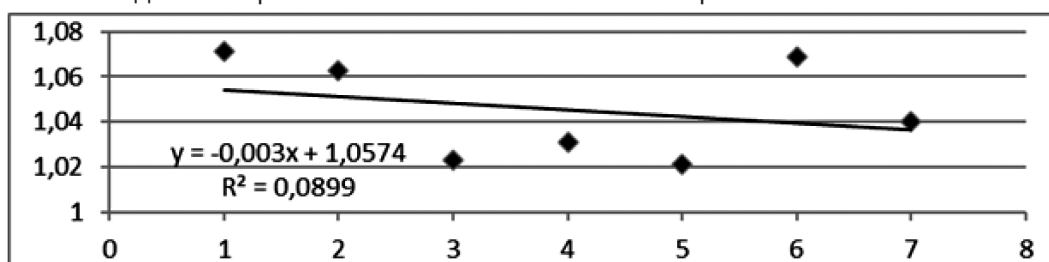

Рис. 4. Динамика индекса реальной заработной платы в 2018–2024 г.

Таким образом, налицо устойчивый линейный тренд роста инфляции экономики РФ, который уже перевалил за 10 %, тогда как инфляция в США и Европе не превышает 3 %. Базовый сценарий Центробанка (ЦБ) России, а также сценарий Минэкономразвития предполагают в 2025 году снижение инфляции до 4–5 процентов. Очевидно, что эти оптимистичные сценарии находятся в полном противоречии с трендом роста инфляции по линейной модели, построенным на рисунке 2. Однако представители бизнес-сообщества, которых также опрашивает ЦБ, дают прогноз инфляции в 10,7 % идеально попадающий в наш тренд. Как показывает практика, пессимизм предприятий оказывается намного ближе к реалиям, чем оптимизм экспертов, опирающихся на денежно-кредитную политику, проводимую ЦБ. Как известно, существует немало направлений, существенно влияющих на показатели инфляции, которые не зависят напрямую от действий Центробанка. Это и бюджетная политика правительства, и доступность льготного кредитования, динамика национальной валюты, инфляционные ожидания бизнеса и населения.

Именно завышенные инфляционные ожидания, заложенные в бизнес-планы компаний, ведут к повышению отпускных цен для компенсации будущих растущих издержек. Таким образом, их ожидания материализуются

в реальность роста инфляции, которая не совпадает с прогнозами финансовых институтов государства.

Для полного понимания инфляционных процессов рассмотрим, согласно данным Росстата, динамику относительного роста номинальной заработной платы в России за 2017–2024 годы в процентном отношении к предыдущему году.

На рисунке 3 представлен линейный тренд, построенный авторами, на основании имеющейся на данный момент статистики.

Как видно из уравнения регрессии относительный рост заработной платы имеет место на уровне 1 %, то есть почти совпадает с величиной роста инфляции 1,1 % за тот же временной период. Заметим, что рост инфляции, не на много, но всё же опережает рост номинальной заработной платы. Анализ полученного уравнения подтверждает значимость уравнения регрессии и его коэффициентов.

Как известно, значительный рост номинальной заработной платы не отражает всю полноту картины финансового состояния потребителя. Для понимания экономической ситуации, в которой он находится, необходимо прояснить вопрос о реальной заработной плате на исследуе-

мом промежутке времени. Для этого на основе данных Росстата были проведены расчеты индекса реальной заработной платы на протяжении 2018–2024 годов. Они представлены на рисунке 4.

Анализ линейного уравнения регрессии и его коэффициента детерминации указывает на постоянство роста реальной заработной платы в среднем на 5,7 % с небольшим трендом на его падение. На наш взгляд, это есть подтверждение стабильности и устойчивости экономической ситуации в результате правильной денежно-кредитной политики Центробанка России. То есть, с одной стороны не происходит значимого падения реальной заработной платы, а с другой стороны, нет роста объема свободной денежной массы, а следовательно, и её обесценивания.

Предложенный аналитический метод, основанный на эконометрическом и математическом методах анализа уравнений регрессии, позволил не только построить значимые линейные и нелинейные тренды роста ВВП, инвестиций в основной капитал, индексов потребительских цен, динамики относительной номинальной зарплаты в течении последних 7–8 лет, но и выявить качественную и количественную картину происходящих экономических процессов. Дополнительные исследования (рис. 1), аналогичные тем, которые были проделаны в работах [6] и [8], позволили выявить существенные риски замедления темпов экономического роста в Российской Федерации в наступившем году. Анализ динамики индекса реальной зарплаты за последние семь лет (рис. 4) указывает на правильные действия Центробанка РФ по удержанию ключевой ставки на уровне 21 %.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации. Указ Президента РФ от 02.07.2021 N 400. — <http://pravo.gov.ru>
2. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента РФ от 13.05.2017 N 208. — <http://pravo.gov.ru>
3. Официальный сайт органа Федеральной службы государственной статистики. [Электронный ресурс]. URL: <http://rosstat.gov.ru> (дата обращения 12.02.2025)
4. Прокопьев А.В., Прокопьева Т.В. Оценка уровня взаимосвязи валового регионального продукта и объема инвестиций в основной капитал по регионам России // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 12. С. 63–73.
5. Стрельцов А.В., Яковлев Г.И. Стратегия обновления основных фондов предприятий обрабатывающих видов производств в условиях цифровой экономики // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 5-1. С. 108–115.
6. Львова М.В., Краснов В.К. Исследование влияние на экономическую безопасность Российской Федерации инвестиций в основной капитал // Научно-практический и теоретический журнал «Инновационное развитие экономики». — № 1(73) — 2023. С. 84–93.
7. Время роста электронной и радиоэлектронной промышленности России // Электронное периодическое издание Оборона.Ру зарегистрировано в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций Роскомнадзор) 17 ноября 2005 года. Свидетельство о регистрации Эл № ФС 77-22322. 21.10.2024.
8. Львова М.В., Краснов В.К. Экономическая безопасность уровней управления экономикой и методы управления ими // Инновационное развитие экономики: научно-практический и теоретический журнал. — 2021. — №2–3 (62–63). — С. 360–367.

© Львова Марина Вячеславовна (lvova-marina@mail.ru); Краснов Вячеслав Константинович (Vkras1956@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

МОНИТОРИНГ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КОРПОРАЦИЙ И ВУЗОВ

MONITORING AND METHODS FOR EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF COOPERATION BETWEEN CORPORATIONS AND UNIVERSITIES

V. Lyashenko

Summary. Today, Russian education is faced with the task of ensuring effective mutually beneficial cooperation between corporations and universities. The effectiveness of a university is expressed in the ability of an educational institution to achieve its goals in the field of science and innovation with optimal use of resources, and the degree of success of the university's interaction with business is determined by the extent to which the partnership contributes to achieving the goals of both sides, taking into account the cost-effectiveness, efficiency and effectiveness of its participants. Such cooperation is becoming an important element of the sustainable development of not only the educational system and business structures, but also the economy as a whole, and contributes to achieving the strategic goals of the state. The article notes that an important tool in achieving effective cooperation between universities and businesses is monitoring, which allows for a systematic assessment of the results of cooperation, timely identification of problems and prompt solutions. The article uses methods of analysis, synthesis, expert, graphical, and modeling. The goal set in the article made it possible to reveal the stages of monitoring and methods of evaluating the effectiveness of universities and businesses, identify the best monitoring practices and conclude that the effectiveness criteria do not fully reflect the interaction of corporations and universities. Based on the existing practical experience in monitoring universities and businesses, new indicators for evaluating the effectiveness of cooperation between universities and corporations are proposed. It is concluded that the proposed indicators make it possible to cover a wide range of areas of interaction between universities and corporations, and monitoring based on them will help strengthen trust between universities and enterprises. Regular data exchange and feedback will allow both sides to respond quickly to changes, improve the quality of interaction and achieve more meaningful results.

Keywords: higher education institutions, corporations, monitoring, assessment methods, effectiveness of interaction.

Ляшенко Валерий Евгеньевич

Аспирант, Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики
vallys2012@yandex.ru

Аннотация. Сегодня перед российским образованием стоит задача обеспечения эффективного взаимовыгодного сотрудничества между корпорациями и вузами. Эффективность вуза выражается в способности учебного заведения достигать поставленных целей в области науки и инноваций с оптимальным использованием ресурсов, а степень успешности взаимодействия вуза с бизнесом определяется тем, насколько партнерство способствует достижению целей обеих сторон, с учетом экономичности, действенности и результативности деятельности его участников. Такое сотрудничество становится важным элементом устойчивого развития не только образовательной системы и бизнес-структур, но и экономики в целом, способствует достижению стратегических целей государства. В статье отмечено, что важным инструментом в достижении эффективности взаимодействия вузов и бизнеса является мониторинг, который позволяет систематически оценивать результаты сотрудничества, своевременно выявлять проблемы и оперативно находить пути их решения. В статье использовались методы анализа, синтеза, экспертный, графический, моделирования. Поставленная цель в статье позволила раскрыть этапы мониторинга и методы оценки результативности вузов и бизнеса, выявить лучшие практики мониторинга и прийти к выводу, что критерии эффективности в полной мере не отражают взаимодействие корпораций и вузов. На основе сложившегося практического опыта в части мониторинга вузов и бизнеса предложены новые показатели оценки эффективности сотрудничества вузов и корпораций. Сделан вывод, что предложенные показатели позволяют охватить широкий спектр направлений взаимодействия вузов и корпораций, мониторинг на их основе будет способствовать укреплению доверия между вузами и предприятиями. Регулярный обмен данными и обратная связь позволят обеим сторонам оперативно реагировать на изменения, улучшать качество взаимодействия и достигать более значимых результатов.

Ключевые слова: высшие учебные заведения, корпорации, мониторинг, методы оценки, эффективность взаимодействия.

Введение

Последние десять лет характеризуются активным участием бизнеса в формировании навыков и компетенций будущих специалистов через разработку профессиональных стандартов, внедрение систем сертификации, создание корпоративных программ, что

происходит в тесном взаимодействии с вузами. Сегодня перед российским образованием стоит задача обеспечения эффективного взаимовыгодного сотрудничества между корпорациями и вузами. Эффективность вуза выражается в способности учебного заведения достигать поставленных целей в области науки и инноваций с оптимальным использованием ресурсов, а степень успеш-

ности взаимодействия вуза с бизнесом, на наш взгляд, определяется тем, насколько партнерство способствует достижению целей обеих сторон, с учетом возможностей каждой из них.

Очевидно, что взаимодействие вуза и корпораций можно считать эффективным, если оно приносит взаимную пользу всем участникам данного процесса: студентам, которые получают актуальные знания и практический опыт; корпорациям, которые приобретают не только готовых к работе специалистов, но и инновационные технологии и разработки; вузам, которые в свою очередь укрепляют свои позиции в образовательной и научной среде за счет привлечения дополнительных финансовых ресурсов заинтересованных бизнес-сообществ. Такое сотрудничество становится важным элементом устойчивого развития как образовательной системы, так и экономики в целом.

Следует отметить, что важным этапом в достижении эффективности взаимодействия вузов и бизнеса является систематическая оценка результатов сотрудничества, своевременное выявление проблем и оперативное нахождение путей их решения. Таким инструментом выступает мониторинг. В условиях динамично меняющегося рынка труда и технологической среды мониторинг обеспечивает гибкость и адаптивность образовательных программ. Он помогает вузам и предприятиям понять, насколько их совместные усилия соответствуют текущим потребностям экономики и общества.

Материалы и методы

Исследования в сфере взаимодействия вузов и бизнес-сообществ проводятся уже более десяти лет. Например, концептуальный подход политики взаимодействия вузов и бизнеса рассматривается в работе Демененко И.А. [Демененко, Шавырина, Кравченко, 2018], большая работа по раскрытию научных взглядов о партнерстве корпораций и бизнеса приведена в научной статье Фруминой С.В. [Фрумина, 2021]. Однако среди авторов прослеживается исследовательский интерес в выявлении критериев результативности взаимодействия высших учебных заведений и бизнеса. Параметры и критерии результативности, их значимость в оценках взаимодействия вуза и общества рассматриваются в работах Паникаровой С.В. [Паникарова, 2024], Тихоновой А.Д. [Тихонова, 2018]. Такие авторы, как Выборнова Л.А. [Выборнова, 2019], Баскакова Д.Ю. [Д.Ю. Баскакова, О.Ю. Белаш, Н.Г. Рыжов, 2016] исследуют конкурентные позиции российских вузов на основе использования методологии мониторинга. Большое внимание учеными уделяется инструменту мониторинга сотрудничества вузов и корпораций, в своих работах авторы исследуют успешные практики такого взаимодействия [Ендовицкий, 2016], [Пинегина, 2016]. Авторы

раскрывают различные способы мониторинга, описывают методы оценки результативности взаимосвязи бизнес-процессов с вузами [Петрищев, 2018], [Ендовицкий, 2015].

Актуальность поставленной проблемы позволяет сформулировать цель научной статьи, которая заключается в раскрытии этапов мониторинга и методов оценки эффективности взаимодействия корпораций и вузов для выявления лучших практик, проблемных зон и разработки рекомендаций по улучшению сотрудничества. В статье использовались методы анализа, синтеза, экспертный, графический, моделирования.

Результаты исследования

Применяемая в настоящее время система мониторинга вузов представляет собой довольно широкий спектр подходов к оценке эффективности их деятельности. Вместе с тем в практике мониторинга нет метода, который бы был направлен на оценку взаимодействия вузов и корпораций и учитывал бы различные аспекты бизнес-процессов между бизнесом и учебными заведениями. Имеющиеся подходы позволяют отслеживать ключевые показатели, такие как количество студентов, прошедших практику или стажировку, уровень трудоустройства выпускников, объем совместных исследований и внедренных инноваций. Это дает возможность оценить, насколько эффективно вузы готовят специалистов, востребованных на рынке труда, и насколько предприятия получают доступ к новым знаниям и технологиям. Однако без системного мониторинга сложно определить, какие именно аспекты сотрудничества работают успешно, а какие требуют доработки.

Согласимся с рядом исследований ученых [Ендовицкий, 2015], [Петрищев, 2018] в области важности и необходимости мониторинга в части факта, что он способствует укреплению доверия между вузами и предприятиями. Регулярный обмен данными и обратная связь позволяют участникам бизнес-процессов оперативно реагировать на изменения, улучшать качество взаимодействия и достигать более значимых результатов. Это особенно важно в условиях усиливающейся конкуренции, когда и вузы, и корпорации стремятся быть лидерами в своих областях.

Инструмент мониторинга и методов оценки взаимодействия вузов и корпораций приведен на рисунке 1.

С нашей точки зрения мониторинг взаимодействия корпораций и вузов следует рассматривать как процесс отслеживания, анализа и оценки сотрудничества между бизнес-структурами и высшими учебными заведениями. Такое взаимодействие может включать различные формы партнерства, например, такие как:

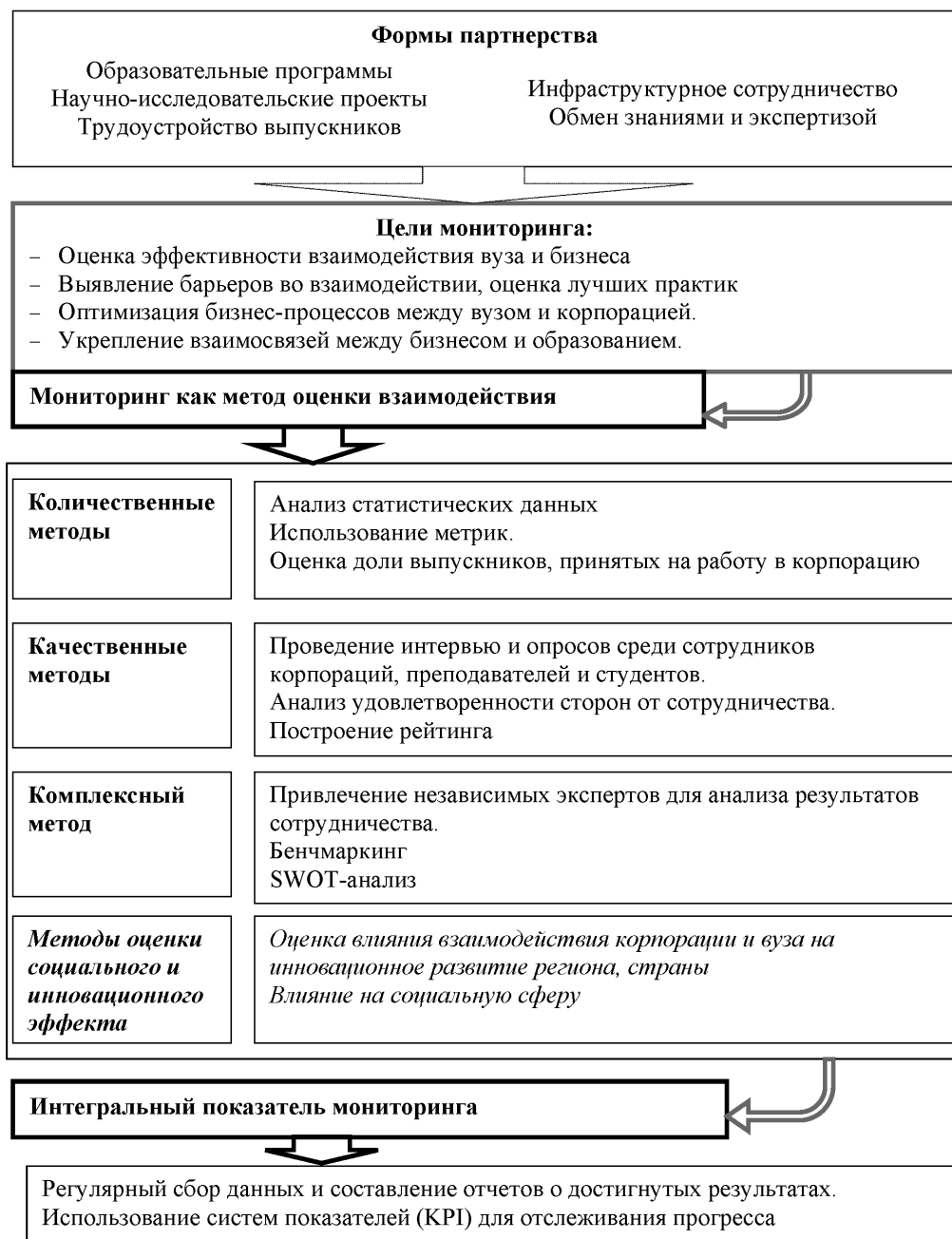

Рис. 1. Механизм мониторинга и методы оценки взаимодействия вузов и корпораций

- разработка и внедрение учебных курсов, программ повышения квалификации, стажировок и практик для студентов;
- совместные исследования, направленные на разработку инновационных технологий, участие в грантах;
- разработка и внедрение программ карьерного роста, ярмарок вакансий, привлечение студентов к разработке и реализации проектов по заказу бизнес-структур;
- инфраструктурное сотрудничество путем создания лабораторий, центров компетенций, технопарков на базе вузов;

- привлечение специалистов из корпораций к преподаванию, проведение мастер-классов и лекций.

Для достижения целей, в систему мониторинга необходимо включить следующие этапы:

- 1) формирование критериев оценки, сбор данных с использованием статистических методов наблюдения (анкетирование, интервью, анализ отчетов);
- 2) анализ показателей, оценку результатов, который включает анализ достижения целей, удовлетворенность сторон, социально-экономический эффект;

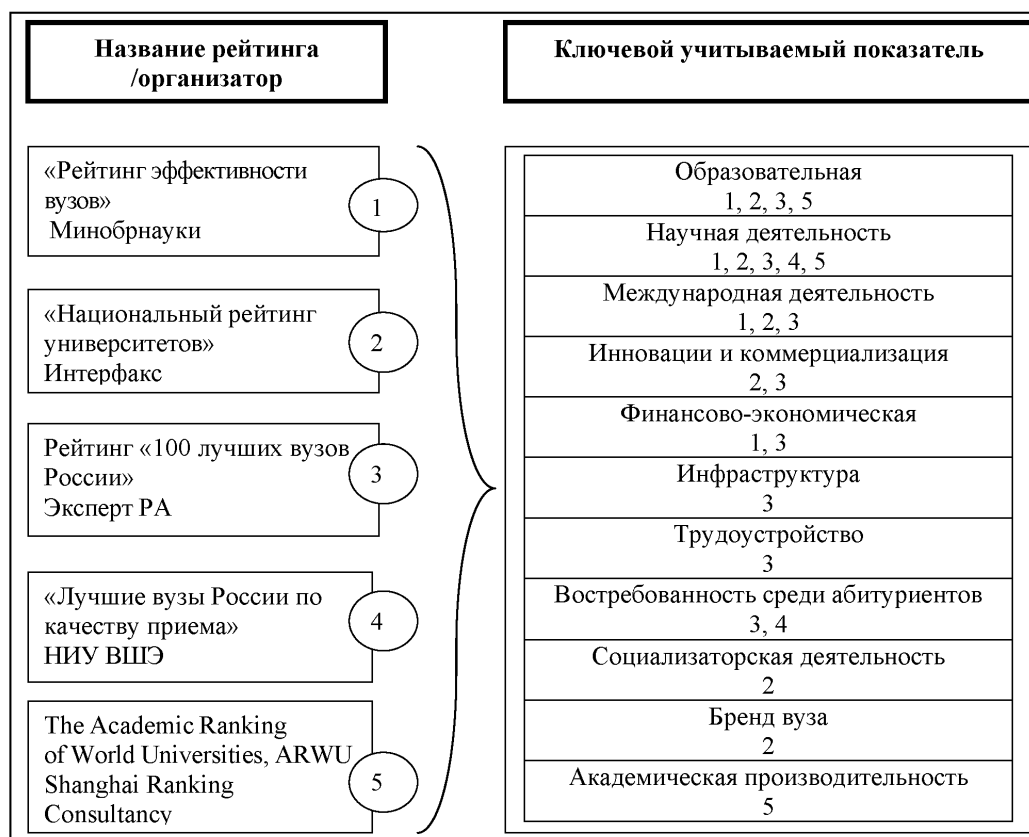

Рис. 2. Рейтинговый подход в количественных оценках вузов

- 3) интерпретация данных, создание дашбордов, отчетов, инфографики;
- 4) принятие решения по и тогам мониторинга.

Как нами было отмечено выше, для мониторинга взаимодействия вузов и предприятий используются различные методы оценки, которые позволяют получить объективную картину эффективности сотрудничества [Выборнова 2019], [Ендовицкий, 2016], [Пинегина, 2016]. Эти методы можно разделить на несколько групп в зависимости от их направленности и способа применения.

1. Количественные методы оценки взаимодействия вузов и корпораций основаны на фиксации абсолютных показателей или расчете относительных показателей, которые позволяют оценить масштаб взаимодействия участников и его результаты в количественном выражении. Они включают анализ данных, например, таких, как количество заключенных соглашений, число студентов, прошедших практику или стажировку, объем финансирования совместных проектов, количество трудоустроенных выпускников и публикаций. Данные методы широко применяют контролирующие органы, экспертные организации при использовании рейтингового подхода к оценке эффективности деятельности вузов (рисунок 2).

2. Качественные методы направлены на оценку удовлетворенности участников, качества бизнес-про-

цессов, а также достижение нефинансовых результатов. Данный метод включает интервью, фокус-группы и анализ кейсов. Например, опросы студентов и представителей корпораций позволяют понять, насколько программы соответствуют ожиданиям, а интервью с руководителями проектов позволяют выявить барьеры и предложить пути улучшения. Эти методы позволяют получить более глубокое понимание процессов и помогают выявить скрытые проблемы. Например, результаты опроса взаимодействия вузов и корпораций, проводимых HH.ru¹, позволяют увидеть довольно интересные результаты, где корпорации считают важным взаимодействие с вузами (81%), но 16% из них имеющее взаимодействие считают неэффективным (рисунок 3).

3. Комплексные методы сочетают количественные и качественные подходы, что позволяет получить более полную картину. Например, SWOT-анализ помогает оценить сильные и слабые стороны взаимодействия вузов и корпораций, а также выявить возможности и угрозы. Сбалансированная система показателей (BSC) позволяет оценить эффективность по нескольким аспектам: финансы, клиенты (студенты и бизнес), внутренние процессы и обучение. Эти методы особенно полезны для страте-

¹ Опрос «Работодатели и студенты» // <https://amr.ru/upload/iblock/63b/63b19750101a51527eaa239302243cf8.pdf>

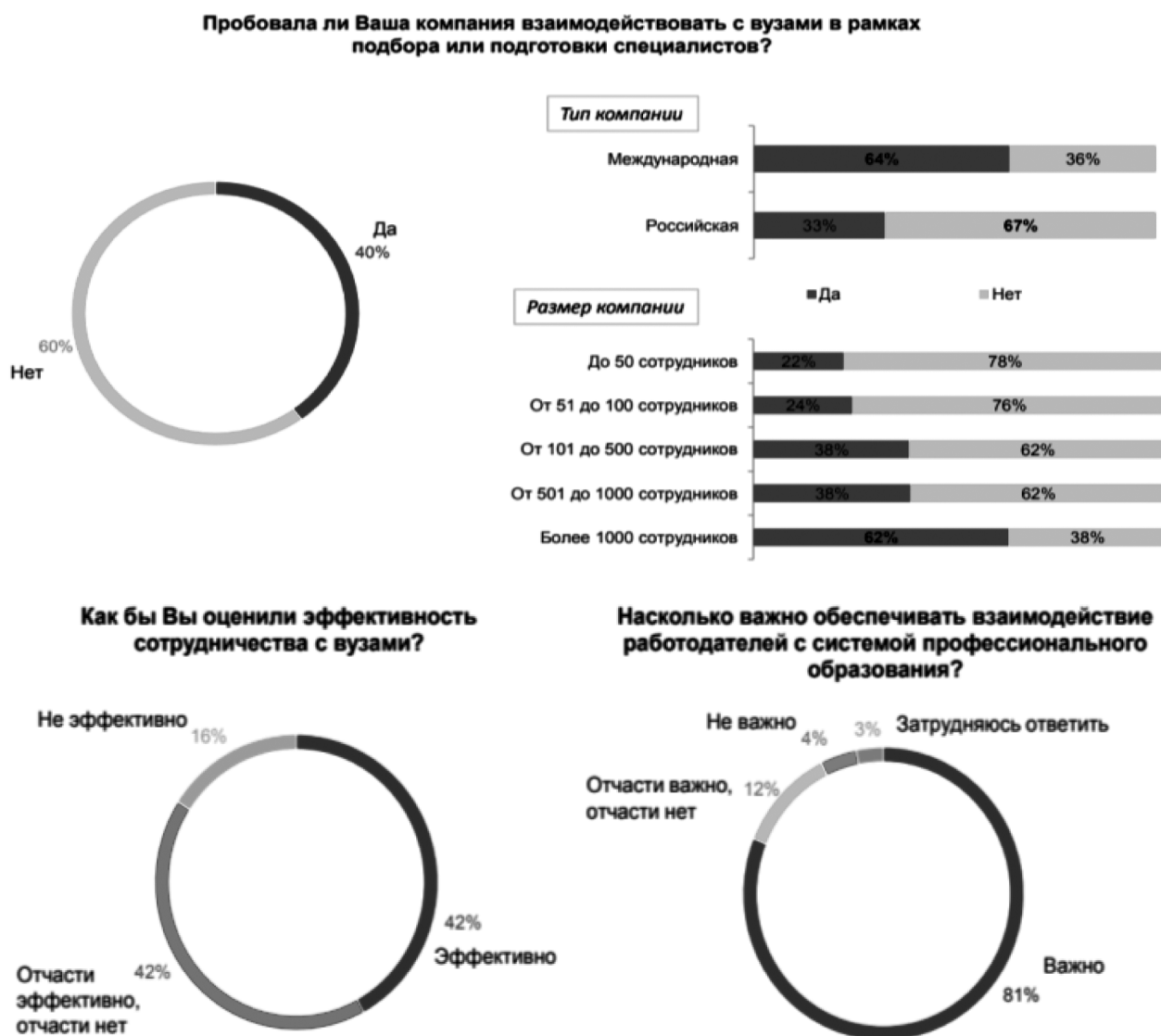

Рис. 3. Фрагмент социологического опроса взаимодействия вузов и корпораций, проведенного НН.ru, 2023 г.

гического планирования и долгосрочного развития сотрудничества вуза и корпорации.

Выше рассмотренные методы дают возможность оценить взаимодействие между организацией и вузом. С нашей точки зрения данные методы следует дополнить расчетом показателей, позволяющих оценить влияние такого взаимодействия на инновационное развитие региона, на социальную сферу. Предлагается дополнить имеющуюся систему мониторинга введением метода оценки социального и инновационного эффекта.

4. Особенность методов оценки социального и инновационного эффекта заключается в том, что они должны быть направлены на измерение не только прямых результатов воздействия вуза и бизнеса, но и влияние данного результата на социально-экономическое развитие региона, экономики в стране в целом. Он предполагает более широкое взаимодействие участников, не ограни-

чиваясь бизнес-процессом «вуз-корпорация». Например, оценивается вклад в развитие региона, создание новых рабочих мест, внедрение инноваций и улучшение имиджа вуза и предприятия.

5. Для оценки долгосрочного взаимодействия используются методы, которые отслеживают результаты взаимодействия участников в долгосрочной перспективе. Например, анализируется карьерный рост выпускников, участвовавших в программах, или оценивается влияние совместных проектов на развитие технологий и инноваций. Эти методы помогают понять, насколько устойчивы и значимы результаты сотрудничества.

Таким образом, использование выше рассмотренных методов позволяет не только измерить текущую эффективность взаимодействия вузов и корпораций, но и разработать стратегию для его улучшения, что в конечном итоге будет способствовать достижению более значи-

мых результатов для участников взаимодействия и региона.

Оценку эффективности сотрудничества между высшими учебными заведениями и корпорациями на основе количественно-качественного подхода дополним следующими показателями.

1. Коэффициент финансовой отдачи инвестиций (ROI):

$$ROI = (P - I) : I$$

Где P — прибыль, полученная от взаимодействия вуза и корпорации;

I — объем инвестиций корпораций в сотрудничество с вузом.

2. Коэффициент долгосрочного сотрудничества выпускников / качества трудоустройства

$$K_{тр} = Ч_{вд} : Ч_{в}$$

Где $Ч_{вд}$ — количество выпускников, трудоустроенных в компании-партнеры и проработавших в ней более 3 лет;

$Ч_{в}$ — общее количество выпускников, трудоустроенных в компании-партнеры.

3. Интегральный показатель эффективности (I)

$$I = (\sum_{i=1}^n K_i * w_i) : \sum w_i$$

Где K_i — значение i-го коэффициента;

W_i — вес значимости i-го показателя;

n — количество показателей.

Отметим, что интегральный коэффициент включает систему показателей оценки основанного на традиционном подходе, а также учитывает новые показатели взаимодействия вузов и корпораций, оказывающих влияние на социально-экономическое развитие региона и нацеленных на долгосрочный результат.

К традиционным критериям сотрудничества между корпорациями и вузами и корпорациями можно отнести следующие [Баскакова, Белаш, Рыжов, 2018], [Тихонова, 2018].

1. Научно-технические результаты:

- количество и качество совместных научных работ;
- патенты, полученные по результатам совместных исследований;
- публикации в рецензируемых научных журналах.

2. Вклад в образовательный процесс:

- разработка новых образовательных программ и курсов;
- привлечение специалистов корпораций в качестве преподавателей и менторов;
- повышение квалификации преподавателей и студентов.

3. Трудоустройство выпускников:

- процент трудоустройства выпускников в компаниях-партнерах;
- количество предложенных стажировок и практик;
- коммерциализация разработок;
- количество разработок, внедренных в производство;
- объем инвестиций в коммерциализацию технологий.

4. Финансовые показатели:

- привлечение дополнительных инвестиций от корпораций в научные проекты вузов;
- финансирование лабораторий и исследовательских центров.

5. Социальный и региональный эффект:

- *влияние на экономику региона через совместные проекты;*
- *формирование инновационных кластеров.*

Рассмотренные методы позволяют комплексно оценить эффективность взаимодействия вузов с корпорациями, учитывая как количественные результаты, так и качественные аспекты.

Обсуждение и заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что система мониторинга взаимодействия вузов и корпораций выступает не просто инструментом оценки эффективности их деятельности, но и важным механизмом, способствующим повышению качества высшего образования, соответствующего потребностям бизнес-структур, обеспечивающим развитие инноваций и укрепление взаимосвязей между образовательной и производственной сферами. Мониторинг обеспечивает прозрачность процессов, способствует долгосрочному и устойчивому сотрудничеству, что в конечном итоге положительно сказывается на экономическом и социальном развитии общества.

Использование мониторинга и методов оценки позволяет не только измерить текущую эффективность взаимодействия вузов и предприятий, но и разработать стратегию для его долгосрочного и устойчивого сотрудничества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Демененко И.А. Концептуальный контур политики взаимодействия вузов и бизнес-сообществ / И.А. Демененко, И.В. Шавырина, Е.Ю. Кравченко // Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права. — 2018. — № 2(69). — С. 109–118. — EDN YSGTPQ.
2. Паникарова С.В. Компаративный анализ моделей государственно-частного партнерства в сфере высшего образования / С.В. Паникарова, И.И. Челохсаева // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2024. — Т. 20, № 3(432). — С. 564–591. — DOI 10.24891/ni.20.3.564. — EDN SXOWYC.
3. Тихонова А.Д. Оценка значимости параметров результативности вузов для стейкхолдеров / А.Д. Тихонова // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, № 2. — С. 536–546. — DOI 10.17059/2018-2-16. — EDN XYCHCP.
4. Фрумина С.В. Вопросы партнерства бизнеса и образования в трудах отечественных и зарубежных исследователей / С.В. Фрумина // Вестник экономической безопасности. — 2021. — № 2. — С. 327–329. — DOI 10.24412/2414-3995-2021-2-327-329. — EDN WTFLDDB.
5. Выборнова Л.А. Анализ конкурентоспособности российских университетов на основе данных мониторинга эффективности деятельности образовательных организаций / Л.А. Выборнова, Ю.С. Бутырина, Е.А. Михеева // Вестник Самарского государственного экономического университета. — 2019. — № 11(181). — С. 34–41. — EDN PCVTHW.
6. Ендовицкий Д.А. Моделирование комплексного анализа деятельности вуза с использованием данных публичной отчетности / Д.А. Ендовицкий, Б.О. Беленов // Экономический анализ: теория и практика. — 2015. — № 8(407). — С. 2–13. — EDN TJHGXF.
7. Ендовицкий Д.А. Предприятия и вузы: мониторинг сотрудничества / Д.А. Ендовицкий, С.Н. Коменденко // Высшее образование в России. — 2016. — № 2. — С. 5–14. — EDN VKPYFT.
8. Оценка сотрудничества вузов и предприятий / Д.Ю. Баскакова, О.Ю. Белаш, Н.Г. Рыжов [и др.] // Инновации. — 2016. — № 10(216). — С. 86–92. — EDN ZCHVGX.
9. Петрищев П.В. Метод оценки результативности партнерства российских университетов с зарубежными вузами / П.В. Петрищев, Н.Н. Масюк, М.А. Бушуева // Азимут научных исследований: экономика и управление. — 2018. — Т. 7, № 3(24). — С. 229–232. — EDN YLGYOT.
10. Пинегина И.Т. Методика мониторинга оценки взаимодействия университетов-партнеров (АВРИК) / И.Т. Пинегина // Ученые заметки ТОГУ. — 2016. — Т. 7, № 4-1. — С. 704–714. — EDN XSDEAL.

© Ляшенко Валерий Евгеньевич (vallys2012@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЕ В АГРАРНОМ СЕКТОРЕ ЭКОНОМИКИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ КАК ФАКТОР ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

IMPORT SUBSTITUTION IN THE AGRICULTURAL SECTOR OF THE ECONOMY OF THE REPUBLIC OF BELARUS AS A FACTOR IN ENSURING FOOD SECURITY

S. Matokh
V. Raubo
V. Misun
V. Arsenov

Summary. Food security is an essential component of national security and a necessary condition for the implementation of the strategic national priority — ensuring high living standards of the population and conditions for the harmonious development of the individual. Food security is considered to be achieved if all people have constant physical, social and economic access to a sufficient amount of safe and nutritious food that allows them to meet their nutritional needs and taste preferences for an active and healthy lifestyle [4]. Import substitution plays an important role in this process. The article examines the concept of food security and import substitution, using the example of the agricultural sector of the economy of the Republic of Belarus, analyzes the main trends in achieving food security through the policy of import substitution. The authors conclude that the increase in agricultural production, increasing its competitiveness and economic efficiency in the context of import substitution are largely determined by the scale of government support and the directions of its distribution. This is due to the fact that a significant part of business entities do not have sufficient internal and external sources of financing for not only expanded, but also simple reproduction, which necessitates an increased role of state support.

Keywords: food security, import substitution, Republic of Belarus, national security, agricultural sector, agro-industrial complex, agriculture.

Маток Сергей Александрович

кандидат экономических наук,
Белорусский государственный аграрный
технический университет (г. Минск)
matokh@mail.ru

Раубо Василий Михайлович

кандидат экономических наук, Белорусский
государственный аграрный технический университет
(г. Минск, Республика Беларусь)
gruskevich@gmail.com

Мисун Владимир Леонидович

инспектор таможенной службы III ранга, инспектор
отдела проведения операций таможенного контроля
Минской региональной таможни
vova_7787@mail.ru

Арсенов Василий Васильевич

кандидат технических наук, Академия управления
при Президенте Республики Беларусь (г. Минск)
arsvv@list.ru

Аннотация. Продовольственная безопасность является важнейшей составляющей национальной безопасности и необходимым условием реализации стратегического национального приоритета — обеспечение высоких жизненных стандартов населения и условий для гармоничного развития личности. Продовольственная безопасность считается достигнутой при наличии для всех людей постоянной физической, социальной и экономической доступности достаточного количества безопасной и питательной пищи, позволяющей удовлетворять их пищевые потребности и вкусовые предпочтения для ведения активного и здорового образа жизни [4]. Важнейшую роль в данном процессе играет импортозамещение. В статье рассмотрено понятие продовольственной безопасности и импортозамещения, на примере аграрного сектора экономики республики Беларусь проанализированы основные тенденции в достижении продовольственной безопасности через политику импортозамещения. Авторы приходят к выводу, что увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышение ее конкурентоспособности и экономической эффективности в условиях импортозамещения в значительной степени предопределяются масштабами государственной поддержки и направлениями ее распределения. Это обусловлено тем, что значительная часть субъектов хозяйствования не имеет достаточных внутренних и внешних источников финансирования не только расширенного, но и простого воспроизводства, что вызывает необходимость повышения роли государственной поддержки.

Ключевые слова: продовольственная безопасность, импортозамещение, республика Беларусь, национальная безопасность, аграрный сектор, АПК, сельское хозяйство.

Термин «продовольственная безопасность» впервые был использован на Всемирной конференции, проходившей в Риме по вопросам проблем продовольствия в мире. В Римской декларации зафиксировано определение понятия «продовольственная безопасность», которое подразумевает обязанность любого государства обеспечить право каждого человека на доступ к безопасным для здоровья и полноценным продуктам питания в соответствии с правом на адекватное питание и правом на свободу от голода [4].

Продовольственная безопасность — состояние экономики, при котором независимо от влияния конъюнктуры мировых рынков и других внешних факторов жителям на всей территории гарантируется доступность к продовольствию в количестве, необходимом для активной, здоровой жизни, а также создаются социально-экономические условия для поддержания потребления основных продуктов питания на рациональном уровне [8]. Особенно остро стал вопрос обеспечения продовольственной независимости в связи с обострением политико-экономическими отношениями со странами Европейского Союза и США. В результате возникла необходимость проведения политики экономического протекционизма, а основным инструментом ее реализации стал курс по импортозамещению [1].

Основные элементы концепции импортозамещения — это снижение доли импорта в структуре поставок продовольственной продукции, поддержка отечественных производителей за счет государственных преференций, обеспечение самодостаточного существования страны на мировом рынке (самообеспеченности по большей части видов продукции) и комплекс мероприятий по повышению эффективности отечественных предприятий [2, 7].

Поэтому стратегию импортозамещения нельзя рассматривать как тактическую задачу, это должна быть стратегия развития белорусской продовольственной системы, что предполагает оптимальный баланс между экспортом и импортом, встраивание в глобальный продовольственный рынок на основе формирования конкурентных преимуществ, модернизацию всех отраслей продовольственного комплекса, развитие институтов роста, согласование интересов стейкхолдеров рынка и т.д.

Импортозамещение как тактическая задача может привести к росту цен на продовольствие и даст кратковременный результат в наполнении рынка за счет отечественного производства. Поэтому импортозамещение следует рассматривать в контексте решения таких проблем, как поддержание необходимого уровня и качества жизни, стимулирования платежеспособного спроса, развития логистических систем для обеспечения надежности продовольственного обеспечения. Говоря об им-

портозамещении, следует учитывать, что замена одних поставщиков импортной продукции другими — это не решение проблемы. Важно обеспечить импортозамещение по всей цепочке создания добавленной стоимости в АПК — от производства кормов, семян, племенных животных, машин и оборудования до выпуска конечной продукции [7, 9].

По оценкам FAO, число людей, не имеющих финансовой возможности обеспечить себе здоровое питание, увеличилось на 112 млн человек (почти до 3,1 млрд), что является одним из последствий роста потребительских цен на продукты питания. При этом доля белорусов, которые не могут позволить себе здоровое питание, — одна из наименьших в мире (0,2 %). Республика Беларусь по этому параметру находится на одном уровне с Германией, Бельгией и Голландией. В Польше доля таких граждан больше в 5 раз, в Литве и Казахстане — в 6 раз, в США — в 7,5 раза, в Латвии — в 9 раз. Показатель «распространение недоедания» Беларуси твердо удерживается на уровне менее 2,5 % наравне с большинством стран Европы. В то время как данный показатель в ряде постсоветских стран выше: в Армении — 3,5 %, Молдове — 6,7 %, Грузии — 7,6 % [10].

Санкционное противостояние нарушает сложившиеся в мире продовольственно-логистические цепочки, что неизбежно наносит ущерб прежде всего наименее защищенным странам. От недостатка продовольствия страдают 57,9 % жителей Африки, 40,6 % — Латинской Америки и Карибского бассейна, 24,6 % — Азии, 13 % — Океании, 8 % — Северной Америки и Европы. Уязвимые страны в Африке и других регионах столкнулись с выросшими на 300 % ценами на удобрения. Нехватка удобрений негативно отразится на урожае в последующие годы [10].

До 2025 г. динамика сельскохозяйственного производства в мире прогнозируется на уровне 1,5 %. Темп роста замедлится в Восточной Европе и Российской Федерации до 1,3 %, в Азии и Тихоокеанском регионе — до 1,7 %. В странах Африки и Латинской Америки рост производства возможен на уровне 2,4 %; изменение климата и связанное с ним снижение устойчивости сельскохозяйственного производства. К примеру, площадь пастбищ, которые составляют более 70 % общемировых сельскохозяйственных земель, за последнее десятилетие сокращалась в среднем на 3 млн га в год. По прогнозам экспертов, в долгосрочной перспективе дефицит продовольственных ресурсов сохранится, конъюнктура рынка останется нестабильной, а торговля продолжит развиваться под влиянием не только естественной конкуренции, но и политических факторов. Страны, выступающие в качестве основных производителей и экспортеров продовольствия, будут по-прежнему увеличивать государственную поддержку аграрного сектора, видоизменяя ее структуру и повышая эффективность.

В то же время нынешняя ситуация на мировом рынке — шанс для белорусского сельского хозяйства, которое традиционно является одной из важнейших отраслей экономики и главной составляющей агропромышленного комплекса нашей страны. Поэтому Беларусь придерживается стратегии укрепления продовольственной независимости на основе оптимального самообеспечения важнейшими видами сельскохозяйственного сырья и продовольствия. Цели импортозамещения — экономическая эффективность и самокупаемость в долгосрочной перспективе. Грамотная реализация политики импортозамещения позволяет не только сократить импорт, высвобождая валютные средства, но и выйти на внешние рынки с конкурентоспособной продукцией за счет стимулирования национального производителя, создания инновационной продукции.

Важной отраслью экономики Беларуси является сельское хозяйство. Агропромышленный комплекс выполняет три главные задачи: обеспечивает население высококачественным продовольствием, снабжает сырьем пищевую и легкую промышленность, сохраняет ландшафт для развития агротуризма. Беларусь практически полностью обеспечивает внутренние продовольственные нужды, завозя всего 10 % от общего объема потребления. Кроме того, для отсутствия у потребителей сомнений в качестве выпускаемой продукции, белорусские производители регулярно применяют новейшие системы гарантий безопасности товаров.

Доля сельского населения в Республике Беларусь составляла в 2022 г. 1988212 человек или 21,6 % от общей численности населения страны. Из них 16,3 % моложе трудоспособного возраста, 54,6 % — в трудоспособном и 29,1 % старше трудоспособного или 7 % в списочной численности занятых. В аграрном секторе республики было создано 7,7 % ВВП, а производство пищевых про-

дуктов формирует еще порядка 5 % ВВП. Сельскохозяйственные земли занимают более 8,6 млн га, или 42 % земельного фонда республики. Из них на долю сельскохозяйственных организаций приходится 88 % от общей площади, крестьянских (фермерских) хозяйств — 3 %, личных подсобных хозяйств и других — 9 %. В структуре посевных площадей сельскохозяйственных организаций зерновые и зернобобовые культуры занимают 44 %, технические культуры (лен, сахарная свекла и рапс) — 9,7 %, картофель и овощи — 0,5 %, кормовые культуры — 45,8 %. Основой сельского хозяйства является крупное товарное производство, на долю которого приходится 79 % продукции. Личные подсобные хозяйства обеспечивают 18,1 % продукции, крестьянские (фермерские) хозяйства — 2,9 %. В связи этим, белорусская аграрная политика исходит из того, что сельское хозяйство является multifunctional системой, обеспечивающей не только продовольственную безопасность, но и освоение территории страны, сохранение самобытной сельской культуры, приобщение к труду молодежи [6].

В таблице 1 представлена динамика основных финансово-экономических показателей деятельности сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь за 2005–2021 гг.

Из приведенных в таблице данных видно, что в последние годы в республике отмечен рост объемов производства валовой продукции сельского хозяйства, а также объем выручки от ее реализации. Так, за период исследований, стоимость валовой продукции в сельскохозяйственных организациях возросла в 2,1 раза, в том числе на 1 га сельхозугодий в 2,2 раза и на одного среднегодового работника — почти в 1,6 раза. Рост выручки от реализации продукции, товаров, работ, услуг за исследуемый период возросла почти в 4,8 раза. Что же касается уровня государственной поддержки непо-

Таблица 1.

Основные финансово-экономические показатели производственно-хозяйственной деятельности сельскохозяйственных организаций Республики Беларусь

Показатели	2005 г.	2010 г.	2015 г.	2020 г.	2021 г.
Стоимость валовой продукции, млн долл. США	2341,5	4300,0	4028,0	4932,9	4906,5
в т. ч в расчете на					
1 га сельхозугодий, долл. США	361,2	682,6	698,2	779,9	796,7
1 среднегодового работника, тыс. долл. США	7,4	16,3	19,4	24,8	25,5
Выручка от реализации продукции, товаров, работ, услуг, млн долл. США	2480,3	4400,3	3534,7	10815,9	11812,3
Прибыль по конечному финансовому результату, тыс. дол. США	2971,3	383908,7	– 20473,5	705217,0	729617,0
Получено субсидий и дотаций из бюджета, тыс. долл. США	733417,8	1121000,0	377380,7	404734,3	645504,8
в т. ч. на 1 га сельхозугодий, долл. США	113,0	152,7	54,6	64,0	104,8
1 среднегодового работника, тыс. долл. США	2,3	4,2	1,8	2,0	3,3
Уровень рентабельности реализованной продукции, товаров, работ, услуг %	13,0	8,7	– 0,6	8,1	9,0

средственно сельских товаропроизводителей, которая в во многом и является основным индикатором помощи государства, то в исследуемом периоде имело место ее значительное снижение, чему в не малой степени способствовало нарушение межотраслевых пропорций торгово-финансовых отношений, вызванной резкой девальвацией национальной валюты. Особенно значительный темп роста был отмечен в 2008–2012 гг. — в 4 раза, против 2,3 раза в 2013–2018 гг. Только в последующие годы этот процесс замедлился, а белорусский рубль обеспечил себе определенную стабильность [3].

Как результат, по итогам 2021 г. в Глобальном рейтинге продовольственной безопасности Беларусь занимает 36-е место среди 113 государств и опережает все страны СНГ, за исключением России (23-е место). Международные эксперты выделяют нашу страну по высокому качеству и сбалансированности рациона питания населения, наличию государственных программ поддержки в сфере продовольственной безопасности и развитию агропромышленного комплекса, а также по стабильности потребительских цен на продукты по сравнению с мировыми. Традиционно продовольственная безопасность Республики Беларусь обеспечивается за счет собственного производства. В 2021 г. уровень самообеспечения Беларуси по основным группам продовольствия превышает 100 %. В частности, по молочной продукции — 263,3 %, маслу растительному — 228,2 %, сахару — 154,4 %, мясу — 134,2 %, яйцам — 127,7 %, овощам и бахчевым — 101,8 %, картофелю — 100 %. Таким образом, в нашей стране обеспечена физическая и экономическая доступность населению качественного продовольствия [6].

Одним из индикаторов экономической доступности сельскохозяйственной продукции и продовольствия является доля продажи продовольственных товаров отечественного производства организациями торговли на внутреннем рынке в общем объеме продаж — не менее 85 %. Доля реализации организациями торговли товаров отечественного производства по основным группам, определяющим продовольственную независимость государства, за январь–сентябрь 2023 года:

- достаточна — по мясу и мясным продуктам (реализация товаров отечественного производства организациями торговли составила 99,7 %), сахару (99,5 %), сырам (95,8 %), маслу сливочному (100 %), картофелю (88,2 %), яйцам (100 %), муке (93,7 %);
- недостаточна — по маслу растительному (10,2 %), фруктам и орехам (12,1 %), яблокам (53,9 %), рыбе (11,2 %), макаронным изделиям (65,9 %).

Вместе с тем за январь–сентябрь 2023 года доля импортных продовольственных товаров в продаже организациями торговли составила 22,1 %. Высокой остается

доля отдельных импортных продуктов в розничном товарообороте организаций торговли: фруктов — 87,9 %, масла растительного — 89,8 %, рыбы — 88,8 %, крупы гречневой — 65,8 %, сахаристых кондитерских изделий — 47,4 %, фруктовых и овощных соков — 28,8 %, макаронных изделий — 34,1 %.

В Беларуси утвержден и действует перечень социально значимых товаров, цены на которые регулируются в установленном порядке. Данный перечень оперативно корректируется с учетом складывающейся ситуации на рынке. Он максимально охватывает потребности всех категорий населения. В него включены рыба свежемороженая, мясо (говядина и свинина), мясо кур, молоко, кефир, сметана, творог, сыры, масло растительное, мука пшеничная, сахар белый, соль поваренная пищевая, детское питание (сухие смеси, каши, консервы), свежий картофель, яблоки и другие продукты [5].

Беларусь занимает высокие позиции в мировом рейтинге производителей сельскохозяйственной продукции и продовольствия: 6-е место по производству сухого обезжиренного молока, 10-е место — масла животного, 12-е место — картофеля, 15-е место — сухого цельного молока, 16-е место — масла рапсового. В расчете на душу населения в 2021 году в Беларуси произведено 797 кг зерна, 517 кг картофеля, 184 кг овощей, 841 кг молока (это один из лучших показателей в мире), 135 кг мяса, 379 штук яиц.

Беларусь лидирует в Евразийском экономическом союзе по производству на душу населения мяса и молока: на одного жителя нашей страны производится мяса вдвое больше, чем в России и Казахстане; молока — в 2,5 раза больше, чем в Казахстане, и в 3 раза больше, чем в Армении, Кыргызстане и России. Республика Беларусь полностью обеспечивает себя сахаром благодаря правильно выбранной стратегии, которая позволила создать и развить сырьевые зоны выращивания сахарной свеклы, а также увеличить в 3,8 раза объем ее заготовки, нарастить производственные мощности по ее переработке до 39,5 тыс. тонн в сутки. Ведется работа по увеличению производства масла растительного отечественного производства и его поставок на внутренний рынок страны.

Республика Беларусь является одним из основных экспортеров продовольствия на мировой рынок. Беларусь знают как страну с производством натуральной качественной продукции из отечественного сырья. Драйверы белорусского экспорта — молоко, сыры и другая молочная продукция, говядина, мясо птицы, колбасы, мясные консервы и другая переработанная продукция, рыбная продукция, сахар, яйца, картофель, рапсовое масло и другое. Для Беларуси 2021 г. стал одним из самых успешных по экспорту продовольственных товаров

и сельхозсырья. На внешний рынок поставляется более половины годового производства молока и третья часть годового производства мяса.

Таким образом, можно заключить, что увеличение объемов производства сельскохозяйственной продукции, повышение ее конкурентоспособности и экономической эффективности в условиях импортозамещения

в значительной степени предопределяются масштабами государственной поддержки и направлениями ее распределения. Это обусловлено тем, что значительная часть субъектов хозяйствования не имеет достаточных внутренних и внешних источников финансирования не только расширенного, но и простого воспроизводства, что вызывает необходимость повышения роли государственной поддержки.

ЛИТЕРАТУРА

1. О Доктрине национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь до 2030 года: постановление Совета Министров Респ. Беларусь, 15 декабря 2017 г. [Электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&rho=C21700962> (дата обращения: 25.03.2025).
2. Калинин, Н.Л. Импортозамещение и технологический суверенитет / Н.Л. Калинин // Образование и право. — 2023. — № 11. — С. 87–91. — DOI 10.24412/2076-1503-2023-11-87-91.
3. Матох, С.А. Бюджетная поддержка сельскохозяйственных организаций Беларуси / С.А. Матох. // Научные труды Академии управления при Президенте Республики Беларусь: экономические, юридические, философские и политические науки / Учредитель Академия управления при Президенте Республики Беларусь. — Минск: Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2023. — Вып. 25. — С. 172–184.
4. Национальная и региональная экономическая безопасность: учебник для вузов / под общей редакцией Л.П. Гончаренко. — 3-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 165 с. — ISBN 978-5-534-19495-1.
5. Рекомендации по обеспечению соблюдения положений Доктрины национальной продовольственной безопасности Республики Беларусь [Электронный ресурс]. — URL: <https://mart.gov.by/activity/torgovlya-i-uslugi/rekomendatsii-po-obespecheniyu-soblyudeniya-polozheniy-doktriny-natsionalnoy-prodovolstvennoy-bezopas/> (дата обращения: 25.03.2025).
6. Сельское хозяйство Республики Беларусь: стат. буклет. — Минск: Нац стат. комитет Респ. Беларусь, 2023. — 36 с.
7. Титова, О.В., Восканян Н.А. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. — 2021. — №7 (57). — С. 105–110. DOI: 10.47581/2021/PS-3/IE.7.57.18.
8. Уразгалиев, В.Ш. Продовольственная безопасность: учебник для вузов / В.Ш. Уразгалиев. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2025. — 78 с. — ISBN 978-5-534-18883-7.
9. Цхададзе, Н.В. Выгоды и риски импортозамещения в экономике / Н.В. Цхададзе // Вестник Московского университета МВД России. — 2024. — № 3. — С. 262–270. — DOI 10.24412/2073-0454-2024-3-262-270.
10. Global Report on Food Crises 2023 [Electronic resource] // The Economist Intelligent Unit. — 2023. — URL: <https://impact.economist.com/sustainability/project/food-security-index> (дата обращения: 25.03.2025).

© Матох Сергей Александрович (matokh@mail.ru); Паубо Василий Михайлович (gruskevich@gmail.com);
 Мисун Владимир Леонидович (vova_7787@mail.ru); Арсенов Василий Васильевич (arsvv@list.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОЕКТНОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ИНСТРУМЕНТ РЕСУРСОБЕРЕЖЕНИЯ ПРИ СТРОИТЕЛЬСТВЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ОБЪЕКТОВ

PROJECT FINANCING AS A TOOL FOR RESOURCE SAVING IN THE CONSTRUCTION OF INDUSTRIAL FACILITIES

V. Melnikov

Summary. The purpose of this article is to determine the possibilities of increasing the level of resource conservation in the process of implementing industrial construction projects using the project financing methodology.

The methodological basis of this study is a dialectical understanding of various definitions in order to establish the possibilities of their integration within the framework of the functioning of the mesoeconomic system of industrial construction. To achieve this goal, this work used the methods of analysis and definition of concepts, systemic establishment of relationships, structuring of elements of organizational and economic systems and factors affecting these systems.

Results. The article substantiates the need to use the project financing methodology in resource conservation processes in the field of industrial construction. The author also clarified the concepts of «project financing» and «resource conservation», which allows us to consider these definitions in their dialectical relationship. The problem raised in this article is relevant and requires its theoretical and practical justification, and its solution will help improve the quality of project activities and the overall efficiency of industrial construction projects. The results obtained can be used in the process of further scientific development of the problems of «lean construction».

Conclusions. Project financing and resource conservation are closely related, since both approaches are focused on sustainable development and efficient use of resources in the field of industrial construction.

In this regard, the use of project financing in the field of project activities related to the construction of construction projects should be considered the most important condition for resource conservation.

The undoubted advantage of using the project financing method in the process of solving resource conservation problems is that when using this method, it becomes possible to determine the discounted cost of resources and, thus, predictively determine the efficiency of using various resources.

Keywords: resources, resource conservation, project financing, quality, tools, relationship, lean construction, industrial enterprise, mechanism, costs, efficiency, ecology, economics.

Мельников Владислав Владимирович

кандидат экономических наук, соискатель, Автономная некоммерческая организация высшего образования «Российский новый университет», г. Москва
V.melnikov@gc.center

Аннотация. Целью данной статьи является определение возможностей повышения уровня ресурсосбережения в процессе реализации проектов промышленного строительства с использованием методологии проектного финансирования.

Методологической основой данного исследования является диалектическое осмысление различных дефиниций с целью установления возможностей их интеграции в рамках функционирования мезоэкономической системы промышленного строительства. Для достижения поставленной цели в данной работе использовались методы анализа и определения понятий, системного установления взаимосвязей, структурирования элементов организационно-экономических систем и факторов, воздействующих на эти системы.

Результаты. В статье обоснована необходимость использования методологии проектного финансирования в процессах ресурсосбережения в области строительства промышленных объектов. Также автором уточнены понятия «проектное финансирование» и «ресурсосбережение», что позволяет рассматривать данные дефиниции в их диалектической взаимосвязи. Поднятая в данной статье проблема является актуальной и требует своего теоретико-практического обоснования, а её решение будет способствовать повышению качества проектной деятельности и общей эффективности реализации проектов промышленного строительства. Полученные результаты могут использоваться в процессе дальнейшей научной разработки проблем «бережливого строительства».

Выводы. Проектное финансирование и ресурсосбережение тесно связаны, поскольку оба подхода ориентированы на устойчивое развитие и эффективное использование ресурсов в области промышленного строительства.

В этой связи использование проектного финансирования в области проектной деятельности, связанной с возведением строительных объектов, следует считать важнейшим условием ресурсосбережения.

Несомненным достоинством использования методики проектного финансирования в процессе решения задач ресурсосбережения является то, что при использовании данной методики появляется возможность определить дисконтированную стоимость ресурсов и, таким образом, прогностически определить эффективность использования различных ресурсов.

Ключевые слова: ресурсы, ресурсосбережение, проектное финансирование, качество, инструменты, взаимосвязь, бережливое строительство, промышленное предприятие, механизм, затраты, эффективность, экология, экономика.

Введение

Актуальность. Период современного развития России характеризуется возникновением новых требований к промышленному развитию, связанных с изменениями, происходящими в Российской Федерации и во всем мире на фоне политизации экономической деятельности, выразившейся в постоянном расширении западными странами антироссийских санкций. В этих условиях важной задачей становится поиск путей, направленных на повышение эффективности национальной экономики, являющейся важнейшим элементом обеспечения экономической стабильности, создания новых высокотехнологичных рабочих мест и повышения качества жизни населения России.

Промышленность Российской Федерации, безусловно, является системообразующим звеном, одним из драйверов развития национальной экономики, а её финансово-экономический результат — индикатором экономической ситуации в стране. Данные обстоятельства определяют особое внимание к развитию промышленности, основы которого закладываются на стадии строительства промышленных объектов. Именно на этом этапе необходимо задать вектор повышения энергетической и ресурсной эффективности хозяйственной деятельности в промышленности, решая данные вопросы уже на этапе проектной деятельности, закладывающей основы бережливого и рационального использования ресурсов в процессе эксплуатации введенных промышленных объектов.

Изученность проблемы. Проблемам политики достижения высокой энергетической и ресурсной эффективности в области строительства посвящены работы отечественных авторов.

Проблемы финансового обеспечения проектной деятельности исследовал Н.В. Цехомский, который определил возможности обращения в проектной строительной деятельности к наработкам в области современного финансового менеджмента [1]. Этой же проблеме посвящены и работы В.И. Халина [2], А.В. Щелиной [3], рассмотревших возможности использования концессионного механизма в процессе реализации проектов капитального строительства, а также механизмы включения достижений проектного менеджмента в современный инвестиционный процесс. Заслуживает внимания и работа О.Н. Ильиной, в которой изложены методологические основания управления проектами с опорой на достижения цифровизации и включения в процесс управления различных технологий, обеспечивающих наилучшие условия финансирования проектов с целью достижения наивысшего экономического эффекта [4].

Также в научных исследованиях, в частности в работе Л.А. Борисовой, раскрыты проблемы перехода строи-

тельной индустрии к экологически значимым технологиям устойчивого развития (зеленого строительства) [5]. В статье Д.В. Габаловой, Е.В. Князькиной, С.А. Ращепкиной исследованы проблемы и основные тенденции развития строительства в условиях санкций и ограниченности ресурсов [6]. В работах М.Е. Смолкиной [7] и А.В. Халимонова [8] исследованы и проанализированы тенденции развития строительства объектов с учетом необходимости повышения эффективности проектной деятельности, раскрыты основные предпосылки эффективности формирования и реализации инвестиционно-строительного проекта на базе «зеленой экономики».

Обращает на себя внимание то, что во всех указанных работах авторы рассматривают проблемы строительной отрасли в связи с необходимостью внедрения концепции бережливого строительства. Исследователи обращают внимание на то, что современная ситуация определяет необходимость решения совокупности проблем развития России, связанных с реализацией крупномасштабных проектов в сфере промышленной, научно-исследовательской, образовательной, технологической деятельности, в энергетике, машиностроении, в области жилищного и промышленного строительства и др.

Данная задача имеет стратегическую значимость в плане необходимости дальнейшего повышения эффективности инвестиционной деятельности, которое основывается на методологии рационального использования ресурсов, требуемых для реализации крупномасштабных проектов промышленного развития, что решается посредством внедрения концепции бережливого строительства [4].

В условиях глобального перехода к устойчивому развитию бережливое строительство выходит за рамки простой оптимизации ресурсов. Это концепция, объединяющая экологическую осознанность, технологическую инновацию и социальную ответственность для создания качественной и экономически выгодной застройки [1].

Основы формирования и реализации инвестиционно-строительного проекта на базе современных подходов к финансированию и управлению проектами, обоснованные учёными, являются методологической основой для решения проблем повышения эффективности деятельности в области промышленного строительства, однако, вопросы ресурсосбережения в промышленном строительстве в связи с проблематикой проектного финансирования не исследованы в работах данных авторов.

Целесообразность разработки темы определяется актуальностью проблемы повышения эффективности строительной деятельности в условиях ограниченности ресурсов с целью необходимости перехода к устойчивому

развитию на основе ресурсосбережения и использования прогрессивных методов планирования и управления.

Таким образом, поднятая в данной статье проблема является актуальной и требует своего теоретико-практического обоснования, а её решение будет способствовать повышению качества проектной деятельности и общей эффективности реализации проектов промышленного строительства.

Целью данной статьи является определение возможностей повышения уровня ресурсосбережения в процессе реализации проектов промышленного строительства с использованием методологии проектного финансирования.

В *задачи исследования* входит конкретизация концептуальных основ современного подхода к бережливому строительству, обоснование необходимости использования методологии проектного финансирования в решении проблем ресурсосбережения.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что в статье обоснована необходимость использования методологии проектного финансирования в процессах ресурсосбережения в области строительства промышленных объектов

Научная новизна данной работы состоит в том, что автором уточнены понятия «проектное финансирование» и «ресурсосбережение», что позволяет рассматривать данные дефиниции в их диалектической взаимосвязи.

Практическая значимость данной статьи состоит в том, что полученные результаты могут использоваться в процессе дальнейшей научной разработки проблем «бережливого строительства».

Методология

Методологической основой данного исследования является диалектическое осмысление различных дефиниций с целью установления возможностей их интеграции в рамках функционирования мезоэкономической системы промышленного строительства. Для достижения поставленной цели в данной работе использовались методы анализа и определения понятий, системного установления взаимосвязей, структурирования элементов организационно-экономических систем и факторов, воздействующих на эти системы.

Результаты

Современный подход к бережливому строительству базируется на интеграции передовых технологий и управленческих стратегий, что позволяет переос-

мыслить процесс создания строительных объектов. Цель — не только минимизация затрат, но и достижение максимальной эффективности во всех аспектах: от проектирования до эксплуатации зданий.

Ключевые аспекты нового подхода включают в себя:

1. Цифровую трансформацию. Применение BIM, искусственного интеллекта и анализа больших данных открывает возможности для высокой точности расчётов, прогнозирования и предотвращения ошибок на ранних этапах.
2. Энергоэффективные решения. Акцент смещается в сторону использования возобновляемых источников энергии, энергосберегающих материалов и «умных» технологий, которые снижают эксплуатационные расходы и углеродный след.

Гибридные материалы. Появление инновационных строительных материалов, таких как композиты с высокой прочностью и низким весом, позволяет уменьшить объём используемых природных ресурсов [9].

В настоящее время бережливое строительство становится зоной пересечения экономических и экологических интересов. Применение перерабатываемых материалов и вторичного сырья, а также снижение объёмов отходов в процессе строительства создают баланс между прибыльностью и защитой окружающей среды. Современные проекты проектируются с учетом жизненного цикла здания, включая возможность демонтажа и повторного использования компонентов [10].

Одним из ключевых элементов будущего становится создание замкнутых цепочек производства, где отходы одного этапа становятся сырьем для другого. Применение IoT-технологий в строительной индустрии позволяет отслеживать ресурсы в режиме реального времени, что исключает перерасход материалов и улучшает координацию всех участников процесса.

Долгосрочные перспективы данных технологических решений обеспечивают:

1. Снижение эксплуатационных затрат. Использование энергоэффективных решений обеспечивает значительную экономию на протяжении всего срока службы здания.
2. Социальная значимость. Здания, построенные с использованием принципов бережливости, способствуют созданию комфортной городской среды.
3. Устойчивость бизнеса. Внедрение инновационных решений позволяет строительным компаниям адаптироваться к изменяющимся требованиям рынка и занимать лидирующие позиции [11].

В целом, можно говорить о том, что бережливое строительство — это не просто метод, а стратегическая

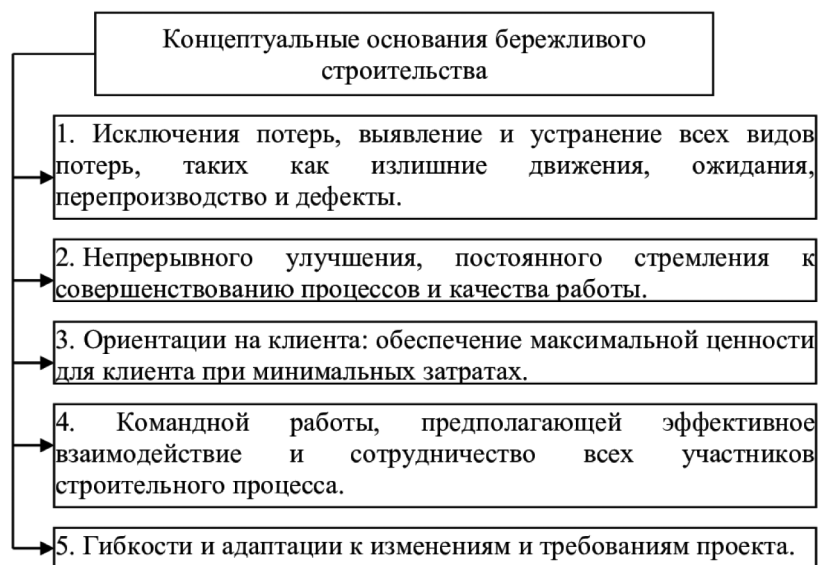

Рис. 1. Концепты, определяющие включение бережливого строительства в экономические процессы

философия, которая меняет подход к созданию инфраструктуры. Оно направлено на достижение гармонии между людьми, технологиями и природой, делая это неотъемлемой частью глобального движения к устойчивому развитию. Такой подход закладывает новую основу для развития строительной индустрии в XXI веке.

В основе бережливого строительства лежит ряд основополагающих концептов, определяющих его реальное участие в экономических процессах (рис. 1).

Очевидно, что для эффективного внедрения данной концепции важнейшее значение имеет достижение высоких показателей энерго- и ресурсоэффективности строительной деятельности, учитывая, что решение данной задачи лежит в плоскости развития методологии проектного управления и в области использования эффективных инструментов проектного менеджмента, среди которых выделяется методика проектного финансирования.

По нашему мнению, учитывая современные тенденции экономического развития, ресурсосбережение можно понимать как управленческую стратегию, при которой рациональное использование всех ресурсов предприятия тесно связано с внедрением технологий, снижающих расход ресурсов, а также принятием эффективных управленческих решений для их оптимизации.

В этой связи актуальным представляется констатация того факта, что задачи оптимизации ресурсного обеспечения промышленного строительства самым тесным образом связаны с решением проблем финансирования строительных проектов, отражая тот факт, что именно финансовая составляющая определяет эффективность управления ресурсами в дисконтированном ракурсе

экономической оценки проективной деятельности [12].

Основной принцип проектного финансирования — партнерство. Все участники заранее договариваются о правах, обязанностях, порядке принятия решений и степени вовлеченности. Это позволяет каждому участнику чувствовать себя уверенно в рамках проекта, снижая неопределённость и обеспечивая чёткий план действий.

Такая модель особенно эффективна для реализации крупных инициатив в области промышленного строительства, где необходимы значительные вложения и где важно объединить усилия многих заинтересованных сторон для достижения общей цели. По нашему мнению, ресурсосберегающая направленность проектного финансирования определяется учетом наиболее рациональных форм финансового обеспечения проекта за счет выбора оптимальной комбинации ресурсов, требуемых для проведения строительных работ и соответствующего обоснования всех элементов финансирования строительного проекта с учетом специфики его ресурсного обеспечения на каждой из стадий жизненного цикла. Данный подход является основанием для авторского определения «проектного финансирования» как основания для ресурсосбережения (рис. 2).

При этом, когда мы говорим о ресурсном сбережении в контексте проектного финансирования, мы должны понимать, что само ресурсное обеспечение проектов представляет собой деятельность, результаты которой выражены в физических единицах (штуки, тонны, киловатты), обеспечивая процесс материально-технического обеспечения строительных работ и в объемах необходимых денежных средств, используемых для ресурсного обеспечения проектов. Если в первом случае, проблеме

Рис. 2. Авторское определение «проектного финансирования» как основания для ресурсосбережения

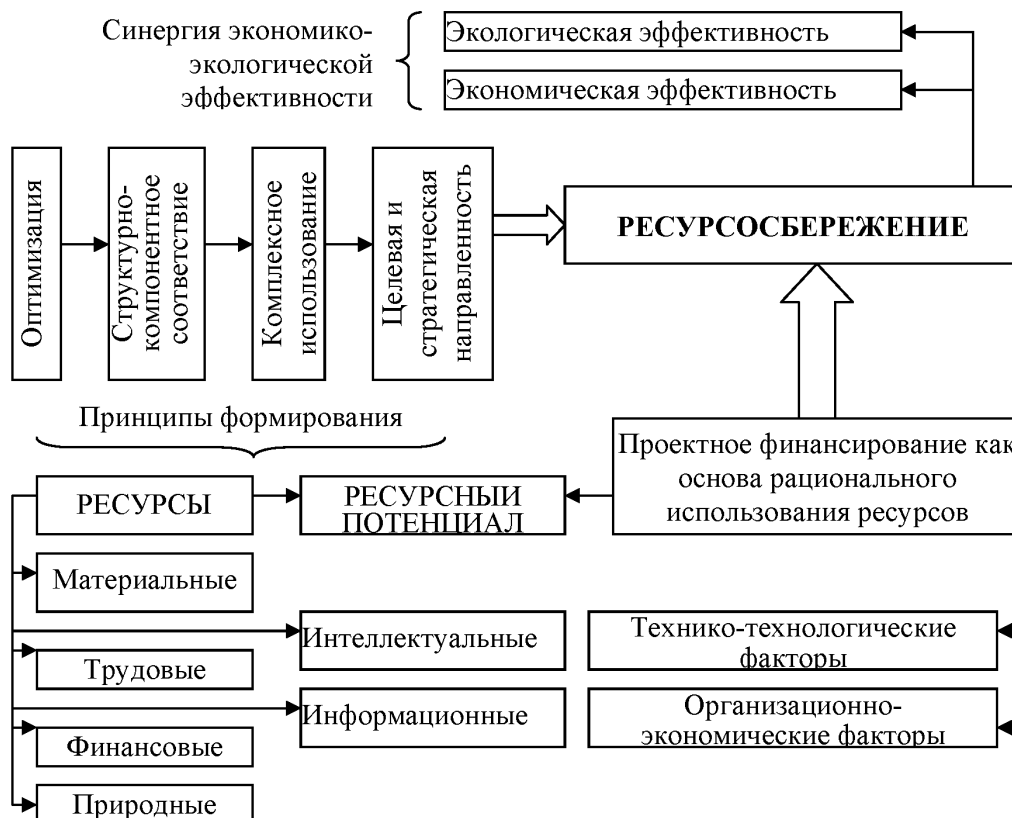

Рис. 3. Схема взаимосвязи между понятиями «проектное финансирование», «ресурсы», «ресурсосбережение»

ресурсосбережения решают службы материально-технического снабжения, то во втором — ресурсное планирование и управление осуществляется в рамках проектного финансирования, которое в значительной степени расширяет горизонт ресурсного обеспечения проектной деятельности, позволяя определять ее потенциальную эффективность, рискованный характер вложений, пути экономии финансовых средств и др. (рис. 3).

При таком подходе мы можем говорить о том, что проектное финансирование представляет собой ключевой механизм, способствующий реализации инновационных подходов в области рационального использования ресурсов. Этот инструмент позволяет интегрировать передовые организационно-экономические методы, ориентированные на снижение ресурсных затрат, минимизацию экологического следа и увеличение конкурентоспособности продукции.

Основой такой системы становится стимулирование внедрения технологий ресурсосбережения, что включает использование возобновляемых источников энергии, переход на циркулярную экономику и внедрение цифровых технологий для мониторинга и оптимизации потребления ресурсов. Это обеспечивает устойчивое производство, минимизирует материальные, трудовые и финансовые издержки, одновременно открывая новые возможности для бизнеса.

Проектное финансирование направлено на поддержку долгосрочных стратегий, включая оценку рисков, связанных с ресурсным истощением, и формирование мер по повышению эффективности использования сырья. Благодаря системному планированию, прогнозированию и привлечению финансово-кредитных инструментов обеспечивается создание оптимальных условий для перехода на более устойчивые модели развития.

Эта концепция становится основой промышленного и инфраструктурного роста, где каждая инициатива направлена не только на получение прибыли, но и на сохранение природных ресурсов для будущих поколений.

В условиях дефицита ресурсов, по мнению зарубежных аналитиков, проектное финансирование может сыграть фундаментальную роль как инвестиционный инструмент для развития инфраструктурных систем и как механизм распределения и смягчения рисков финансово-экономической деятельности [1].

Именно этот методический подход (вместе с государственно-частным партнерством) может сыграть решающую роль в поощрении частных инвесторов к участию в разработке как новых, так и существующих проектов промышленного развития, включая, энергетику, горнодобывающую промышленность, шахты и др.

Анализ научной литературы [2, 3, 4] позволяет говорить о том, что проектное финансирование — это инновационная форма экономического взаимодействия, ориентированная на реализацию стратегических проектов с высокой степенью сложности и значительным уровнем рисков. Она опирается на структурированные подходы, обеспечивающие устойчивое распределение ответственности и максимизацию эффективности вложений.

Ключевые элементы проектного финансирования включают:

1. Системный подход: финансирование интегрируется с детально проработанными планами проекта, что минимизирует возможность отклонений от целей.
2. Фокус на устойчивом развитии: проекты, финансируемые по данной схеме, ориентированы на долгосрочный экономический эффект и минимальное воздействие на окружающую среду.
3. Инновационные механизмы привлечения средств: Применение цифровых технологий, блокчейн-решений и умных контрактов позволяет повысить прозрачность и надежность финансовых операций.
4. Глобальная координация: Включение международных участников позволяет объединить экспертизу, ресурсы и технологии из разных регионов мира.

На каждом этапе реализации проекта ключевая роль распределяется между специализированными участниками (рис. 4).

На начальном этапе акцент ставится на анализ жизнеспособности проекта и привлечении инвесторов. В процессе реализации значимость приобретают профессиональные менеджеры, которые обеспечивают контроль за выполнением всех поставленных задач. Финальный этап предполагает полное завершение проекта и передачу операционных активов сторонам, ответственным за эксплуатацию и возврат инвестиций.

Таким образом, проектное финансирование открывает новые горизонты для создания и внедрения инновационных решений, способствуя развитию экономики и обеспечивая синергию между интересами бизнеса, государства и общества.

В то же время обратим внимание на то, что, как указывают исследователи, в России проектное финансирование носит точечный характер и находится на стадии становления.

Анализ научной литературы позволил автору соответствующим образом сгруппировать факторы, влияю-

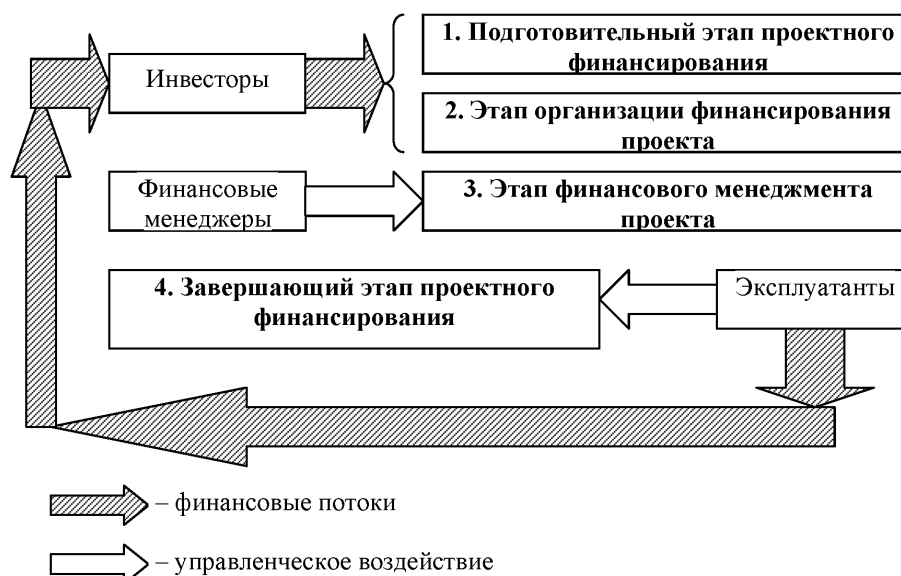

Рис. 4. Организационная схема проектного финансирования отраслей промышленности с учетом его субъектного состава (составлено по данным [13, 14, 15])

щие на процесс развития проектного финансирования в России с учетом наличия факторов, сдерживающих развитие данной формы финансовой активности и факторов, способствующих наращиванию потенциала проектного финансирования (табл. 1).

Данные факторы сдерживают развитие проектного финансирования в России и опосредованно снижают эффективность промышленной деятельности в стране, учитывая, что основным направлением проектного финансирования является развитие инфраструктуры, обеспечивающей жизнедеятельность населения, потребности предприятий промышленности.

Выводы

Такая направленность проектного финансирования в России лишь подчеркивает его важнейшее значение как инструмента ресурсосбережения как важнейшей части промышленной политики, учитывая, что жизнеспособность социально-экономического развития региона, страны в целом во многом зависит от уровня развития и надежности и эффективности промышленного производства, которое достигается использованием перспективных инструментов проектной деятельности, направленных на всемерное снижение финансовых, материальных и энергетических затрат, как на этапе производства строительных работы, так и на эксплуа-

ционном этапе жизненного цикла промышленного предприятия.

Заключение

Таким образом, можно говорить о том, что проектное финансирование и ресурсосбережение тесно связаны, поскольку оба подхода ориентированы на устойчивое развитие и эффективное использование ресурсов в области промышленного строительства. Таким образом, использование проектного финансирования в области проектной деятельности, связанной с возведением строительных объектов, следует считать важнейшим условием ресурсосбережения.

Несомненным достоинством использования методики проектного финансирования в процессе решения задач ресурсосбережения является то, что при использовании данной методики появляется возможность определить дисконтированную стоимость ресурсов и, таким образом, прогностически определить эффективность использования различных ресурсов.

В этой связи дальнейшее исследование планируется сосредоточить на решении проблем оценки дисконтированной стоимости ресурсов промышленного строительства.

Таблица 1.

Факторы, определяющие состояние проектного финансирования в промышленном строительстве
(составлено автором по данным [6, 7, 9, 10, 11])

Фактор	Условия, позитивно воздействующие на состояние проектного финансирования	Условия, негативно воздействующие на состояние проектного финансирования
Технико-экономические	Наличие необходимого научного потенциала, позволяющего осмысливать содержательные и практические аспекты проектного финансирования, технической базы, позволяющей осуществлять инвестиционную деятельность с использованием современных технологий, наличие свободных финансовых ресурсов в необходимых объемах, государственная поддержка строительной отрасли и инновационной деятельности в области строительства	Дефицит финансовых ресурсов, отсутствие должного опыта в осуществлении проектного финансирования, слабое планирование и отсутствие необходимых навыков обоснования проектов у лиц, которые заняты их реализацией, низкий спрос на те или иные результаты проектной деятельности, низкий инвестиционный потенциал страны
Организационно-управленческие	Гибкость организационных структур, задействованных в реализации проектов, их способность эффективно работать с инвесторами, их позитивный имидж и достаточный опыт реализации крупных проектов	Несовершенные организационные структуры управления проектами, чрезмерная централизация финансовых ресурсов в банковской сфере, отсутствие инновационной стратегии развития строительного комплекса, ориентация на проекты с минимальной степенью риска, недостаточность международного научно-технического сотрудничества в области проектного финансирования
Социально-психологические	Восприимчивость к новым формам проектного финансирования, способность предлагать новые модели финансового сотрудничества, доказывая перспективность вложения средств в проект изменениям, нововведениям, развитие системы финансово-экономического образования, ориентированного на специфику реализации проектов в области строительства	Сопrotивление изменениям со стороны руководителей строительного комплекса, изменение стереотипов, страх неопределенности, низкий профессиональный статус участников проектной деятельности, отток кадров, способных вести качественный проектный анализ и управлять финансами, инвестируемыми в проект
Информационно-коммуникативные	Наличие необходимой информации, открытость информационного сопровождения проектной деятельности, наличие бизнес-планов, стандартных форм управленческой отчетности, раскрывающих финансово-экономическую ситуацию в области реализации проекта	Недостаточная информационная открытость, недостаточный обмен информацией для управления процессами финансирования в строительстве, замкнутость и ограниченность межотраслевых связей, низкий уровень информирования потенциальных инвесторов о перспективных проектах в области строительства
Правовые	Законодательные меры (особые льготы, законы), поощряющие проектную деятельность и проектное финансирование	Несовершенство законодательной базы по вопросам проектного финансирования, защиты интересов инвесторов
Факторы риска	Эффективная система управления рисками при реализации проектов, позитивный опыт их реализации	Существенная рискованность инвестиционных проектов, наличие негативного опыта финансирования у инвесторов
Отраслевое развитие	Активное развитие отрасли, востребованность создаваемых объектов строительства	Недостаточный уровень развития отрасли, отсутствие спроса на услуги, продукцию

ЛИТЕРАТУРА

1. Цехомский, Н.В. Организация финансирования реализации крупных энергетических проектов // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2023. № 3. С. 27–34.
2. Халин В.И. Финансирование инвестиционных проектов на основе концессионного механизма: дисс. ... канд. техн. наук. — Екатеринбург, 2024. 204 с.
3. Щелина А.В. Формирование стратегии эффективного финансирования инвестиционных проектов телекоммуникационных компаний: дисс. ... канд. техн. наук. — Москва, 2022. 157 с.
4. Ильина О.Н. Методология управления проектами: становление, современное состояние и развитие: монография. — Москва: Вузовский учебник: ИНФРА-М, 2024. 208 с.
5. Борисова Л.А. Проблемы и основные тенденции развития жилищного строительства в России // УЭПС: управление, экономика, политика, социология. 2021. № 3. С. 1–8.
6. Габалова Д.В., Князькина Е.В., Ращепкина С.А. Тенденции развития строительства объектов энергетики в России // Вестник евразийской науки. 2022. № 1. С. 1–11.

7. Смолкина М.Е. Основы формирования и реализации инвестиционно-строительного проекта на базе «зеленой экономики» и сравнение экостроительства в России с Европой и Азией // Столыпинский вестник. 2022. № 7. С. 3575–3586.
8. Халимонов А.В. Практика зеленого жилищного строительства в России: проблемы и перспективы // Инновации и инвестиции. 2023. № 8. С. 286–294.
9. Мищенко А.В. Информационное моделирование жизненного цикла объекта капитального строительства: дисс. ... канд. эконом. наук. — Ростов-на-Дону, 2023. 162 с.
10. Тутаришев З.Б. Комплекс моделей и алгоритмов повышения качества процессов планирования и организации строительного производства: дисс. ... канд. техн. наук. — Краснодар, 2021. 146 с.
11. Сычев С.А. Перспективные технологии строительства и реконструкции зданий. Монография. — СПб., Лань, 2022. 368 с.
12. Ajayi S.O., Oyedele L.O., Kadiri K.O. (2017) Optimising materials procurement and storage on construction sites. *Engineering, Construction and Architectural Management*. Vol. 24. № 2. Pp. 352–379.
13. Elghaish F., Rahimian F., Hosseini M., Edwards D. (2022) Financial management of construction projects: Hyperledger fabric and chaincode solutions. *Automation in Construction*. 137, 104185
14. Shibani A., Hasan D., Saaifan J., Sabboubeh H., Eltaip M. (2022) Financial risk management in the construction projects. *Journal of King Saud University — Engineering Sciences*. 36(1). Pp. 112–120.
15. Shibani A., M. Ghostin, D. Hassan, M. Saidani, A. Agha., 2021. Exploring the impact of implementing building information modelling to support sustainable development in the construction industry: a qualitative approach. *IJRDO-Journal of Mechanical And Civil Engineering*. 7(1), 33–62.

© Мельников Владислав Владимирович (V.melnikov@gc.center)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ФАКТОРА НА ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТНК

INFLUENCE OF FOREIGN POLICY FACTORS ON THE ACTIVITIES OF TNCs

**A. Mirzoyan
G. Kazaryan**

Summary. The article analyzes the influence of foreign policy factors on the activities of transnational companies (TNCs) in the context of modern geopolitical instability. Using the example of international companies leaving Russia after 2022, the key challenges faced by TNCs are considered, including sanctions, reputational risks, disruptions in supply chains and changes in investment strategies. The author examines the consequences of these processes for the global economy, as well as the adaptation mechanisms that companies use to minimize risks.

Keywords: transnational companies (TNCs), foreign policy factors, sanctions, geopolitical instability, Russia, import substitution, global supply chains, reputational risks, investment strategies, business adaptation.

Мирзоян Ани Анатолиевна

Московский государственный институт
международных отношений
animirz@mail.ru

Казарян Гор Ильич

Московский государственный институт
международных отношений
gorinich29@list.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу влияния внешнеполитических факторов на деятельность транснациональных компаний (ТНК) в условиях современной геополитической нестабильности. На примере ухода международных компаний из России после 2022 г. рассматриваются ключевые вызовы, с которыми сталкиваются ТНК, включая санкции, репутационные риски, нарушения логистических цепочек и изменения в инвестиционных стратегиях. Автор исследует последствия этих процессов для глобальной экономики, а также адаптационные механизмы, которые используют компании для минимизации рисков.

Ключевые слова: транснациональные компании (ТНК), внешнеполитические факторы, санкции, геополитическая нестабильность, Россия, импортозамещение, глобальные цепочки поставок, репутационные риски, инвестиционные стратегии, адаптация бизнеса.

Введение

В условиях глобализации транснациональные компании (ТНК) играют ключевую роль в мировой экономике, объединяя рынки разных стран и способствуя развитию международной торговли, инвестиций и технологического обмена. Однако их деятельность тесно связана с внешнеполитическими условиями, которые могут как создавать возможности для роста, так и становиться серьезным вызовом. В последние годы геополитическая напряженность, санкции, торговые войны и изменения в международных отношениях оказывают все большее влияние на стратегии ТНК, заставляя их адаптироваться к новым реалиям. Ярким примером этого является ситуация вокруг России после 2022 года, когда введение санкций и уход многих международных компаний с российского рынка продемонстрировали, насколько тесно бизнес зависит от политической конъюнктуры.

Актуальность темы влияния внешнеполитических факторов на деятельность ТНК обусловлена несколькими причинами. Во-первых, в современном мире экономика и политика становятся все более взаимосвязанными. Решения, принимаемые на государственном уровне, такие как введение санкций или ограничений

на торговлю, напрямую влияют на бизнес-процессы ТНК, вынуждая их пересматривать свои стратегии. Во-вторых, глобальные кризисы, такие как пандемия COVID-19, конфликты и изменения в энергетической политике, подчеркивают уязвимость международных компаний перед внешними шоками. В-третьих, уход ТНК с одного рынка и их переориентация на другие регионы меняют глобальные экономические ландшафты, что имеет долгосрочные последствия как для стран, теряющих инвестиции, так и для тех, кто их привлекает.

1. Роль ТНК в современном мире

Транснациональные корпорации сегодня — это основные акторы международных экономических отношений. Имея подразделения по всему миру, подобные компании, соответственно, имеют интересы в странах присутствия. Одна из ключевых особенностей транснациональных корпораций, как отмечает В.В. Мартыненко — наличие головного офиса в стране происхождения, или стране базирования.

Важность головного офиса в деятельности транснациональной компании сложно недооценить: конечно, в первую очередь именно головной офис определяет общий вектор развития компании, принимает решения

относительно направлений расширения сферы деятельности компании. Помимо этого, немаловажное значение играет и налогово-юридический аспект: исключительно важным для будущего транснациональной компании будет грамотный выбор налоговой юрисдикции, учет общего уровня благоприятности экономического развития региона, уровень экономического развития государства, которое и будет «основным» в юрисдикционном плане [3, с. 84].

Именно в данном аспекте особую важность приобретает вопрос внешнеэкономических факторов в деятельности транснациональных компаний. Примечательно, что такие факторы могут пониматься в широком и узком смысле: под широким нужно считать общие направления внешней политики государства, являющегося страной происхождения корпорации; в узком смысле — это общие принципы деятельности корпорации, которыми она руководствуется в ходе определения направлений для дальнейшего расширения.

В настоящей статье авторы намерены рассмотреть основы влияния внешнеполитических факторов на транснациональные компании, затронуть вопрос влияния внешнеполитических соглашений разного уровня на деятельность транснациональных компаний, а также изучить вопрос влияния международных санкций и условий политической нестабильности на деятельность транснациональных компаний.

Современный мир можно с уверенностью назвать миром международной экономики: именно она во многом определяет внешнюю политику государств, а не наоборот, как это может показаться на первый взгляд. Аналогичным образом, именно на международную экономику работает, в свою очередь, дипломатия стран. В связи с этим сложно не согласиться с утверждением о том, что именно экономика сегодня является основой международных отношений.

Конечно, достаточно затруднительно и, вероятно, спорно было бы утверждать, что экономика сегодня играет безоговорочно главную и основополагающую роль. Однако современная интегрированность экономик отдельных стран, их взаимосвязанность друг с другом свидетельствуют об общем изменении системы международных отношений, и именно экономический аспект приобретает в ней все большее значение [5, с. 248].

Анализ позиции экономики в современных международных отношениях лишь дополнительно подчеркивает, что наравне с государствами их участниками являются международные организации и транснациональные корпорации. Наравне с этим, важнейшим признаком современной глобальной экономики является общая нестабильность, многоаспектность и активное использование

инструментария экономических санкций. Действительно, глубокая взаимная интегрированность экономик государств мира сделала достаточно маловероятной прямую военную конфронтацию крупных государств: очевидно, что подобный сценарий заставил бы стороны полностью прервать экономические отношения, а это, в свою очередь, повлекло бы тяжелые экономические последствия для хозяйствующих субъектов [2, с. 84].

Поэтому в распоряжении у государств для осуществления и приведения в силу внешней политики остаются экономические санкции. Вероятно, сегодня мы являемся свидетелями становления так называемой «пакетной дипломатии» — меры в отношении стран фокусируются в пакетах санкционных мер (к примеру, в отношении России со стороны ЕС действуют 16 санкционных пакетов), как отмечают А.А. Короткова и Е.И. Козлова [2, с. 86].

Возникает вполне закономерный вопрос: за счет кого санкции реализуются? Ведь ранее было установлено, что транснациональные компании являются неизменными участниками международных экономических отношений. Было бы справедливо утверждать, что именно за счет транснациональных корпораций осуществляется практическая реализация экономических санкций, и именно на них ложатся все те негативные последствия, которые из них вытекают, как полагает В.В. Мартыненко [3, с. 84].

Следовательно, справедливым было бы утверждение о том, что на транснациональные корпорации напрямую влияют внешнеполитические реалии, в которых находится как страна их происхождения, так и страны ведения деятельности. Ключевым же фактором, определяющим внешнеэкономическую деятельность транснациональных корпораций, являются экономические санкции.

2. Влияние внешнеполитических факторов на деятельность ТНК в контексте российского рынка

Наглядным примером их влияния являются ситуация с иностранными компаниями, осуществляющими деятельность в России, и последствия для них в связи с антироссийскими санкциями с 2014 и особенно с 2022 года. Не секрет, что доля таких компаний в России была значительна: так, к примеру, 6,5 % всех европейских компаний в той или иной форме вели деятельность в России до 2022 года.

Из всех действующих в России иностранных компаний приостановили деятельность на российском рынке 67 %, окончательно покинули его — 14 %. Подобная пропорция вновь подчеркивает важность экономики в современных геополитических реалиях — несмотря на всю кажущуюся тяжесть и строгость налагаемых

санкций, транснациональные корпорации не стремятся разрубать отношения со страной нахождения окончательно, оставляя возможный для себя «коридор» для возвращения.

После начала специальной военной операции России на Украине в феврале 2022 г. титульные мировые корпорации признали непростительным оставаться на российском рынке, и они либо остановили деятельность, либо уехали. Речь идет о McDonald's, Starbucks, Coca-Cola, IKEA и H&M. С.С. Матвеевский и Д.К. Никитенко называют это решение политически мотивированным давлением со стороны западных партнеров и стремлением этих компаний не ввязаться в геополитические интриги и сохранить репутацию на мировом рынке [4, с. 40].

Компании, продолжавшие вести деятельность в России, стали мишенью общественности и органов надзорного перепроизводства. Например, бренды, не принявшие участия в санкциях, оказались под ударом критики мировых СМИ и социальных сетей. Это заставило даже тех, кто принимал решения о сохранении позиций на российском рынке, пересмотреть свое решение. Репутационные потери могли привести к замедлению продаж в различных уголках мира, что, по мнению специалистов, имеет больший вес, чем была бы потеря прибыли от работ с продаж РФ, как отдельного потребителя [6].

Экономические последствия ухода транснациональных корпораций (ТНК) оказались значительными. Совокупные потери иностранных компаний от ухода из России, согласно данными Bloomberg, превысили 59 млрд долларов. К примеру, BP списала 25,5 млрд долларов,

уходя из своих долей в российской нефтяной компании «Роснефть», Shell — 3,9 млрд долларов, сворачивая проекты в стране. Многие ТНК много потеряли в связи с уходом с российского рынка (Рис. 1).

Санкции и уход ТНК серьезно затронули потребительский рынок России. По данным Росстата, в 2022 году объем импорта потребительских товаров в Российскую Федерацию сократился на 35 %, в некоторых сегментах, в том числе электроники и бытовой техники, что привело к росту цен и дефициту отдельных товаров. К примеру, из-за ограничений в поставках Apple и Samsung стоимость смартфонов в России среднем увеличилась на 20–30 %. В ответ на это российские компании начали активно развивать собственное производство. Так, бренд «Байкал» распорядился моделью процессоров для ПК, а в автомобильной отрасли появились Lada Vesta NG и другие новые модели, подстраиваемые под местные условия.

Инвестиционный климат в Российской Федерации пострадал серьезно. Затраты на прямые иностранные инвестиции (ПИИ) за 2022 год составили 19 миллиардов долларов, согласно данным Центрального банка России, это рекордный показатель за последние десятки лет. Многие крупнейшие транснациональные корпорации, в числе которых Volkswagen, Toyota и BP, сворачивают проекты, что приводит к снижению производств в ключевых отраслях. Так, объем производства автомобилей в России в 2022 году упал на 67 % по сравнению с предыдущим годом. Однако российское государство начало активно поддерживать импортозамещение — в бюджете на 2023 год выделено 1,5 триллиона рублей на субсидии и преференции для отечественных производителей [6].

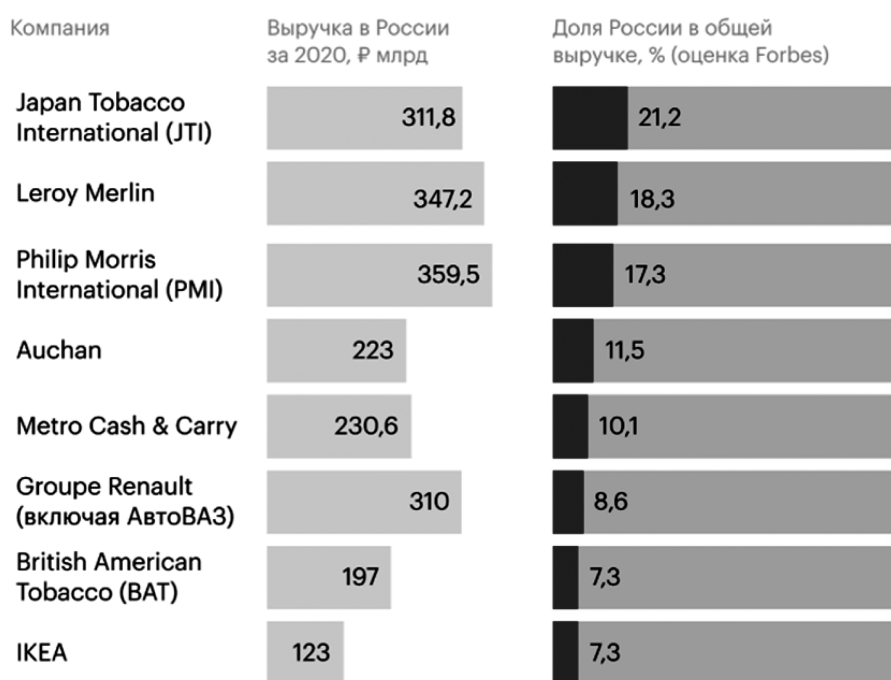

Рис. 1. Сколько иностранные компании зарабатывают в России [7]

В перспективе начнут изменяться экономическая модель страны. Согласно оценке Мирового банка, снижение ВВП России в 2022 году составило 2,1 %, в 2023 году произошло снижение на 0,5 %, но уже в 2024 году номинальный ВВП вырос на 4,1 % [7]. Правительство же страны рассчитывает на рост за счет развития внутреннего рынка, а также сотрудничества в том числе с азиатскими гигантами — Китаем и Индией. Например, товарооборот между Россией и Китаем в 2024 году вырос на 32 %, составив 250 миллиардов долларов. Таким образом, проблема решена: Россия, несмотря на трудности, читает новые интеграционные азбуки в мировой экономике, стремясь к адаптации в изменившемся мире [8].

Так, после 2022 года освободившиеся ниши на российском рынке начали активно занимать ТНК из стран, не поддержавших санкционную политику. Наиболее заметным стал приток китайских, турецких, индийских, иранских и белорусских компаний, которые увидели в ситуации не только риски, но и значительные возможности для расширения бизнеса. Особенно это касается автомобильной промышленности, бытовой техники, потребительских товаров и IT-сферы.

Одной из самых активных стала китайская автомобильная отрасль. Компании Chery, Haval (Great Wall Motors), Geely, Exeed, Omoda, Dongfeng и FAW не просто вышли на рынок, а начали локализовать производство, открывая сборочные предприятия на бывших мощностях ушедших брендов. Например, Haval расширил своё производство в Тульской области, а Chery и Geely наладили крупноузловую сборку через партнёрские предприятия. В 2023 году доля китайских брендов в продажах новых автомобилей в России превысила 50 %, что было немыслимо еще несколько лет назад [6].

В финансовой сфере и IT особенно примечателен приход компаний из Ирана и Китая, предлагающих аналоги западных решений. После отключения Visa и Mastercard многие ТНК из дружественных стран предложили поддержку китайской платёжной системы UnionPay. Несколько китайских банков открыли представительства или наладили корреспондентские отношения с российскими банками, чтобы обеспечить трансграничные расчёты. Также усилился интерес к использованию криптовалют и блокчейн-решений, что стимулировало приход азиатских fintech-компаний [7].

Таким образом, уход западных ТНК привел не к изоляции, а к смене географии партнеров. В Россию пришли компании из стран, стремящихся воспользоваться открывшимися возможностями и занять долгосрочные позиции на рынке. Данный процесс сопровождается частичной локализацией производства, созданием новых логистических цепочек и появлением альтернативных торгово-финансовых механизмов, что формирует новую

конфигурацию международного сотрудничества в условиях геополитического давления.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что внешнеполитические факторы оказывают решающее влияние на стратегию, структуру и географию деятельности транснациональных корпораций. После 2022 года политические решения, такие как введение санкций, ограничения на сотрудничество и принудительный выход с рынков, вынудили западные ТНК отказаться от многолетнего присутствия в России, несмотря на значительные инвестиции и прибыль. При этом компании из стран, не вовлеченных в санкционную политику, восприняли ситуацию как возможность для экспансии и укрепления своих позиций, что привело к смене глобального баланса в распределении экономических интересов и формированию новой архитектуры международного бизнеса, в которой политическая лояльность и устойчивость к геополитическим рискам становятся не менее важными, чем качество продукции или конкурентоспособность. В итоге ТНК все чаще вынуждены не просто учитывать внешнеполитические обстоятельства, а выстраивать бизнес-модели, исходя из политической конъюнктуры, формируя новые альянсы, локализуя производство и диверсифицируя рынки в соответствии с текущей геополитической повесткой.

Заключение

Внешнеполитические факторы оказывают глубокое влияние на деятельность транснациональных корпораций (ТНК) и мировую экономику в целом. Как показывает пример России после 2022 г., санкции, геополитическая напряженность и изменения в международных отношениях могут кардинально изменить бизнес-среду, заставив компании пересмотреть свои стратегии, свернуть операции или полностью уйти с рынков, что не только приводит к значительным финансовым потерям для ТНК, но и создает волновые эффекты для экономик стран, где они работают, включая потерю рабочих мест, сокращение инвестиций и нарушение цепочек поставок.

Влияние внешнеполитических факторов на ТНК и экономику в целом подчеркивает важность гибкости и стратегического планирования. Компании, способные быстро реагировать на изменения геополитической обстановки, минимизируют риски и находят новые возможности для роста. В то же время страны, создающие благоприятные условия для бизнеса и поддерживающие международное сотрудничество, могут смягчить негативные последствия санкций и других ограничений. В конечном итоге взаимодействие политики и экономики остается ключевым фактором, определяющим устойчивость как ТНК, так и мировой экономики в нестабильных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова Е.Р., Воробьев М.Р., Муртазалиев М.М. Роль ТНК в международном бизнесе // Экономика и бизнес: теория и практика. 2024. №2(96). С. 55–60.
2. Короткова А.А., Козлова Е.И. Транснациональные корпорации в современной международной экономике // Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2023. №7(73). С. 84–90.
3. Мартыненко В.В. Транснациональные корпорации в системе новой социальной реальности электронно-цифровой цивилизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. № 12. С. 79–88.
4. Матвеевский С.С., Никитенко Д.К. Транснациональные корпорации: их роль в мировой экономике и перспективы в России // Финансовые рынки и банки. 2023. № 4. С. 39–42.
5. Яковлев А.А. Актуальные особенности позиционирования транснациональных корпораций в качестве ключевых субъектов мировой экономики // Криминологический журнал. 2024. № 1. С. 246–250.
6. Как уход Nike, Apple, Ford и других брендов повлиял на конкуренцию в России [Электронный ресурс] // Ведомости. Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2023/05/18/975581-kak-uhod-nike-apple-i-drugih-brendov-povliyal-na-konkurenciyu-v-rossii> (дата обращения: 11.03.2025).
7. Сколько иностранные компании зарабатывают в России. Инфографика [Электронный ресурс] // РБК. Режим доступа: <https://www.rbc.ru/business/02/03/2022/621f29029a7947618191f706> (дата обращения: 11.03.2025).
8. Россияне рассказали о влиянии ухода международных брендов на доступность товаров [Электронный ресурс] // Эксперт. Режим доступа: <https://expert.ru/news/2-3-oproshennykh-rossiyan-ukhod-kompaniy-iz-rf-ne-skazalsya-na-dostupnosti-tovarov-i-uslug/> (дата обращения: 11.03.2025).

© Мирзоян Ани Анатолиевна (animirz@mail.ru); Казарян Гор Ильич (gorinich29@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТРАНСФОРМАЦИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ И РАЗВИТИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

Пантелеев Михаил Валерьевич

аспирант, Университет ИТМО (Санкт-Петербург)
mikhailvups@yandex.ru

TRANSFORMATION OF HIGHER EDUCATION IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION AND THE DEVELOPMENT OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE

M. Pantelev

Summary. The article analyzes the factors influencing the innovative development and dynamic change of the educational environment of universities. The rapid pace of technological progress dictates the need for constant updating of knowledge and skills of specialists, which makes digital tools an essential component of the educational process. The present study is aimed at identifying factors influencing the transformation of educational processes. Based on statistical data, a review of successful cases and modern research, the current state of digitalization in vocational education is analyzed, the key factors influencing the transformation of higher education are characterized, as well as the identification of key trends in education. The article pays special attention to the role of artificial intelligence in the practice of higher education.

Keywords: digital transformation of education, trends in education, methods and technologies, individualization of learning, artificial intelligence.

Аннотация. В статье анализируются факторы, влияющие на инновационное развитие и динамическое изменение образовательной среды вузов. Стремительный темп технологического прогресса диктует необходимость постоянного обновления знаний и навыков специалистов, что делает цифровые инструменты необходимым компонентом образовательного процесса. Данное исследование направлено на выявление факторов влияющих на трансформацию образовательных процессов. Опираясь на статистические данные, обзор успешных кейсов и современных исследований, анализируется текущее состояние цифровизации в профессиональном образовании, дается характеристика ключевых факторов, влияющим на трансформацию высшего образования, а также идентификацию ключевых тенденций в образовании. Особое внимание в статье уделяется роли искусственного интеллекта в практике высшего образования.

Ключевые слова: цифровая трансформация образования, тренды в образовании, методы и технологии, индивидуализация обучения, искусственный интеллект.

Изменения во всех сферах современного общества происходят с впечатляющей скоростью, что определяет низкую прогнозируемость будущего. Одним из основополагающих триггеров такой нестабильности являются развивающиеся быстрыми темпами цифровые технологии и искусственный интеллект, внедряемые во всех областях экономической, политической, общественной жизни и образования.

Сфера образования, как доминанта современного общества, несет определенную ответственность за совершенствование и развитие социально-экономической устойчивости этого общества [1]. Однако ее традиционность и консерватизм замедляет внедрение инновационных решений в свою среду, и только с развитием цифровых технологий, ситуация начала кардинально меняться.

Миссия образования связана с развитием личности и подготовкой кадров для национальной и мировой эко-

номики. Эти факторы коренным образом обуславливают эволюцию системы образования, в частности, ее профессиональную сферу.

В эволюции высшего профессионального образования условно можно выделить несколько этапов.

Первый этап определяется периодом до начала 19 века. Характерными особенностями этого периода являются: политическая и социальная активность студенчества и профессорского состава; развитие профессиональных институтов (ветеринарные, сельскохозяйственные и т. д.) для обеспечения экономического развития страны; создание высших учебных заведения для женщин; создание «национальных» («народных») университетов.

Второй этап — советский период. Высшее образование характеризуется как кадровая часть государственной «корпорации». Контроль государства над системой

высшего образования и ограниченный доступ к обучению граждан.

Третий этап — с начала 90-х годов 20 века по настоящее время. Главные тренды этого периода — соответствие российского образования мировым образовательным моделям и массовизация высшего профессионального образования.

Однако требования времени и особенно запросы рынка труда ставят сферу профессионального образования перед необходимостью значительного преобразования.

Выделим ключевые направления, требующие изменений в образовательной сфере.

В первую очередь — это реакция рынка труда на технологические трансформации в социально-экономической сфере, особенно те, которые связаны с развитием искусственного интеллекта и цифровизацией. Проводимые в последнее время исследования, связанные с подготовкой и оценкой персонала для технологичного бизнеса, показывают, ставшее уже традиционным, повышение спроса на специалистов, обладающих компетенциями в области информационных технологий. Образовательная среда призвана обеспечить запрос общества на формирование у выпускников цифровых компетенций. Реализация этой задачи затрагивает все аспекты образовательного процесса, меняя не только способы передачи знаний и оценку результатов, но и формируя новые подходы к обучению и взаимодействию между участниками образовательного процесса.

Следующее важное направление, влияющее на стратегию развития вузов, актуализирует возросший запрос государства на развитие инженерных программ. Здесь важным аспектом становится коллаборация университетов с инновационным производством — образовательная корпорация. Такой способ сотрудничества способствует повышению практической ориентации образования, увеличению интерактивности и вовлеченности студентов и педагогов в учебный процесс.

Развитие образовательных корпораций в России набирает обороты, так как имеет ряд неоспоримых преимуществ и особенностей, таких как: расширение спектра образовательных программ, предлагаемых студентам и востребованных работодателями; повышение качества обучения, обуславливаемое высокой квалификацией преподавателей специалистов-практиков и исследователей; скорость внедрения и корректировки обучающих программ и технологий [1].

Однако, на фоне таких значимых трансформаций в обществе, цифровизация образовательной сферы

сталкивается с рядом проблем, способствующих замедлению ее развития. Рассмотрим наиболее существенные проблемы.

В первую очередь необходимо отметить *неравномерность доступа к технологиям*. Несмотря на государственные программы по развитию и внедрению цифровых технологий, все еще существенна разница в доступе к цифровым технологиям в разных регионах и социальных группах. Внедрение цифровых технологий в образовательную среду высшего образования, зависит, в первую очередь, от финансирования вузов, которое неоднородно, что непосредственно сказывается на преобразовательных процессах. Недостаток технологического оборудования и программного обеспечения, а также квалифицированных специалистов ведут к снижению качества подготовки выпускников и конкурентоспособности вуза.

Следующий существенный фактор — *недостаточная квалификация персонала* в области цифровых технологий. Многие преподаватели не обладают необходимыми компетенциями и квалификацией для эффективного использования цифровых технологий в обучении. Эту проблему стоит рассмотреть с позиции демографических показателей. Исследования, проведенные НИУ ВШЭ показали, что в российских вузах занято более 90 % преподавателей в возрасте от 30 лет, из них почти 30 % — в возрасте более 60 лет [2]. Здесь важно учитывать возрастные возможности и особенности освоения новых компетенций в области цифровых технологий и искусственного интеллекта. Также принимая во внимание, что триггером активного внедрения цифровых технологий в образовательную среду стала инфекция коронавируса, то очевидно, что за такое короткое время не все вузы и их сотрудники смогли приобщиться к новым технологиям и сформировать необходимые компетенции.

Следующий фактор, который также необходимо учитывать — это *сопротивление изменениям*. Методы обучения и управления образовательной структурой в большинстве вузов остаются традиционными, в них все еще доминируют инертность и не готовность к инновационным изменениям. Многие образовательные учреждения не готовы к переходу на новые форматы управления и обучения, включающие цифровые технологии, не только в следствии таких факторов как отсутствие достаточного для инноваций финансирования и управленческого опыта, но и внутреннему сопротивлению изменениям со стороны персонала вуза. Управление сопротивлением к изменениям в образовательной организации не является в нашей стране традиционной, а следовательно, прогнозируемой или хотя бы понятной функцией. Несмотря на это, его следует рассматривать как комплексный процесс, включающий: прогнозирование, проектирование, постановку целей, организацию

образовательного процесса, контроль и мониторинг отклонений от целей, регулирование и анализ результатов [3]. В методах управления сопротивлением следует учитывать как индивидуальные эмоциональные реакции персонала на изменения, так и, в большинстве своем, не понимание персоналом сути этих изменений, что также связано с низким уровнем цифровых компетенций персонала вузов.

Также следует рассмотреть *проблему мотивации обучающихся*. Цифровые технологии в образовательной среде часто ассоциируются с дистанционным обучением. Исследования показали, что многие студенты испытывают трудности с самоорганизацией и мотивацией при обучении с применением дистанционных технологий из-за отсутствия взаимодействия с преподавателями [4].

С учетом текущих проблем можно выделить искусственный интеллект, как ключевой тренд в образовании. возможности и направления использования технологий искусственного интеллекта в вузах.

Искусственный интеллект в учебной аналитике (ИИ-аналитика)

Учебная аналитика — измерение, сбор, анализ и представление данных об обучающихся и образовательной среде для понимания особенностей обучения и его совершенствования. Отличие ИИ-аналитики от традиционной в том, что искусственный интеллект способен собирать и анализировать большие массивы разрозненных данных и в дальнейшем генерировать общую картину ситуации. Кроме того, искусственный интеллект способен спрогнозировать ее развитие, исходя из начальной точки и предложить варианты по его корректировки в зависимости от запроса [5]. Интересный пример использования алгоритмов ИИ и распознавания данных привел Эдуард Галажинский, ректор Томского государственного университета (ТГУ) на Петербургском международном экономическом форуме (2023). Он рассказал, как в вузе проводится набор студентов на образовательную программу: «Набирая людей на образовательную программу, мы анализируем три миллиона аккаунтов, смотрим, что человеку нравится, что он публикует. Делаем профайлинг в автоматическом режиме с помощью технологий анализа больших данных и ИИ, делаем выводы о примерном совпадении и понимании целевой модели абитуриента. <...> В этом смысле технология позволяет найти ребят, которых мы считаем своими абитуриентами, которых ранее мы бы не нашли никогда». И если он подходит, то чат-бот вступает в коммуникацию. Статистика показывает, что таким образом отобранные студенты реже отчисляются [6]. Также, используя подобные алгоритмы, можно создавать эффективные студенческие команды для стартапов и различ-

ных проектов, где студенты, лучше понимая и дополняя друг друга, усиливают процесс познания и практики.

Технологии ИИ в автоматизации рутинных задач преподавателя

Традиционно нагрузка преподавателей делится на учебную и методическую. Методическая часть нагрузки достаточно трудоемкая и рутинная. Большую часть такой работы можно переложить на ИИ. К таким работам можно отнести подготовку методических материалов, кейсов, самостоятельных работ; разработку проверочных материалов, таких как тесты, расчётные задачи, аналитические модули, др.; создание образовательных приложений и специализированного контента; проверку домашних заданий; анализ прогресса студентов в освоении учебного материала. Переложив такое количество решений и задач на программы искусственного интеллекта, преподаватели смогут, в полной мере, заниматься изысканиями и аналитикой, совершенствованием своих профессиональных компетенций, писать научные статьи, совместно со студентами разрабатывать и реализовывать проекты различного уровня, заниматься творчеством и креативом, что, несомненно, отразится на заинтересованности и вовлеченности студентов в образовательный процесс.

Стоит отметить, что в начале октября 2024 года в России утвержден ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения», который вступит в силу 01.01.2025. Стандарт устанавливает общие положения к реализации функциональной подсистемы на этапах создания научных публикаций в сфере образования и науки, в том числе с привлечением обучающихся, а также описывает системы искусственного интеллекта, предназначенные для обеспечения ее работы [7].

Технологий ИИ в совершенствовании процесса обучения

Одна из естественных причин внедрения ИИ в обучение — это новое цифровое поколение (*digital natives*), которое родилось в эпоху цифровизации и интуитивно пользуется цифровыми технологиями. Внедрение технологий ИИ, таких как интеллектуальная система обучения, системы обучения на основе диалога, исследовательские среды, др., вузы создают комфортную и понятную среду для развития и успешного освоения студентами образовательных программ. Технологии ИИ предоставляют обучающимся расширенные возможности адаптивного обучения, повышают эффективность взаимодействия с обучающей системой, группой и преподавателем. Кратко охарактеризуем некоторые технологии ИИ, которые могут успешно применяться в обучении.

Интеллектуальная система обучения представляет собой персонализированное учебное пособие, которое организует материал в зависимости от возможностей и потребностей обучающегося. Наиболее удачно такие системы зарекомендовали себя в точных науках как хорошо структурированных областях знания. В основе интеллектуальных систем лежат три модели: модель области знания, модель обучающегося, педагогическая модель.

Системы обучения на основе диалога имитируют диалог с обучающимися, чтобы помочь найти нужное решение, оценить знания и определить их уровень. Системы симулируют учебный диалог между преподавателем и обучающимся в учебном процессе, например: пошаговое выполнение онлайн-заданий. В качестве примеров можно привести такие программы как: AutoTutor, «Цифровой двойник преподавателя».

Исследовательские среды представляют собой свободное и неструктурированное учебное поле, которое располагает к активному обучению. Это могут быть системы обучения через преподавание (Betty's Brain), через иммерсивные игры (Crystal Island).

Гибридные системы представляют собой мощные обучающие решения, которые удовлетворяют запросам разных участников обучающего процесса: обучающихся, преподавателей, разработчиков и заказчиков. К ним относятся такие решения как: Умные адаптивные компании, Поддержка совместного обучения, др. [8].

Необходимо также упомянуть такие области применения ИИ, как интеграция в виртуальную и дополненную реальность, инструменты для изучения иностранного языка, умные чат-боты.

Развитие и внедрение технологий ИИ во все сферы жизни общества, в том числе и образовательную, активно инициируется правительством страны. Так Минэкономразвития России при поддержке Правительства РФ и в координации с Аналитическим центром при Правительстве предоставило гранты исследовательским центрам в сфере искусственного интеллекта шести университетам и научным организациям, планирующим реализовать конкретные проекты в этой области. Познакомимся с проектами, которые направлены на усовершенствование процессов в образовании [9].

1. Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ). Проект «ИИ-технологии для человека». В рамках этого оперативного проекта ВШЭ разрабатывает ИИ-помощников для человека: для поддержки принятия решений, снятия рутинной нагрузки и повышения качества его повседневной жизни, в первую очередь в университете. Проект включает в себя

создание рекомендательных адаптивных системного обучения и использования геймификаций в образовании. Также ВШЭ сотрудничает с такими компаниями, как «Сбер» и «Яндекс», для разработки технологий ИИ, включая автоматизацию аналитических процессов и оптимизацию моделей ценообразования на двусторонних рынках [10].

2. Томский государственный университета (ТГУ) использует алгоритмы ИИ и распознавания данных для улучшения процесса набора студентов на образовательную программу [6].
3. Университет ИТМО использует искусственный интеллект в качестве технического писателя: на основании заметок, данных и записей совещаний разработчики составляют отчетную документацию по промежуточным этапам проектов [11].

Эти и другие университеты активно работают над внедрением технологий искусственного интеллекта в образовательный процесс и научные исследования, которые открывают новые возможности для развития науки и образования в России.

Таким образом, проведенные исследования в области трансформации высшего образования, позволяют нам сделать некоторые выводы и заключения.

1. Значимыми триггерами, определяющими направления трансформации вузов, являются реакция рынка труда на технологические трансформации в социально-экономической сфере и возросший запрос государства на развитие инженерных образовательных программ.
2. Цифровизация образовательной сферы сталкивается с рядом проблем, способствующих замедлению ее развития. К ним относятся такие факторы как: недостаточное финансирование, низкую компетентность персонала вузов в области цифровых технологий, сопротивление изменениям и недостаточную мотивацию обучающихся.
3. Анализ образовательных трендов показал, что особое внимание педагогического сообщества направлено на цифровизацию образовательной сферы и сталкивается с рядом проблем, способствующих замедлению ее развития. индивидуализацию обучения и использование технологий искусственного интеллекта в образовательной сфере.

Сегодня от технологий искусственного интеллекта в образовании ожидается не только и не столько выполнение рутинной преподавательской работы, сколько построение единой системы, развитие и поддержка адаптивной образовательной среды, которая будет способствовать достижению образовательных результатов, персонализации учебного процесса и более гибкого и вовлекающего обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фейлинг Т.Б., Торосян Е.К., Пантелеев М.В. Роль научно-образовательных корпораций в современной системе образования. Журнал правовых и экономических исследований, 2024, №2 — С. 268–274
2. Образование в цифрах: 2024: краткий статистический сборник / Т.А. Варламова, Л.М. Гохберг, О.А. Зорина и др.; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». — М.: НИУ ВШЭ, 2023.
3. Курин А.Ю. Ключевые принципы управления изменениями в образовании //Личностное и профессиональное развитие будущего специалиста: Матлы XIX Междунар. науч.-практич. Internet-конференции, Тамбов. — 2023. — Т. 29. — С. 298–301.
4. Юсупов В.З. Сравнительный анализ эмпирических исследований учебной мотивации студентов вузов //Знание. Понимание. Умение. 2022, № 1— С. 226–236.
5. Шобонов Н.А., Булаева М.Н., Зиновьева С.А. Искусственный интеллект в образовании. Проблемы современного педагогического образования. 2023. №79–4. С. 287–290
6. Росконгресс. Искусственный интеллект в образовании еще не раскрыл свой потенциал/ Экспертное заключение по итогам сессии ПМЭФ-2023 «ИИ в высшем образовании — прорыв или деградация?». URL: <https://roscongress.org/materials/iskusstvennyu-intellekt-v-obrazovanii-eshche-ne-raskryl-svoy-potentsial/>
7. ГОСТ Р 71657-2024 «Технологии искусственного интеллекта в образовании. Функциональная подсистема создания научных публикаций. Общие положения».
8. AI в обучении: на что способны технологии уже сейчас? EduTech информационно-аналитический журнал СберУниверситет, 2022, № 4 [49], 2022
9. Министерство экономического развития Российской Федерации. Шесть вузов получают финансовую поддержку на развитие исследовательских центров ИИ URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/shest_novyh_issledovatel'skih_centrov_v_sfere_ii_poluchat_gospodderzhku_na_razvitie.html?ysclid=m500vluvra340770439
10. НИУ ВШЭ. Стратегический проект «ИИ-технологии для человека». URL: <https://stratpro.hse.ru/ai-technologies/?ysclid=m7d8i61ksc871072466#subproject5>
11. Университет ИТМО. ITMO CONF 2024: этика, бизнес и образование в эпоху искусственного интеллекта. URL: <https://news.itmo.ru/ru/news/13915/?ysclid=m7d8mjpr89810429776>

© Пантелеев Михаил Валерьевич (mikhailvups@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОВРЕМЕННЫЙ ПОДХОД К ПОНЯТИЮ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО АГРОБИЗНЕСА

MODERN APPROACHE TO ECOLOGIAL AGRIBUSINESS

E. Pyatina

Summary. The article clarified the concept of «ecological agribusiness.» The interaction of agribusiness, ecology and organic agricultural production in the implementation of this entrepreneurship form is considered. Domestic and foreign measures to support organic agriculture are presented. Measures to support both the transition to environmental agribusiness and its subsequent support at all production stages from the provision of seed and planting material to the sale of organic products are justified.

Keywords: organic agribusiness, organic agriculture, agriculture-based economy, enterprise economy, state support.

Пятина Екатерина Ивановна

Аспирант, ФГБОУ ВО «Среднерусский институт управления — филиал РАНХиГС» (Орел)
katya-lodatko@yandex.ru

Аннотация. В статье уточнено понятие «экологического агробизнеса». Рассматриваются взаимодействие агробизнеса, экологии и органического производства сельскохозяйственной продукции при реализации данной формы предпринимательства. Представлены отечественные и зарубежные меры поддержки органического сельского хозяйства. Обоснованы мероприятия по поддержке как перехода к экологическому агробизнесу, так и его последующей поддержке на всех производственных от обеспечения семенным и посадочным материалом этапах до сбыта продукции органического происхождения.

Ключевые слова: экологический агробизнес, органическое сельское хозяйство, аграрная экономика, экономика предприятия, государственная поддержка.

Введение

Обеспечение качественными продуктами питания в достаточной мере является одной из наиболее актуальных задач, отвечающих вызовам современного мира: растущая численность населения земли, экологические проблемы, истощение земель сельскохозяйственного назначения и рост заболеваний, связанных с проблемами пищеварения, создают предпосылки для снижения качества жизни людей во всем мире. Мероприятия по борьбе с ними были обозначены приоритетными в деятельности Организации Объединенных Наций на период до 2030 года [1].

В Российской Федерации предпринимается комплекс мер по повышению уровня продовольственной безопасности: в 2019 году Президентом Российской Федерации В.В. Путиным была поставлена задача по созданию защищённого бренда отечественной «зелёной» продукции [2], а в 2023 году утверждена Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030, в которой были обобщены и уточнены основные понятия в области производства органических продуктов питания, такие как «Органическое сельское хозяйство Российской Федерации», «Органическая продукция», а также определены ключевые показатели по итогам 2021 года и установлены целевые показатели при базовом, консервативном и оптимистическом сценариях года [3]. Нам представляется целесообразным уточнить некоторые определения в области органиче-

ского сельского хозяйства и определить понятие «экологического агробизнеса», как одного из базовых при разработке предложений по совершенствованию мер его поддержки как на федеральном, так и региональном уровнях.

Материал и методы исследования

Объектом изучения являются элементы, составляющие суть понятий «агробизнес», «экология», «органика», статистические данные о производстве и потреблении продуктов органического сельскохозяйственного производства в Российской Федерации и за рубежом. Источниками эмпирической информации стали данные Министерства сельского хозяйства РФ, Статистической службы Европейского союза, статистические сборники, аналитические обзоры отраслевых союзов. Использовались монографический метод, методы экспертных оценок, анализ и синтез.

Результаты и обсуждение

Наличие значительного количества терминов, подразумевающих ведение сельского хозяйства способами и методами, отличными от традиционных, прежде всего требует их уточнения. У истоков органического сельского хозяйства в первой трети 20-го века стоял представитель Германии Рудольф Штейнер, который стал основоположником биологического (биодинамического) земледелия. Термин «органическое сельское хозяйство» был введён в оборот учёным агрономом Оксфордского

университета лордом Нотборном, который опирался на теорию Штейнера. В современное время были предложены такие понятия как «биологическое сельское хозяйство», «природное сельское хозяйство» и «экологическое сельское хозяйство». На наш взгляд, наиболее подходящим термином, который отражает актуальное состояние реалии является понятие «экологического агробизнеса».

Отмечается, что в настоящее время преобладают три основные системы производства сельскохозяйственной продукции: интенсивное, биологизированное и органическое сельское хозяйство [4, с. 43], однако нам представляется целесообразным рассмотреть все его возможные варианты.

Большой универсальный словарь русского языка определяет экологию, как науку, которая изучает взаимоотношения живых организмов и образуемых ими сообществ между собой и окружающей средой, вырабатывает принципы и методы защиты биосферы от негативного антропогенного воздействия, а бизнес — как деятельность, направленную на систематическое получение прибыли. Следует отметить, что, несмотря на свою синонимичность, понятия «бизнес» и «предпринимательство» имеют разные значения: под предпринимательской деятельностью понимается это общественно значимая, самостоятельная, инициативная деятельность лиц, связанная с осознанным принятием на себя потенциального риска наступления допустимых законом невыгодных последствий в сфере производства, выполнения работ и оказания услуг, направленная на получение прибыли [5, с. 7]. Ряд специалистов разделяют понятия «бизнес» и «предпринимательство», понимая под «бизнесом» деятельность, направленную на извлечение прибыли, а предпринимательство — как творчество [6]. Эти понятия имеют ещё больше различия при их использовании в области экологии и производства органики.

Большой энциклопедический словарь определяет агробизнес как сектор рыночной экономики, связанный с процессами сельскохозяйственного производства, хранения, распределения и обработки его продуктов, а в структурном отношении равнозначен агропромышленному комплексу [7].

В общем понимании экологический агробизнес представляет из себя совокупность множеств минимально допустимых значений, включённых в понятия аграрного бизнеса, экологии и органики (в значении производства продуктов органического происхождения, сертифицированных в соответствии с международными или национальными требованиями).

Пункт 2.1 ГОСТ 33980-2016 «Продукция органического производства. Правила производства, переработки,

маркировки и реализации» определяет органическое сельское хозяйство как производственную систему, которая ... принимая во внимание местные условия и опираясь на экологические циклы, сохраняет биологическое разнообразие, не использует вещества, способные нанести вред окружающей среде [8, с. 3]. Исходя из этого определения мы понимаем под термином «органика» продукцию органического сельского хозяйства и органического производства, при этом множество «органика» можно рассматривать как подмножество множества «экология», однако мы, вслед за рядом учёных, предполагаем, что недостаточность разработанности проблемы не позволяет с уверенностью говорить, что ряд технологий, особенно в отрасли органического животноводства в долгосрочной перспективе, наносит меньше ущерба окружающей среде, чем традиционные методы содержания.

Объединения и пересечения данных множеств представлены на рисунке, где А — агробизнес, В — экология, С — органика.

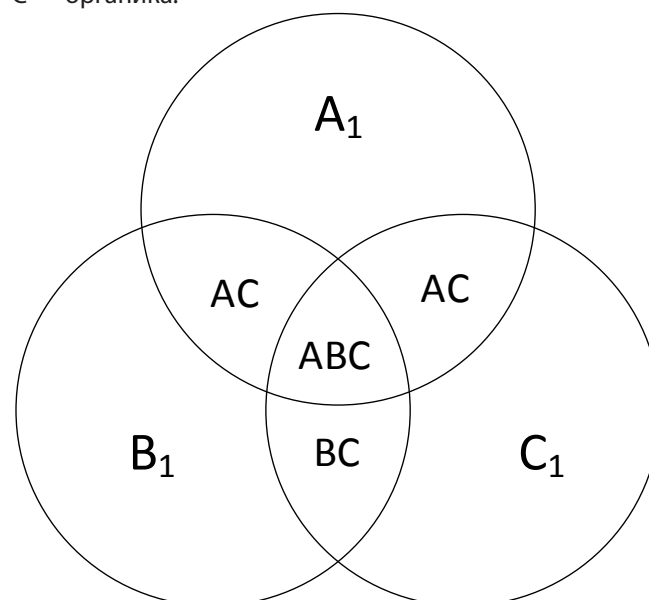

Рис. 1. Графическое представление пересечения множеств, составляющих сущность понятия «экологический агробизнес»: — агробизнес, — экология, — органика

Первое из подмножеств A_1 : $A - (A \cap B) \cup (A \cap C)$ представляет из себя тип ведения сельского хозяйства с наиболее агрессивным применением минеральных удобрений и химических препаратов, который сформировался в первое десятилетие после окончания второй мировой войны, когда основной задачей являлось обеспечение население продуктами питания и недопущением возникновения голода в период преодоления последствий, связанных с разрушением большинства экономик Европы, а также сокращением работоспособного населения. Второе подмножество

$B_1 : B - (A \cap B) \cup (B \cap C)$ является некоммерческим направлением экологической деятельности, не связанным с получением прибыли и производством продуктов питания. Подмножество $C_1 : C - (A \cap C) \cup (A \cap B)$ — пример производства продуктов питания для внутреннего потребления мелкими частными подсобными хозяйствами, не требующий сертификации и не представляющий угрозы экологии ввиду своих минимальных масштабов некоммерческой деятельности.

Пересечение множеств $AB : A \cap B$ — традиционное сельское хозяйство, направленное на получение прибыли при соблюдении требований экологического законодательства и защиты прав потребителей; $BC : B \cap C$ — некоммерческое производство органических продуктов питания, может применяться в организациях, в уставе которых не указана деятельность по получению прибыли: просветительские и образовательные организации, либо экологическое предпринимательство, не связанное с производством органики, например, экологический туризм. Пересечение множеств $AC : (A \cap C)$ — предприятия-производители органических продуктов питания, выполнившие минимальные требования на этапе конверсии и выполняющие их в процессе своей деятельности. Формально экологические требования являются условием функционирования предприятий такого типа, однако ряд исследований показал, что в долгосрочной и даже среднесрочной перспективах органическое животноводство наносит вред окружающей среде как минимум сопоставимый с традиционными формами ведения животноводства, причинами которого являются более продолжительный по сравнению с обычным срок набора веса животным, связанный с медленным набором веса ввиду отсутствия стимуляторов роста, применением лекарственных препаратов. Кроме того, органическое земледелие предполагает применение экстенсивных методов, что приводит к увеличению обрабатываемых угодий и, как следствие их расширению, а значит сокращению естественной среды биоценозов. На настоящем этапе развития органического сельского хозяйства проведенные исследования носят скорее характер гипотезы, однако требуют дальнейшего изучения в данном направлении.

Экологический агробизнес представлен пересечением всех трёх множеств: $ABC : A \cap (B \cap C)$ и объединяет как рентабельное производство органических продуктов питания, так и максимальное снижение антропогенного воздействия на окружающую среду. Достижение этой цели, сочетающей свойства, находящиеся в противоречии друг другом предполагает достижение сложной системы балансов и поддержку сельскохозяйственных предприятий — как финансовую, так и консультативно-правовую — на всех производственных этапах: от конверсии до производства, переработки и сбыта.

Зарубежный опыт поддержки производства органической сельскохозяйственной продукции включает возмещение затрат на сертификацию, поддержке профильного образования, техническую помощь при обучении, реализацию программ по охране окружающей среды со значительной финансовой поддержкой, финансирование исследовательских проектов. Отечественная господдержка должна базироваться на международном опыте и учитывать необходимость формирования устойчивого спроса и предложения [4, с. 45]. В настоящее время на страны ЕАЭС приходится немного больше одного процента мировой площади органических земель.

Заключение

Наряду с мероприятиями по стимулированию производства органических продуктов питания необходимо проводить работу по популяризации потребления экологически чистых продуктов. Рост производства органики в Российской Федерации и странах ЕАЭС коррелирует с ростом её экспорта, при этом эксперты отмечают хорошие перспективы для экспорта органической продукции [9] в то время как лидерами производства и потребления «органической» сельскохозяйственной продукции являются страны Северной Америки и Евросоюза, на которые приходится около 80 % потребления органической продукции [4, с. 41]. Данные показатели являются результатом реализации долгосрочных масштабных проектов, ростом благосостояния и покупательской способности, а также широкой работы по популяризации здорового образа жизни и правильного питания. Переход к экологическому сельскому хозяйству требует, наряду с сокращением применения минеральных удобрений и пестицидов, использования соответствующего семенного и посадочного материала, что влечет за собой расширение направлений деятельности селекционных и семеноводческих предприятий, и, как следствие, техническую и технологическую модернизацию производственной базы [10, с. 95].

Решение данных задач требует разработки комплексного подхода по дальнейшему совершенствованию нормативно-правовой базы, работы по гармонизации требований сертификации на национальных и международном уровнях, формирование культуры здорового питания, разработки единой концепции государственной поддержки на всех стадиях производства и потребления органических продуктов, что будет служить локомотивом развития органического сельского хозяйства и основой для принятия обоснованных решений в управлении экологическим бизнесом.

ЛИТЕРАТУРА

1. ООН: Цели в области устойчивого развития. [Электронный ресурс]. <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/about/development-agenda/> (дата обращения: 10.03.2025).
2. Послание Президента Российской Федерации от 20.02.2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44032> (дата обращения: 10.03.2025).
3. Стратегия развития производства органической продукции в Российской Федерации до 2030 года [Электронный ресурс]. URL: <http://static.government.ru/media/files/8tJynEn7pLVLfdqqL6p3BhArPtCQW9Aw.pdf> (дата обращения: 10.03.2025).
4. Ключевые направления государственной поддержки развития органического сельского хозяйства / А.А. Полухин, О.В. Кондратьева, В.А. Войтюк, О.В. Слинько. // Экономика сельского хозяйства России. — 2025. — № 2. — С. 41–46.
5. Злобин С.В. Правовое регулирование экологического предпринимательства в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / С.В. Злобин. — Волгоград, 2011. — 28 с.
6. Игнатова И.В. Предпринимательство и бизнес: терминологическая дифференциация / И.В. Игнатова // Интернет-журнал «Науковедение» 2014. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <http://naukovedenie.ru/PDF/63EVN614.pdf> дата обращения: 10.03.2025).
7. Большой энциклопедический словарь. URL: <http://niv.ru/doc/dictionary/big-encyclopedic/fc/slovar-192-7.htm> (дата обращения: 10.03.2025).
8. ГОСТ 33980-2016. Межгосударственный стандарт. Продукция органического производства. Правила производства, переработки, маркировки и реализации [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200141713> (дата обращения: 10.03.2025).
9. Почему у России хорошие перспективы для экспорта органической продукции // РБК, 11 сентября 2024 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rbc.ru/economics/11/09/2024/66dedb969a794773a43ba6a0> (дата обращения: 10.03.2025).
10. Кибиров А.Я., Михайлов М.Р. Оценка реализации мер господдержки воспроизводства материально-технической базы сельского хозяйства Российской Федерации / А.Я. Кибиров, М.Р. Михайлов. // Вестник аграрной науки. — 2022. — № 1 (94). — С. 91–96.

© Пятина Екатерина Ивановна (katya-lodatko@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРОБЕЛЫ РЕШЕНИЯ В СТРАТЕГИЧЕСКОМ РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОГО АГЕНТА

Халилов Арсен Энверович

Д.э.н., профессор,

Севастопольский государственный университет

el8a8@mail.ru

GAPS IN THE SOLUTION OF THE STRATEGIC DEVELOPMENT OF AN ECONOMIC AGENT

A. Khalilov

Summary. The paper examines the decision gaps that arise in an economic agent when forming a development strategy. Seven main areas where decision gaps arise are identified. Each area with its decision gap is described and it is possible to suggest opportunities for adjusting negative development. A definition of an economic agent's decision gap is given. Examples of the blurring of an economic agent's goal in the market are given.

Keywords: Decision gap, economic agent, strategy, decision making, interaction of economic agents, tactics.

Аннотация. В работе рассмотрены пробелы решений, которые возникают у экономического агента при формировании стратегии развития. Выделены семь основных направлений, где возникают пробелы решений. Каждое направление с его пробелом решения описано и можно предложить возможности по корректировке негативного развития. Дано определение пробелу решения экономического агента. Приведены примеры размытости цели экономического агента на рынке.

Ключевые слова: пробел решений, экономический агент, стратегия, принятие решения, взаимодействие экономических агентов, тактика.

Стратегия развития экономического агента является задачей нетривиальной, в которой необходимо длительно анализировать и принимать план, на основе которого направляется развитие. Современное общество бывает динамичным и присутствует проблема длительности прогноза развития, так как много неопределенности. С одной стороны, неизвестность за будущее как это все повлияет на развитие экономического агента. С другой стороны, пробелы решений между действиями экономического агента на рынке по достижению цели, так как прогнозы более 3 лет для предприятия практически не достигаются. Чаще всего строят краткосрочные планы для деятельности и взаимодействия хозяйствующих субъектов.

Анализ последних исследований и публикаций, выделение нерешенных ранее частей общей проблемы являются формированием и описанием пробела решения в стратегическом развитии, которыми занимались Халилов А.Э. [2], Шинкаренко В.Д. [5], Демина Е. С. [6], Ярцева Н.А. [7]. и др.

Целью статьи является создание и реализации стратегии экономического агента с учетом пробелов решения.

Неопределенность играет свою роль, в которой экономический агент может строить только вероятность наступления тех или иных событий. Вероятностная оценка является эффективной, когда нет других числовых методов. Пробелы решений как частный случай неопреде-

ленности в деятельности экономического агента усложняют построение стратегии развития экономического агента.

Пробел решения является непрописанным действием экономического агента, где возможно двойственное толкование, а также непонимание как переходить с одного действия в другое действие [2]. Пробел решений, с одной стороны, отсутствие информации, то есть непонимание действий или как начать другое действие, не завершая первое. С другой стороны, является тривиальной задачей, но проблема заключается в том, что все по-разному могут интерпретировать необходимые задачи и решения.

Пробел решений выступает вакуумом между задачами экономического агента. Экономической системе свойственно принимать законы, но без механизмов их реализации на практическую деятельность.

Рассмотрим влияние пробела решения на стратегию экономического агента рис. 1.

На рисунке 1 показаны этапы, в которых участвует экономический агент для формирования стратегии с учетом пробела решений. Чем больше точности и сопоставляются фактические и плановые результаты, то наблюдается уменьшение воздействия пробелов решений на деятельность экономического агента.

Создание и реализация стратегии экономического агента с учетом пробела решений состоит из [1]:

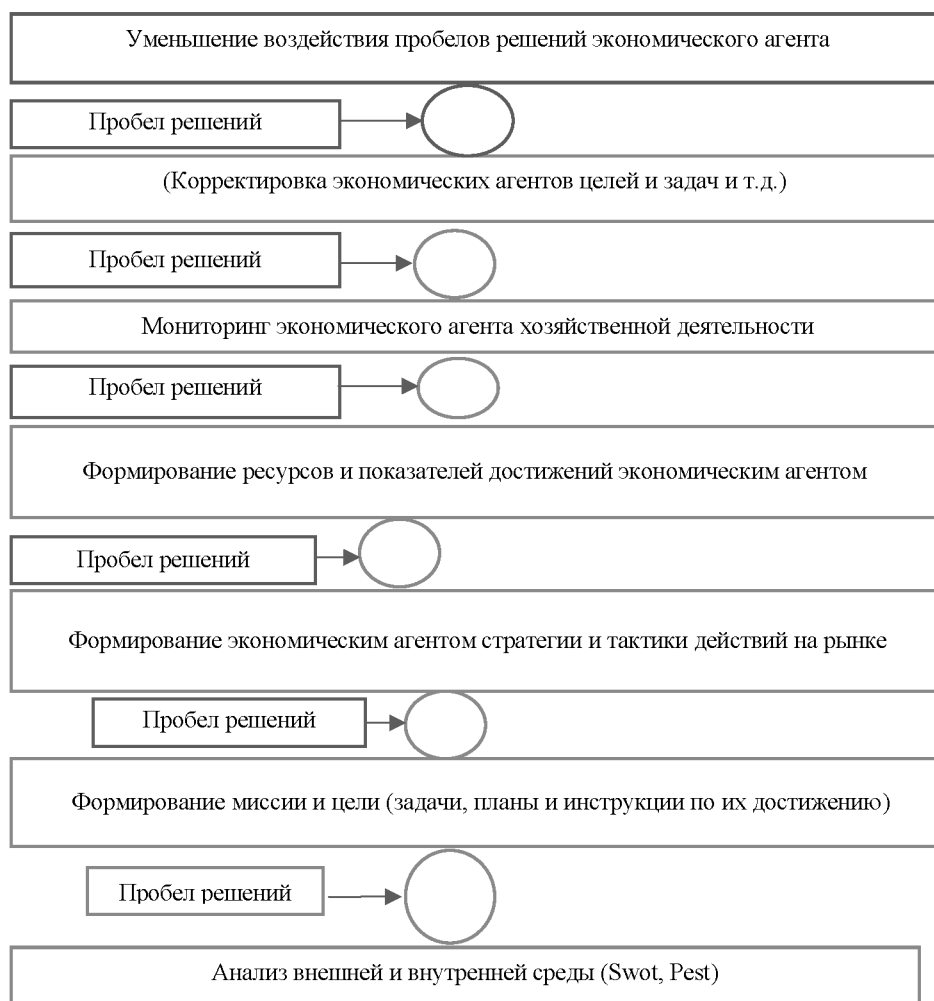

Рис. 1. Создание и реализация стратегии развития экономического агента с учетом пробела решений

1. Анализ внешней и внутренней среды (Swot, Pest). С чего начинается любая стратегия — это сбор внешних и внутренних данных для построения стратегии развития. На данной стадии идет понимание своих возможностей и необходимых действий с учетом возможностей и ресурсов наличных. Пробел решений в этом этапе характерен тем, что экономический агент не учитывает действий других экономических агентов на рынке. То есть появляется фактор, который негативно влияет на анализ, и он препятствует пониманию всей картины в целом. В результате этого появляется информационный пробел, который не дает выстроить миссии и цели компании [4].
2. Формирование миссии и цели. Данная задача с одной стороны элементарная, с другой сложности заключаются в том, что не все экономические агенты понимают миссию. То есть, если миссия неопределённая, то индивидуальные задачи так и не будут достигнуты. Принятие решения будет обхватывать только насущные вопросы.

Пробел решения в этом случае будет размывать основные задачи с второстепенными, то есть не достигает чётких критериев. Цель становится труднодостижимой из-за влияния пробелов решений. Миссия организации эфемерна из-за непонимания ее коллективом. В результате этого сложности возникают в распространении идей в организации.

3. Формирование экономическим агентом стратегии и тактики действий на рынке. Формирование стратегии и тактики решений являются фундаментом, на основе которых экономические агенты строят свои взаимодействия с рынком. Разница между краткосрочными действиями и долгосрочными формирует пробел решений, в котором может не хватать действий для достижения долгосрочных результатов. В течение времени определяются основные тенденции, на основе которых удается решить пробел решений между тактическими и стратегическим планами.
4. Формирование ресурсов и показателей достижений экономическим агентом. Данный этап до-

статочно неоднозначен, так как для стратегии нужны ресурсы и показатели, на основе которых экономический агент будет считать свою эффективность на рынке. Получение ресурсов в стратегии не расписано более подробно, из-за того, что источники и так понятны. На практике, не имея прописанных действий для получения ресурсов можно их лишиться. Эта проблема стартапа, в который банки не вкладываются из-за большого количества рисков. Им необходимо найти инновационных инвесторов или другие возможности.

5. Мониторинг экономического агента хозяйственной деятельности. В мониторинге тоже наблюдаются пробелы решений, где упускаются из виду важные компоненты. Тут пробел решений зависит от менеджмента, в котором сложно от практического управления перейти на проверки и мониторинг, а затем вернуться в стабильное состояние управления. Изменения, которые нужно внести в деятельность организации являются сложным триггером, в котором не понятно как реализовывать сразу или дождаться квартала.
6. Корректировка экономическим агентов целей и задач и тд. Чаще всего наступает пробел решений как правильно корректировать и какие результаты изменить. В теории изменении тоже нет ответа в последовательности действий.
7. Уменьшение воздействия пробелов решений экономического агента. Уменьшение воздействия негативных пробелов решения на деятельность экономического агента. Чаще всего необходимо строить детальный план с описанием всех сложных мест для уменьшения данного эффекта.

Таким образом, при формировании стратегии экономического агента возникают пробелы, не известные факторы, которые не учитываются в действиях на рынке, то есть сложности для достижения стратегии в целом. Экономический агент устроен так, что его задачи состоят из действия если отсутствуют прописанные переходы между его последовательностью, то нарушаются фактические показатели из-за пробелов решений между его задачами. На рис. 2 показана миссия цели экономических агентов на рынке.

На рис. 2 показана миссия цели экономических агентов на рынке, на основе которой идет взаимодействие между экономическими агентами на рынке.

Первый экономический агент не проработал свою миссию, в результате этого идет простая работа без четких целей, которые необходимо достичь. У второго экономического агента ситуация такая же, где он упустил или не смог преодолеть пробелы решения, которые привели к общим представлениям о структуре и задачам бизнеса. Формирование размытых ориентиров приводит к трудностям в долгосрочном периоде. Коллектив и другие участники не понимают куда необходимо двигаться.

Осознанность направлений и действий всегда стоит перед участниками рынка. Если более точно, то эффект негативный от пробелов решений проявляется на рынке. Два экономических агента не могут взаимодействовать между собой эффективно, так как оба участника не понимают до конца свои желания и перспективы куда развиваться. Половина вопроса решается при форми-

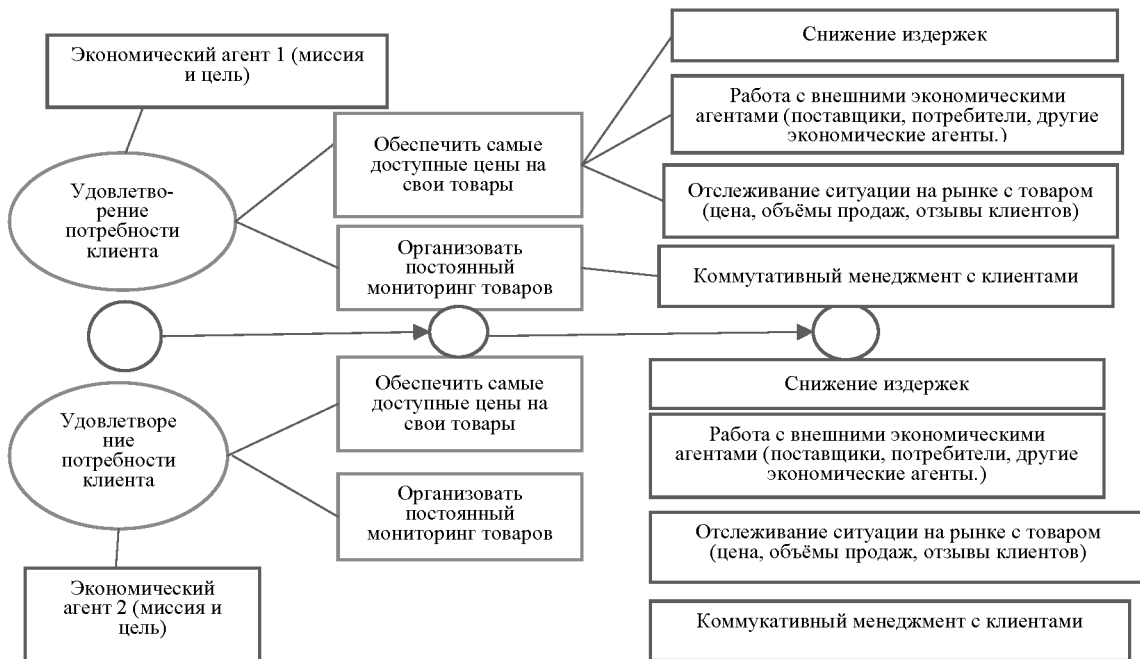

Рис. 2. Миссия цели экономических агентов на рынке с пробелами решения

ровании четких позиций экономического агента по его деятельности.

Если даже учитывать однотипность пробелов решений, которые возникли у двух разных экономических агентов, то взаимодействие в любом случае не упрощается.

Каждый экономический агент не понимает, когда нужно более эффективнее взаимодействовать с другими участниками рынка и когда эти взаимодействия необходимо свернуть. Пробелы решений в данном случае, с одной стороны, не дают возможность, с другой мешают коммуникации. Если нет контакта, то упущенная возможность экономического агента приводит к неблагоприятным ситуациям в этом или ином случае.

А также если рано разорвали связь, то вы упускаете выгоду от партнерства, необходимо что-то подправить для получения выгоды участников рынка.

Если поздно прекратить взаимодействия, то невозможно продать свой бизнес или поменять стратегию развития компании. Исход чаще всего приводит к банкротству организации или скатывается в убыточный сектор на продолжительное время.

Любая стратегия основана на договорной модели между участниками рынка, то есть невозможно прописать все действия, которые вы ожидаете от потенциального партнера на рынке [3].

Таким образом, были обоснованы пробелы решений в стратегии развития экономического агента на рынке. При формировании и реализации стратегии развития экономического агента на всех стадиях проявляются пробелы решений. Это связано с тем, что не все вопросы удается проработать до конца. Переходные моменты с одного решения в другое приносят дополнительную сложность. Исполнение другими людьми стратегии развития приводят к непониманию всех нюансов, которые были заложены ее создателями.

Экономические агенты руководствуются рыночными условиями. Чаще всего пробелы решения бывают тогда, когда необходимо быстро реализовывать планы в действия, тем самым проблемы становятся более видны в действиях экономического агента. Отклонения от плановых показателей являются следствием глубинных факторов, которым подвержены экономические агенты.

ЛИТЕРАТУРА

1. Халилов, А.Э. Принятие решения экономической безопасности агентами / А.Э. Халилов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. — 2023. — № 4-2. — С. 55–57. — DOI 10.37882/2223-2974.2023.04-2.13. — EDN CVKUUD.
2. Khalilov, A.E. Solutions Gap In Socio-Economic Systems / A.E. Khalilov // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS, Krasnoyarsk, 20–22 мая 2020 года / Krasnoyarsk Science and Technology City Hall. Vol. 90. — Krasnoyarsk: European Proceedings, 2020. — P. 1070–1075. — DOI 10.15405/epsbs.2020.10.03.123. — EDN JEIEDI.
3. Халилов А.Э. Модельная и договорная коммуникация экономического агента / А.Э. Халилов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2024. № 5. С. 108–112.
4. Khalilov A. Marketing communications in the digital economy / A. Khalilov., S. Shestov, V. Shinkarenko / VIII International Scientific and Practical Conference 'Current problems of social and labour relations' (ISPC-CPSLR 2020). Proceedings of the VIII International Scientific and Practical Conference. Amsterdam, 2021. P. 333–338.
5. Шинкаренко В.Д. Влияние «левых» и «правых» идей на развитие общества и государства / В.Д. Шинкаренко // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Социология. Педагогика. Психология. 2020. Том 6 (72). № 4. С. 58–73.
6. Демина Е.С. Многообразие понятия «Неопределенность» в экономике // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. №8. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mnogoobrazie-ponyatiya-neopredelennost-v-ekonomike> (дата обращения: 24.01.2025).
7. Ярцева Наталья Александровна Неопределенность как феномен современной экономической среды // Известия ОГАУ. 2009. №23-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/neopredelennost-kak-fenomen-sovremennoy-ekonomicheskoy-sredy> (дата обращения: 24.01.2025).

© Халилов Арсен Энверович (el8a8@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ОСНОВАХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ОПЕРАТИВНЫХ ПОДРАЗДЕЛЕНИЙ УЧРЕЖДЕНИЙ И ОРГАНОВ ФСИН РОССИИ С ОРГАНАМИ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

ABOUT ORGANIZATIONAL FOUNDATIONS OF INTERACTION OF OPERATIONAL UNITS OF INSTITUTIONS AND BODIES OF THE FEDERAL PENITENTIARY SERVICE OF RUSSIA WITH BODIES OF PRELIMINARY INVESTIGATION

A. Buzanova

Summary. The article discusses the issues of organizing the interaction of institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia with the bodies of preliminary investigation in the framework of procedural activities in the investigation and prevention of crimes related to places of deprivation of liberty. The relevance of the research topic is emphasized, due to the level of penitentiary crime. The problematic issue of regulatory regulation of the considered area of activity is disclosed through a detailed analysis of the regulatory framework, and a solution is proposed. The author also discusses such aspects of the organization and implementation of joint work as principles and planning of activities. It is proposed to establish a regulatory framework for the organization of interaction between institutions and bodies of the Federal Penitentiary Service of Russia with the bodies of preliminary investigation.

Keywords: interaction, crime investigation, procedural activity, penal enforcement system, penitentiary crime.

Бузанова Анастасия Романовна

Начальник клуба отдела воспитательной и социальной работы с личным составом, Федеральное казенное образовательное учреждение высшего образования Санкт-Петербургский Университет ФСИН России
nastyssbuzz@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы организации взаимодействия учреждений и органов ФСИН России с органами предварительного расследования в рамках процессуальной деятельности при расследовании и профилактике преступлений, связанных с местами лишения свободы. Подчеркивается актуальность темы исследования, обусловленная уровнем пенитенциарной преступности. Раскрыт проблемный вопрос нормативно-правового регулирования рассматриваемого направления деятельности путем подробного анализа нормативно-правовой базы, предложено решение. Так же автором рассматриваются такие аспекты организации и осуществления совместной работы как принципы и планирование деятельности. Предлагается нормативное закрепление основ организации взаимодействия учреждений и органов ФСИН России с органами предварительного расследования.

Ключевые слова: взаимодействие, расследование преступлений, процессуальная деятельность, уголовно-исполнительная система, пенитенциарная преступность.

Деятельность по охране прав и свобод граждан в России является сложной и нуждается в четкой организации и требует серьезного подхода к выработке собственной структуры. Так, правоохранительные органы в современной России четко разделены по принципу различия задач и в соответствии с целями. Для более четкого понимания необходимо привести несколько примеров. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21.12.2016 № 699 «Об утверждении Положения о Министерстве внутренних дел Российской Федерации» к основным задачам Министерства внутренних дел относятся, например, такие как: обеспечение защиты жизни, здоровья, прав и свобод граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, противодействие преступности, охрана общественного порядка и собственности, обеспечение

общественной безопасности. Основными направлениями деятельности Федеральной службы безопасности Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом «О федеральной службе безопасности» являются борьба с терроризмом, контрразведывательная и пограничная деятельность, а для Федеральной службы исполнения наказаний Указом президента от 13.10.2004 № 1314 определены такие, как «исполнение в соответствии с законодательством Российской Федерации уголовных наказаний, содержание под стражей лиц, подозреваемых либо обвиняемых в совершении преступлений, и подсудимых», контроль за поведением лиц, освобожденных условно-досрочно от отбывания наказания, условно осужденных, обеспечение охраны прав, свобод и законных интересов перечисленных лиц и обеспечение законности и правопорядка в подведомствен-

ных учреждениях. Таким образом, для органов исполнительной власти, осуществляющих правоохранительную функцию законодательно определены свои задачи и полномочия, исходя из которых они функционируют.

Однако для более успешного функционирования таких органов, необходим комплексный подход и организация совместной деятельности, ведь при наличии организованной совместной деятельности в некоторых ее направлениях выполнение задач и достижение целей может быть более эффективным. Так, в решении некоторых конкретных вопросов такой подход может быть достаточно целесообразным. Одним из таких направлений деятельности сегодня является профилактика и расследование преступлений, совершенных в учреждениях, подведомственных Федеральной службе исполнения наказаний (далее — ФСИН России).

Расследование пенитенциарных преступлений — это одно из направлений процессуальной деятельности, имеющий свои особенности и характерные черты. И хотя общая доля преступлений, непосредственно связанных с учреждениями и органами ФСИН России невысока, однако пенитенциарная преступность в последние годы все еще остается на высоком уровне.

Нельзя не отметить и некоторые факторы, влияющие на расследование преступлений, совершенных на территории учреждений и органов ФСИН России. К таковым относятся информированность некоторых осужденных о приемах и методах, применяемых при расследовании и его процессуальном порядке, продуманность и ухищренность способов совершения преступлений.

В практическом поле ситуация сегодня складывается таким образом, что вне зависимости от правоприменительной практики по вопросу процессуального статуса конкретно учреждений и органов уголовно-исполнительной системы, без взаимодействия должностных лиц этих учреждений с должностными лицами органов следствия и дознания на всех этапах уголовного процесса в рамках расследования преступлений, непосредственно связанных с местами лишения свободы и следственными изоляторами, не обойтись. Располагают к этому несколько ключевых факторов:

Во-первых, в расследовании пенитенциарных преступлений определенным образом пересекаются полномочия нескольких субъектов процессуальной деятельности: должностных лиц органов следствия и дознания и должностных лиц учреждений и органов, исполняющих уголовные наказания или следственных изоляторов.

Во-вторых, совместная деятельность нескольких субъектов, заинтересованных в успешном выполнении задачи всегда эффективнее, и более того, существует

несколько других аспектов, опираясь на которые можно утверждать, что в деле расследования пенитенциарных преступлений совместная работа должностных лиц будет более результативной. Один из таких — это объединение знаний и опыта, которыми обладает каждый субъект в частности: сотрудники исправительных учреждений лучше осведомлены об обстановке и имеют специфические знания о лицах, содержащихся в учреждениях (зачастую именно они совершают такие преступления), а также обладают опытом работы с ними. В свою очередь следователи и дознаватели имеют более обширный опыт расследования преступлений.

Очевидно, что для эффективной совместной работы необходима четкая и проработанная система организации совместной деятельности. Так, организационные основы являются обязательными для понимания и применения всеми субъектами, в том числе и управленческого звена, при осуществлении любого рода деятельности, поскольку при отсутствии организации любая деятельность в своей сущности хаотична и непоследовательна, а следовательно — не результативна.

О.И. Даровских под организационными мерами уголовно-процессуальной деятельности предлагает понимать «совокупность согласованных, внутренне упорядоченных процессов и решений, направленных на создание условий, благоприятствующих осуществлению эффективной уголовно-процессуальной деятельности» [1]. Взаимодействие субъектов — это одно из направлений уголовно-процессуальной деятельности, однако оно также требует упорядоченности и точности в части, касающейся организации такой деятельности.

Организация правоприменительной деятельности прежде всего базируется на правовых нормах. В настоящее время в законодательстве Российской Федерации отсутствуют нормативные акты, которые регламентировали бы порядок и основы взаимодействия интересующих нас субъектов. Порядок взаимодействия всех правоохранительных органов между собой определяется Указом Президента Российской Федерации от 18 апреля 1996 г. № 567 «О координации деятельности правоохранительных органов по борьбе с преступностью». В указе определяются общие виды деятельности, которые совместно могут осуществлять правоохранительные органы, такие как: выполнение федеральных и региональных программ борьбы с преступностью, совместный анализ состояния преступности, ее структуры и динамики, изучение практики выявления, расследования, раскрытия, предупреждения и пресечения преступлений или разработка предложений по совершенствованию правового регулирования деятельности по борьбе с преступностью. Однако, организация более узкого направления деятельности требует, на наш взгляд, более детального и точного нормативного регулирования с учетом специфики деятельности и всех ее особенностей.

Говоря о специфике взаимодействия должностных лиц учреждений и органов ФСИН России и органов дознания и следствия нельзя не упомянуть о спорном процессуальном статусе первых. Вопрос процессуального статуса учреждений и органов уголовно-исполнительной системы на протяжении продолжительного времени не утрачивает актуальности. Многие авторы неоднократно рассматривали роль и место пенитенциарных учреждений и их должностных лиц в уголовном процессе и здесь существует несколько мнений.

Среди ученых, исследующих данную проблематику, этот вопрос на протяжении длительного времени остается дискуссионным. Споры возникают на почве неоднозначности процессуального статуса учреждений и органов уголовно-исполнительной системы. Некоторые исследователи, такие как Л.Ю. Буданова и О.П. Александрова, считают нецелесообразным наделение должностных лиц уголовно-исполнительной системы какими-либо процессуальными полномочиями, прежде всего основывая свои мнения на основных функциях ФСИН России, заключающихся исключительно в исполнении уголовных наказаний и реализации мер пресечения [2].

Существуют и другие мнения. Так, С.И. Гирько, например, считает необходимым расширение процессуальных полномочий некоторых должностных лиц учреждений уголовно-исполнительной системы путем законодательного введения начальников исправительных учреждений непосредственно в перечень органов дознания, приведенный в ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации и включения в перечень должностей (штат) учреждений и органов ФСИН России дознавателей [3].

Неоспоримо то, что к функциям ФСИН России относится исполнение уголовных наказаний и реализация мер пресечения, однако обратившись к Положению о Федеральной службе исполнения наказаний, утвержденному указом Президента Российской Федерации от 13 октября 2004 г. № 1314, стоит обратить внимание на то, что в качестве задач определены также обеспечение правопорядка и законности в учреждениях и обеспечение безопасности содержащихся в них лиц, а также работников, иных должностных лиц и граждан, находящихся на территориях таких учреждений. В рамках выполнения этой задачи должностные лица учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Российской Федерации вполне могут активно содействовать раскрытию совершенных преступлений в качестве полноправных участников уголовного судопроизводства со стороны обвинения, а не только, к примеру, в качестве свидетелей.

Законодательная основа для осуществления такой деятельности существует, хотя и достаточно спорная:

на основании п. 1 ч. 1 ст. 40 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации оперативные подразделения и руководители учреждений и органов уголовно-исполнительной системы относятся к органам дознания, как уполномоченные на осуществление оперативно-розыскной деятельности Федеральным законом «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ, однако процессуальные полномочия являются усеченными, поскольку Указанием Генерального прокурора от 25.12.2013 № 456/69 «Об усилении прокурорского надзора за процессуальной деятельностью учреждений и органов УИС» для учреждений уголовно-исполнительной системы установлены некоторые ограничения полномочий, а именно — запрет производить дознание по уголовным делам. Из-за неясности определения процессуального статуса возникает спорная ситуация в разделении полномочий при проведении, например, неотложных следственных действий или проведении первичных проверочных мероприятий. В любом случае, организация взаимодействия учреждений и органов ФСИН России и органов предварительного расследования нуждается в точном и подробном правовом регулировании деятельности, чему вполне может способствовать разработка и принятие единого нормативного документа, который бы четко разграничивал полномочия должностных лиц оперативных подразделений учреждений ФСИН России и должностных лиц органов дознания и следствия и определял порядок организации взаимодействия в зависимости от обстановки и в различных ситуациях.

Кроме общего правового регулирования деятельности, необходимо закрепление и дальнейшее следование некоторым принципам взаимодействия. К таким принципам необходимо отнести прежде всего принцип соблюдения прав и свобод человека и гражданина, поскольку он является базовым принципом любой правоприменительной деятельности. Вторым базовым принципом взаимодействия необходимо назвать и принцип законности: каждый субъект рассматриваемого взаимодействия в частности основывает свою деятельность на нормативном регулировании конкретного направления правоохранительной деятельности и при организации и осуществлении взаимодействия и координации совместной деятельности с другими правоохранительными органами их должностным лицам требуется учитывать законодательство регулирующее как деятельность отдельных органов, так и общую нормативную базу. К частному регулированию, в качестве примера, можно отнести Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ [7] и Федеральный закон от 19 июля 2018 г. № 197-ФЗ «О службе в уголовно-исполнительной системе Российской Федерации и о внесении изменений в Закон Российской Федерации «Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы» [8]. К нормативным документам из числа общей

нормативной базы для всех субъектов взаимодействия следовало бы отнести Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации.

Еще одним немаловажным принципом, предписываемым к применению для результативной организации взаимодействия, на наш взгляд, является принцип единства целей. Он заключается в необходимости понимания должностными лицами всех субъектов взаимодействия общности целей их индивидуальной деятельности как в глобальном смысле, так и в малых формах. Так, при наличии разных функций и выполнении отличных друг от друга задач, в целостном понимании, у учреждений ФСИН России и органов, осуществляющих расследование преступлений единая цель — борьба с преступностью и обеспечение безопасности граждан, соблюдения их прав и свобод. Следование такому принципу могло бы стать объединяющим фактором, наличие которого при организации совместной деятельности на наш взгляд необходимо [4].

Кроме того, организация совместной деятельности правоохранительных органов, осуществляющих отличающуюся друг от друга деятельность, требует комплексного подхода при определении форм и видов взаимодействия. В качестве форм взаимодействия здесь предлагаются процессуальная и непроцессуальная. Процессуальная форма может включать в себя проведение совместных мероприятий и взаимодействие в рамках процессуальной деятельности. Непроцессуальная форма может включать в себя совместные мероприятия, направленные на профилактику преступлений и организационные мероприятия по планированию и координации деятельности.

Для успешной организации любой деятельности, а тем более совместной и при наличии нескольких участников, необходимо планирование. Без планирования совместное расследование преступлений будет носить хаотичный характер. Раскрывать преступления, совершаемые на территории исправительных учреждений и связанные с ними без содействия должностных лиц, ежедневно взаимодействующих со спецконтингентом, представляется сложным. Это связано со спецификой и особым, в некотором роде закрытым, типом деятельности таких учреждений. Так, при наличии планирования не только совместное расследование преступлений, но и деятельность по профилактике их совершения, могут стать более структурированными и понятными для ее участников. Для наиболее успешной организации деятельности может применяться как долгосрочное, так и краткосрочное планирование.

Долгосрочное планирование является более подходящим для организации совместного осуществления таких видов деятельности, как профилактика преступлений, поскольку долгосрочные (тактические) планы разрабатываются на 3-5 лет и рассчитаны на перспективу и достижение целей спустя некоторое время [5].

Краткосрочные планы могут разрабатываться как для планирования совместной текущей деятельности сроком на 1 год или 6 месяцев. Так же предлагается разработка краткосрочных целевых планов для расследования конкретных преступлений из перечня, приведенного в п. 5 ч. 2 ст. 157 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации. Такие планы должны носить краткосрочный характер и разрабатываться на срок до 6 месяцев, с учетом особенностей каждого конкретного случая.

При соблюдении определенных принципов, эффективном планировании и наличии заинтересованности всех субъектов взаимодействия в конструктивной совместной работе расследование определенного перечня преступлений, совершенных на территории учреждений и органов ФСИН России, может стать более результативным. В перспективе это может привести к снижению уровня пенитенциарной преступности.

По результатам краткого рассмотрения вопроса организации взаимодействия оперативных подразделений учреждений и органов ФСИН России с органами предварительного расследования, необходимо подчеркнуть, что организация совместной деятельности указанных органов необходима по ряду причин. Прежде всего, совместная работа приведет к более результативному расследованию преступлений, совершаемых на территории учреждений и органов ФСИН России и их сотрудниками в перспективе. Однако, для этого необходимо, прежде всего, нормативно-правовое регулирование. Сегодня нормативного документа, предписывающего порядок организации и осуществления взаимодействия, не существует, но существует объективная необходимость его появления. Описанные выше принципы деятельности, вопросы ее организации и планирования могут быть закреплены в нормативном документе, принятом совместно заинтересованными субъектами: ФСИН России, МВД России, ФСБ России и Следственным комитетом Российской Федерации. В таком случае взаимодействие станет систематизированным и понятным, его организация станет эффективной.

ЛИТЕРАТУРА

1. Даровских О.И. Обеспечение эффективности уголовно-процессуальной деятельности требует применения системы организационных мер // Правопорядок: история, теория, практика. 2022. №1 (32). С. 76–82.
2. Александрова, О.П., Буданова, Л.Ю. Некоторые дискуссионные вопросы уголовно-процессуальной деятельности учреждений и органов ФСИН России как органа дознания // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 2. С. 76–84.
3. Гирько С.И. Почему необходимо восстановление уголовно-процессуальных полномочий уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Российский следователь. 2018. № 4. С. 25–29.
4. Бузанова А.Р. Принципы взаимодействия органов и учреждений Федеральной службы исполнения наказаний Российской Федерации с органами предварительного расследования при раскрытии преступлений // Профессиональное юридическое образование и наука. 2024. № 1 (13). С. 1–6.
5. Османов М.М., Комаревцева И.В. Планирование в деятельности органов внутренних дел Российской Федерации // Право и управление. 2023. №2. С. 114–116.

© Бузанова Анастасия Романовна (nastyssbuzz@yandex.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЗАЩИТА ДЕТЕЙ ОТ ДЕСТРУКТИВНОГО КОНТЕНТА В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

PROTECTING CHILDREN FROM DESTRUCTIVE CONTENT IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

A. Voronov

Summary. As the analysis of the array of sources showed, today there is no concept of «destructive content» in Russian legislation — there are only definitions of various kinds of prohibited information that cover most of the negative information environment causing the toxicity of the information space, which may arise due to the large number of sources of information that negatively affect and poison the consciousness of consumers of information, while the author draws attention to a significant aspect of this issue, namely, the deviant behavior of adolescents as a security threat.

The position of experts who attempted to classify the types of destructive content, which they divided it into 6 conditional categories, is analyzed, while it is noted that the main problem of destructive content is that there is already prohibited content, and there is a kind of «gray zone» that is not regulated by either criminal or administrative legislation. With this approach, according to the author, the creation of a register of destructive content on the Internet should become the basis for the work of legislators on the regulatory settlement of such categories of destructive information.

Keywords: destructive content, children, national security, deviant behavior of adolescents, security threats.

Воронов Алексей Михайлович

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник НИЦ № 4 ФГКУ «ВНИИ МВД России»
alex_voronoff@mail.ru

Аннотация. Как показал анализ массива источников, на сегодняшний день в российском законодательстве понятия «деструктивный контент» нет — есть лишь определения разного рода запрещенной информации, которые охватывают большую часть негативной информационной среды вызывающей токсичность информационного пространства, которая может возникать из-за большого количества источников информации, при этом автор обращает внимание на существенный аспект данной проблематики, а именно вопросам девиантного поведения подростков как угрозы безопасности.

Анализируется позиция экспертов, предпринявших попытку классификации видов деструктивного контента, который они разделили на 6 условных категорий, при этом отмечается, что основная проблема деструктивного контента заключается в том, что есть контент уже запрещенный, а есть некая «серая зона», которая не регулирована ни уголовным или административным законодательством. При таком подходе, по мнению автора, создание реестра деструктивного контента в сети интернет должно стать основой для работы законодателей по нормативному урегулированию таких категорий деструктивной информации.

Ключевые слова: деструктивный контент, дети, национальная безопасность, девиантное поведение подростков, угрозы безопасности.

Залогом будущего России являются надёжные жизненные ориентиры у молодого населения. Об этом глава государства сказал в видеообращении к участникам церемонии вручения премии общества «Знание» [1]. При этом он отметил, что крайне важно, чтобы молодёжь училась на лучших образцах отечественной и мировой культуры, литературы, достижениях науки и образования, а также знала историю своей страны.

Вопросы патриотического воспитания подрастающего поколения и обеспечение безопасности детей остро стоят на повестке дня современной России. 17 мая 2023 г. Указом № 538 Президент России В. Путин утвердил Стратегию комплексной безопасности детей в России до 2030 года [2]. Документ предполагает оценку уровня безопасности детей и предусматривает меры, призванные нейтрализовать причины возникновения угроз их защищенности от внутренних и внешних факторов. Среди прочих к ним относятся: снижение уровня

их благополучия и семей, имеющих детей; высокий уровень вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность; распространение информации, представляющей для них опасность; изменение представлений о традиционных духовно-нравственных ценностях [3] и проч.

С учетом текущих исторических событий и глобальных угроз, с которыми столкнулась наша страна, воспитание подрастающего поколения приобретает стратегическое значение и становится гарантом национальной безопасности. Воспитывая и развивая детей, следует опираться на богатое культурное наследие нашей страны, нашу выдающуюся педагогическую школу, методики и технологии, которые используются [4] во всем мире.

21-й век — век информационных технологий. Цифровизация коснулась всех сторон жизнедеятельности общества и государства, при этом Российская Федера-

ция является одним из мировых лидеров по предоставлению государственных услуг различных министерств и ведомств гражданам по их требованию в единых multifunctional центрах [5].

По информации с официального сайта Мэра Москвы, в центрах госуслуг «Мои документы» в Москве ежедневно можно получить более 300 государственных услуг, 99% из которых предоставляются без привязки к месту регистрации. При таком подходе в проактивном режиме любой гражданин России, зарегистрированный на портале госуслуг, может получить интересующую информацию или документ. Гражданину не нужно обращаться в ответственные ведомства, собирать документы и подавать множество заявлений. Максимум, что может потребоваться — подтвердить согласие на оказание услуги, подписав уже готовое заявление. Однако это одна из «сторон медали» — позитивная и несомненно необходимая в деятельности как органов публичной власти, так и простого обывателя. Однако существует и обратная «сторона медали» — негативная, связанная именно с цифровизацией и общей доступностью информации, в том числе и из сети интернет, для подрастающего поколения, с их еще не вполне сложившемся представлением о добре и зле.

Одной из главных угроз национальной безопасности, по мнению экспертов, является современное состояние информационного интернет-пространства, в котором воспитывается подрастающее поколение. Неслучайно этой теме посвятил часть своего выступления на Валдайском форуме Президент России В. Путин, а Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, относит к национальным интересам Российской Федерации «сбережение народа России, развитие безопасного информационного пространства, защита российского общества от деструктивного информационно-психологического воздействия; укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей». При этом их защита осуществляется за счет координации и при тесном взаимодействии органов публичной власти, организаций и институтов гражданского общества [6].

В контексте заявленной проблематики на наш взгляд представляется целесообразным определить сущность и содержание понятия «деструктивный контент».

В современной России деструктивный контент становится универсальным средством создания угроз личной, общественной, государственной, информационной и проч. безопасности. Исследования информации в контексте административной и информационно-правовой защиты субъектов данных правоотношений от ее негативного воздействия посвятили свои работы В.С. Маурин [7], К.Д. Радченко [8], В.Н. Лопатин [9] которые сформулировали понятие «вредной информации».

В своей публикации «Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды» К.Л. Шуликов на основе анализа позиций этих ученых формулирует обобщающий вывод о том, «что «вредная информация»:

- представляет собой один из видов информации, оказывающей негативное информационное воздействие на ее потребителей;
- обладает управленческими свойствами, поскольку распространяемые сведения оказывают информационно-психологическое воздействие на индивидуальное и общественное сознание;
- посягает на различные объекты (права и законные, жизненно важные интересы личности, общества, государства и т.д.) и обуславливает необходимость их правовой охраны;
- вызывает необходимость деятельности государственных органов по нейтрализации вредной информации в целях защиты возможных объектов посягательства» [10].

При таком подходе автор, предлагает следующую «классификацию контента:

- конструктивный контент;
- нейтральный контент;
- деструктивный контент, под которым следует понимать вредную информацию, размещенную в сети Интернет, обладающую свойствами токсичной информации негативно влияющей и отравляющей сознание ее потребителей и представляющую собой средство противодействия реализации общественно полезных целей и задач публичного управления, определенных в документах стратегического планирования и иных нормативных правовых актов» [10].

Как показал анализ массива нормативных, правовых, научных, справочных и иных источников на сегодняшний день в российском законодательстве понятия «деструктивный контент» нет — есть лишь определения разного рода запрещенной информации, которые охватывают большую часть негативной информационной среды вызывающей токсичность информационного пространства, которая может возникать из-за большого количества источников информации, негативно влияющих и отравляющих сознание потребителей информации. В такой ситуации человек чувствует неспособность ориентироваться в новостях, принимать правильные решения, это порождает дезориентацию и тревожность. Именно в такой среде и воспитывается подрастающее поколение.

На наш взгляд заслуживает внимание позиция экспертов научно-технического совета Роскомнадзора по мониторингу и ограничению доступа к информации, распространение которой запрещено или ограничено

в соответствии с законодательством Российской Федерации, которые предприняли попытку «классификации видов деструктивного контента и разделили его на 6 условных категорий:

- 1) Контент наносящий непосредственный вред жизни и здоровью ребенка. (Суицидальный контент, селфхарм, трейнсёрфинг (зацепинг);
- 2) Контент наносящий вред психическому здоровью ребенка, провоцирующий нервные расстройства. (Группы и каналы, содержащие шок-контент, депрессивный контент, эзотерика, окултизм);
- 3) Контент склоняющий ребенка к преступным действиям и насилию. (колумбайн, АУЕ, оффники, сатанисты);
- 4) Контент наносящий урон морально-этическому состоянию ребенка, разрушающий семейные ценности, настраивающий ребенка против родителей. (Сообщества «яжемать», феминистки, чайлдфри, аморальный юмор);
- 5) Развращающий контент, склоняющий ребенка к смене ориентации или пола, пропагандирующий иные виды извращений. (ЛГБТ, аниме, фурри, соцсеть аминок, группы гей-знакомств, чат-рулетка, фикбук, фанфики);
- 6) Манипулятивный контент, ставящий перед собой цель получение материальной выгоды с ребенка. (Ставки на спорт, букмекерские конторы, онлайн-казино, вейпы, снюсы, электронные сигареты, онлайн игры).

Количество детей России, которые вовлечены в эти сообщества, исчисляется миллионами, что позволяет квалифицировать нынешнюю ситуацию как катастрофу и угрозу национальной безопасности» [11].

Здесь уместно обратить внимание на существенный аспект данной проблематики, а именно вопросам девиантного поведения подростков как угрозы безопасности, под которым следует понимать противоречащие нормам, правилам и устоям общества поступки и действия конкретного ребенка.

В России выраженный рост «зацеперства» произошел летом 2010 года. В это время сформировалось организованное движение трейнсёрферов (зацеперов), приверженцы которого создали сайты в сети Интернет, для обмена деструктивным контентом о трейнсёрфинге (зацепинге) и его пропаганде. В дальнейшем организованными группами зацеперов была проведена пропаганда проезда на крыше и снаружи поездов большими группами. Произошедший в связи с этим рост связанных с зацепингом несчастных случаев и рост публикаций в печати и на телевидении привели к широкой известности данного явления и к тому, что в России оно приняло массовый характер. Только в Москве и Московской области, по оценкам экспертов, число зацеперов состав-

ляет более 20 тысяч человек, при этом статистика гибели зацеперов с каждым годом возрастает. Особую тревогу вызывает рост числа травмирования несовершеннолетних.

Зацепинг — экстремальное увлечение, при котором люди рискуя жизнью цепляются за движущиеся поезда, грузовики или другие транспортные средства, чтобы выполнить опасные трюки. Это явление, распространенное среди подростков и молодежи, стало серьезной социальной проблемой в России из-за высокого риска травм и смертей.

В 2024 году ситуация усугубилась, что потребовало срочных мер со стороны властей и общества. По официальным данным, с начала 2024 года на железной дороге Москвы и Подмосковья пострадали семь человек в возрасте от 12 до 17 лет, к сожалению, трое из них погибли.

По предварительным данным МВД и Минтранса России, за первые шесть месяцев 2024 года зафиксировано: — 683 пострадавших (в 2023 г. — 512 за аналогичный период). — 74 погибших (в 2023 г. — 53). — 40 % жертв — несовершеннолетние в возрасте 14–17 лет. — 70 % случаев произошли в Московской, Ленинградской, Свердловской областях и Краснодарском крае [12].

Эксперты связывают рост с активным распространением роликов в соцсетях (TikTok, YouTube), где зацеперы демонстрируют свои трюки, провоцируя подражание, при этом причины популярности зацепинга, на наш взгляд кроются, прежде всего:

В жажде адреналина:

— Стремление несовершеннолетних к экстремальным ощущениям в условиях городской рутины.

В соцсетях деструктивного контента:

— Популярность «деструктивного риск-контента» и желание получить лайки.

В дефиците безопасных развлечений для молодежи:

— Недостаток доступных площадок для экстремального спорта подрастающего поколения.

В низкой правовой грамотности подрастающего поколения:

— Многие не осознают последствий действий и проч.

Популярность зацепинга среди молодежи подпитывает деструктивный контент — видеоролики на различных интернет-площадках и в соцсетях. Зацепинг на-

прямую связан с опасностью для жизни и практически всегда приводит не просто к тяжелым последствиям, но, к сожалению, и к частым летальным исходам. Подростки стремятся проявить себя каким-то экстравагантным способом, зачастую очень опасным не только для здоровья, но и для жизни.

Прежде всего зацеперы обрекают себя на серьезную травму: никто из них не застрахован от падения во время движения поезда. Также есть риск поражения током при раскачивании токоприемников электроподвижного состава, при этом их уровень напряжения составляет не менее 21 киловольт при переменном токе и 2,7 киловольт при постоянном. Для оказания помощи пострадавшим экстремалам составы задерживаются, происходит сбой в движении других попутных электричек. Здесь также следует отметить, что от действий зацеперов поезда нередко получают повреждения, в итоге для продолжения движения необходимы вызов бригады и ремонт.

Вновь обращаясь в заявленной проблематике следует отметить, что экспресс анализ наименований деструктивного контента подрастающего поколения позволяет констатировать, практически все они чужды нам и имеют зарубежное происхождение и ни коим образом не соотносятся с русским языком. Как показывает практика, полноценное общение в молодежной среде возможно лишь при условии владения ее языком, трансформированным в настоящее время в англоязычный сленг, а говоря русским языком жаргон, представляющий собой ряд слов и выражений в используемых в разговорной речи молодежных групп или сообществ и не входящих в общий литературный язык. «Появление новых слов в языке, особенно в современной России, в век информационных технологий и Интернета, приводит к тому, что посредством воздействия СМИ сленг становится элементом массовой культуры, получает широкое распространение среди всего населения страны и особенно в молодежной среде и, тем самым, вытесняет устоявшуюся традиционную лексику» [13], связанную с духовно-нравственными ценностями характерными для русской культуры.

На наш взгляд данная проблема требует отдельного анализа и всестороннего рассмотрения, однако в рамках заявленной проблематики представляется целесообразным уделить ей некоторое внимание.

По мнению автора следует поддержать позицию Алексеева К.В. в том, что «русский язык как государственный является специфическим, универсальным объектом национальной безопасности, в связи с тем, что его можно отнести к универсальному объекту как личной, общественной, так и государственной безопасности как отдельно, так и триады вместе взятых. К сожалению, четкое обозначение объектов национальной безопасности

отсутствует в современном законодательстве о безопасности и документах стратегического планирования, что на наш взгляд обуславливает расхождение теории и законодательной практики в данном вопросе, а также размывает понятийный аппарат».

При таком подходе следует обратить внимание, что в 1992 году был принят закон Российской Федерации от 5 марта 1992 г. № 2446-1 «О безопасности», в котором четко были определены три основных базовых фундаментальных объекта национальной безопасности: личность, общество и государство. На сегодняшний день действующий Федеральный закон от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» [14] такого четкого определения, к большому сожалению, не содержит, при этом очень многие юристы на сегодняшний день говорят именно о том, что необходимо вернуть эту триаду: личность, общество и государство.

В развитие данных положений следует отметить, что эти три фундаментальных объекта безопасности, в свою очередь, распадаются на массу более конкретных объектов, при этом к таким специфическим объектам, по мнению ряда ученых, с полной уверенностью следует отнести наш государственный русский язык. *Во-первых* — русский язык имеет прямое отношение прежде всего к личности, потому что позволяет реализовывать конституционные права человека и гражданина, право на получение информации и целый ряд других. *Второй* аспект — общественный, прежде всего духовное объединение всего нашего многонационального народа происходит на базе как раз русского государственного языка. *Третий* аспект — государственная безопасность. Без сохранения суверенитета, территориальной целостности государства невозможна реализация предыдущих, основополагающих приоритетов современной России.

Здесь уместно отметить, что «к описанным выше конкретным объектам в контексте как материальных, так и духовных ценностей относится государственный русский язык. Главным, что характеризует духовную ценность русского языка, является способность человека с помощью языка мыслить, выражать свои чувства и эмоции, таким образом государственный язык отражает жизненно важные интересы общества.

Резюмируя изложенное уместно отметить, что русский язык как государственный является специфическим объектом национальной безопасности современной России. С одной стороны его можно отнести как к универсальному объекту личной, общественной и государственной безопасности, так и всей триады одновременно. С другой стороны государственный язык выступает в качестве гаранта иных объектов безопасности указанной триады, в частности суверенитет в сфере го-

сударственной безопасности, духовные ценности в сфер общественной безопасности, права и свободы личности в области личной безопасности» [15].

Здесь представляется целесообразным обратить внимание на проблемы, с которыми мы сталкиваемся ежедневно. Суть их заключается в засилье иностранных языков и прежде всего английского. Так, в связи со сменной общественно-экономической формации в нашей стране в конце 20 века, в начале 21 века и интенсивным развитием информационных технологий, в оборот входит множество иностранных заимствований. Эти слова успешно адаптируются в русском языке, и они начинают восприниматься как свои родные. На наш взгляд, вряд ли кому придет в голову переименовывать слова компьютер, интернет, принтер и проч. Мы воспринимаем их абсолютно спокойно и понимаем, что это уже в нашем языке абсолютно нормальные слова, однако такие слова как паркинг, каршеринг, коворкинг детей, зацепинг, факторинг, ресепшн, промоушен и множество других слов, которые имеют синонимы в русском языке, и не всегда однозначны в переводе, в связи с чем нуждаются в конкретизации. Как показывают многочисленные исследования более 85 % подрастающего поколения используют в своей речи англоязычные выражения, которые порой не уместны, либо искажают смысловое значение русского языка.

Представляется целесообразным привести некоторые краткие примеры. На сегодняшний день повсеместное распространение в мегаполисах Российской Федерации получила такая услуга как аренда автомобиля — каршеринг. Каршеринг (англ. Carsharing от car «легковой автомобиль» и sharing «совместное использование, передача другому» от англ. (to) share «поделиться» [16], при этом некоторые исследователи предлагают законодательно закрепить эту услугу, мотивируя тем, что здесь много проблем, в том числе и с точки зрения безопасности. Представляется множество законов с непонятным простому обывателю смысловым значением может привести к абсурду и деградации государственного русского языка.

Еще одним аспектом данной проблемы, представляющей угрозу русскому языку как объекту национальной безопасности является смешение латиницы и кириллицы, которое на сегодняшний день приобрело достаточно большие масштабы.

Еще одним аспектом является кибербезопасность. Следует отметить, что практически все программное обеспечение России основано на английском языке. Как утверждают специалисты — даже наши программисты порой не совсем четко представляют, что в этих программах заложено вообще. Представляется язык программирования должен быть на родном языке, должны

применяться именно кириллические написания, ставшие основой русского языка.

Автор не претендует на полноту рассмотрения данной проблематики, так как она многогранна и требует отдельного анализа и всестороннего изучения. Нами предпринята попытка обратить внимание лишь на данный вызов безопасности, который на наш взгляд, в перспективе может трансформироваться в угрозу национальной безопасности.

В развитие заявленной проблематики, представляет несомненный научный интерес исследование экспертов Общественной палаты Российской Федерации проведенное в контексте поручения президента РФ по созданию реестра деструктивного контента в сети интернет.

В рамках круглого стола, проходившего 06.11. 2022 г. в Общественной палате РФ были доложены результаты категорирования деструктивного контента в сети интернет. Эксперты проанализировали более 1,5 млн сообщений в социальных сетях, чья деятельность запрещена на территории России. В результате было выявлено большее количество категорий деструктивной информации по сравнению с приведенными ранее, которые стали основой реестра.

Категоризатор содержит в себе четыре интегрированных блока — *первый* блок посвящен запрещенному к распространению контенту; *второй* включает в себя ограничения на распространение контента; *третий* относится к контенту, вовлекающему людей в противоправную деятельность; *четвертый* блок посвящен контенту, нарушающему нормы морали и нравственности.

К отличительным особенностям такой информации относится ее доступность и способность нанести потенциальный вред конкретному человеку, негативно повлиять на его нравственное, духовное, психическое развитие и состояние подрастающего поколения.

Резюмируя вышеизложенное следует отметить, что по мнению экспертов, а также исследователей данной проблематики основная проблема деструктивного контента заключается в том, что есть уже запрещенный контент, а есть некая «серая зона», которая не урегулирована уголовным или административным правом. При таком подходе создание реестра деструктивного контента в сети интернет должно стать основой для работы законодателей по нормативному урегулированию таких категорий деструктивной информации.

Представляется всем заинтересованным министерствам и ведомствам, участвующим в образовательном процессе подрастающего поколения, правоохранительным органам, так и субъектам наделенным правом

законодательной инициативы изучить предлагаемый перечень видов деструктивного контента и разработать законопроекты об ужесточении ответственности за пропаганду отдельных, наиболее опасных видов контента и вовлечение несовершеннолетних в деструктивные субкультуры.

Следует установить жесткие возрастные ограничения — не ранее 18-летнего возраста на пользование мессенджерами и социальными сетями. Также пред-

лагается дополнить ст.5 Федерального закона 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [17] новой категорией — несовершеннолетние, попавшие в игровую зависимость или участники деструктивных сообществ и субкультур в информационных сетях. Представляется данный подход позволит мобилизовать усилия всех заинтересованных субъектов в деле патриотического воспитания подрастающего поколения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Путин: надёжные жизненные ориентиры у молодёжи — залог будущего России URL: https://russian.rt.com/russia/news/1278093-putin-molodyozh-orientiry?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop
2. Указ Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358 «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года» // URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202305170008?ysclid=m8ahvdc7y6919913268>
3. URL: <https://gazetacrimea.ru/news/utverzhdno-prezidentom-cho-tu-nuzhno-znat-o-strategii-kompleksnoy-bezopasnosti-detey-v-rossii-/>.
4. Кравцов С.С. Воспитание подрастающего поколения становится гарантом национальной безопасности URL: [https://apkpro.ru/novosti/sergey-kravtsov-vospitanie-podrastayushchego-pokoleniya-stanovitsya-garantom-natsionalnoy-bezopasnos/...](https://apkpro.ru/novosti/sergey-kravtsov-vospitanie-podrastayushchego-pokoleniya-stanovitsya-garantom-natsionalnoy-bezopasnos/)
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 27 сентября 2011 г. № 797 (в ред. 22.02.2024) «О взаимодействии между многофункциональными центрами предоставления государственных и муниципальных услуг и федеральными органами исполнительной власти, органами государственных внебюджетных фондов» утвержден «Перечень государственных услуг, предоставление которых организуется по принципу «одного окна» в многофункциональных центрах предоставления государственных и муниципальных услуг федеральными органами исполнительной власти и органами государственных внебюджетных фондов»
6. Стратегия национальной безопасности, утвержденная Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400 URL: <http://redstar.ru/strategiya-natsionalnoj-bezopasnosti-rossijskoj-federatsii/>.
7. Маурин В.С. Правовой анализ вредной информации в условиях информационного общества: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М.: Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации, 2004. 24 с.
8. Рыдченко К.Д. Административно-правовое обеспечение информационно-психологической безопасности органами внутренних дел Российской Федерации: Дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2011. 308 с.
9. Бачило И.Л., Лопатин В.Н., Федотов М.А. Информационное право: Учебник / Под ред. Б.Н. Топорнина. СПб.: Юрид. центр Пресс, 2001. 527 с.
10. Шуликов К.Л. Деструктивный контент: понятие, административно-правовая характеристика, виды // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского, 2023. № 2. С. 176–182 URL: <http://elibrary.ru/item.asp?id=53968884>.
11. Защита детей от деструктивного контента в свете стратегии национальной безопасности РФ URL: <https://katyusha.org/obshhee-delo/173347-zashhita-detey-ot-destruktivnogo-kontenta-v-svete-strategii-naczionalnoj-bezopasnosti-rf.html>.
12. URL: <https://нцбдд.мвд.рф/news/item/53521532/>
13. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=46288816>
14. Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ «О безопасности»// СЗ РФ 2011 г. № 1 ст. 2
15. Алексеев К.В. Русский язык как объект национальной безопасности Российской Федерации // Транспортное право и безопасность. 2021. № 4(40) С. 295–308 http://trans-safety.ru/tpb/articles/2021/pdf/40/28_alekseev.pdf.
16. <https://ru.wikipedia.org/wiki/Каршеринг>
17. Федеральный закон от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних»// СЗ РФ. 1999 г. № 26 ст. 3177

© Воронов Алексей Михайлович (alex_voronoff@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТИПИЧНЫЕ СЛЕДСТВЕННЫЕ СИТУАЦИИ ПО ДЕЛАМ, СВЯЗАННЫМ С САМОУБИЙСТВОМ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ

TYPICAL INVESTIGATIVE SITUATIONS IN CASES RELATED TO THE SUICIDE OF MINORS

E. Georgievskaya

Summary. This article analyzes typical investigative situations in cases related to the suicide of minors, aiming to identify patterns and issues in criminal investigations. The relevance of the study is due to a significant increase in cases of adolescent suicides, their particular psychological vulnerability, and the difficulties that arise during investigative actions. The introduction touches on general trends in the field of forensic science related to these cases and emphasizes the need for a comprehensive approach to analyzing investigative processes.

The methodological basis of the study includes both qualitative and quantitative analysis of criminal cases involving the suicides of minors, an examination of judicial practice, and the use of comparative analysis between different regions. Methods of information systematization, expert interviews with law enforcement representatives, and forensic experts were utilized, which allowed for identifying common principles of organization of investigative actions and their shortcomings in addressing specific situations. The obtained results indicate the presence of a number of common factors, such as contradictory witness testimonies, insufficient attention to the psychological and pedagogical characteristics of adolescents, and problems in coordination between investigative bodies and experts. The study identified the main difficulties arising during the investigation stages and proposed measures to overcome them, including improving methods of evidence collection and providing specialized training for investigators.

Additional analysis showed that a comprehensive approach to investigating these cases requires the improvement of procedures and active interagency coordination. Involving specialists in psychology and social work allows for a more accurate assessment of the motives of minors, contributing to the prevention of tragic outcomes. The introduction of modern information technologies improves the efficiency of collecting and analyzing evidence, which contributes to the enhancement of investigative practices. Thus, the presented results and recommendations contribute to improving criminal investigations in cases of minors' suicides, providing a scientific basis for practical changes in the law enforcement sphere. These conclusions have practical significance.

Keywords: investigative situations, cases, suicide, minors, typical.

Георгиевская Елена Александровна

*Федеральное государственное научно-исследовательское учреждение «Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации»
elg15@bk.ru*

Аннотация. В данной статье проводится анализ типичных следственных ситуаций по делам, связанным с самоубийством несовершеннолетних, с целью выявления закономерностей и проблем в уголовном расследовании. Актуальность исследования обусловлена существенным ростом случаев самоубийств подростков, их особой психологической уязвимостью, а также сложностями, возникающими при проведении следственных действий. Введение затрагивает общие тенденции в сфере криминалистики, связанные с этими делами, и подчеркивает необходимость комплексного подхода к анализу следственных процессов.

Методологическая база исследования включает качественный и количественный анализ уголовных дел, затрагивающих самоубийства несовершеннолетних, изучение судебной практики и применение сравнительного анализа между различными регионами. Использовались методы систематизации информации, экспертные интервью с представителями правоохранительных органов и судебными экспертами, что позволило выявить общие принципы организации следственных действий и их недостатки при урегулировании специфических ситуаций. Полученные результаты свидетельствуют о наличии ряда общих факторов, таких как противоречивость свидетельских показаний, недостаточное внимание к психолого-педагогическим особенностям подростков и проблемы в координации между следственными органами и экспертами. Исследование выявило основные трудности, возникающие на этапах расследования, и предложило меры по их преодолению, включая совершенствование методик сбора доказательств и проведение специализированного обучения для следователей.

Дополнительный анализ показал, что комплексный подход к расследованию данных дел требует совершенствования процедур и активной межведомственной координации. Привлечение специалистов из области психологии и социальной работы позволяет точнее оценить мотивы несовершеннолетних, способствуя предупреждению трагических исходов. Внедрение современных информационных технологий улучшает эффективность сбора и анализа доказательств, что способствует совершенствованию следственных практик. Таким образом, представленные результаты и рекомендации способствуют улучшению уголовного расследования дел о самоубийствах несовершеннолетних, обеспечивая научное обоснование для практических изменений в правоприменительной сфере. Данные выводы имеют практическое значение.

Ключевые слова: следственные ситуации, дела, самоубийство, несовершеннолетние, типичные.

Введение

В отдельных случаях расследование обстоятельств гибели подростка от самоубийства кажется очевидным с первого взгляда, однако практика свидетельствует о множестве трудностей, с которыми сталкиваются правоохранительные органы. Важность установления истинных мотивов, повлиявших на решение несовершеннолетнего уйти из жизни, обусловлена необходимостью исключить признаки доведения до самоубийства, а также выявить возможную халатность со стороны взрослых, ответственных за безопасность ребенка. Следователь, занимающийся подобными делами, должен учитывать состояние психологической уязвимости подростков, их склонность скрывать внутренние переживания и особенности периода формирования личности [14, с. 129].

Родители часто упускают из виду мелкие, на первый взгляд, детали: затянувшуюся апатию, отсутствие желания вести привычную деятельность, утрату интереса к учебе, хобби или общению со сверстниками [3, с. 88]. С точки зрения психологии, такие повышенные сигналы указывают на нарастающий внутренний конфликт, который возникает в результате непонимания, ощущения одиночества или давления. Следователь при допросе родителей, друзей, преподавателей или близких родственников стремится выяснить, какие перемены в поведении подростка могли стать ключевыми.

Материалы и методы исследования

Сложность кроется в том, что подростки зачастую не сообщают о своих проблемах открыто, предпочитая уходить в виртуальное пространство. На сегодняшний день большое внимание уделяется роли социальных сетей и интернет-сообществ, где могут циркулировать деструктивные материалы, провоцирующие склонность к суицидальному поведению [8, с. 72]. Следователь при расследовании анализирует электронные устройства ребенка, счета в социальных сетях, переписку в мессенджерах и групповых чатах, пытаясь выявить потенциальное влияние со стороны лиц, склоняющих его к самоубийству или поддерживающих негативное мироощущение [1, с. 245].

Подростковый период характеризуется бурными изменениями в психике, а также острой реакцией на любые формы насилия, особенно психологического [10, с. 397]. В некоторых ситуациях школьная травля или же насмешки сверстников приводят к формированию у ребенка глубинного чувства неполноценности и отсутствия выхода из конфликта. Следователь, добываясь объективности, зачастую вынужден прорабатывать причины конфликтов в школьном коллективе, анализируя отношения в классе, выслушивая педагогов, которые

Таблица 1.

Типичные обстоятельства, предшествующие случаю самоубийства несовершеннолетнего

Фактор	Возможные проявления
Семейные конфликты	Неблагоприятный климат в семье: ссоры между родителями, физическое или психологическое насилие
Проблемы в школе или учебном заведении	Буллинг (травля), проблемы в успеваемости, конфликты с учителями или одноклассниками
Социальная изоляция	Отсутствие друзей, недостаток контакта со сверстниками, чувство одиночества
Психологическое давление	Завышенные ожидания со стороны родителей, учителей или окружения
Онлайн-риски	Влияние контента из интернета: участие в опасных челленджах, суицидные сообщения, давление в социальных сетях
Психологические заболевания	Депрессия, тревожные расстройства, суицидальные настроения, ранее выявленные проблемы с психическим здоровьем
Употребление ПАВ (психоактивных веществ)	Наркомания или алкоголизм, оказывающие негативное влияние на психическое состояние

могут быть не всегда ладно осведомлены о реальных взаимоотношениях среди подростков.

Результаты и обсуждение

С точки зрения криминалистической методики, в большинстве таких дел необходимо определять последовательность действий подростка перед суицидом, поскольку именно в последние дни и часы жизни могут быть найдены доказательства внешнего влияния [13, с. 397]. Детальное изучение звонков, сообщений, постов и записей дневникового характера предоставляет возможность реконструировать ход мыслей и выявить потенциальные источники стресса. Важно, чтобы следователь работал в тесном сотрудничестве с психологом, который поможет интерпретировать характерные речевые обороты и общее эмоциональное состояние, зафиксированное в переписках.

Настоящая следственная практика учитывает, что меньший возраст погибшего усложняет установление причин и мотивов. Дети могут не уметь выражать свои чувства комплексно, поэтому формальные записи в личных дневниках или редкие высказывания в письмах становятся важными уликами [9, с. 168]. При этом отдельное значение имеет заключение судебно-медицинской экспертизы, которая способна зафиксировать как физиче-

ские признаки возможного насилия, так и наличие в организме психотропных препаратов или наркотических веществ.

Таблица 2.
Типичные действия и поведение несовершеннолетнего перед суицидом

Признаки или поведение	Описание проявлений
Выражение суицидальных мыслей	Прямое или косвенное упоминание желаний умереть, обсуждение смерти или самоубийства
Изменение поведения	Резкая замкнутость, утрата интереса к привычным делам, ухудшение успехов в учебе, отказ от общения
Передача материальных ценностей	Дарение важных личных вещей, прощальные жесты
Поиск информации о суициде	Изучение способов самоубийства в интернете или чтение соответствующей литературы
Депрессивные проявления	Постоянная грусть, плаксивость, выражение чувства безнадежности
Импульсивное или рискованное поведение	Незачастую совершаются действия, свидетельствующие о пренебрежении безопасностью, участие в потенциально опасных действиях
Появление записок или сообщений	Написание суицидальных записок, прощальных сообщений родным, близким или друзьям

Для комплексного и объективного расследования важным шагом становится доскональный опрос знакомых, друзей, учителей и других лиц, контактировавших с погибшим в период, предшествующий трагедии. Может оказаться, что сходные мысли о самоубийстве выражали и другие подростки в близком окружении, что укажет на общие факторы риска в школе или семье [7, с. 353]. К сожалению, нередко случаи, когда родители игнорируют сигналы бедствия, считая, что ребенок «перерастет» трудности, либо опасаются стигматизации, пытаются скрыть наличие проблем за внешним благополучием.

Следственные ситуации по делам о самоубийстве несовершеннолетнего нередко связаны с тем, что родители при первом разговоре с правоохранителями находятся в состоянии глубокого шока и не могут дать объективной оценки. Постепенно, в процессе следствия, выясняется, что в семье продолжительное время была напряженная обстановка, отсутствие понимания и взаимопомощи [5, с. 24]. Если предварительные данные указывают на доведение до самоубийства, дело переходит в разряд особо сложных, поскольку необходимо

обеспечить доказательную базу, подтверждающую или опровергающую вину конкретных лиц.

Таблица 3.
Характерные следственные действия в рамках расследования

Следственное действие	Описание цели и задач
Осмотр места происшествия	Фиксирование ситуации на месте, поиск ключевых улик, таких как записки, устройство, с которого велся интернет-трафик
Опрос родственников и знакомых	Сбор информации о возможных конфликтах, социальных отношениях, эмоциональном состоянии погибшего
Анализ гаджетов (телефоны, компьютеры)	Проверка переписок, историй браузера, участия в онлайн-группах или форумах
Экспертиза записок или сообщений	Проверка аутентичности суицидальных записок, установление содержания и возможных следов постороннего влияния
Судебно-медицинская экспертиза	Анализ причины смерти, проверка на наличие травм или веществ, указывающих на возможное насилие или психоактивные вещества
Комплексная психолого-психиатрическая экспертиза	Оценка внешнего давления, особенности психического состояния погибшего
Опрос школьного коллектива	Установление отношений погибшего с учителями и учениками, выяснение фактов возможной травли или конфликтов

Иногда следственные ситуации осложняются участием подростка в закрытых сообществах, побуждающих к определенным ритуалам самоповреждения или суициду под влиянием группового давления, когда модерирование осуществляется «лидерами» анонимных групп. Воздействие таких групп может проявляться постепенно, через задания или челленджи, создающие у подростка впечатление, что он находится в особом пространстве, где его ценят за послушание [5, с. 23]. Существенная часть улик может находиться в зашифрованных чатах, что требует специализированных навыков для взлома или получения доступа законным путем.

Особый блок следственной работы связан с проверкой доступности опасных предметов. Если в семье хранится огнестрельное оружие или медикаменты, способы заполучить которые для несовершеннолетнего не представляли сложности, то возникает вопрос, не было ли халатности со стороны взрослых. В случае, когда ребенок использует оружие для суицидальных целей, нередко родители становятся фигурантами дела об ответственности за нарушение правил хранения оружия [8, с. 70].

Таблица 4.
Возможные последствия для общества
и меры профилактики

Последствие	Описание
Повышение тревожности среди подростков	Распространение информации о случае может вызывать страх и суицидальные мысли среди сверстников
Ухудшение психологической обстановки в школе	Эмоциональная перегрузка школьного коллектива, дестабилизация отношений между учащимися и преподавателями
Репутационные риски учебных заведений	При выявлении ситуаций буллинга и бездействия со стороны администрации школы возможно ухудшение общественного мнения
Эффект подражания (суицидальные кластеры)	Риск распространения случаев самоубийств среди сверстников («вербальный суицид»)
Разработка программ профилактики	Организация тренингов для родителей и учителей, внедрение методов раннего выявления суицидальных настроений у подростков
Создание горячих линий помощи	Введение доступных каналов для обращения подростков в кризисных ситуациях
Повышение качества психологической помощи	Обязательное введение ставок школьных психологов, регулярная диагностика эмоционального состояния школьников

Выводы

Итогом следствия зачастую становятся выводы о системном характере проблем, приведших к трагедии. Суд,

учитывая результаты следственных мероприятий, может вынести решение в отношении лиц, оправдывающих или признающих вину по доведению до самоубийства. Если же вина третьих лиц не доказана, дело может завершиться констатацией факта добровольного ухода из жизни ребенка, сопровождающегося, однако, рядом социальных и психологических факторов, которые стали катализаторами [1, с. 244]. Подобные расследования, при всей их трагичности, помогают выявлять недостатки в социальной, образовательной и семей сферах, побуждает общество более серьезно относиться к психологическому благополучию детей.

Типичные следственные ситуации по делам, связанным с самоубийством несовершеннолетних, представляют собой комплекс противоречивых фактов, эмоциональных свидетельств, психологических сбоек и возможного внешнего влияния. Чтобы раскрыть истинную природу трагедии, следователь обязан применять широкий спектр методик: от осмотра цифрового пространства до детальных психологических экспертиз. Колоссальное значение имеет и взаимодействие с семьями, друзьями и учителями, ведь зачастую только сочетание этих факторов позволяет добиться максимальной полноты сведений [14, с. 130]. Главной целью следствия служит установление истины в конкретном деле, но косвенным результатом становится формирование в обществе более ответственной модели поддержки детей, сталкивающихся со сложными жизненными ситуациями.

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев Н.Б., Урусов З.Х. Особенности проведения следственных действий по уголовным делам, возбужденным в отношении несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2 (177). С. 244–246.
- Бондарева А.А. Криминалистические особенности субъектов преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2023. № 3 (61). С. 90–93.
- Бондарева А.А. Типичные следственные ситуации первоначального этапа расследования преступлений, направленных на побуждение несовершеннолетнего к совершению самоубийства // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2024. № 3. С. 87–91.
- Даниленко И.А. Особенности предварительного расследования уголовных дел о преступлениях несовершеннолетних // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 216–220.
- Дьякова Н.В., Никитина Е.Д. Психолого-криминалистические особенности личности несовершеннолетних обвиняемых и их роль в расследовании преступлений // Российский судья. 2024. № 6. С. 21–26.
- Костицын Н.Ю. Тактические приемы нейтрализации возрастного фактора в процессе производства допроса при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних, совершенных в семье // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. 2023. № 2 (40). С. 69–78.
- Нагоева М.А., Гигиев Т.А. Профилактика преступлений в процессе предварительного следствия по делам несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 7 (170). С. 352–353.
- Петросян Д.А. Особенности проведения некоторых оперативно-розыскных мероприятий в отношении несовершеннолетних, вовлечённых в преступную деятельность // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (76). С. 67–73.

9. Серебрянников С.В. Алгоритмы оперативно-розыскной деятельности раскрытия преступлений и способствующие факторы несовершеннолетних // Юрист-Правоведъ. 2023. № 2 (105). С. 167–173.
10. Скифская А.Л., Скифская К.Н. Роль сети «Интернет» в криминальном суициде несовершеннолетних: особенности расследования уголовных дел // Евразийский юридический журнал. 2022. № 9 (172). С. 396–398.
11. Титов П.М., Горячева В.С. Психологические особенности допроса и проведения других следственных действий с участием несовершеннолетнего // Правоохранительные органы: теория и практика. 2023. № 2 (45). С. 26–29.
12. Ханова А.А. Судебно-психиатрическая экспертиза при расследовании преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 3 (166). С. 372–374.
13. Ханова А.А. Участие специалиста при расследовании уголовных дел о сексуальных посягательствах в отношении малолетних и несовершеннолетних // Евразийский юридический журнал. 2022. № 5 (168). С. 397–399.
14. Шустикова М.В. Специфика расследования тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними // Право и государство: теория и практика. 2022. № 5 (209). С. 129–130.
15. Ягумов А.Р. Некоторые особенности расследования уголовных дел в отношении несовершеннолетних // Эпомен. 2022. № 72. С. 352–358.

© Георгиевская Елена Александровна (elg15@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ И ПРИЗНАКИ ОРГАНИЗАТОРА ПРЕСТУПЛЕНИЯ

FEATURES OF THE LEGAL REGULATION OF CRIMINAL LIABILITY FOR ORGANIZATIONAL ACTIONS UNDER THE CRIMINAL LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES RELATED TO THE CONTENT SYSTEM OF LAW

O. Doleva

Summary. The study of the legal nature of the organizer of the crime in conjunction with the norm of Russian criminal law, which contains provisions on this type of accomplice, made it possible to identify the characteristics of the organizer of the crime, on the basis of which, as well as taking into account a retrospective study of the concept of the organizer of the crime, proposals for doctrinal and legal definitions of the concept of «organizer of the crime» were formulated.

Keywords: organizer of a crime, complicity in a crime, organization of a crime, leadership of a crime, methods of committing actions to organize a crime, resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation.

Долева Ольга Андреевна

Аспирант,

Университет прокуратуры Российской Федерации

olya.doleva@yandex.ru

Аннотация. Изучение правовой природы организатора преступления во взаимосвязи с нормой российского уголовного права, содержащей положения о данном виде соучастника, позволило выделить признаки организатора преступления, на основании которых, с учетом ретроспективного исследования понятия организатора преступления сформулированы предложения доктринального и легального определений понятия «организатор преступления».

Ключевые слова: организатор преступления, соучастие в преступлении, организация преступления, руководство преступлением, способы совершения действий по организации преступления, постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации.

Впервые об организаторе преступления как объекте криминалистического исследования упоминается А.Н. Трайниным в работе, опубликованной в 1941 году, «Учение о соучастии» [1]. Вместе с тем, определение данного вида соучастника автором в указанном труде не приводится.

Понятие «организатор преступления» законодатель впервые закрепил Основами уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. [2]. Так, в соответствии с ч. 4 ст. 17 Основ организатором преступления признавалось «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением».

В ст. 17 Уголовного кодекса РСФСР 1960 г. сохраняется аналогичная ч. 4 ст. 17 Основ формулировка понятия «организатор преступления» [3].

Положениями части 3 статьи 33 УК РФ 1996 года [4] закреплено понятие «организатор преступления». Таким признается лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его исполнением, а равно лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Проводя сравнение первоначальной, а также актуальной на сегодняшний день формулировок закона, обозначающих понятие «организатор преступления», следует отметить, что часть определения осталась в неизменном виде: организатором преступления признается «лицо, организовавшее совершение преступления или руководившее его совершением», при этом Уголовным кодексом Российской Федерации 1996 года, в том числе действующей его редакцией, границы исследуемого определения расширены, наряду с указанным выше понятием, организатором преступления выступает лицо, создавшее организованную группу или преступное сообщество (преступную организацию) либо руководившее ими.

Обращаясь непосредственно к понятию «организатор преступления», необходимо подчеркнуть, что в представленном в УК РФ 1996 года виде положения об упомянутом соучастнике неизменны до настоящего времени. При этом стоит отметить далеко неудовлетворительные оценки нового УК РФ со стороны значительного числа представителей научного сообщества и практиков [5, С. 128–158, 6, С. 39].

Учитывая весьма высокие темпы динамики уголовного законодательства за более чем 65-летнюю историю

существования понятия «организатор преступления» в целом, норма, его содержащая, выступает объектом пристального внимания ученых. Рассматривая эволюцию теоретического подхода к определению «организатор преступления», следует отметить, что при значительном количестве проведенных исследований на заданную тему и предложенных формулировок обозначенного понятия, в настоящее время данный вопрос остается дискуссионным.

Так, во второй половине XX века учеными [7, С. 131, 8, С. 125, 9, С. 13, 10, С. 18] предприняты попытки расширить пределы уголовной ответственности организатора, объединив в одном определении не только функции организатора, но и формы преступной деятельности, чем был задан спорный, на наш взгляд, вектор развития учения об организаторе преступления. В доктрине присутствовало и иное мнение [11, С. 141]. При этом в научной среде, как правило, не заострялось внимание на так называемой тавтологичности [12, С. 114] рассматриваемого определения.

В более позднем периоде (с начала 2000 годов и до настоящего времени) ученые идут по пути преодоления тавтологии в исследуемом понятии зачастую посредством использования синонимов (что, в ряде случаев, приводит к неопределенности понятия и спорности вопроса о единообразии его применения на практике). При этом учеными совершенно по-разному разрешается вопрос совмещения в рассматриваемом определении функций организатора и форм соучастия с позиции законов формальной логики [13. С. С. 122–123, 14. С. 77, 15. С. 37, 16. С. 105].

На протяжении последних 15 лет авторами также предлагаются новые формулировки определения «организатор преступления» [17. С. С. 89, 92, 18. С. 163, 19. С. 135].

Таким образом, на протяжении последних чуть менее 70-ти лет не утихают споры вокруг понятия «организатор преступления». В разные периоды времени акцент проблематики данного понятия смещался либо в сторону расширения пределов уголовной ответственности организатора путем объединения в одном определении и функции организатора, и форм преступной деятельности, либо преодоления тавтологичности рассматриваемого определения.

Обращаясь ко второй части определения, необходимо отметить следующее. По-справедливому, на наш взгляд, мнению А.А. Арутюнова в ч. 3 ст. 33 УК РФ «неправильно произведено деление понятия, поскольку в основу положено два основания — преступление и форма соучастия» [20, С. 145–146]. Следует отметить, что и ранее в доктрине также существовало аналогичное мнени-

е, не воспринятое, к сожалению, законодателем того периода.

Так, Ф.Г. Бурчаком под организатором преступления предложено понимать лишь лицо, организовавшее или руководившее совершением преступления. Автор, верно, указывает, что «действия организаторов преступных сообществ являются одним из видов деятельности, рассматриваемой как преступление непосредственно в статьях Особенной части УК. Поэтому в статье, предусматривающей ответственность соучастников, о них говорить нет необходимости» [21, С. 141]. На аналогичной позиции стоят и современные авторитетные ученые.

Неоспоримым, по нашему мнению, является заключение К.В. Ображиева и Д.А. Мелешко о том, что при уголовно-правовой оценке действий создателей и руководителей организованной группы или преступного сообщества (преступной организации) следует учитывать, что, несмотря на предписания ч. 3 ст. 33 УК РФ, их организаторские функции никогда не получают отражения в формуле квалификации преступления [22]. В таком случае возникает закономерный вопрос о целесообразности включения обозначенной формулировки в дефиницию ч. 3 ст. 33 УК РФ.

Логическое разделение соучастия на виды и формы влечет последовательный вывод о неверном разрешении в настоящее время в УК РФ вопроса о включении предписаний Особенной части УК РФ в структуру нормы Общей части УК РФ (ч. 3 ст. 33 УК РФ).

Исследование правовой природы организатора преступления во взаимосвязи с нормой российского уголовного права, содержащей положения о данном виде соучастника, а также ранее проведенное исследование [23, С. 24–30] позволяет выделить следующие его признаки:

- организация совершения преступления, то есть объединение усилий других лиц в стадии исполнения преступления (покушения на исполнение).

Данный признак находит выражение в активных конкретных действиях организатора по постановке цели, разработке плана преступных действий для ее достижения, подысканию и вовлечению (подбору) соучастников, распределению функциональных обязанностей (ролей) между ними, обеспечению материально-технической и (или) финансовой базы, необходимых для совершения преступления, организации сокрытия орудий и следов преступления, ценностей, добытых преступным путем, выполнение иных активных действий по объединению усилий других соучастников и направлению их совместной преступной деятельности в стадии подготовки и (или) совершения преступления.

Указанный признак характеризуется особо активной ролью, отражающей характер и степень участия организатора в совершении преступления. При этом активная иницирующая роль в совершении преступления, в абсолютном большинстве случаев принадлежащая организатору, не может быть учтена как самостоятельноеотягающее обстоятельство в силу того, что квалификация действий организатора по ч. 3 ст. 33 УК РФ уже свидетельствует об особо активной его роли и отражена в формуле квалификации. Организация преступления всегда предшествует руководству его совершением, выполнение функций по организации и руководству преступлением может выполняться как одним лицом, так и разными лицами.

Данный признак находит выражение в активных конкретных действиях организатора по осуществлению функции управления соучастниками (координации действий соучастников, в том числе, посредством отдачи приказов, указаний) в стадии подготовки и (или) совершения преступления (покушения на исполнение).

Таким образом, при всей сложности переплетения в институте соучастия теорий акцессорной и самостоятельной ответственности, Уголовный кодекс Российской Федерации в главе 7 должен содержать четкое разграничение видов и форм соучастия, а ч. 3 ст. 33 УК РФ — четкое, лаконичное определение такого вида соучастника, как организатор преступления. Такое определение, как представляется, может характеризовать только лицо, действия которого подлежат квалификации одновременно по ч. 3 ст. 33 УК РФ и соответствующему составу Особенной части УК РФ. Полагаем, именно указанное понимание сути такого вида соучастника, как организатор преступления, будет способствовать устранению правовой неопределенности, имеющей место в настоящее время при трактовке ч. 3 ст. 33 УК РФ.

В этой связи, соглашаясь с тезисом, что с позиций уголовного законодательства определение понятия должно быть максимально простым и одновременно достаточно емким, «чтобы не создавать искусственных препятствий на пути привлечения преступников к уголовной ответ-

ственности» [24, С. 160–174], представляется возможным сформулировать ч. 3 ст. 33 УК РФ следующим образом: «Организатором признается лицо, организовавшее совершение преступления и(или) руководившее его исполнением». Поскольку ни в одном научном филологическом источнике не прописано жестких требований (по типу ГОСТа) к тому, как должна выглядеть дефиниция термина, считаем, что такое определение соответствует общим требованиям, а потому допустимо: оно однозначно, объективно, лишено экспрессивности и развернуто. Представленная формулировка обеспечит четкость, лаконичность и емкость определения, а также исключит имеющуюся ныне в норме «мертвую» его часть, позволив определению быть действующим в полном объеме.

При этом, с точки зрения доктрины может быть предложено следующее определение понятия: «Организатором признается лицо, объединившее усилия других соучастников и направившее их деятельность на обеспечение выполнения исполнителем объективной стороны преступления».

Разделяя мнение К.В. Ображиева об обусловленности и необходимости существования в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ предписаний, конкретизирующих уголовно-правовые нормы, компенсирующих пробелы в УК РФ, в силу весьма далекого от совершенства, уровня техники конструирования уголовного закона и бессистемности вносимых в УК РФ изменений [23, С. 321, 322], с учетом актуальности в научной среде и практической деятельности вопросов, касающихся института соучастия в целом и квалификации действий соучастников в частности, полагаем, что назрела необходимость в устранении пробелов и противоречий, имеющих место в системе института соучастия, посредством принятия Пленумом Верховного Суда РФ соответствующих разъяснений в данной сфере.

Именно в постановлении Пленума Верховного Суда РФ, посвященном вопросам соучастия, полагаем необходимым конкретизировать и отраженные выше способы совершения действий по организации преступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Трайнин А.Н. Учение о соучастии. Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1941.
2. Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1958 г. URL: http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&link_id=0&nd=102011947&bp a=cd00000&bpas=cd00000&intelsearch=%CA%EE%ED%F1%F2%E8%F2%F3%F6%E8%E5%E9 (дата обращения: 09.11.2023).
3. Уголовный кодекс РСФСР URL: <https://docs.cntd.ru/document/9037819>.
4. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 29.12.2022, с изм. от 15.03.2023 URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/).
5. Максимов С.В., заведующий сектором уголовного права и криминологии Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор. Труды Института государства и права Российской академии наук № 1/2011. С. 128–158.
6. Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М., 2006. С. 39.
7. Гришаев П.И., Кригер Г.А. Соучастие по советскому уголовному праву. М.: Госюриздат, 1959. С. 131.

8. Ковалев М.И. Соучастие в преступлении. Ч.П. / Ученые труды Свердловского юридического ин-та. Право. Вып. 3. — Свердловск, 1962. С. 125.
9. Царегородцев А.М. Ответственность организаторов преступлений: учебное пособие. — Омск: Омская школа милиции МВД СССР, 1978. С. 13.
10. Царегородцев А.М. Ответственность организаторов преступлений: учебное пособие. — Омск: Омская школа милиции МВД СССР, 1978. С. 18.
11. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев. 1986. С. 141.
12. Козлов А.П. Соучастие: традиции и реальность. СПб., 2001. С. 122–123.
13. Покаместов А.В. Уголовно-правовая и криминологическая характеристика организатора преступной деятельности диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук 12.00.08. С. 77.
14. Павлухин А.Н., Рыжов Р.С., Эриашвили Н.Д. Виды и ответственность соучастников преступления. М., 2007. С. 77.
15. Ситникова А.И. Доктринальные модели и законодательные конструкции института соучастия в преступлении. М., 2009. С. 37.
16. Гордеев Р.Н. Групповое преступление в уголовном праве. Красноярск, 2009. С. 105.
17. Клименко Ю.А. Организатор в преступлении: понятие, виды, уголовно-правовое значение: дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Клименко Юрий Александрович; [Место защиты: Моск. гос. юрид. акад. им. О.Е. Кутафина]. — Москва, 2011. С. 89, 92.
18. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. — М.: Статут, 2013. С. 163.
19. Дрепелев А.С. Соучастник преступления: закон, теория, практика: Дисс. ... кандидата юридических наук: 12.00.08 / Дрепелев Александр Станиславович; [Место защиты: Сарат. гос. юрид. акад.]. — Саратов, 2017. — С. 135.
20. Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М. Статут. 2013. С. 145–146.
21. Бурчак Ф.Г. Соучастие: социальные, криминологические и правовые проблемы. Киев. 1986. С. 141.
22. Совокупность преступлений: проблемы квалификации и назначения наказания / Под ред. Ю.Е. Пудовочкина. — М.: РГУП, 2019. С. 147–148.
23. Долева О.А. Признаки организатора как соучастника преступления // «Вестник Владимирского юридического института». 2024. № 3 (72). С. 24–30.
24. Клейменов М.П., Клейменов И.П. Развитие организованной преступности: явление и определение / Вестник Омского университета. Серия: Право. 2017. № 2. С. 160–174.

© Долева Ольга Андреевна (olya.doleva@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ РАСПОРЯЖЕНИЯ ДЕНЕЖНЫМИ СРЕДСТВАМИ, НАХОДЯЩИМИСЯ НА ЭСКРОУ-СЧЕТЕ

RESTRICTIONS ON THE RIGHTS TO DISPOSE OF MONETARY FUNDS IN AN ESCROW ACCOUNT

*E. Dyachenko
L. Tomilova*

Summary. The article studies the institution of an escrow account. This is an institute that appeared not so long ago in the domestic law. In the world practice escrow accounts are used in international trade if it is necessary to pay for goods that are in transit. However, in Russia, this institute is used exclusively in the field of real estate construction.

An escrow agreement is an agreement under which the depositor is obliged to deposit property with the escrow agent to fulfill the depositor's obligation to transfer it to another person in whose favor the property is deposited, and the escrow agent is obliged to ensure the safety of the property in order to transfer it to the beneficiary when contractual grounds arise. The escrow account agreement is of a special purpose nature, and the funds in the account may be used only for the purposes intended.

Therefore, the safety of the sum of money is ensured by the bank.

The bank has the following obligations under clause 3 of article 860.8 of the Civil Code of the Russian Federation upon occurrence of the grounds specified in the escrow account agreement and confirmation of their occurrence by appropriate documentation: first, to release the deposited amount to the beneficiary, and second, to transfer the deposited amount to the account specified in the agreement by the beneficiary. The bank is limited to 10 days for the fulfillment of the said obligation, unless otherwise specified in the contract.

If we talk about the normative legal acts that regulate the area under study they include: Law on Banks and Banking Activity, Law on Enforcement Proceedings, Law on Insolvency.

Keywords: escrow account, escrow agreement, beneficiary, depositor, monetary funds, real estate, debtor's account, bank account, seizure of monetary funds, client's rights, deposited amount, tax authority, credit organization, Rosfinmonitoring.

Дьяченко Елена Митрофановна

кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский Государственный университет
Demit88@mail.ru

Томилова Людмила Николаевна

кандидат юридических наук, доцент,
Кубанский Государственный университет
Viktoria1105@bk.ru

Аннотация. В статье проводится исследование института счета-эскроу. Это институт, который появился не так давно в отечественном законе. В мировой практике эскроу-счета применяются в международной торговле, если необходимо произвести оплату товара, который находится в пути. Однако, в России данный институт применяется исключительно в области строительства недвижимости.

Договор эскроу — это соглашение, согласно которому депонент обязан передать эскроу-агенту на депонирование имущество для исполнения обязательства депонента по его передаче иному лицу, в пользу которого осуществляется депонирование имущества, а эскроу-агент имеет обязанность обеспечить сохранность имущества с целью передачи бенефициару при возникновении договорных оснований. Договор эскроу-счета носит целевой характер, денежные средства, находящиеся на счете, могут использоваться только в соответствии с поставленными целями.

Следовательно, сохранность денежной суммы обеспечивается банком.

Банк имеет следующие обязанности по п. 3 ст. 860.8 ГК РФ при наступлении, указанных в договоре эскроу-счета оснований, и подтверждении их наступления соответствующей документацией: во-первых, выдать депонируемую сумму бенефициару, во-вторых, перечислить депонированную сумму на счет, указанный в договоре бенефициаром. Банк ограничен сроком исполнения указанной обязанности в 10 дней, если иное не указано в договоре.

Если говорить о нормативных правовых актах, которые регламентируют исследуемую область, то к их числу относятся: Закон о банках и банковской деятельности, Закон об исполнительном производстве, Закон о несостоятельности.

Ключевые слова: счет-эскроу, договор эскроу, бенефициар, депонент, денежные средства, недвижимость, счет должника, банковский счет, арест денежных средств, права клиента, депонируемая сумма, налоговый орган, кредитная организация, Росфинмониторинг.

В настоящее время ограничения по распоряжению денежными средствами и использованию счета-эскроу, регламентировано ст. 860.8 ГК РФ. Общие законодательные положения указывают, что бенефициар и депонент не имеют правомочия на распоряжение денежными средствами, которые находятся на счету-эскроу. Однако, из данного правила имеется ряд исключений, которые указаны в ст. 860.8 ГК РФ.

В п. 1 ст. 860.8 ГК РФ содержатся общие ограничения распоряжения денежными средствами, которые относятся на эскроу-счете. Следовательно, бенефициар и депонент не имеют законодательной возможности осуществлять распоряжение денежными средствами, расположенными на эскроу-счете.

При заключении договора эскроу-счета устанавливаются цели, на которые могут использоваться денеж-

ные средства [1]. При этом, если денежные средства по какой-то причине будут использованы не в соответствии с целями, то это признается нецелевым использованием. Однако, предусмотрена некоторая оговорка, что при наличии законодательных указаний, возможны исключения, предусмотренные в законе.

В п. 1 ст. 860.8 ГК РФ имеется прямой запрет на использование ст. 858 ГК РФ к договорам эскроу-счета. Ее положения имеют общий характер и, следовательно, не допускают ограничение прав клиента на распоряжение средствами, находящимися на счете. Стоит отметить, что исключение составляет большое количество случаев.

Наложение ареста на находящиеся на счете денежные средства. Порядок наложения на денежные средства ареста указан в ст. 81 Закона об исполнительном производстве указано, что судебный пристав осуществляет направление в банковскую организацию постановление, в котором указывается на наложение ареста на средства должника. При отсутствии информации о счете должника судебный пристав может постановлением инициировать поиск информации о банковском счете должника. При этом банк имеет обязанность незамедлительно исполнить постановление.

На основании информации, которая предоставлена из банковской организации, пристав обязан принять незамедлительные меры для снятия ареста с имущества, которое излишне арестовано [2, с. 4]. Здесь стоит отметить, что при недостаточности денежных средств банковская организация обязана приостановить операции с денежными средствами, или продолжить исполнение постановления о наложении ареста на поступающие в дальнейшем денежные средства на счет. С момента отзыва банковской лицензии документы о осуществлении банковской деятельности, в частности, арест подлежат исполнению, согласно правилам Закона о банках и банковской деятельности.

Приостановление по счету операций, под которыми понимается прекращение расходных обязательств, за исключением прямо предусмотренных в налоговом законодательстве. Для приостановления операций по счетам организации налоговый орган обязан вынести соответствующее решение и впоследствии направить его в банковскую организацию. Копия решения о приостановлении выдается организации. Для блокировки счета налоговый орган не должен предоставлять мотивированное обоснование.

Приостановление по счету операций распространяется на денежные средства, внесенные на счет после введения соответствующей процедуры. Банк имеет правомочия по списанию денежных средств по поручению налогового органа в установленной очередности

законодательством гражданско-правового характера. Распоряжением налогового органа может отменяться решение о приостановлении операций.

В п. 2 ст. 860.8 ГК РФ предусматривается возможность зачисления депонируемой суммы, которая передается на хранение. Следовательно, законодатель сформировал комплекс дополнительных гарантий в области того, чтобы владелец эскроу-счета (в качестве посредника) не осуществил распоряжения по своему усмотрению средствами. Владелец эскроу-счета не имеет возможности направлять, поступающие на счет платежи, по своему усмотрению. Законодатель дал возможность указывать в договоре иной порядок зачисления денежных средств на соответствующий счет.

Банк имеет следующие обязанности по п. 3 ст. 860.8 ГК РФ при наступлении, указанных в договоре эскроу-счета оснований, и подтверждении их наступления соответствующей документацией: во-первых, выдать депонируемую сумму бенефициару, во-вторых, перечислить депонированную сумму на счет, указанный в договоре бенефициаром. Банк ограничен сроком исполнения указанной обязанности в 10 дней, если иное не указано в договоре. Если говорить о нормативных правовых актах, которые регламентируют исследуемую область, то к их числу относятся: Закон о банках и банковской деятельности, Закон об исполнительном производстве, Закон о несостоятельности.

Депонируемая сумма — это единственные денежные средства, которые могут зачисляться на счета эскроу, поскольку п. 2 ст. 860.8 ГК РФ налагает запрет на внесение дополнительных денежных средств [3, с.4]. Банк имеет ключевое обязательство осуществить перевод денежных средств при возникновении оснований, которые указаны в договоре (п. 3 ст. 860.8 ГК РФ). Наложено законодательный запрет на приостановление операций по эскроу-счетам, а также осуществлять списание денежных средств, арест, по обязательствам бенефициара и депонента перед какими-либо третьими лицами (п. 4 ст. 860.8 ГК РФ).

В российской системе, несмотря на активное применение в международной практике, счета-эскроу не используются активно в предпринимательской сфере. Банковские работники и представители научного сообщества требуют разъяснений со стороны высшего судебного органа власти [4, с. 54]. Множество вопросов в настоящее время не уточнены, то есть непонятно возможно ли обратиться взыскание на денежные средства эскроу-счетов. Точнее законодательно запрещено взыскание по обязательствам перед третьими лицами, но ничего не сказано, а запрете взыскания перед друг другом.

Исследуя научные дискуссии, нами было выявлено две группы основополагающих вопросов, которые

в настоящее время не разрешены представителями законодательной власти, правоприменительными органами и доктринальным сообществом. Во-первых, если рассуждать «от противного», то в соответствии с законодательными положениями об эскроу-счете, правила ст. 858 ГК РФ не применяются к исследуемому институту. Следовательно, допускается распоряжение денежными средствами.

Во-вторых, права клиента по ст. 858 ГК РФ могут ограничиваться исключительно при наложении ареста и приостановлении по счету соответствующих операций. Это связано с тем, что указанная норма по прямой трактовке закона не применяется к договорам эскроу, но возникает вопрос о возможности наложения ареста на средства, которые находятся на эскроу-счете.

Е.В. Ушаков указывал, что содержание и назначение эскроу-счета заключается в обеспечении осуществления выплат денежных средств бенефициару, помещенных депонентом на соответствующий счет, исключительно при наличии законодательных оснований [5, с. 356]. Стоит отметить, что необходимо разграничить основания по следующим группам:

- исполнение обязательств внедоговорного характера, которые возникают между бенефициаром и депонентом (обязательство по возмещению вреда депонентом в отношении бенефициара);
- обязательств договорного характера, которые возникают из заключенного соглашения между бенефициаром и депонентом (по договору купли-продажи обязательство депонента по оплате, когда бенефициар — продавец, а депонент — покупатель);
- основания, которые не имеют юридического и обязательственного содержания, учтенные в переговорах процессе между бенефициаром и депонентом в договоре эскроу-счета (основание выплаты можно считать, например, вступление в брачные отношения, достижение определенного возраста и так далее).

В случае исполнения договорных и внедоговорных обязательств договор эскроу-счета должен в полной мере выполнять функцию обеспечения. Следовательно, бенефициар и депонент не имеют права на распоряжение денежными средствами, которые находятся на эскроу-счете. Однако, стоит отметить, что законодатель предусмотрел отдельно исключительные случаи, указанные в гражданском законодательстве.

Р.С. Чураков указывал, что нельзя сказать о рациональности ограничения по распоряжению денежными средствами, если эскроу счет открывается при отсутствии обязательств между сторонами [6, с.10]. В такой ситуации правоотношения по исследуемому договору

схожи с договором банковского вклада. Конечно, договор эскроу-счета нельзя отождествлять с договором банковского вклада. Между ними имеются принципиальные отличия:

- договор банковского вклада открывается на имя вносителя средств или на имя получателя, а счет эскроу исключительно открывается на имя вносителя денежных средств;
- договор банковского вклада дает возможность вкладчику и третьим лицам осуществлять внесение денежных средств на счет дополнительных средств, а договор эскроу ограничивается исключительно внесением денежных средств в размере депонируемой суммы, дополнительно с этим, отметим, что на эскроу-счете могут размещаться исключительно денежные средства депонента.

Думается, что на основании сказанного следует законодательно закрепить некоторое правило, что депонент имеет право на распоряжение денежными средствами при открытии эскроу-счета по тем основаниям, которые не связаны с возникшим обязательством между бенефициаром и депонентом. Н.А. Новикова указывала, что указанное повысит доверие к институту эскроу-счета, способствует развитию института, в итоге сказанное позволит привлечь капитал в банковскую сферу [7, с.15]. Однако, здесь необходимо отметить, что договор эскроу в настоящее время в подавляющем большинстве случаев связан с покупкой недвижимости, поэтому вопрос о распоряжении денежными средствами стоит не краеугольно.

Банк представляет собой более сильный институт с политико-экономической точки зрения в отличие от любого участника, поэтому, учитывая публично-правовое регулирование деятельности, нельзя ожидать, что банк будет рисковать своими интересами и использовать диспозитивные положения закона в интересах клиентов [8, с. 86]. Да, конечно, любая кредитная организация в первую очередь направлена на получение прибыли от осуществляемой деятельности, поэтому их действия будут давать диспозитивную возможность иным участникам в той степени, пока это будет экономически выгодно банку.

В.В. Батин указывал, что господство элементов свободы и принципа диспозитивности в отношениях договорного характера нарушало некий справедливый баланс публично-правовых и частно-правовых интересов [9, с.15]. Мы согласны с мнением автора, поскольку в настоящее время представители банковского сообщества не имеют высокоразвитого правосознания для высокой реализации правовой нормы именно с позиции достижения реальных целей законодателя.

Законодательными положениями ст. 27 Закона о банках и банковской деятельности предусмотрена возмож-

ность наложения ареста на средства, которые находятся на эскроу-счете, а также приостановить операции по эскроу-счету. Средства должны находиться на соответствующих счетах или вкладах, на хранении в кредитной организации. Арест имеется возможность наложить на основании решения суда, либо по постановлению следственного органа. Дополнительно с этим право налагать арест на ценности и денежные средства имеет судебный пристав исполнитель, согласно ст. 12 Закона об исполнительном производстве. Необходимо отметить, что более специализированные органы также имеют право налагать определенные ограничения по использованию соответствующих счетов:

руководители налогового органа и заместители (ст. 76 НК РФ);

кредитные организации и банки (ст. 70 Закона об исполнительном производстве);

суд и Росфинмониторинг (ст. 8 Закона о противодействии легализации доходов, полученных преступным путем [10]).

Таким образом, эскроу-счет — это разновидность счета. По-другому говоря, анализ законодательных положений в области ограничения распоряжения денежными средствами дает возможность утверждать, что буквальное толкование говорит о возможности арестовывать и приостанавливать денежные средства по любым счетам, в частности, эскроу.

Иными словами, эскроу-счет в этой области не является уникальным и исключительным, а он предусматривает определенную специфику при проведении операций. Здесь необходимо говорить, что законодательный орган власти попросту увлечен реформами гражданско-правовых норм, не успел осуществить внесение поправок в другие нормативные акты, но отдельно указывать на эскроу-счет не имеется необходимости. Мы считаем, что в такой ситуации необходимо разъяснениями судебной практики направлять развитие правоприменения.

В ст. 860.1 ГК РФ напрямую указано, что положения ст. 858 ГК РФ не могут применяться к договору эскроу-счета, думается, такая ситуация связана с тем фактом, что права клиентов по договору эскроу-счета по своей природе должны ограничиваться. По данной причине использование общего правила ст. 858 ГК РФ представляется достаточно абсурдным. В ст. 860.7 ГК РФ напрямую указывается, что к отношениям сторон применяются общие правила при работе с эскроу-счетом, если нет ограничений на таковое в ст. 860.7-860.10 ГК РФ. Договор эскроу-счета имеет конструкцию, которая предполагает из своей сущности ограничение прав в области распоряжения денежными средствами. Так как именно это и есть цель заключения договора эскроу-счета. То есть через призму ограничений защитить права сторон, которые заключают соответствующие соглашения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Эскроу-счет в 2023 году — что это такое и как его открыть. открыть [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://iz.ru/1567783/2023-09-01/eskrou-schet-v-2023> (дата обращения: 16.12.2024).
2. Чебан А.А. Некоторые проблемы применения счета-эскроу // Новые импульсы развития: вопросы научных исследований. 2021. № 6. С. 4.
3. Иванова С.А. Имущественные (исполнительские) иммунитеты сторон договора условного депонирования (эскроу) // Закон и право. 2023. № 7. С. 4.
4. Дороева Я.В. Договор эскроу в российском гражданском праве. Пермь, 2022. С. 54.
5. Ушаков Е.В. Содержание договора счета-эскроу по российскому законодательству // Молодой ученый. 2016. № 23. С. 356.
6. Чураков Р.С. Эскроу-счёт по российскому праву. М., 2021. № 8. С. 10.
7. Новикова Н.А. Перспективы эскроу-счетов в российском законодательстве // Научный диалог. 2021. № 7. С. 15.
8. Ерохин М.Г. Новое в законодательстве: счета-эскроу // Власть закона. 2019. № 4. С. 86.
9. Батин В.В. Понятие и сущность договора условного депонирования (эскроу) // Юрист. 2021. № 8. С. 15.
10. О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: ФЗ от 07.08.2001 № 115-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_171341/. (дата обращения: 16.12.2024).

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО О ДЕТСКИХ ОМБУДСМЕНАХ

Картамышева Ольга Евгеньевна

кандидат юридических наук, доцент, Азовский
государственный педагогический университет
olga_kartamysheva16@mail.ru

THEORETICAL AND LEGAL FOUNDATIONS AND LEGISLATION ON CHILDREN'S OMBUDSMEN

O. Kartamysheva

Summary. The issue of protecting the rights of minor children remains relevant. The impetus for solving the problems of this group was given by the introduction of a new socio-legal institution. The purpose of the article is to analyze the theoretical and legal foundations and legislation on children's ombudsmen. The methodology. The reliability of the research results is ensured by the theoretical analysis of scientific literature and the formal legal method. It has been established that the institution of the Commissioner for Children's Rights in the structure of public authority is ambiguous. The analysis of the opinions of scientists does not allow us to consider this institution of power as independent. It is concluded that this institution has legislative powers at the federal level, and executive powers at the regional level.

Keywords: law, children's rights, ombudsman, state, legal mechanism.

Аннотация. Проблематика защиты прав несовершеннолетних детей сохраняет свою актуальность. Импульс для решения проблем этой группы дало внедрение нового социально-правового института. Целью статьи является анализ теоретико-правовых основ и законодательства о детских омбудсменах. Методика. Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы и формально-юридическим методом. Установлено, что институт Уполномоченного по правам ребенка в структуре публичной власти неоднозначен. Анализ мнений ученых не позволяет рассматривать этот институт власти как независимый. Делается вывод о том, что на федеральном уровне этот институт имеет правотворческие полномочия, а на региональном уровне полномочия исполнительной власти.

Ключевые слова: закон, права ребенка, омбудсмен, государство, правовой механизм.

Актуальность

Практическая реализация идей правового государства сопряжена с реализацией на практике новых правовых институтов. Одним из них выступает институт Уполномоченного по правам ребенка, имеющий собственную сферу правового регулирования. Обращение к практике его функционирования показывает, что условия его реализации и правозащитные механизмы оцениваются как недостаточно развитые.

Выступая компонентом системы социально-правовой защиты, этот институт права является относительно молодым. Основной проблемой является отсутствие у него собственной организационно-правовой формы, которая в различных регионах еще и дифференцируется. Деятельность этого института права ориентирована на выявление противоречивых норм и недостатков законодательства при реализации прав детей. Поэтому востребованность этого института оценивается как значительная.

Целью статьи является анализ теоретико-правовых основ и законодательства о детских омбудсменах.

Методика

Достоверность полученных результатов исследования обеспечивается теоретическим анализом научной литературы и формально-юридическим методом.

Результаты и обсуждение

Развитию представлений о содержании деятельности Уполномоченного по правам ребенка во многом способствует анализ положений действующего законодательства. Так, в статье 2 Федерального закона № 501 «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» четко определены направления деятельности уполномоченного, охватывающие федеральный уровень его работы. Законодатель определяет следующие направления деятельности, определяющие содержание работы Уполномоченного по правам ребенка в контексте законных интересов и прав детей [5]:

- восстановление законных прав и интересов детей;
- совершенствование российского законодательства, имеющего отношение к законным правам и интересам детей;
- совершенствование форм и методов защиты законных прав и интересов детей и международное сотрудничество в данном направлении.

Статья 4 Федерального закона №501 «Об уполномоченных по правам ребенка в Российской Федерации» определяет систему ограничений (антикоррупционных, должностных, возрастных, территориальных), налагаемую на должность Уполномоченного по правам ребенка. Статья 5 устанавливает систему профильных обязанностей Уполномоченного. Пункт 1 Статьи 6 ФЗ №501 уточняет задачи, возложенные на Уполномоченного. Пункт 3 статьи 6 уточняет систему прав Уполномоченного, необходимых для выполнения профильных обязанностей. В совокупности описанные пункты уточняют особенности правового статуса Уполномоченного по правам ребенка. По своему содержанию деятельность уполномоченного учитывает контроль деятельности в принципе любого государственного органа власти, структур в системе публичной и территориальной власти, воинских частей, предприятий и учреждений различной формы собственности и различных организационно-правовых форм, статуса, общественных объединений. Любое должностное лицо может подлежать проверке со стороны Уполномоченного. То есть все, кто затрагивают интересы несовершеннолетних детей, подлежат проверке со стороны Уполномоченного.

И в статье 13 и 14 этого закона определены общие основы и направления деятельности Уполномоченного по правам ребенка в субъектах Российской Федерации. Пункт 4 статьи 13 уточняет, что субъекты РФ могут самостоятельно конкретизировать особенности правового статуса Уполномоченного по правам ребенка в субъектах РФ. К существующим ограничениям законодатель добавляет территориальные ограничения — деятельность в пределах конкретного региона — деятельность в пределах границ конкретного субъекта. Статья 14 конкретизирует полномочия Уполномоченного в субъекте РФ. Тем самым законодатель дает возможность регионам самостоятельно определять и конкретизировать содержание деятельности Уполномоченного по правам ребенка. Так, например, в Московской области был принят свой закон, который уточняет содержание деятельности Уполномоченного по правам ребенка. В каждом отдельном регионе редакция закона может отличаться.

К примеру, действующая редакция Закона Московской области № 86/2015-ОЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Московской области и внесении изменений в некоторые законы Московской области» отличается от Федерального закона № 501. На региональном уровне подчеркиваются региональные приоритеты деятельности в интересах детей, приоритет межведомственного взаимодействия, взаимодействия региона с муниципалитетами. Также региональный законодатель устанавливает, что целый ряд детей, находящихся в сложной жизненной ситуации (дети сироты, дети без опеки и родителей, дети, находящиеся в сложном положении и иные категории) является приоритетом в деятельности Уполномоченного.

Статья 3 Закона Московской области № 86/2015-ОЗ «Об Уполномоченном по правам ребенка в Московской области и внесении изменений в некоторые законы Московской области» устанавливает принципы деятельности Уполномоченного (в редакции ФЗ № 501 данный пункт отсутствует). Статья 1 этого закона уточняет особенности правового статуса этой должности. Пункт 2 статьи 10 Главы 3 этого закона устанавливает систему задач для Уполномоченного (редакция регионального закона насчитывает 15 задач, чего нет в ФЗ №501). Пункт 1 Статьи 13 устанавливает систему правовых гарантий для реализации задач деятельности Уполномоченного по правам ребенка в Московской области (редакция регионального закона насчитывает 9 пунктов, чего нет в ФЗ №501).

Однако, современные научные исследования [1] показывают, что существуют альтернативные точки зрения и обоснованные позиции, характеризующие особенности содержания деятельности этого многоуровневого правового института.

Так, в своей публикации А.М. Рогова и С.А. Давыдов подчеркивают, что кандидаты на должность могут быть, как из числа должностных лиц, так и из числа выбранных либо назначенных кандидатов (все зависит от законов конкретного региона РФ) [4]. Авторы исследования обращают внимания на тот факт, что в зависимости от содержания деятельности Уполномоченного по правам ребенка, он может функционировать в разных организационно-правовых формах, то есть выступать как самостоятельная структура в субъекте РФ, так и передавать свои функции и полномочия другим структурам.

Анализ регионального опыта в г. Санкт-Петербург показывает, что для эффективной реализации содержания деятельности института Уполномоченного по правам ребенка следует применять вспомогательные структуры (например, штабные организационные структуры). Так, например, в городе федерального значения содержание деятельности этого правового института расширяется за счет организации деятельности общественного, экспертного и ряда других советов. Такие общественные инициативы помогают лучше взаимодействовать на муниципальном уровне с получателями помощи.

По мнению Уполномоченного в г. Санкт-Петербург А. Митяниной, такой подход ускоряет изменение законодательства о правах детей в лучшую сторону [3]. Прежде всего, речь идет об обеспечении доступа детей к социальным ресурсам общества посредством инновационных общественно-правовых и организационно-правовых механизмов. Эти механизмы расширяют содержание деятельности Уполномоченного за счет включения сюда таких направлений, как привлечение широкой общественности к решению проблем детей,

и формирование толерантности общества в отношении детей со специальными и особыми потребностями. Также автор доклада обращает внимание на тот факт, что содержание деятельности Уполномоченного расширяется за счет участия его в разработке стратегических документов, концепций и ряда правозащитных мероприятий в области семейной политики. Следует подчеркнуть, ни в одном из пунктов федерального закона на это не дается указаний.

В контексте уточнения содержания деятельности региональных Уполномоченных по правам ребенка и их правового статуса, обоснованной выглядит позиция, сформулированная Г.И. Лыткиным. Исследователь подчеркивает неоднозначность правового статуса региональных Уполномоченных, относя их преимущественно к системе исполнительной власти [2]. На должность они обычно назначаются главами регионов. Если решение принято в течение последних 2-х лет, утверждение поста проводит представительный орган, либо это происходит по его согласию. Если такой случай на практике происходит, то Уполномоченный по правам ребенка еще наделяется и парламентским статусом. Основываясь на региональном опыте, можно сделать вывод о том, что такой правовой механизм делает региональных Уполномоченных более независимыми от исполнительских структур, и повышает результативность их работы. Обращение к опыту города федерального значения Санкт-Петербурга, Красноярского края, Самарской областей и ряда других регионов показывает, деятельность региональных Уполномоченных по правам ребенка осуществляется в рамках специально созданного аппарата.

Отдельной исследовательской задачей был анализ и систематизация международного законодательства о детских омбудсменах.

Правовой институт Уполномоченного по правам ребенка прошел долгий путь становления. Он представлен, как российскими правовыми нормами, так и международными. Его становление приходится на 20-е гг. XX века.

Базовое значение для функционирования данного правового института имеет принятие «Женевская Декларации прав ребенка» (1924), которая претерпела несколько редакций (1959). Документ устанавливает принципы защиты прав детей, и призывает общество и государство формировать условия, необходимые для защиты детства. В ООН постановили, что защита прав детей становится приоритетным направлением. Для этого было создано структурное подразделение фонда UNICEF, целью которого является предоставление помощи несовершеннолетним.

В 1946 г. был учрежден филиал ООН UNESCO, миссия которого заключалась в стимулировании активности

в области воспитания и профессионального обучения. Параллельно начинается работа над обоснованием Конвенции о правах ребенка.

Вступление в 1976 г. в силу «Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах» позволило систематизировать номенклатуры прав этой группы, устанавливает обязательство соблюдать эти права со стороны государств, подписавших этот документ, а также гарантировать социально-экономические права. Документ обязывает государства строить свою деятельность на принципах уважения, защиты и сбалансированного развития. Таким образом, этот документ имеет базовое значение для уточнения номенклатуры социально-экономических прав несовершеннолетних детей.

Анализ мировой практики защиты прав детей показывает, что активное функционирование и развитие института Уполномоченного по правам ребенка в различных регионах мира приходится на 1980-е гг. XX века. Этому отчасти способствовало принятие «Конвенции о правах ребенка» (1989), которую подписало много стран. Документ в качестве принципов закрепляет и систематизирует основные права ребенка, признавая за ними равенство и независимость наряду с другими правами человека.

Дальнейшее развитие института Уполномоченного по правам ребенка связывается с разработкой и утверждением «Рекомендации Комитета Министров Совета Европы» (2002). Документ определяет стандарты образования и функционирования детских омбудсменов в европейских странах. Отражает рекомендации по созданию и функционированию Уполномоченных по правам детей. Также в документе декларируется принцип независимости данного правового института, подчеркивается важность международного сотрудничества и информационного обмена между странами.

Позже в 2012 г. был заслушан «Доклад Генеральной Ассамблеи ООН о детских омбудсменах». Основной приоритет, на котором делает акцент документ — это создание и поддержание условий для обеспечения независимости института Уполномоченного по правам ребенка, укрепления их роли, для чего призывает к международному сотрудничеству для обмена информацией о передовом опыте и лучших практиках. На похожие цели ориентировано было принятие «Декларации тысячелетия ООН», где декларируются похожие принципы, цели и ценности. В качестве цели национального развития определяет необходимость соблюдения прав детей «Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей» (1990), устанавливая задачи и обязанности государств.

В России внедрение должности Уполномоченного по правам детей в регионах было инициировано Министерством труда и социального развития в 1998 г. при активной поддержке UNICEF. В 2005 г. стала функционировать Ассоциация региональных Уполномоченных по правам ребёнка. Их деятельность регулируется специальными законами, указами, постановлениями и распоряжениями губернаторов регионов, глав республик. С 2009 г. Указом Президента РФ №986 была учреждена должность Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребёнка.

Выводы

Таким образом, конституционно-правовой институт Уполномоченного по правам ребёнка представлен системой прав и полномочий, ответственностью, системой ограничивающих требований и запретов. Необходимо признать, что на уровне субъектов РФ правовой статус представлен более широкой номенклатурой прав, обязанностей и ограничений. Федеральное законодательство, наоборот, ограничивает правовой статус сравнительно небольшим количеством прав, обязанностей

и ограничений для Уполномоченного по правам ребёнка на уровне страны. Это обстоятельство существенно влияет на содержание деятельности Уполномоченного. На основе теоретического анализа научной литературы установлено, что место института Уполномоченного в структуре публичной власти определяется: во-первых, возможностью нахождения в структуре аппарата в рамках органа исполнительной власти; во-вторых, в форме самостоятельной структуры, созданной парламентом региона. Не все нормативно-правовые акты РФ признают независимость Уполномоченного по правам ребёнка. Если федеральный Уполномоченный выступает с правотворческими законодательными инициативами на федеральном уровне, что региональные уполномоченные по правам ребёнка больше относятся к системе исполнительной власти. Анализ международных нормативно-правовых актов позволяет сделать вывод о том, что они представляют общую организационную основу для становления института детского омбудсмена, уточняют номенклатуру прав несовершеннолетних детей, создают условия для сотрудничества между странами в сфере защиты прав и обмена опытом и обязывают государства создавать соответствующие условия и гарантии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закачура Л.В. Функции Уполномоченного по правам ребёнка при Президенте РФ / Л.В. Закачура // Вестник науки. — 2023. — №4. — С.221–225.
2. Лыткин Г.И. Деятельность Уполномоченного по правам ребёнка в РФ / Г.И. Лыткин // Экономика. Социология. Право. — 2016. — №1. — С.84–87.
3. Митянина А. Ежегодный доклад Уполномоченного по правам ребёнка в Санкт-Петербурге — Анна Митянина / сайт VK. — [Электронный ресурс]. — Режим доступа: https://vk.com/@anna_mitjanina-ezhegodnyi-doklad-upolnomochennogo-po-pravam-rebenka-v-sankt (дата обращения: 27.02.2025).
4. Прокошкина Н.И. Обеспечение защиты семейных прав и законных интересов в гражданском судопроизводстве: монография / Н.И. Прокошкина. Саратов: Амрит, 2019. 242 с.
5. Федеральный закон от 27.12.2018 г. № 501-ФЗ «Об уполномоченных по правам ребёнка в Российской Федерации» (ред. от 10.07.2023) // СПС Консультант-Плюс. — URL: <http://www.consultant.ru/document>. (дата обращения: 24.12.2024).

© Картамышева Ольга Евгеньевна (olga_kartamysheva16@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВЫЕ И ФИНАНСОВО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ИНСТРУМЕНТЫ ПОЛИТИКИ ИМПОРТОЗАМЕЩЕНИЯ

Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна

доктор юридических наук, профессор, главный научный
сотрудник, Институт государства и права РАН
MargoKFMN@yandex.ru

ADMINISTRATIVE-LEGAL AND FINANCIAL-ECONOMIC INSTRUMENTS OF IMPORT SUBSTITUTION POLICY

M. Kobzar-Frolova

Summary. The problem of import substitution is considered as an important part of state economic policy. The historical path of import substitution policy, economic and administrative-legal measures of import substitution policy are considered, positive and negative aspects of import substitution, statistical research data are provided. In conclusion, a conclusion is made corresponding to the study.

Keywords: economy, policy, import substitution, statistics, instruments, administrative measures, financial and economic measures, competitiveness.

Аннотация. Проблема импортозамещения рассматривается как важная часть государственной экономической политики. Показан исторический путь политики импортозамещения, экономические и административно-правовые меры политики импортозамещения, положительные и отрицательные стороны импортозамещения, приводятся данные статистических исследований. В заключение сделан соответствующий исследованию вывод.

Ключевые слова: экономика, политика, импортозамещение, статистика, инструменты, административные меры, финансово-экономические меры, конкурентоспособность.

Введение

Импортозамещение — весьма актуальная для нашей страны тема.

Проблема импортозамещения не нова. Экономические и политические вызовы, которые получила Россия с присоединением Крыма, началом специальной военной операции, создали условия, при которых импортозамещение стало рассматриваться как инструмент государственной экономической политики. Можно подвести некоторые итоги. Рассмотреть положительные и отрицательные стороны данной политики. Появилась интересная для исследователя статистика, позволяющая глубже проанализировать инструментарий импортозамещения.

И даже в тех условиях, когда со стороны Америки и ее нынешнего лидера появился интерес к торговле с Россией, к ее полезным (в частности, редкоземельным) ископаемым, вопрос импортозамещения остается весьма актуальным.

Кратко об истории вопроса

Прежде всего, хотелось бы развеять миф о том, что проблема импортозамещения возникла в России в 2014 году в условиях санкционного давления, кото-

рое было предпринято странами коллективного Запада и их союзников. Отнюдь. Проблема импортозамещения, также как и проблема привлечения инвестиций совсем не нова. Правительство большинства стран, взявших курс на скорейший подъем экономики, в первоочередном порядке рассматривают вопросы о привлечения иностранных инвестиций в страну в совокупности с проблемой импортозамещения.

Широко о проблеме импортозамещения заговорили в 1950-х прошлого века. Аргентинский экономист Рауль Пребиш, известный больше как разработчик теории независимого развития, доработал свою теорию до вопросов независимой импортозамещающей индустриализации [22].

События Второй мировой войны разделили большинство развивающихся стран на два лагеря. Одни поддержали стратегию импортозамещения, другие, как Советский Союз и страны социалистического лагеря пошли по пути кооперации и экономической взаимопомощи. В 1949 году был создан Совет экономической взаимопомощи, приоритетными направлениями которого были — экономическое и научно-техническое сотрудничество стран — членов, включая развитие взаимной торговли, взаимная помощь сырьём, продовольствием, оборудованием, машинами и другими товарами. СЭВ просуществовал вплоть до развала Советского союза — 1991 года.

За годы существования СЭВ была создана система международной кооперации и разделения труда, которая была способна выдерживать и восполнять потребность стран-участников в основных товарах, комплектующих, технологиях и машинах. Все это позволило просуществовать данной системе кооперации достаточно длительное время. Конечно, не без определенной доли недостатков этой системы.

Идея импортозамещения, как ни странно, изжила себя несколько раньше, где-то в начале 1980-х годов. В это время страны, испытывающие финансовый и экономический кризис объединились в «Вашингтонский консенсус» [23], который выступал за рыночные отношения, снижение влияния государства на экономику. Серьезные пороки политики импортозамещения выявились уже к концу 60-х — середине семидесятых. Например, выяснилось, что небольшие слаборазвитые страны не способны выстроить и реализовать в одиночку стратегию импортозамещения. В Латинской Америке и Южной Азии, наблюдался спад отечественной промышленности, существенно сократился экспорт и валютные поступления. Наоборот, страны, которые пошли по пути поощрения экспорта, показывали рост экономики. В результате идея поддержки импортозамещения среди экономистов стала заметно ослабевать.

К слову сказать у политики импортозамещения были серьезные критики. Например, американские экономисты Рагнар Нурксе и Альберт Отто Хиршман, которые выступали против данного курса в экономике. Хиршман вообще считал, что навязывание какой-либо самостоятельной хозяйственной единице (к которой он относил и государства) некой новомодной экономической политики без учёта ее национальных и субъективных особенностей, наверняка, — есть губительный путь [19, С. 26–37].

В странах социалистического лагеря в 50-е годы отдельные экономисты тоже поднимали вопрос об импортозамещении, как необходимом условии оживления экономики за счет развития отечественного производства товаров. Однако идея не нашла поддержки.

Последствия финансового кризиса и девальвации рубля в России в 1998 г. стали шоковыми событиями для её экономики. Тогда за четыре месяца — с августа по декабрь 1998 г. — курс национальной валюты упал с 6 до 21 руб. за доллар, что вызвало существенное сокращения импорта продукции и банкротством отдельных предприятий. В этих условиях, вопрос импортозамещения стал необходимым условием и инструментом выживания экономики страны. Курс, взятый на импортозамещение, позволил оживиться промышленным предприятиям, загрузить свободные мощности, цеха, линии производств, создать новые рабочие места и выплачи-

вать рабочим реальную заработную плату, а не выпускаемой продукцией. Однако, у данной политики была и обратная сторона — по мере укрепления национальной валюты, отечественная продукция стала существенно возрастать в цене и перестала быть конкурентоспособной по отношению к импортной, к тому же, зачастую, она существенно уступала по качеству и потребительским свойствам [14, С. 46–58]. По этим, и иным причинам, в начале 2000-х вопрос импортозамещения постепенно сошел «не нет».

Между тем, в Китае говорят — кризис — это новые возможности. В аналогичной ситуации в середине 90-х Китай широко развернул политику привлечения на отечественный рынок иностранных инвесторов. Причем договоры с иностранными инвесторами заключались с таким условием, что по их окончании, машины и механизмы остаются на земле Китая. Это позволило создать большое количество рабочих мест, обучить работников, подготовить высококлассных инженеров, механиков, получить во владение зарубежные технологии. Именно широкое образование населения и получение зарубежных технологий, привело Китай уже в начале 2000-х к технологическому прорыву и позволило преодолеть отсталость в вопросах инженерии.

Россия пошла другим путем. У нас сложно развивалось инвестиционное законодательство, а налоговое не стимулировало иностранных инвесторов [17, С. 109–116]. По состоянию на 2004 год доля иностранных инвесторов в числе налогоплательщиков составляла чуть более 1 % [18]. С иностранными инвестициями в России так и не срослось.

Наиболее широко и активно начали говорить о необходимости налаживать процессы импортозамещения в 2014 году. Прежде всего, это было связано с теми санкционными мерами, которые были применены в отношении России после присоединения Крыма в середине марта 2014 года. США, Европейский союз, Австралия и Канада ввели пакет санкций против Российской Федерации. После начала специальной военной операции на Украине в феврале 2022 года Россия получила новые вызовы от Европейского союза и ряда других стран, которые ввели еще более обширные ограничения в отношении российской экономики. На сегодняшний день в отношении России, юридических лиц и отдельных граждан принято 14 пакетов санкций. Последний из них был принят Европейским Союзом 24 июня 2024 года [15]. Спикер Государственной Думы СФ РФ В.Володин подсчитал — всего в отношении России с 2014 года введено 10128 санкций [25].

Разумеется, в этой ситуации была нужна инициатива со стороны государства и государственная поддержка российских производителей и иных предпринима-

телей. Российское Правительство не только ответило контрсанкциями, но и выработало комплекс правовых и экономических мер, направленных на поддержку политики импортозамещения.

Правовые меры, направленные на поддержку и обеспечение импортозамещения

Нужно сразу сказать, что никаких специальных законов о введении политики импортозамещения принято не было. Экономическая политика Российской Федерации уже более 30 лет направлена на развитие предпринимательства, поддержку российских производителей, одобрение предпринимательской инициативы и самозанятость и проч. Вместе с тем, Правительством Российской Федерации был принят ряд подзаконных нормативных правовых актов, нацеленных на импортозамещение. Одним из первых в 2014 году вышло Распоряжение Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 года № 1936-р, которое утвердило «План содействия импортозамещению в промышленности» (дорожная карта)¹, направленный на уменьшение зависимости гражданских отраслей обрабатывающей промышленности от импорта и зарубежных технологий в 2015–2020 гг. Документ имел режим: «для внутреннего, служебного пользования». Но сам факт его существования был озвучен публично. В средствах массовой информации широко освещалась важность и значимость данной дорожной карты. В настоящее время, документ исчерпал свою юридическую силу. Но, на основе его была разработана и принята система подзаконных, прежде всего, ведомственных нормативных правовых актов, которые продолжают действовать и в которых имеется отсылка к данному документу. Например, отраслевые планы мероприятий по импортозамещению в гражданских отраслях промышленности Российской Федерации, разработанные Минпромторгом России. В 2014 году был создан специализированный Фонд развития промышленности — институт развития, основная задача которого — предоставление займов промышленным компаниям на льготных условиях в целях развития импортозамещающих производств и перехода на наилучшие доступные технологии.

В процессе реализации мероприятий «Дорожной карты» к 2020 г. предполагалось устранить потенциальную зависимость от импорта по стратегически значимым технологиям и комплектующим, более половины продукции производить на территории Российской Федерации [20].

Интерес представляют экономические и административные инструменты политики импортозамещения

¹ Примечание: Документ опубликован не был. Дорожная карта отнесена к документам внутреннего, служебного пользования.

(«Дорожной карты»). Они действуют. К экономическим возможно отнести:

- предоставление субсидий на уплату процентов по кредитам;
- субсидирование части затрат на НИОКР;
- финансирование работ, услуг через российские институты развития;
- предоставление государственных гарантий т.ч. по кредитам;
- государственная поддержка специальных инвестиционных контрактов.

Из мероприятий административно-организационного характера следует выделить:

- определение целевых ориентиров,
- анализ российского и зарубежного опыта,
- оценка возможностей и пределов импортозамещения в российской промышленности
- выработка нормативно-правового инструментария (мер) поддержки и проч.

Результат проведенных мероприятий — принятие Федерального закона «О промышленной политике в Российской Федерации» [1].

Каковы были ожидания политики импортозамещения? — Это:

- протекция внешних и внутренних экономических интересов;
- стимулирование быстрого развития национальных компаний;
- минимизация разных геополитических и финансовых рисков.
- создание новых рабочих мест и высокой занятости населения.

Интерес представляет вопрос — что дали экономике вышеперечисленные меры? Например, стало очевидным, что программу нужно разрабатывать не в целом по вопросам импортозамещения (так она останется на уровне деклараций), а по конкретным стратегически значимым технологиям и комплектующим, которые предстояло определить. Последний вопрос был поручен Минпромторгу России, который разработал Перечень приоритетных и критически важных видов продукции, услуг и программного обеспечения для целей импортозамещения и обеспечения национальной безопасности. Перечень изначально содержал чуть более 800 позиций и формировался на основе спроса предприятий-потребителей, столкнувшихся с проблемами выпуска продукции вследствие введения санкций или ограничения сотрудничества с зарубежными компаниями-поставщиками, ушедшими с российского рынка.

Перечень позволил оценить потенциал импортозамещения по отраслям. Соответственно, все последую-

щие управленческо-организационные решения планировались и принимались с учетом замещения импорта конкретного вида продукции (изделий).

Минпромторг совместно с Минэкономразвития и Минфином России разработали методологию и осуществили отбор проектов, которые прошли затем обсуждение с представителями отраслевых сообществ (в 2015 году). Для проведения общественных слушаний была организована Правительственная Комиссия по вопросам при Общественном совете Минпромторга России [5]. Комиссия — реально действующий орган, который осуществляет свою деятельность по двум ключевым направлениям (подкомиссии) — по вопросам оборонно-промышленного комплекса и по вопросам гражданских отраслей экономики². Цель работы — координация совместной деятельности федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Федерации, органов местного самоуправления и организаций по вопросам реализации государственной политики в сфере импортозамещения.

Тут можно вспомнить, что импортозамещение, как тренд развития российской промышленной политики в 2014-2015 гг., экспертами был воспринят неоднозначно. Высказывались опасения, что инициативы Правительства будут сведены к очередной новомодной кампании, а принимаемые меры станут скомканными и непоследовательными и не приведут к значительному эффекту [14, С. 46–58].

Между тем, выработанный механизм реализации планов импортозамещения работает по настоящее время, и складывается из следующих элементов:

- приоритеты промышленной политики;
- актуальный перечень субъектов и направлений, требующих государственной поддержки,
- программа стимулирования потенциальных инвесторов;
- предложения потенциальных инвесторов и поддержка их инициатив;
- мониторинг исполнения отраслевых планов импортозамещения [13] и проч.

К настоящему времени планами Минпромторга задействовано 22 отрасли, среди которых: тяжелое машиностроение, энергетическое машиностроение, металлургия, станкостроение, авиационная промышленность, радиоэлектронная промышленность, судостроение, автомобильная промышленность, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение; легкая, лесная, химическая, фармацевтическая промышленность, ме-

² Примечание: Были разработаны положения соответственно о подкомиссии по вопросам оборонно-промышленного комплекса и подкомиссии по вопросам гражданских отраслей экономики по импортозамещению.

дицинская промышленность, металлургия и проч. Например, «План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения» предполагает сокращение доли импорта технологического направления до 75 %.

В 2016 году выходит Распоряжение Правительства 868-р утверждающее Стратегию развития промышленности строительных материалов на перспективу до 2030 года [11].

В этом же году принимается Постановление Правительства РФ № 925, установившее приоритет товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, а также работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами [4]. Определены особенности ввоза на территорию Российской Федерации отдельных категорий товаров.

В 2020 устанавливается запрет на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, в целях проведения закупок для государственных нужд [6]. Определена минимальная обязательная доля закупок товаров отечественного производства. Например, средства связи радиоэлектронные (в 2021 году — 50 %, с 2022 года и далее 90 %) [7].

В 2019 году разработаны базовые инструменты поддержки НИОКР, а также Правила субсидирования из федерального бюджета финансового обеспечения затрат на проведение НИОКР [8].

В марте 2022 года Президент РФ издает Указ № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» [2]. Данным указом с 1 января 2025 года органам государственной власти, заказчикам на принадлежащих им значимых объектах запрещается использовать иностранное программное обеспечение на объектах критической информационной инфраструктуры.

Следом принимается Указ Президента РФ № 83 [3] «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в РФ», вместе со Стратегией импортозамещения ИТ. Стратегия закрепляет финансовые меры поддержки ИТ отрасли, включая ассигнования, улучшение жилищных условий работников ИТ, льготные кредиты (под 3 % годовых), льготную ипотеку и проч.

В феврале 2024 выходит Указ Президента РФ № 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации», которым определена роль науки

и технологий в обеспечении устойчивого будущего нации и положения России в мире. В стратегии говорится о том, высокий темп освоения новых знаний и создания наукоемкой продукции на собственной технологической основе является ключевым фактором, определяющим конкурентоспособность национальных экономик и эффективность национальных стратегий безопасности.

Минфин России на основе поручений Президента РФ разрабатывает механизм промышленной ипотеки, а также механизм увеличения объемов субсидирования и срока льготного кредитования. В Основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов [26], закладываются налоговые и финансовые меры стимулирующего характера:

- с 1.01.2025 года вводится федеральный инвестиционный налоговый вычет;
- получают поддержку преференциальные режимы, ОЭЗ, ТОР, СЭЗ, направленные на создание новых производств, улучшение условий предпринимательской деятельности и привлечение инвестиций в приоритетные отрасли экономики;
- одобрено развитие механизма специальных административных районов;
- промышленная ипотека, льготные займы;
- списание регионам 2/3 бюджетных кредитов с направлением освобождающихся средств на реализацию инфраструктурных проектов, и проч.

При государственной поддержке с 2015 года в России реализовано более 1 тыс. проектов по импортозамещению. Среди наиболее успешных: «МойОфис» (альтернатива MicrosoftOffice), RuStore; «Аврора» — российская мобильная операционная система; Яндекс Диск как замена Google Drive и другие.

Особый интерес вызывает разработанная в 2023 году Правительством РФ Концепция технологического развития на период до 2030 года [10]. Это стратегический документ ненормативного характера, который определяет вызовы и цели, которые стоят перед Россией в технологическом развитии до 2030 года. Предлагаемые меры нацелены на создание технологических условий позволяющих обеспечить социально-экономическое развитие страны в соответствии с национальными целями развития России на период до 2030 года и в увязке с национальными интересами России.

Импортозамещение в Концепции рассматривается как процесс создания новых или развития существующих современных конкурентоспособных производств и технологий в Российской Федерации, предназначенных для замещения импортируемых товаров, услуг и технологий.

Предлагается две формы импортозамещения:

- 1) *локализация* собственных производств, технологий;
- 2) *переориентация* трансграничных производственных цепочек на устойчивых (надежных) поставщиков, импортирующих на территорию Российской Федерации товары, услуги и технологии.

Названные Правительством меры, предполагают достижение 3 ключевых целей:

- 1) обеспечение национального контроля над воспроизводством критических и сквозных технологий (к ним относят – технологии в области микроэлектроники, станкостроения, биоинженерии, обработки материалов и др.);
- 2) переход к инновационно-ориентированному экономическому росту, усиление роли технологий как фактора развития экономики и социальной сферы (планируется достигнуть роста уровня инновационной активности организаций в 2,3 раза);
- 3) технологическое обеспечение устойчивого функционирования и развития производственных систем.

Требования и критерии к проектам технологического суверенитета нормативно закреплены Постановлением Правительства Российской Федерации от 15 апреля 2023 г. № 603 [9].

Особая роль в реализации концепции отводится субъектам Российской Федерации на которые возложены такие функции как: создание инновационных научно-технологических центров и иных форм преференциальных режимов; формирование научно-производственных кластеров вокруг ведущих инженерных высших учебных заведений; развертывание промышленных парков, опытных полигонов, центров трансфера технологий и инжиниринговых услуг и проч.

В части международного сотрудничества Концепцией предусматривается: укрепление многосторонних устойчивых связей в области совместного освоения новых технологий; создание условий для выращивания технологических компаний — мировых лидеров; широкое задействование потенциала Евразийского экономического союза, Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), стран БРИКС, Регионального сотрудничества в области связи, потенциал Союзного государства и проч.

Правительством обозначены ключевые угрозы технологического развития РФ в период с 2023 по 2030 год. И, нужно сказать, что санкции — не основные среди комплекса угроз.

Плюсы и минусы импортозамещения

Уже более 10 лет политика государства ориентирована на импортозамещение. За это время были выявлены

как положительные, так и отрицательные стороны принимаемых экономических и административно-правовых мер. Большинство экспертов полагают, что «импортозамещение — это процесс качественных экономических изменений на государственном уровне, который ... тесно связан с обеспечением конкурентоспособности отечественных товаров [21, С. 108].

Положительные стороны:

- произошла качественная активация рынка труда;
- развиваются собственные технологии, расширился ассортимент товаров отечественного производителя;
- повысилась предпринимательская активность населения, создаются новые предприятия, расширяется их направленность;
- появились новые конкурентоспособные российские бренды;
- сократилась зависимость от международного рынка;
- повысился импульс экономики, активировались процессы её индустриализации;
- разработаны и внедряются отечественные операционные системы с характеристиками аналогичными зарубежным;
- все вместе взятое позволяет отстаивать интересы государства в мировом масштабе на принципиально новом уровне;

Кроме всего прочего, Минэкономразвития отмечает рост доходов населения.

Отрицательные стороны импортозамещения:

- у отечественных производителей выросли затраты на производство продукции,
- выросли затраты на капитальные вложения и обслуживание оборудования;
- качество продукции не всегда соответствует импортным аналогам, а недостаточная конкуренция на внутреннем рынке не способствует подъему качества продукции и снижению цен;
- ассортимента товаров импортируемых товаров существенно снизился, возросли цены на импортные товары;
- существенно выросли бюджетные затраты на субсидирование, инвестирование и проч.;
- отмечается увеличение влияния государства на бизнес;
- сократились доходы бюджета от импорта и введенных льгот для отечественных предпринимателей, пришлось перестраивать налоговую политику,
- во многих отраслях, преимущественно ИТ произошел отток кадров.

И, пожалуй, весьма весомый аргумент против — ориентация страны на полный переход на импортозамеще-

ние приведёт к изоляции страны, существенному отставанию по уровню технологического, экономического и социального развития.

Все вместе взятое отразилось на повышении среднего уровня цен на товары.

Подводя итоги

Любое мнение эксперта — это его субъективное мнение. Наиболее обоснованные данные можно получить посредством статистического исследования. В этой связи в 2023 году Российский союз промышленников и предпринимателей провел опрос по вопросам импортозамещения среди производителей и заказчиков продукции [16] посвященный проблеме импортозамещения и экспортной деятельности компаний. В анкетировании приняли участие почти 150 представителей бизнеса. Шире всего представлено мнение промышленных предприятий (2/3 общего числа респондентов). В основном, результаты отражают мнение крупных компаний — их доля составила 80,3 % от общего множества опрошенных. Доля субъектов малого бизнеса — 6,8 %, а среднего бизнеса — 12,9 %.

Позитивным является то, что треть опрошенных респондентов имеют планы по завоеванию конкурентных ниш на рынках, которые ранее занимали иностранные компании, 6,5 % компаний уже воспользовались этой возможностью. 1/5 предприятий имеет намерение занять места на рынке по производству комплектующих материалов и в области услуг. Чуть более 5 % респондентов уже сумели заместить иностранных конкурентов.

Наиболее эффективными инструментами поддержки производителей (в части импортозамещения) респонденты назвали: субсидирование (73 %), после них идут гранты на производство, страхование (10 %) и прочее.

И еще представляющие интерес показатели. Респондентов просили назвать проблемы, с которыми они реально столкнулись при реализации планов по импортозамещению в 2023 году. Ответы: российские аналоги комплектующих уступают по качеству зарубежным (68 %); российские аналоги комплектующих и материалов отсутствуют вообще (более 50 %).

Еще к проблемам отнесли то, что в России не ведется единый каталог выпускаемой продукции (комплектующих), сложно найти информацию о качественных свойствах российских аналогов, либо нет вообще никакой информации об аналогах. Вместе с тем, более 65 % российских производителей нашли замену поставщиков в части закупки материалов. Многие нашли новых зарубежных поставщиков из числа «дружественных» юрисдикций.

Таким образом, в глобальном (общегосударственном) масштабе, *импортозамещение* — это экономическая политика, в масштабе предприятия — это план. Если предприятие, планируя вопросы импортозамещения решает узкие вопросы на конкретном месте (производстве), то *государственная политика импортозамещения* направлена на защиту экономического суверенитета, отсутствие зависимости от внешних негативных экономических и политических решений, на сбалансированное устойчивое развитие всей экономики в целом и каждой отрасли в отдельности, на обеспечение выполнения го-

сударством социальных задач и функций. Важнейшими инструментами политики импортозамещения выступают административно-правовые и финансово-экономические меры.

И еще хотелось бы отметить в заключение всего — все те меры, которые предприняло государство в части импортозамещения способствовали социальной солидарности гражданского общества. И это есть весьма важный положительный показатель.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 31.12.2014 № 488-ФЗ «О промышленной политике в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ, 2015, №1 (часть I), ст. 41.
2. Указ Президента РФ от 30.03.2022 № 166 «О мерах по обеспечению технологической независимости и безопасности критической информационной инфраструктуры Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ, 2022, № 14, ст. 2242.
3. Указ Президента РФ от 02.03.2022 № 83 «О мерах по обеспечению ускоренного развития отрасли информационных технологий в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ, 2024, № 10, ст. 1373.
4. Постановление Правительства РФ от 16.09.2016 № 925 «О приоритете товаров российского происхождения, работ, услуг, выполняемых, оказываемых российскими лицами, по отношению к товарам, происходящим из иностранного государства, работам, услугам, выполняемым, оказываемым иностранными лицами» // Собр. законодательства РФ, 2016, № 39, ст. 5649.
5. Постановление Правительства РФ от 04.08.2015 № 785 «О Правительственной комиссии по импортозамещению» (вместе с «Положением о Правительственной комиссии по импортозамещению») // Официальном интернет-портале правовой информации <http://pravo.gov.ru> — 28.05.2024.
6. Постановление Правительства РФ от 30.04.2020 № 616 «Об установлении запрета на допуск промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, для целей осуществления закупок для государственных и муниципальных нужд, а также промышленных товаров, происходящих из иностранных государств, работ (услуг), выполняемых (оказываемых) иностранными лицами, для целей осуществления закупок для нужд обороны страны и безопасности государства» // Собр. законодательства РФ, 2020, № 19, ст. 2993.
7. Постановление Правительства РФ от 03.12.2020 № 2014 «О минимальной обязательной доле закупок российских товаров и ее достижении заказчиком» // Собр. законодательства РФ, 2020, № 50 (часть IV), ст. 8220.
8. Постановление Правительства РФ от 12.12.2019 № 1649 «Об утверждении Правил предоставления субсидий из федерального бюджета российским организациям на финансовое обеспечение затрат на проведение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ по современным технологиям в рамках реализации такими организациями инновационных проектов и о признании утратившими силу некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ, 2019, № 51 (ч. II), ст. 7619.
9. Постановление Правительства РФ от 15.04.2023 № 603 «Об утверждении приоритетных направлений проектов технологического суверенитета и проектов структурной адаптации экономики Российской Федерации и Положения об условиях отнесения проектов к проектам технологического суверенитета и проектам структурной адаптации экономики Российской Федерации...» // Собр. законодательства РФ, 2023, № 17, ст. 3141.
10. Распоряжение Правительства РФ от 20.05.2023 № 1315-р «Об утверждении Концепции технологического развития на период до 2030 года» (вместе с «Концепцией технологического развития на период до 2030 года») // Собр. законодательства РФ, 2023, № 22, ст. 3964.
11. Распоряжение Правительства РФ от 10.05.2016 № 868-р «О Стратегии развития промышленности строительных материалов на период до 2020 года и дальнейшую перспективу до 2030 года» // Собр. законодательства РФ, 2016, № 20, ст. 2863.
12. Перечень поручений по итогам пленарного заседания съезда и встречи с членами бюро РСПП (утв. Президентом РФ 29.04.2023 № Пр-872) // Источник: <http://www.kremlin.ru>
13. Приказ от 15 июня 2015 г. № 1544 «Об организации в Минпромторге России работы по мониторингу исполнения отраслевых планов мероприятий по импортозамещению в гражданских отраслях промышленности Российской Федерации в целях реализации «Плана содействия импортозамещению в промышленности», утвержденного распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 сентября 2014 г. № 1936-р».
14. Веселова Э. Ш. Импортозамещение: не допустить кампанейщины // ЭКО, 2015, № 3. С. 46–58.
15. Как ЕС вводил санкции против России в связи с Украиной // <https://tass.ru/info/18080751>, 24.06.2024
16. Ключевые направления политики в области обеспечения технологического суверенитета, импортозамещения и экспорта: взгляд бизнеса // <https://rspp.ru/activity/analytics/klyuchevye-napravleniya-politiki-v-oblasti-obespecheniya-tekhnologicheskogo-suvereniteta-importozame/>
17. Кобзарь-Фролова М.Н. К вопросу о правовом регулировании инвестиционной деятельности в Российской Федерации // Государство и право, 2023, №6, С.109–116.
18. Кобзарь-Фролова М.Н. Теоретико-правовые и прикладные основы налоговой деликтологии: автореф дисс. ... доктора юридических наук // Люберцы, РТА, 2011, 36с.
19. Нуреев Р.М. Экономика развития: Модели становления рыночной экономики. — М.: Норма, 2008. — С. 26–37.

20. Мантуров Д.В., Никитин Г.С., Осьмаков В.С. Планирование импортозамещения в российской промышленности: практика российского государственного управления//Режим доступа: <https://institutiones.com/industry/2888-planirovanie-importozamescheniya-rossiiskoi-promyshlennosti.html>.
21. Титова О.В., Восканян Н.А. Импортозамещение: понятие, сущность, особенности// Инновационная экономика: перспективы развития и совершенствования. 2021. №7 (57). С. 108.
22. Prebisch R. Commercial Policy in the Underdeveloped Countries // American Economic Review. 1959. Vol. 49. P. 251–273.
23. Williamson J. The Washington Consensus Revisited / Economic and Social Development in the XXI Century / Ed. by L. Emmerij. Washington, DC: Inter-American Development Bank; Baltimore, MD: Distributed by the Johns Hopkins University Press, 1997. P. 48–80. 2. Irwin D. A. Theri
24. <http://m.government.ru> по состоянию на 08.09.2015.
25. <https://www.interfax.ru/russia/839910>
26. <https://minfin.gov.ru>

© Кобзарь-Фролова Маргарита Николаевна (MargoKFMN@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНЦЕПЦИЯ КОМЬЮНИТИ-МЕНЕДЖМЕНТА В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЯМИ

THE CONCEPT OF COMMUNITY MANAGEMENT IN ORGANIZATIONAL GOVERNANCE

**D. Koltsova
V. Spilnichenko**

Summary. The article analyzes community management concepts that ensure consideration of cultural differences, local characteristics, communication traditions, the integration of an educational component, and the development of a digital communication system for employees during the implementation of an organization's development strategy. The key aspects of building an interaction ecosystem for community members are identified. The main approaches to the formation and development of communities, as well as their impact on corporate culture and business outcomes, are examined.

Keywords: community management, organizational management, community, engagement.

Кольцова Дарья Игоревна

Ассистент, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва
www.koltsova.dasha@gmail.com

Спильниченко Владимир Кириллович

д.э.н., профессор, ФГАОУ ВО «Российский государственный гуманитарный университет», Москва
spilnvladimir@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются концепции комьюнити-менеджмента, обеспечивающие учет культурных различий, локальных особенностей, традиций общения, внедрение образовательной составляющей и построение системы цифровизации коммуникаций сотрудников в ходе реализации стратегии развития организации. Определены ключевые аспекты построения экосистемы взаимодействия участников сообщества. Анализируются основные подходы к формированию и развитию комьюнити, их влияние на корпоративную культуру и результаты бизнеса.

Ключевые слова: комьюнити-менеджмент, управление организацией, общество, вовлечение.

Введение

В современных условиях многие аспекты построения экономических процессов претерпевают изменения, а управление ими становится все более сложным и многогранным. Помимо вопросов экономического и политического характера, компании все более часто сталкиваются с проблемами взаимодействия между людьми из разных языковых и культурных систем, с необходимостью создания и поддержания профессиональных сообществ — комьюнити, — вокруг их бренда или продукта. Такие комьюнити способствуют обмену знаниями, инновациями, идеями и росту социально-психологической вовлеченности сотрудников компании и целевой аудитории в общие действия по достижению поставленных целей. Формируется комьюнити-менеджмент, который может стать ключевым инструментом, способствующим гармонизации культурных различий участников совместной деятельности, развитию человеческих ресурсов, повышению роли корпоративной культуры и формированию конкурентных преимуществ организации.

Цель данной работы — проанализировать существующие концепции комьюнити-менеджмента и обозначить их роль в управлении организациями.

Задачи исследования:

- определить сущность и ключевые принципы комьюнити-менеджмента;

- раскрыть основные методы и инструменты комьюнити-менеджмента;
- оценить взаимосвязи комьюнити-менеджмента и корпоративной культуры;
- выявить основные проблемы и вызовы, которые связаны с управлением сообществами людей.

Объектом выступает процесс управления сообществами в организациях, направленный на формирование, развитие и поддержание взаимодействия между сотрудниками, клиентами, партнёрами и т.п.

Научная новизна работы заключается в систематизации концепций комьюнити-менеджмента, определении направлений влияния комьюнити-менеджмента на корпоративную культуру.

Описание методов исследования

Теоретическую основу составили, научные труды российских и зарубежных исследователей, материалы информационных агентств, данные интернет-сайтов, учебная и научная литература. Методологическими основами послужили: общенаучный метод, а именно анализ литературы по исследуемой теме; сравнительный анализ — сопоставление различных методов управления в организациях; метод изучения случаев.

Обзор литературы по выбранной теме

Исследование комьюнити-менеджмента основывается на работах в области корпоративного управления, социальной психологии и цифровых технологий. В зарубежных трудах рассматриваются принципы сообществ, подчеркивается их роль в передаче знаний и формировании организационной идентичности. В частности, Э. Венгер (1998) рассматривает сообщества как важный механизм накопления и распространения знаний в организации, подчеркивая их значение в процессе профессионального обучения и социальной интеграции. Современные исследования акцентируют внимание на цифровых аспектах. Так, Р. Миллингтон (2012) анализирует механизмы вовлечения участников в онлайн-среде, описывая стратегии роста и поддержания активности в сообществах. Р. Краут, П. Резник, С. Кислер (2012) рассматривают эмпирические данные, подтверждающие, что успешное управление онлайн-комьюнити требует использования стратегий, основанных на пользовательском поведении и социальных механизмах взаимодействия. Кроме того, исследования К.М. Джонсона (2020) подчеркивают значимость комьюнити-менеджмента как инструмента построения устойчивых сообществ вокруг брендов, что способствует росту лояльности аудитории и формированию долгосрочных взаимоотношений.

Среди отечественных авторов Мугаев Е.В. анализирует комьюнити-менеджмент как инструмент повышения лояльности аудитории и формирования долгосрочных взаимоотношений с целевыми группами. В его работах подчеркивается значимость стратегического подхода и адаптации методов взаимодействия в зависимости от целей организации.

Андрянов Я.В. и Явинская Е.А. исследуют влияние комьюнити-менеджмента на корпоративную культуру и бизнес-процессы. В их публикациях рассматриваются ключевые модели построения сообществ, а также вопросы интеграции таких моделей в управленческую систему компании. Внимание акцентируется на роли комьюнити-менеджеров в формировании позитивного имиджа бренда и обеспечении устойчивого роста организации.

Трифонов И.В. рассматривает комьюнити-менеджмент как стратегический инструмент, способствующий не только повышению качества управления, но и формированию уникального конкурентного преимущества компании. В его исследовании подчеркивается значимость проектного подхода при внедрении основ комьюнити-менеджмента, что способствует укреплению позиций компании в рыночной нише, накоплению знаний и активов, а также организационной трансформации бизнеса.

Основные результаты

Традиционные методы перестают быть единственным инструментом взаимодействия с объектами управления. За последние несколько лет значительно вырос интерес к комьюнити-менеджменту. Ученые и практики по-разному трактуют его сущность, выделяя различные аспекты. В научной литературе можно встретить несколько определений данного понятия. Рассмотрим некоторые из них, представленные различными отечественными и зарубежными авторами в таблице ниже.

Таблица 1.

Сравнительная характеристика определений понятия «комьюнити-менеджмент» у различных авторов

Автор	Определение комьюнити-менеджмента	Ключевые аспекты
Р. Миллингтон	управление онлайн-сообществами с целью вовлечения участников, создания ценности и достижения бизнес-целей [10]	вовлеченность, создание ценности, поддержание активности
Трифонов И.В.	управление сообществом, которое приносит пользу, эффективность, то есть это ведение и руководство аудиторией, направление и удовлетворение ее общих запросов [5]	создание условий для взаимодействия, направление сообщества
Тимохина О.А.	планомерная, долгосрочная и всесторонняя деятельность по созданию сплоченного и лояльного к определенному объекту сообщества [6]	стратегический подход, сплоченность, лояльность
Тян Я.В.	управление сообществом, людьми, которые связаны между собой общими интересами, потребностями [7]	адаптация под потребности сообщества, координация взаимодействий
К. М. Джонс	это практика объединения людей вокруг общей цели или интереса, создавая пространство для взаимодействия и поддержки, что приводит к укреплению связей и достижению совместных результатов [9]	создание пространства для взаимодействия, поддержка, укрепление связей
Б. Ричардсон	искусство создания и поддержания сообщества, где участники чувствуют себя ценными и мотивированными к совместной деятельности [11]	поддержание сообщества, мотивация участников, совместная деятельность

Источник: составлено авторами.

Как видно из таблицы, подходы к определению комьюнити-менеджмента различаются в зависимости

от исследовательского контекста и сферы применения. Одни авторы акцентируют внимание на его стратегической роли, другие — на технологических аспектах и инструментах взаимодействия с сообществами.

Обобщая различные точки зрения, можно выделить несколько ключевых характеристик комьюнити-менеджмента. Во-первых, управление сообществами рассматривается как процесс вовлечения участников, создания ценности и поддержания активности, построения сплоченной и лояльной группы людей, объединенных общими целями. Во-вторых, одной из основных задач комьюнити-менеджмента является обеспечение участников сообщества комфортными условиями для обмена информацией и совместной деятельности. В-третьих, управление сообществами не ограничивается только текущими процессами. Оно также является и стратегическим инструментом, с помощью которого растет доверие, формируются устойчивые взаимосвязи, улучшаются результаты деятельности организации. Процесс комьюнити-менеджмента охватывает как внешние (клиенты, партнеры), так и внутренние сообщества (сотрудники, корпоративные и профессиональные клубы).

Несмотря на различие определений, ключевые принципы комьюнити-менеджмента связаны с вовлеченностью и активностью участников сообщества. Важно поддерживать их интерес через контент, события, обсуждения, совместную деятельность. Грамотно построенное сообщество приносит пользу своим членам, создает условия для комфортного диалога и взаимодействия. Оно не может существовать само по себе — у него должны быть определены четкие цели, стратегия развития и характеристики долгосрочной перспективы. Только планомерные, регулярные и целенаправленные действия со стороны команды сообщества могут обеспечить его устойчивое развитие [8].

Учитывая комплексный характер комьюнити-менеджмента и его роль в современном управлении, можно предложить следующее авторское определение этого понятия: комьюнити-менеджмент — система управления сообществом людей, направленная на формирование устойчивых связей между его участниками, рост их вовлеченности в создание ценностей для организации через активное взаимодействие, модерацию и координацию отношений внутри сообщества. Помимо управления коммуникациями и выстраивания доверительных взаимоотношений, этот процесс также включает разработку стратегии роста сообщества, анализ потребностей его участников, адаптацию и выбор форматов взаимодействия в зависимости от целей организации.

Для качественного управления сообществами используют различные инструменты и методы комьюнити-менеджмента. В общем виде возможно применение следующих методов:

- коммуникационных стратегий (разработка контента, выстраивание диалога с аудиторией, формирование информационной политики);
- механизмов вовлечения (различные способы геймификации, поощрения, бонусы, программы лояльности, эксклюзивный контент, закрытая часть аудитории);
- аналитики и мониторинга (изучение поведения участников, анализ метрик активности, обратная связь, усовершенствование клиентского опыта);
- модерации и управления конфликтами (поддержка здоровой среды и согласования интересов членов сообщества, соответствующих его целям, предотвращение кризисов, разрешение конфликтов и противоречий).

На практике применение комьюнити-менеджмента опирается на широкий набор инструментов, включая социальные сети, специализированные платформы, чат-группы, корпоративные экосистемы. Выбор того или иного инструмента зависит от целей сообщества и стратегии организации.

Помимо этого, от целей сообщества зависит и выбор концепции комьюнити-менеджмента в целом. Существует несколько подходов, определяющих основные стратегии построения и развития сообщества, способы их интеграции в бизнес-модели. В результате исследования было выделено шесть ключевых концепций комьюнити-менеджмента, каждая из которых отражает определенную цель, инструменты, методы и методологию взаимодействия. Очевидно, что эти концепции не существуют изолированно, а формируют логичную, взаимосвязанную систему, где определенным подход связан с коммерческими целями, другой — с социальными, образовательными задачами или основан на технологических решениях. Обозначим такую классификацию концепций комьюнити-менеджмента:

- 1) Маркетинговая концепция — комьюнити-менеджмент как эффективный инструмент продвижения бренда, услуги или продукта. В условиях трансформации рекламного рынка и снижения эффективности традиционных каналов связи с потребителями создание сообщества становится важным элементом маркетинговой стратегии. Благодаря комьюнити компания выстраивает прямой контакт с аудиторией, получает органический охват и возвращает сторонников бренда. Важным аспектом, про который также упоминают в научной статье Малинин И.И. и Барташевич Д.А., является качественный контент, отвечающий интересам участников, использование интерактивных механик и интеграция сообщества в экосистему бизнеса [3]. Такой подход обеспечивает долгосрочное вовлечение пользователей и повышение их ценности, что делает комьюнити-менед-

жмент на данный момент одним из приоритетных направлений в маркетинге.

- 2) Социальная концепция — фокусируется на создании и поддержании пространства для общения, обмена опытом и взаимной помощи. В данной концепции приоритет в меньшей степени отдается коммерческими целями, а в большей — формированию доверительной среды, где каждый участник может получить поддержку, участвовать в совместных инициативах. Такие сообщества могут формироваться вокруг образовательных, социальных, развлекательных тем. Про данную концепцию идет речь в статье Бурмистровой И.В., где особое внимание уделяется социальному обмену как важному инструменту адаптации в условиях глобальных кризисов и социальных вызовов [1]. Особенностью данной концепции является то, что комьюнити-менеджмент не привязан к конкретной платформе или формату взаимодействия.

Примером такого комьюнити может быть волонтерское движение «#МЫВМЕСТЕ», сформировавшееся в период пандемии COVID-19, в котором люди объединялись для взаимопомощи, поддержки и координации благотворительных инициатив. Основной акцент был сделан на доверительную среду, наличие общей цели и желание помогать окружающим. Помимо адресной помощи, участники обменивались опытом, развивали внутреннюю культуру сотрудничества. Это сообщество продолжает существовать, организуя помощь семьям военнослужащих, беженцам и переселенцам, донорские акции, демонстрируя как социальная концепция комьюнити-менеджмента способствует созданию крепких связей между людьми и улучшению качества их взаимодействия в обществе. Люди стремятся к объединению не только ради общих интересов, но и для того, чтобы чувствовать себя частью общего значимого дела.

- 3) Цифровая (онлайн-среда) концепция — выстраивание взаимодействия между участниками посредством цифровых каналов, аналитики больших данных, автоматизации процессов общения. Обычно в таких сообществах применяют чат-боты, геймификацию, алгоритмы машинного обучения и другие инструменты. Именно цифровой комьюнити-менеджмент позволяет брендам оперативно и эффективно вести коммуникацию с аудиторией, адаптироваться к ее потребностям.
- 4) Экспертно-образовательная концепция — предполагает создание сообществ людей, которые сфокусированы на обучении, обмене знаниями, экспертизой. Такие комьюнити объединяют специалистов, преподавателей, студентов, создавая среду для распространения знаний, идей наставничества, развития профессиональных и личных компетенций. Ключевыми элементами концепции

являются предоставление образовательного контента, дискуссии, проведение мастер-классов, вебинаров, лекций, привлечение лидеров мнений и специалистов в своей нише знаний. Важную роль здесь играют комьюнити-менеджеры, которые координируют образовательные процессы, мотивируют участников и поддерживают их уровень вовлеченности. Они выступают посредниками между образовательными платформами, экспертам и конечными пользователями [5]. Примером реализации концепции может служить возрождение Российского общества «Знание».

- 5) Гибридная концепция — объединяет в себе элементы маркетингового, социального, образовательного и цифрового подхода, адаптируя их под конкретный запрос сообщества. Это универсальный формат, который сочетает вовлечение аудитории, продвижение бренда, развитие социальных аспектов, обмен знаниями в рамках одной экосистемы. Примером такого формата в России является сообщество «Сколково» — инновационный центр, который объединяет стартаперов, инвесторов, ученых, образовательные учреждения.
- 6) Децентрализованная концепция — как эволюция комьюнити-менеджмента, основанная на технологии Web 3.0. Она отражает переход к новой парадигме взаимодействия между участниками сообщества, где отсутствует единый центр контроля. Эта концепция тесно связана с развитием Web 3.0 — новой итерации интернета, где пользователи становятся не просто потребителями контента, а владельцами и активными участниками цифровых платформ. Создаются условия для самоорганизации, где каждый участник может проявить инициативу и повлиять на общий курс. Это особенно актуально для крипто-сообществ, образовательных платформ, игровых экосистем и стартапов, построенных на принципах Web 3.0.

Вне зависимости от выбранной концепции, комьюнити-менеджмент интегрируется в управленческие процессы, влияя на формирование лояльности аудитории, укрепление корпоративной культуры, оптимизацию внутренних и внешних коммуникаций, что повышает репутацию и конкурентоспособность организации. Механизмы комьюнити-менеджмента способствуют не только усилению вовлеченности участников сообщества в общее дело, но и созданию обратной связи, обеспечивающей адаптацию стратегий управления с потребностями заинтересованных сторон.

Для наглядного представления взаимосвязей между концепциями, целесообразно изобразить структурно-логическую схему, которая будет отражать целевые ориентиры и инструментальные уровни (рис. 1).

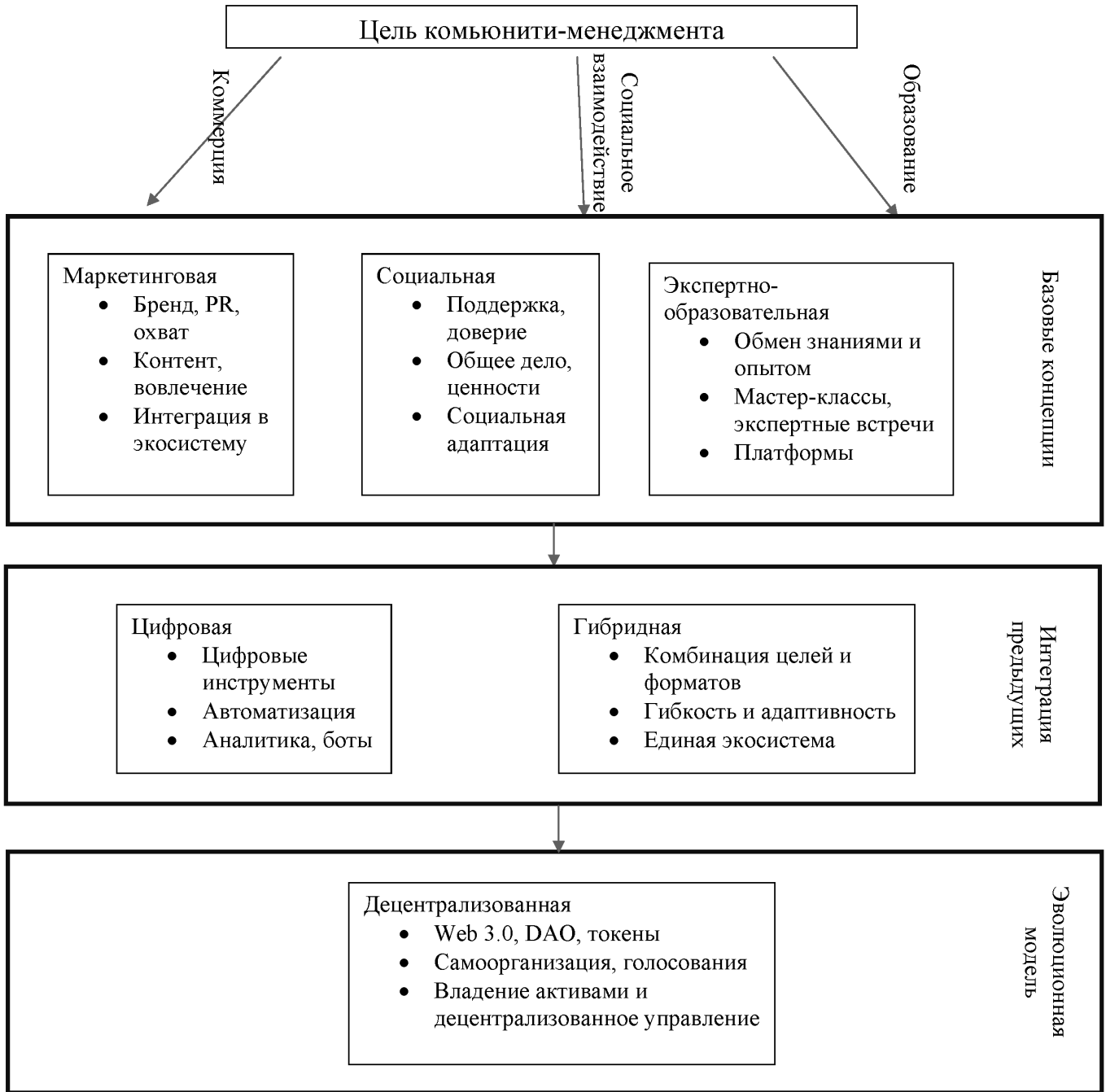

Рис. 1. Структурно-логическая схема концепций комьюнити-менеджмента

Источник: составлено авторами.

Схема наглядно демонстрирует, что комьюнити-менеджмент развивается от простых моделей взаимодействия, ориентированных на маркетинговые или социальные задачи, к более сложным и гибким форматам, учитывающим цифровые технологии, образовательные потребности и эволюционные изменения в цифровой культуре. Цифровая и гибридная концепции выступают связующим звеном между традиционными формами и новыми моделями, отражая растущую роль технологий в организации сообществ. Децентрализованная концепция, основанная на Web 3.0, представляет со-

бой не только технологический, но и идеологический сдвиг: от управления к самоорганизации, от централизованной координации — к коллективному владению и принятию решений. Она формирует перспективную модель будущего комьюнити, где каждый участник становится соавтором и совладельцем. Видно, как эволюция концепций комьюнити-менеджмента отражает изменения в обществе и технологиях и ведет к прозрачному, равноправному и ценностно-ориентированному взаимодействию.

Комьюнити-менеджмент тесно связан с развитием корпоративной социальной культуры, поскольку эти два элемента направлены на формирование устойчивых взаимоотношений между компанией, сотрудниками и клиентами. Комьюнити-менеджмент способствует укреплению корпоративной культуры через создание вовлеченных сообществ как внутри компании, так и за ее пределами. Комьюнити-менеджеры поддерживают сплоченность сотрудников, транслируют ценности компании и помогают выстраивать внешние отношения с клиентами, повышая их лояльность и доверие. Российские исследователи акцентируют внимание на том, что для повышения эффективности работы в команде необходимо специально выделить комьюнити-менеджеров, которые должны сосредоточиться на поддержании интереса со стороны аудитории, создании сплоченного сообщества вокруг проекта [4].

Роль комьюнити-менеджмента и его влияние на корпоративную культуру проявляются в ряде ключевых аспектов, раскрытых в таблице 2.

Таблица 2.

Роль комьюнити-менеджмента и его влияние на корпоративную культуру

Аспект	Роль комьюнити-менеджмента	Влияние на корпоративную культуру
Взаимодействие с клиентами	Организация диалога с клиентами, поддержка обратной связи	Создает открытость компании, улучшает клиентский опыт
Вовлечение сотрудников	Строительство корпоративного сообщества, вовлечение сотрудников в жизнь компании, организация мероприятий	Способствует сплоченности коллектива, чувство причастности
Поддержка внутренних коммуникаций	Развитие внутренних платформ для общения, управление внутренними сообществами сотрудников	Улучшаются внутренние коммуникации, снижается уровень конфликтов, повышается информированность
Обратная связь и улучшение продуктов	Развитие специализированных сообществ по интересам внутри компании, поддержка профессиональных и социальных групп	Развивает культуру взаимодействия и обмена знаниями, укрепляет горизонтальные связи внутри компании.

Источник: составлено авторами.

Таким образом, комьюнити-менеджмент является важным фактором развития корпоративной культуры, обеспечивая ее адаптивность, динамичность и соответствие актуальным вызовам деловой среды. Он участвует в интеграции ценностных ориентиров компании в повседневные коммуникации и в формировании единой

системы взаимодействия внутри организации. Внутрикорпоративный комьюнити-менеджмент способствует укреплению организационной идентичности, развитию неформальных коммуникационных сетей, что повышает уровень доверия и координации между подразделениями компании. Внешний аспект комьюнити-менеджмента проявляется в трансляции ценностных установок компании, формировании позитивного имиджа, укреплении репутационного капитала. Развитие сообщества вокруг бренда или продукта способствует росту доверия со стороны клиентов и партнеров и повышает социальную ответственность бизнеса.

Для обеспечения стабильного функционирования и роста сообщества важно учитывать ключевые проблемы и вызовы комьюнити-менеджмента, с которыми сталкиваются организации в процессе управления взаимодействиями, а также правильно оценивать степень вовлеченности и соответствие реальной практики ценностным предложениям для участников. Среди ключевых методологических проблем можно выделить вопрос о способах измерения эффективности комьюнити-менеджмента. Оценка итогов работы сообщества является сложной задачей, так как метрики влияния вовлеченности и лояльности участников сообщества на результаты бизнес-процессов, а также затраты на формирование устойчивых и качественных сообществ людей не всегда поддаются объективному количественному анализу. Помимо этого, часто разработка систем аналитики и мониторинга требует дополнительных ресурсов. Также организациям важно соблюдать баланс между своими бизнес-целями и ожиданиями участников сообщества, так как, например, чрезмерно агрессивные маркетинг или монетизация могут привести к оттоку аудитории, в то время как недостаточная коммерциализация при определенных условиях снижает ценность сообщества для бизнеса.

Заключение

Комьюнити-менеджмент в управлении современной организацией представляет собой стратегический инструмент, использование которого направлено на формирование и развитие взаимодействия с аудиторией, укрепление корпоративной культуры и повышение её конкурентоспособности. Он интегрируется в управленческие процессы, развивая внутренние и внешние коммуникации. Различные концепции комьюнити-менеджмента, включая маркетинговую, социальную, цифровую, экспертно-образовательную, гибридную и децентрализованную концепции, определяют специфику управления сообществами в зависимости от целей и задач организации. Выбор той или иной концепции влияет на механизмы и инструменты взаимодействия, что делает комьюнити-менеджмент гибким и адаптивным к изменениям среды.

Несмотря на значительный потенциал, управление сообществом сопряжено с рядом вызовов, включая поддержание уровня вовлеченности, управления конфликтами, разрешение спорных ситуаций между участ-

никами, адаптацию к технологическим изменениям. Эти факторы требуют комплексного подхода к изучению процессов комьюнити-менеджмента и прикладному использованию аналитических инструментов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурмистрова И.В. «Выбираю нас»: о роли поддерживающих сообществ и горизонтальных связей во времена турбулентности // Материалы XXXIII ежегодной богословской конференции. — Москва: ПСТГУ, 2023. — С. 88–89.
2. Кротов А.Е., Байсаева М.У., Кучиева И.Х. Комьюнити-менеджмент в бизнесе // Экономика и управление: проблемы, решения. — 2023. — № 4, т. 1, апрель. — С. 58–67.
3. Малинин И.И., Барташевич Д.А. Управление сообществами в эпоху развития соцсетей: актуальные принципы объединения и развития комьюнити // Issues of Media Business. — 2024. — Т. 3, № 2. — С. 38–48.
4. Никитин С.А. Актуальные тенденции продвижения стартап-проектов в 2024 году // Современные исследования: созидательное развитие. — М.: МЦНП «Новая наука», 2024. — С. 15–20.
5. Тимохина О.А. Комьюнити-менеджмент как эффективный инструмент завоевания и удержания конкурентных преимуществ организации // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 1–2 (71). — С. 58–67.
6. Трифонов И.В. Комьюнити-менеджмент как уникальное конкурентное преимущество компании // Региональная экономика. Инновационное развитие экономики. — 2022. — № 1–2 (67–68). — С. 198–207.
7. Тянь Я.В. Комьюнити-менеджмент как модель лидерства // Материалы научной конференции. — Москва: Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, 2023. — С. 306–308.
8. Ширинкина Е.В. Комьюнити-менеджмент в управлении вовлеченностью персонала в образовательное сообщество // Исследования. — 2022. — № 31. — С. 65–67.
9. Jones C.M., Vogl C.H. Building Brand Communities: How Organizations Succeed by Creating Belonging. — Oakland: Berrett-Koehler Publishers, 2020. — 240 с.
10. Millington R. Buzzing Communities: How to Build Bigger, Better, and More Active Online Communities. — New York: AMACOM, 2012. — 320 p.
11. Richardson B., Huynh K., Sotto K. Get Together: How to Build a Community With Your People. — New York: Stripe Press, 2019. — 256 с.

© Кольцова Дарья Игоревна (www.koltsova.dasha@gmail.com); Спильниченко Владимир Кириллович (spilnvladimir@yandex.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОЛЬ ИССЛЕДОВАНИЯ ПСИХОЛОГИИ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ РАЗНЫХ СТРАН В МЕЖДУНАРОДНОМ МАРКЕТИНГЕ

Корягина Инга Анатольевна

к.и.н., доцент, РЭУ им. Г.В. Плеханова
2001inga@mail.ru

Григорьянц Игорь Александрович

к.э.н., доцент,

Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева
market@ofernio.su

Фурсов Андрей Львович

к.э.н., доцент, Саратовский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского
andrew@fursov.ru

THE ROLE OF CONSUMER PSYCHOLOGY RESEARCH FROM DIFFERENT COUNTRIES IN INTERNATIONAL MARKETING

**I. Koryagina
I. Grigiryants
A. Fursov**

Summary. The article discusses why consumer psychology research is important for companies operating in the international market, and how its results affect the effectiveness of marketing campaigns. To achieve this goal, cultural differences between countries and their impact on consumer behavior, the psychology of brand and color perception in different countries, the possibility of localizing marketing strategies as a result of consumer psychology research, the role of emotions and values in consumer decision-making are considered. Examples from the international practice of large companies are given for each aspect. The issue of the positive impact of the development of modern technologies on the opportunities for studying consumer psychology in international marketing was also raised. Based on the results of the study, the advantages of studying consumer psychology in international marketing are identified, systematized and characterized. The author concludes that the study of consumer psychology in international marketing helps companies to effectively interact with different cultures, minimize risks, adapt strategies and offer products that are truly valuable to a global audience. It is a tool for increasing competitiveness, increasing sales and strengthening the brand's position in the global market.

Keywords: consumer psychology, international marketing, marketing, consumer preferences, cultural differences.

Аннотация. В статье рассмотрено, по какой причине исследования психологии потребителей важны для компаний, работающих на международном рынке, и как их результаты влияют на эффективность маркетинговых кампаний. Для реализации цели рассмотрены культурные различия стран и их влияние на поведение потребителей, психология восприятия бренда и цвета в разных странах, возможность локализации маркетинговых стратегий в результате исследования психологии потребителей, роль эмоций и ценностей в принятии решений потребителем. По каждому аспекту приведены примеры из международной практики крупных компаний. Также затронут вопрос положительного влияния развития современных технологий на возможности для изучения психологии потребителей в международном маркетинге. По результатам исследования выделены, систематизированы и охарактеризованы преимущества изучения психологии потребителей в международном маркетинге. Автор приходит к выводу, что исследование психологии потребителей в международном маркетинге помогает компаниям эффективно взаимодействовать с разными культурами, минимизировать риски, адаптировать стратегии и предлагать продукты, которые действительно ценны для глобальной аудитории. Оно представляет собой инструмент для повышения конкурентоспособности, роста продаж и укрепления позиций бренда на мировом рынке.

Ключевые слова: психология потребителя, международный маркетинг, маркетинг, потребительские предпочтения, культурные различия.

Введение

Актуальность темы обусловлена тем, что в условиях растущей конкуренции на международных рынках компании сталкиваются с необходимостью глубокого понимания психологических особенностей поведения потребителей в разных странах. Психология потребителей, включая их ценности, мотивацию, предпочтения и культурные особенности, является прямым фактором, влияющим на успешность стратегий международного маркетинга [1, 3]. Целью статьи является выявление роли исследования психологии потребителей

для компаний, работающих на международном рынке, и влияния их результатов на эффективность маркетинговых кампаний.

Материалы и методы исследования

Работа написана с использованием научных работ отечественных и зарубежных авторов, публикаций экспертов в сфере маркетинга в сети интернет. Методы исследования включают контент-анализ источников, систематизация, описание, сравнение, сопоставление, логика и др.

Результаты и обсуждения

Роль исследования психологии потребителей разных стран в международном маркетинге определяется различными аспектами. Прежде всего, это культурные различия и их влияние на поведение потребителей. Это связано с тем, что одной из основных причин изучения психологии потребителей является разнообразие культур, которое оказывает значительное влияние на поведение людей. То, что привлекает внимание покупателей в одной стране, может оказаться непривлекательным или даже недопустимым в другой [1]. Например, в западных странах ценится индивидуализм, тогда как в странах Азии коллективизм играет более важную роль, что влияет на покупательские предпочтения в выборе товаров для личного использования или семейного потребления. Или, к примеру, покупатели в США могут ценить скорость и удобство, тогда как в Европе больший акцент делается на качество и устойчивость. Производитель Rolls Royce столкнулся с провалом на рынке в Индии с новой моделью Phantom, которую не покупали, как оказалось, из-за черного цвета, что обусловлено климатическими особенностями. Поэтому в Индии черные авто — это только катафалки [8, 10].

Геерт Хофстеде, известный исследователь культуры, выделил измерения культурных различий, такие как дальность действия (PDI), индивидуализм против коллективизма (IDV), маскулинность против фемининности (MAS), предотвращение неопределенности (UAI), долгосрочная ориентация (LTO). Его исследование показало, что культурные различия имеют значение. Менеджеры в международных организациях действуют в соответствии с ценностями своей страны, а не с культурой организации. Сотрудники из родственных национальных культур работают схожим образом, что снижает вероятность конфликтов. Модель Хофстеде предоставляет менеджерам по межкультурным отношениям инструмент, который помогает им понять различия в системах ценностей и поведении. Эти параметры помогают маркетологам адаптировать стратегии к психологии потребителей в различных культурных контекстах. Компании, игнорирующие культурные отличия, часто сталкиваются с неэффективностью своих маркетинговых кампаний или даже репутационными рисками [9]. Однако это не означает, что указанная модель является законченной и универсальной. Хотя национальная культура является довольно стабильной, ей все же свойственно меняться под воздействием разного рода внешних и внутренних факторов, таких как экономический рост, политические трансформации или другого.

Также следует отметить, что восприятие бренда потребителями в разных странах тесно связано с их психологическими и культурными особенностями. Например, в США потребители часто отдают предпочтение

брендам, символизирующим успех и роскошь, в то время как в Скандинавских странах ценятся экологичность и устойчивое развитие.

Исследования психологии потребителей позволяют понять, какие аспекты бренда наиболее важны для аудитории в той или иной стране. Например, в Китае важную роль играет феномен «лицезрения» (*mianzi*), то есть потребители склонны выбирать продукты, которые подчеркивают их социальный статус. В Индии, напротив, потребители могут ориентироваться на практичность и доступность.

Также в этой связи следует отметить культурные различия в восприятии цвета. Например, белый цвет ассоциируется с чистотой в западных странах, но может символизировать траур в некоторых азиатских культурах. Бренды, учитывающие такие аспекты, избегают ошибок в дизайне и упаковке [8].

Вместе с тем изучение психологии потребителей помогает компаниям разрабатывать локализованные маркетинговые стратегии, которые учитывают особенности целевой аудитории. Например, рекламные кампании, которые успешны в одной стране, могут быть совершенно неэффективны в другой из-за различий в языковых, социальных или культурных контекстах. Известный пример локализации — подход компании McDonald's. В Индии меню адаптировано под местные предпочтения, включая блюда без говядины, чтобы соответствовать религиозным убеждениям населения. В Японии акцент делается на миниатюрные порции, которые соответствуют местным представлениям о порционном питании. Эти изменения основаны на тщательном изучении психологии и предпочтений местных потребителей [8].

Японцы ценят ненавязчивую рекламу с акцентом на традиции, семью и уважение к старшим, избегая агрессивных подходов. Они восприимчивы к статусной символике («брендовая привлекательность»), но для большинства потребителей Восточной Азии цена важнее бренда. В развитых странах Европы и Восточной Азии предпочтение отдается содержательной рекламе, что связано с высоким уровнем образования. В таких культурах информационные каналы, включая печатные СМИ и интернет, более эффективны. Помимо этого, отношение к информации о цене и гарантии различается: в Корее на это делают акцент, тогда как в Японии цена упоминается редко [7].

Нельзя не отметить, что эмоции напрямую влияют на принятие решений потребителями. Однако характер эмоционального отклика на маркетинговые сообщения может варьироваться в зависимости от страны [4]. Например, в западных странах эмоциональные послания часто фокусируются на индивидуальных достижениях

и личной радости, тогда как в восточных культурах акцент делается на семейных ценностях и гармонии [5]. Компании, которые понимают психологические триггеры своей аудитории, способны разрабатывать более эффективные рекламные кампании. Например, Coca-Cola в своих глобальных кампаниях часто использует универсальные эмоциональные ценности, такие как счастье и единство, но адаптирует их визуальное и текстовое содержание под местный контекст. Стремление компании к простоте, сосредоточенность на таких универсальных эмоциях, как счастье и освежение, позволили ее бренду преодолеть языковые и культурные барьеры [6].

Современные технологии открывают новые возможности для изучения психологии потребителей в международном маркетинге. Анализ больших данных (big data), нейромаркетинг, отслеживание поведения пользователей в интернете и социальные опросы помогают компаниям собирать информацию о предпочтениях и мотивации покупателей в разных странах. Период COVID-19 с его локдаунами сильно подтолкнул мир к быстрой адаптации цифровых технологий под повседневные жизненные нужды. Появилось множество мобильных приложений, с которыми делать спонтанные покупки «на ходу» стало ещё проще. Пользователь видит рекомендацию от блогера, которому доверяет, сразу переходит по ссылке и оформляет заказ. Возможности соцсетей позволяют потребителю получить персонализированный опыт, а компаниям адаптировать свои предложения к их индивидуальным предпочтениям. Для компаний социальные сети предоставляют ценную информацию о том, как потребители взаимодействуют с брендами, что они обсуждают, и какие товары им нравятся. Анализ таких данных позволяет компаниям глубже понять психологию своей аудитории и предугадать тенденции на международных рынках [2].

Компании, которые активно изучают психологию потребителей в разных странах, получают ряд важных преимуществ, характеристика которых представлена в таблице.

Маркетинг прибегает к психологии не только ради дифференциации предложений на рынке. Более важное значение имеет задача управления поведением, т.е. программирование и фиксация определенной модели, в которую встраивается бренд. Стереотипизация восприятия и выбора с помощью маркетингового воздействия переводит процесс покупки потребителем в область подсознательного, что ограничивает его попытки к рассмотрению конкурентных предложений.

В свою очередь, экономический эффект от изучения психологии потребителей компанией заключается в создании конкурентного преимущества, оптимизации маркетинговых затрат, более эффективном позициони-

Таблица 1.

Преимущества изучения психологии потребителей в международном маркетинге

Наименование	Характеристика
Понимание культурных различий	Помогает понять, как национальные традиции, ценности, обычаи, религия и социальные нормы влияют на восприятие брендов, продуктов и рекламы.
Адаптация маркетинговых стратегий	Позволяет адаптировать продукты, сообщения, упаковку, цены и каналы продвижения под ожидания и предпочтения конкретной аудитории в разных странах.
Изучение факторов принятия решений	Понимание, как потребители в разных странах принимают решения о покупке (эмоционально или рационально), позволяет создавать более эффективные маркетинговые коммуникации.
Выявление потребностей и мотивов	Исследование помогает понять, какие ключевые потребности, эмоции или мотивы стоят за покупательским поведением в разных странах (например, статус, безопасность, комфорт, мода и т.д.).
Учет глобализации и локализации	Помогает найти баланс между глобальными трендами и локальными предпочтениями.
Предсказание реакций на бренд	Изучение восприятия брендов и продуктов за границей помогает избежать недоразумений или негативных реакций, связанных с культурными различиями
Учет эмоциональных и поведенческих факторов	Помогает понять, какие эмоции, чувства и ассоциации связаны с продуктами или брендом в разных странах
Эффективное использование языковых и визуальных элементов	Помогает выбирать правильный язык, образы и символы, которые находят отклик у аудитории в разных культурах и не вызывают недоразумений.
Прогнозирование трендов на мировом уровне	Позволяет выявлять не только локальные, но и глобальные тренды, которые могут повлиять на спрос в будущем.
Улучшение клиентского опыта	Помогает создавать продукты, услуги для более комфортного взаимодействия потребителя с брендом

Источник: составлено автором

ровании бренда, снижении рисков, повышении продаж и эффективности деятельности.

Выводы

Таким образом, в данной статье были рассмотрены культурные различия стран и их влияние на поведение потребителей, психология восприятия бренда и цвета

в разных странах, возможность локализации маркетинговых стратегий в результате исследования психологии потребителей, роль эмоций и ценностей в принятии решений потребителем. По каждому аспекту приведены примеры из международной практики крупных компаний. Также затронут вопрос положительного влияния развития современных технологий на возможности изучения психологии потребителей в международном маркетинге. По результатам исследования выделены,

систематизированы и охарактеризованы преимущества изучения психологии потребителей в международном маркетинге. Автор приходит к выводу, что исследование психологии потребителей в международном маркетинге помогает компаниям эффективно взаимодействовать с разными культурами, минимизировать риски, адаптировать стратегии и предлагать продукты, которые действительно ценны для глобальной аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева, Ш.Х. Психология потребителей и клиентов в современном маркетинге / Ш.Х. Абдуллаева // Моя профессиональная карьера. — 2022. — Т. 2, № 36. — С. 15–22.
2. Бренды и психология потребителя в цифровую эпоху // ООО ПКО «ЭОС». — URL: <https://b2b.oos.ru/articles/brendy-i-psihologiya-potrebiteleya-v-cifrovuyu-epoxy/> (дата обращения: 10.04.2025).
3. Зеленина, Т.Р. Психология потребителей как объект маркетингового анализа // Евразийский Союз Ученых. — 2020. — №1 (70). — С. 69–73. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.4.70.554.
4. Магометова, Д.М. Психология потребителей. Влияние эмоционального маркетинга на выбор покупателя / Д.М. Магометова // Студенческий вестник. — 2025. — № 1-9(334). — С. 33–35.
5. Чжан, Сяомин. Культурные различия в международном маркетинге // Экономика и социум. — 2024. — № 2(117)-1. — С. 1512–1515.
6. Coca-Cola's Global Marketing Strategy: Adaptability and Simplicity // Accelingo. — URL: <https://www.accelingo.com/coca-colas-global-marketing-strategy/> (date of application: 10.04.2025).
7. Ghyst, D., Keys S. Marketing successfully across different cultures // OWDT. — URL: <https://owdt.com/news/marketing-successfully-across-different-cultures/> (date of application: 10.04.2025).
8. Marketing Across Borders: Navigating the Differences in International Marketing // HYPERVSN. — URL: <https://hypervsn.com/blog/marketing-across-borders-navigating-the-differences-in-international-marketing.html> (date of application: 10.04.2025).
9. Namakobe, J. Geert Hofstede's five dimensions of national culture // Relivingmba days. — URL: <https://relivingmbadays.wordpress.com/2012/12/30/geert-hofstedes-five-dimensions-of-national-culture/> (date of application: 10.04.2025).
10. Usunier, J-C., Lee J.A. Marketing Across Cultures. — Gosport: Ashford Colour Press Ltd, 2013. — 50 p.

© Корягина Инга Анатольевна (2001inga@mail.ru); Григорьянц Игорь Александрович (market@ofernio.su);
Фурсов Андрей Львович (andrew@fursov.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВОВЛЕЧЕНИЕ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ В ТЕРРОРИСТИЧЕСКУЮ И ДИВЕРСИОННУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПОСРЕДСТВОМ ИНФОРМАЦИОННО- ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ СЕТЕЙ: ОСОБЕННОСТИ СОВЕРШЕНИЯ И УГОЛОВНО-ПРАВОВОЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ

ENGAGEMENT OF MINORS IN TERRORIST AND SABOTAGE ACTIVITIES THROUGH INFORMATION AND TELECOMMUNICATIONS NETWORKS: CHARACTERISTICS OF COMMISSION AND CRIMINAL LAW COUNTERMEASURES

M. Levandovskaya

Summary. This article examines the problem of engaging minors in terrorist and sabotage activities through information and telecommunications networks, which has become particularly relevant in the context of the special military operation in Ukraine. Based on empirical data and documented cases, the author reveals a multi-stage mechanism of recruitment of minors by the intelligence services of unfriendly states, which includes stages of establishing initial contact, manipulative influence, ideological indoctrination, and involvement in the practical implementation of terrorist and sabotage acts. Key factors of vulnerability among minors are identified, including active presence in the digital space, a high need for psycho-emotional support, and a low level of legal awareness. A system of countermeasures against this destructive phenomenon is proposed, integrating the efforts of government structures, educational institutions, and families, aimed at fostering critical thinking in adolescents, monitoring their digital activity, and improving methodologies for the early detection of signs of radicalization. The research findings hold practical significance for professionals in the field of national security, educators, and parents involved in the upbringing of minors in contemporary geopolitical conditions.

Keywords: terrorism, sabotage activities, minors, information and telecommunications networks, recruitment, radicalization, psychological manipulation, digital security, legal awareness, national security, special military operation, extremism prevention.

Левандовская Мария Геннадьевна

кандидат юридических наук,
Московский государственный юридический
университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА)
mglevandovskaja@msal.ru

Аннотация. В статье исследуется проблема вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей, которая приобрела особую актуальность в условиях проведения специальной военной операции на территории Украины. На основе эмпирических данных и документированных случаев автор раскрывает многоступенчатый механизм вербовки несовершеннолетних спецслужбами недружественных государств, включающий этапы установления первичного контакта, манипулятивного воздействия, идеологической индоктринации и вовлечения в практическую реализацию террористических и диверсионных актов. Выявлены ключевые факторы уязвимости несовершеннолетних, включая активное присутствие в цифровом пространстве, высокую потребность в психоэмоциональной поддержке и низкий уровень правового сознания. Предложена система мер противодействия данному деструктивному феномену, интегрирующая усилия государственных структур, образовательных учреждений и семьи, направленная на формирование критического мышления у подростков, мониторинг их цифровой активности и совершенствование методик раннего выявления признаков радикализации. Результаты исследования имеют практическую значимость для специалистов в сфере национальной безопасности, педагогов и родителей, осуществляющих воспитательное воздействие на несовершеннолетних в современных геополитических условиях.

Ключевые слова: терроризм, диверсионная деятельность, несовершеннолетние, информационно-телекоммуникационные сети, вербовка, радикализация, психологическое манипулирование, цифровая безопасность, правовое сознание, национальная безопасность, специальная военная операция, профилактика экстремизма.

Исторический аспект проблематики вовлечения молодежи в террористическую и диверсионную деятельность имеет глубокие корни в отечественной истории. На протяжении многих веков Российское государство сталкивалось с проявлениями терроризма как инструментом воздействия на государственную власть. Показательным историческим прецедентом выступает серия террористических покушений на императора Александра II, организованных с целью дестабилизации существующего государственного устройства. Примечательно, что первая попытка такого деяния была осуществлена Игнатием Гриневицким, лицом молодого возраста — 24 лет [4].

Следовательно, можно констатировать, что феномен привлечения молодых индивидов к террористической и диверсионной деятельности не представляет собой новое социально-правовое явление. Однако в современных российских реалиях данный феномен обрел качественно новые характеристики и потенциально может повлечь более деструктивные социальные последствия.

Согласно исследованиям М.А. Желудкова, С.Б. Краюхина и М.А. Ментюковой, основанным на аналитических материалах правоохранительных структур, в информационно-телекоммуникационной сети Интернет функционирует приблизительно 26 000 ресурсов террористической и диверсионной направленности, среди которых более 7 000 специализируются на вербовочной деятельности. Необходимо акцентировать внимание на том факте, что приводимые учеными статистические данные получены в период, предшествующий началу проведения специальной военной операции. Следовательно, с началом ее осуществления на территории Украины сформировался новый источник угроз национальной безопасности. Специальные службы украинского государства активно задействуют не только военно-технический, но и информационный потенциал, осуществляя вербовку несовершеннолетних граждан России для организации и совершения террористических и диверсионных актов [6].

Начиная с 24 февраля 2022 г., когда Российская Федерация инициировала проведение специальной военной операции на территории Украины, объективно возросли риски, связанные с использованием информационно-телекоммуникационных сетей спецслужбами недружественных государств для вовлечения несовершеннолетних граждан России в террористическую и диверсионную деятельность.

За период с февраля 2022 г. на территории Российской Федерации правоохранительными органами была пресечена реализация 118 террористических актов, потенциальными исполнителями которых выступали лица молодежного возраста, включая категорию несовершеннолетних [8].

Сложившаяся криминогенная ситуация в государстве детерминировала актуализацию научно-теоретического осмысления данной проблематики и обусловила необходимость комплексного исследования механизмов и технологий вовлечения несовершеннолетних в преступления террористической и диверсионной направленности посредством информационно-телекоммуникационных сетей.

В научно-теоретическом дискурсе, как обоснованно утверждает Алиева, процесс вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической и диверсионной направленности представляет собой результат структурной деформации нравственно-правового сознания личности подростка под воздействием комплекса деструктивных социально-психологических факторов [1].

В современных геополитических условиях формируются благоприятные предпосылки для интенсификации подобной деформации личностного сознания несовершеннолетних, поскольку против Российской Федерации реализуется масштабная информационно-пропагандистская кампания, целевой аудиторией которой, в том числе, являются лица, не достигшие совершеннолетия.

К примеру, 14 ноября 2023 г. в Херсонской области правоохранительными органами был задержан несовершеннолетний в возрасте 15 лет, уличенный в передаче разведывательной информации о дислокации российских вооруженных сил представителю Вооруженных Сил Украины. В ходе следственных действий несовершеннолетний субъект признал факт фотофиксации военной техники и передачи координат ее размещения за материальное вознаграждение. В процессе реализации оперативно-розыскных мероприятий было установлено, что первоначальный контакт с вербовщиком был установлен через социальную сеть, где последний инициировал предложение о финансовом поощрении за осуществление фотофиксации и последующую передачу изображений российских военно-технических средств с указанием геолокационных данных. Несовершеннолетний, выполняя поставленную задачу, произвел фотофиксацию самоходного зенитно-ракетного комплекса в населенном пункте Генического района Херсонской области [9].

Анализ криминогенной ситуации позволяет констатировать, что в группу повышенного риска вовлечения в террористическую и диверсионную деятельность входят несовершеннолетние, проживающие в приграничных с Украиной субъектах Российской Федерации, а также лица, имеющие близких родственников, проживающих на территории Украины.

Военный корреспондент Александр Коц в своей монографии «500 дней побед и поражений» выделяет пси-

хологические и социально-поведенческие особенности несовершеннолетних, сформировавшиеся в течение последних восьми лет на территориях, освобожденных в результате проведения специальной военной операции. В качестве иллюстрации приводится случай задержания 14-летнего подростка при фотографировании российских блокпостов на недавно интегрированных территориях. При осуществлении досмотра мобильного устройства задержанного был обнаружен контент деструктивной направленности: подписки на информационные ресурсы радикального характера, изображения с нацистской символикой, материалы русофобского содержания. Согласно показаниям несовершеннолетнего, первичный интерес к данной идеологии был сформирован в школьной среде через коммуникацию с одноклассниками — начиная от дискуссий о построении этнически гомогенного государственного образования по образцу Третьего рейха и заканчивая более структурированными идеологическими мероприятиями [7].

Противодействие феномену вовлечения несовершеннолетних в террористическую и диверсионную деятельность необходимо рассматривать как интегральный компонент комплексной системы мер по борьбе с данными деструктивными явлениями. В этом контексте приоритетное значение приобретает деятельность по выявлению и пресечению действий субъектов, использующих информационно-телекоммуникационные сети и социальные платформы для пропаганды идеологии террористической и диверсионной направленности.

Как показывает эмпирический анализ, специальные службы Украины систематически осуществляют деятельность по вербовке несовершеннолетних граждан России. Документирован случай вовлечения несовершеннолетнего, который по заданию вербовщиков производил действия диверсионного характера: повреждение шин военных транспортных средств, организацию поджогов, передачу разведывательной информации. Исходной точкой вербовочного процесса стал самостоятельный поиск несовершеннолетним информации о ситуации на Украине через информационно-телекоммуникационную сеть, где произошел контакт с сотрудником спецслужб, предложившим материальное вознаграждение за совершение противоправных действий, включая фотофиксацию военных объектов и организацию поджогов. Характерно, что несовершеннолетний не имел адекватного представления о потенциальных юридических последствиях своих действий, предполагая отсутствие негативных последствий, а полученное вознаграждение планировал аккумулировать [10].

Регулярно поступающая информация о подобных инцидентах позволяет сформулировать гипотезу о том, что значительная часть подростков в России не обладает достаточным уровнем критического осмысления

социально-политической реальности, руководствуясь преимущественно импульсивными мотивами. В данном контексте представляется необходимым формирование у несовершеннолетних комплексного понимания актуальных геополитических процессов, адаптированного к их возрастным когнитивным особенностям и мировоззренческим установкам, а также проведение систематической разъяснительной работы о юридических последствиях противоправных действий. О дефиците правосознания у данной категории лиц свидетельствуют многочисленные документированные случаи совершения несовершеннолетними противоправных деяний террористической и диверсионной направленности.

В качестве иллюстрации можно привести инцидент, произошедший 30 июня 2023 г. в Запорожской области, когда двое несовершеннолетних в возрасте 16 лет совершили нападение на сотрудника правоохранительных органов, завладели его табельным оружием и открыли огонь по гражданским лицам, в результате чего два человека погибли и трое получили ранения [2]. В ходе операции по нейтрализации преступников один из них причинил смерть сообщнику, после чего совершил самоубийство. В процессе расследования было установлено, что указанные несовершеннолетние подверглись целенаправленной вербовке. По свидетельству их знакомого, первичный контакт был установлен в виртуальном пространстве компьютерной игры, где они состояли в одном игровом подразделении, руководство которым осуществлял сотрудник Службы безопасности Украины. В результате манипулятивного воздействия представители спецслужб противника индуцировали у несовершеннолетних мотивацию к совершению террористического акта, повлекшего гибель как самих исполнителей, так и двух гражданских лиц.

Другой показательный случай произошел 29 января 2023 г. в Москве, где был задержан несовершеннолетний 17 лет, осуществлявший подготовку террористического акта на объекте газотранспортной инфраструктуры. В ходе следственных мероприятий было установлено, что несовершеннолетний, используя информационные ресурсы сети Интернет, получил сведения о технологии изготовления взрывного устройства и идентифицировал потенциальные объекты газопроводной системы Московского региона на основе картографических данных. В дальнейшем им были приобретены компоненты для конструирования самодельных взрывных устройств [3].

Процесс вербовки, представляющий собой целенаправленное привлечение лица в террористическую структуру для последующего совершения им преступлений террористической направленности, характеризуется поэтапной реализацией:

На первом этапе осуществляется инициирование коммуникативного контакта с потенциальным объек-

том вербовки (несовершеннолетним), основная цель которого заключается в формировании доверительных отношений. Вербовщик демонстрирует мировоззренческое и ценностное сходство с подростком, проявляет эмпатию к его проблемам и предлагает эмоциональную поддержку. Эффективность данного этапа обусловлена предварительным анализом цифрового следа несовершеннолетнего в социальных сетях, позволяющим идентифицировать его интересы, социальные связи, семейную структуру и значимых родственников.

Второй этап характеризуется применением вербовщиком («мотиватором») манипулятивных технологий, направленных на удовлетворение базовых психологических потребностей подростка. Так, несовершеннолетним с обостренным чувством социальной несправедливости предлагаются утопические модели альтернативного общественного устройства; лицам, испытывающим экзистенциальный кризис, обещается помощь в обретении смысложизненных ориентиров; подросткам с выраженной потребностью в социальном признании предлагаются возможности для достижения известности [5].

В процессе данного этапа вербовщик аккумулирует психологически значимую информацию о несовершеннолетнем, которая в дальнейшем используется для таргетированного предложения релевантных стимулов и последующей углубленной вербовки.

На третьем этапе происходит формирование у подростка деструктивной идеологической установки о возможности трансформации мира, представляющегося ему несправедливым, и о его особой миссии в этом процессе. Организуется личная встреча, в ходе которой несовершеннолетнему внушается идея об его избранности для реализации высшей цели. В процессе коммуникации возможно применение методов нейролингвистического программирования, элементов гипнотического воздействия, а также использование психоактивных веществ, снижающих критичность мышления, формирующих положительную эмоциональную связь с вербовщиком и ослабляющих механизмы рационального когнитивного контроля. Данный этап характеризуется множественными контактами, обеспечивающими формирование устойчивой психоэмоциональной связи между несовершеннолетним и вербовщиком.

Четвертый этап представляет собой практическую реализацию террористического намерения и включает подготовительные действия и непосредственное совершение террористического акта. На данном этапе несовершеннолетний, будучи идеологически индоктринированным и убежденным в своей миссии по трансформации социального порядка, осуществляет действия по подготовке и реализации террористического акта.

Несовершеннолетние, относясь к категории субъектов с повышенной виктимностью и обладая недостаточным уровнем правовой грамотности, зачастую не идентифицируют в своих действиях признаки уголовно наказуемого деяния. К примеру, осуществляя фотофиксацию сотрудников охранных структур с целью оценки их потенциала сопротивления или анализируя графики проведения массовых мероприятий, они фактически реализуют пособническую деятельность в подготовке террористического акта. Хотя формально подобные действия напрямую не криминализованы в Уголовном кодексе Российской Федерации, они объективно направлены на создание благоприятных условий для совершения террористического акта, квалифицируемого как особо тяжкое преступление, за приготовление к которому законодательством предусмотрена уголовная ответственность.

На этапе непосредственной подготовки к террористическому акту или в процессе его исполнения вербовщики могут использовать методы психологического давления, включая угрозы применения насилия в случае отказа несовершеннолетнего от участия в противоправной деятельности.

Уязвимость несовершеннолетних перед вербовочными технологиями обусловлена комплексом факторов:

Во-первых, несовершеннолетние составляют значительную долю активных пользователей социальных сетей, демонстрирующих повышенную склонность к раскрытию персональной информации, включая данные о своих интересах, увлечениях и социальных связях, что создает благоприятные условия для установления первичного контакта с вербовщиком.

Во-вторых, несовершеннолетние характеризуются высоким уровнем потребности в психоэмоциональной поддержке. В условиях современной семейной структуры, когда родители вынуждены уделять значительное время профессиональной деятельности и решению бытовых вопросов в ущерб воспитательному процессу, несовершеннолетние проявляют тенденцию к поиску альтернативных фигур, способных выполнять функции наставника, обеспечивать эмоциональную поддержку и предлагать жизненные ориентиры, что делает их восприимчивыми к манипулятивным техникам в цифровом пространстве.

В-третьих, несовершеннолетние демонстрируют недостаточный уровень правового сознания. Они не обладают комплексным пониманием того, что действия, представляющиеся им нейтральными или малозначительными, могут фактически образовывать состав уголовного преступления и служить основанием для привлечения к юридической ответственности.

Эффективное противодействие вовлечению несовершеннолетних в террористическую деятельность требует системного подхода с участием не только представителей государственных структур, но и родителей, педагогических работников и других субъектов воспитательного воздействия, осуществляющих мониторинг поведенческих паттернов и активности несовершеннолетних.

На государственном уровне необходима реализация комплекса информационно-просветительских мероприятий, направленных на формирование у несовершеннолетних знаний о технологиях вербовки и методах противостояния им. Параллельно требуется повышение уровня правовой грамотности несовершеннолетних в вопросах квалификации террористических и экстремистских преступлений, их видов и предусмотренных законом мер ответственности за их совершение.

Родители, реализуя свои конституционные обязанности, должны осуществлять комплексную заботу о психоэмоциональном, духовном и нравственном развитии своих детей. Эффективное родительство предполагает систематическое выделение времени для взаимодействия с ребенком, поддержание конструктивной коммуникации и мониторинг его поведенческих паттернов. При выявлении настораживающих поведенческих маркеров, таких как прогрессирующая социальная изоляция, коммуникативная дезадаптация, эмоциональная нестабильность, проявляющаяся в немотивированных аффективных реакциях, или устойчивые агрессивные поведенческие модели, целесообразно своевременное обращение к профильным специалистам психолого-педагогического профиля.

Педагогические работники образовательных организаций, выполняя функции субъектов профилактической деятельности, также должны осуществлять систематический мониторинг поведенческих проявлений обучающихся и предпринимать меры по предотвращению в образовательной среде буллинга, унижения и иных форм деструктивного межличностного взаимодействия, способствующих формированию психотравмирующего опыта и последующей радикализации.

Совершение тяжкого преступления в подростковом возрасте имеет катастрофические последствия для дальнейшей социальной траектории несовершеннолетнего. Недостаточный уровень правовой компетентности в сочетании с несформированностью прогностических навыков приводит к принятию необдуманных решений с необратимыми последствиями, лишаящими подростка перспектив полноценной социальной реализации. В связи с этим требуется консолидация усилий всех институциональных акторов для разработки и имплементации комплексных профилактических мер, направ-

ленных на предотвращение вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность и иные формы тяжелой уголовно наказуемой активности.

На основании проведенного исследования можно сформулировать следующие выводы:

В современных геополитических условиях, особенно после начала специальной военной операции на территории Украины, значительно возросли риски вовлечения несовершеннолетних граждан России в террористическую и диверсионную деятельность посредством информационно-телекоммуникационных сетей. Данная тенденция подтверждается статистическими данными о пресечении 118 террористических актов с февраля 2022 года, в которых потенциальными исполнителями выступали лица молодежного возраста, включая несовершеннолетних.

Анализ документированных случаев позволил выявить многоступенчатый механизм вербовки несовершеннолетних, включающий этапы установления первичного контакта через социальные сети, формирования доверительных отношений, идеологической индоктринации и последующего вовлечения в практическую реализацию террористических или диверсионных актов. Особое внимание спецслужбы недружественных государств уделяют несовершеннолетним из приграничных с Украиной регионов России, а также имеющим родственников на украинской территории.

Повышенная уязвимость несовершеннолетних перед вербовочными технологиями обусловлена комплексом факторов: их активным присутствием в цифровом пространстве с тенденцией к раскрытию личной информации, высоким уровнем потребности в психоэмоциональной поддержке при недостаточном внимании со стороны родителей, а также низким уровнем правового сознания и неспособностью идентифицировать противоправный характер своих действий.

Эффективное противодействие данному деструктивному феномену требует системного подхода, интегрирующего усилия государственных структур, образовательных учреждений и семьи. Необходимо развитие нормативно-правовой базы, адаптированной к современным формам вовлечения несовершеннолетних в террористическую деятельность, совершенствование методик раннего выявления признаков радикализации, а также реализация комплексных программ повышения информационно-правовой грамотности подростков.

Принципиальное значение имеет активизация образовательно-просветительской работы с несовершеннолетними по формированию у них критического мышления, устойчивости к манипулятивным воздействиям

и адекватного понимания сложившейся геополитической ситуации, адаптированного к возрастным когнитивным особенностям. Параллельно необходимо усиление родительской вовлеченности в процесс воспитания и мониторинга цифровой активности детей, а также систематическая профессиональная подготовка педагогических работников по выявлению признаков радикализации и деструктивного влияния на несовершеннолетних.

Реализация данных мер позволит минимизировать риски вовлечения подрастающего поколения в террористическую и диверсионную деятельность, обеспечивая тем самым не только национальную безопасность, но и защищая будущее самих несовершеннолетних от необратимых негативных последствий для их социальной траектории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева, С.Ю. Причины и факторы, обуславливающие вовлечение несовершеннолетних в совершение преступлений террористического характера / С.Ю. Алиева // Образование и право. — 2019. — № 8. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-i-factory-obuslavlivayuschie-vovlechenie-nesovershennoletnih-v-sovershenie-prestupleniy-terroristicheskogo-haraktera> (дата обращения: 09.03.2025).
2. В Запорожской области предотвратили теракт против члена администрации: [сайт]. — 2023. — URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/news/2023/08/04/988541-v-zaporozhskoi-oblasti-predotvratili-terakt-zaporozhskoi-oblasti> (дата обращения: 09.03.2025).
3. В Москве подростка задержали за подготовку теракта: [сайт]. — 2023. — URL: <https://ria.ru/20230727/zaderzhanie-1886657874.html> (дата обращения: 09.03.2025).
4. Годунов, О.И. Некоторые аспекты эволюции терроризма / О.И. Годунов // Тенденции развития науки и образования. — 2020. — № 63-5. — С. 27–30. — DOI 10.18411/lj-07-2020-155.
5. Давидович, Н.Н. Опыт формирования ассертивной модели поведения у старшеклассников / Н.Н. Давидович // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 3: Педагогика и психология. — 2018. — № 2 (218). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-formirovaniya-assertivnoy-modeli-povedeniya-u-starshklassnikov> (дата обращения: 09.03.2025).
6. Желудков, М.А. Особенности механизма вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений террористической направленности в зарубежных странах / М.А. Желудков, С.Б. Краюхин, М.А. Ментюкова // Право: история и современность. — 2017. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-mehanizma-vovlecheniya-nesovershennoletnih-v-sovershenie-prestupleniy-terroristicheskoy-napravlenosti-v-zarubezhnyh-stranah> (дата обращения: 09.03.2025).
7. Коц, А. 500 дней поражений и побед. Хроника СВО глазами военкора / А. Коц. — Москва: ИД «Комсомольская правда», 2023. — 464 с.
8. Кузнецов, В.А. Проявление террористических угроз в Российской Федерации в условиях специальной военной операции на Украине / В.А. Кузнецов // Вестник науки. — 2023. — № 5 (62). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/proyavlenie-terroristicheskikh-ugroz-v-rossiyskoy-federatsii-v-usloviyah-spetsialnoy-voennoy-operatsii-na-ukraine> (дата обращения: 09.03.2025).
9. Пятнадцатилетний подросток задержан за госизмену в Херсонской области: [сайт]. — 2023. — URL: <https://regnum.ru/news/3846134> (дата обращения: 09.03.2025).
10. Челпанова, М.М. Основные направления деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации в сфере информационной безопасности несовершеннолетних / М.М. Челпанова // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика: Материалы Международной научно-практической конференции, Краснодар, 09 июня 2023 года. — Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2023. — С. 323–326.

© Левандовская Мария Геннадьевна (mglevandovskaja@msal.ru)
© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОНЯТИЕ «КОРЕННЫЕ МАЛОЧИСЛЕННЫЕ НАРОДЫ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО ОКРУГА» И ФОРМЫ ИХ САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Намцараев Александр Намдакович

Аспирант,
Байкальский государственный университет (Иркутск)
sasha1975sasha@mail.ru

THE CONCEPT OF «INDIGENOUS SMALL-NUMBERED PEOPLES OF THE FAR EASTERN FEDERAL DISTRICT» AND THE FORMS OF THEIR SELF-DETERMINATION

A. Namtsaraev

Summary. The study provides an assessment of the formation of the concept of indigenous minorities. The author touches upon the issue of the essence of education, the issues of its self-expression. The importance of reassessing the social status of the affected subjects is emphasized, taking into account their special identity, as well as the factors that influence their behavior.

Keywords: indigenous people, hunting, fishing, tradition, legislation.

Аннотация. В исследовании дается оценка формирования понятия коренных малочисленных народов. Автор затрагивает вопрос сущности формирования, вопросы её самовыражения. Подчеркивается важность переоценки социального положения затронутых субъектов с учетом их особой идентичности, а также факторов, которые оказывают влияние на их поведение.

Ключевые слова: коренное население, охота, промысел, традиционность, законодательство.

На структуру населения в значительной степени влияет состав ДФО, в который входят 11 субъектов Российской Федерации¹, а это в свою очередь создает многообразие народов входящих в его состав.

Структура населения ДФО уникальна, поскольку в ее состав входит большой процент коренных малочисленных народов. Территорию округа населяют представители 20 этносов коренных малочисленных народов, свыше 70 % которых проживает в сельской местности². В настоящее время численность коренных малочисленных народов Дальнего Востока составляет 103,8 тыс. человек, что составляет 40 % численности всех коренных малочисленных народов Российской Федерации и 1,7 % общей численности населения ДФО³.

¹ Амурскую область, Еврейскую автономную область, Забайкальский край, Камчатский край, Магаданскую область, Приморский край, Республику Бурятию, Республику Саха (Якутия), Сахалинскую область, Хабаровский край, Чукотский автономный округ. Центр округа — город Хабаровск.

² См., например: Дальневосточный федеральный округ // URL: https://znaniierussia.ru/articles/Дальневосточный_федеральный_округ. (дата обращения 26.12.2024); Распоряжение Правительства РФ от 20.06.2017 N 1298-р (ред. от 29.11.2023) <Об утверждении Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2025 года> // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_218765/a0751047b3f6093e5b214ed26c8f77e5477e07b2/ (дата обращения 26.12.2024).

³ Там же.

Сегодня к коренным жителям Дальнего Востока относятся эвенки, эвены, нанайцы, коряки, чукчи и другие. Основные группы коренных народов Дальнего Востока имеют территории традиционной жизнедеятельности в северной и южной части региона.

В связи с тем, что в ДФО проживает наибольший процент коренных малочисленных народов, то эта площадка для проведения настоящего исследования интересна тем, что здесь:

- прослеживается наличие ощутимого веса от всех коренных малочисленных народов России,
- имеется ощутимый процент от общего количество жителей региона.

При этом само понимание коренных малочисленных народов стало складываться по мере присоединения коренных малочисленных народов, исходя из соблюдения баланса интересов между такими народами, входящими в состав России, и с соблюдением следующих факторов:

Добровольного их вхождения в состав Российской империи, которая создавала наиболее благоприятные условия для социально-экономического и культурного развития этих народов.

Поэтому следует кратко напомнить страницы истории. Небольшой историко-правовой ракурс позволит

оценить динамику формирования понятия коренных малочисленных народов для создания наиболее полной картины его содержания.

Так еще в XVIII в. И.Г. Георги отмечал: «Древние руссы суть коренный России народ»⁴, т.е. он рассматривал русский народ, как «корень» России, обозначая качество, задаваемое ракурсом государственности. В царской России нерусское население называлось обобщающим понятием инородцы⁵.

В свою очередь А.Д. Градовский⁶ отмечает, что к инородцам были отнесены «те слои подданных Российской империи, кои не относились к природным русским подданным»⁷.

Государственная политика России в начале XIX века основывалась на концепции ограниченного или осторожного вмешательства в традиционные социальные связи, культуру и экономику коренных народов. Это было время, когда возникла необходимость в правовом регулировании отношений между российским государством и народами, образ жизни которых не соответствовал установленным нормам существующего в то время, гражданского общества. В связи с развитием промышленности, а также миграцией населения, для данных народов были созданы вызовы для их традиционного образа жизни.

В основу выделения исследуемой группы народов был положен не территориальный, а родовой подход, что, по сути, было продиктовано стремление советской власти опереться на существующие социальные структуры и адаптировать систему управления к специфике жизни малочисленных коренных народов.

При этом проводилась активная компания оседания кочевников, созданию колхозов и совхозов, что привело к разрушению традиционного образа жизни, утрате опыта природопользования, накопленного веками. При этом была преодолена неграмотность населения, начало развиваться здравоохранение на данных тер-

⁴ Георги И.Г. ((1729–1802)) «Описание всех народов, обитающих в Российском государстве. Их житейских обрядов, обычаев, одежды, жилищ, занятий, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей» // URL: <https://archive.org/details/GeorgiOpisanieVsexObitayushix1Kniga/page/n9/mode/2up> (дата обращения 26.12.2024).

⁵ Иногда представителей этих народов называли «туземцы», а также «иноземцы». Термин «инородцы» зафиксирован во множестве документов (законах, распоряжениях, деловой переписке).

⁶ Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2-х т. Т. 1. О государственном устройстве. М.: Зерцало, 2006. С. 321–332.

⁷ Под природными русскими подданными российское законодательство тогда понимало современных великороссов (русских), украинцев и белорусов.

риториях, что имело положительные результаты. Однако данные мероприятия зачастую проводились без специфики жизни и быта исследуемых слоев населения и носили больше централизованный характер, без учета местных особенностей.

В результате, несмотря на декларированные принципы равенства и самоопределения, в реальной жизни коренные малочисленные народы сталкивались с дискриминационными проявлениями, связанными с утратой земель и ресурсов, ввиду разрушения традиционного образа жизни.

Поэтому самоопределение данных народов в данное время, было подчинено условиям создаваемой в России социализации.

В отличие от рассматриваемого времени современная терминология не приняла данную терминологию ни как имперского, так и раннего советского периода, предпочитая использование, более нейтральных и уважительных терминов, таких как «коренные малочисленные народы» или «коренные народы».

Современная Россия унаследовала многонациональное прошлое, и успех ее государственного строительства зависит во многом от способности найти баланс между уважением к культурному многообразию и обеспечением национального единства. Это требует постоянной работы по укреплению межнациональных отношений, развитию институтов гражданского общества и проведения обдуманной национальной политики.

Позднее, в 2000-е годы отношение государства в данной сфере правового регулирования значительно изменилось, что способствовало развитию форм их самоопределения, поскольку впервые обычаи и традиции, исследуемой категории народов, стали рассматриваться как культурные ценности, требующие создания новых возможностей для защиты их прав.

Коренные малочисленные народы России, несмотря на свою небольшую численность, являются неотъемлемой частью многонационального общества России и обладают всеми правами и свободами, гарантированными Конституцией РФ. Эта фундаментальная правовая норма, провозглашенная в преамбуле Конституции и подтвержденная ст. 69, основана общепризнанных принципах равноправия и самоопределения народов, закрепленных также в международном праве, в частности в Декларации ООН о правах коренных народов⁸.

⁸ Резолюция N 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 на 107-ом пленарном заседании 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Международные правовые акты и российское законодательство: В 2 т.

Каждый коренной малочисленный народ имеет право на сохранение и развитие своей уникальной культуры, языка, традиций и этнической идентичности. Важно подчеркнуть, что «самоопределение» в данном контексте не обязательно подразумевает политическую независимость, а скорее право на самостоятельное культурное и экономическое развитие в рамках единого государственного пространства.

Традиционно большее количество коренных малочисленных народов населяют земли своих предков, расположенные в отдаленных и труднодоступных районах⁹. Эти районы характеризуются ограниченными ресурсами, а также с затруднениями, связанными с реализацией государственных механизмов поддержки систем жизнеобеспечения.

В этой связи специальная государственная политика, направленная на поддержку коренных малочисленных народов, является необходимой мерой для обеспечения реализации их конституционных прав.

Исходя из законодательного определения, базовые критерии квалификации принадлежности к коренному малочисленному народу, можно определить следующим образом.

1. Критерий этнической самоидентификации. Т.е. народ должен осознавать себя самостоятельной этнической общностью, что является важным аспектом формирования идентичности и культурного самосознания.

Как отмечает Л.А. Морозова на развитие государственности, существенно влияет этничность, которая включает в себя генетическую преемственность народов, населяющих Россию, их уникальный образ жизни, язык, религию, национальные ценности, быт, культуру, традиции и мировоззрение. Эти элементы не только

Т. 1. Кн. 5 / Сост. В.А. Кряжков. М.; Салехард: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, 2013. С. 143–211.

⁹ Некоторые труднодоступные районы Дальневосточного федерального округа, которые занимают коренные малочисленные народы:

Северо-восток Якутии. Районы Аллаиховский, Момский, Томпонский, Среднеколымский, Верхоянский, Усть-Янский, Кобяйский, Нижнеколымский, Верхнеколымский, Оймяконский, Абыйский, Булуйский, Эвено-Бытантайский.

Магаданская область. Районы Ольский, Северо-Эвенский, Омсукчанский, Тенькинский, Ягодинский.

Хабаровский край. 13 Охотский район.

Чукотский автономный округ. Районы Билибинский, Анадырский.

Камчатская область. Районы Быстринский, Пенжинский, Олюторский.

Корякский автономный округ. Тигильский район.

формируют культурный ландшафт страны, но и определяют ее политическую структуру и правовые основы.

Обращаясь к понятию коренные малочисленные народы, важным представляется то, что этнический аспект влияет на правовой статус народов, поскольку сама категория народ, не может быть полной без учета категории «этнос» (греч. ethnós).

В контексте легального определения законодателя, коренной малочисленный народ, должен осознавать себя как самостоятельную этническую общность. Однако им не раскрывается глубина этого понятия.

Этнического осознания своей общности, служащей основой, объединяющей членов общности в единое целое, позволяет им активно участвовать в различных социальных, политических и культурных процессах. Оно представляет собой отождествление этнической основы их бытия и является результатом исторического и социального опыта общности. В этом осознании сосредоточены основные потребности, интересы, стереотипы, выработанные многими поколениями.

Таким образом, этническая самоидентификация формируется и закрепляется в результате осознанных действий, а также неосознанных психологических процессов, проявляясь в виде идей и взглядов, которые находят выражение в интересах, потребностях, намерениях и целях сообщества. Соответственно осознание себя как самостоятельной этнической общности является ключевым фактором для сохранения культурной идентичности и самобытности народа.

2. Второй критерий, включенный в понятие коренные малочисленные народы это исконная территория или среда обитания. Это исторически сформировавшаяся природная зона, в пределах которой народы, являющиеся потомками тех этносов, которые обитали в данном ареале и осуществляли свою культурную и повседневную деятельность еще до прихода туда людей другой этнической и расовой принадлежности с иной материальной и духовной культурой.

В местах исконной территории проживания у данных народов наблюдается глубокая интеграция с их естественным окружением, что проявляется в экономической, физической и духовной зависимости от природы. Эти народы осознают себя не только отдельной этнической общностью, являющуюся самостоятельной, но и как часть данной природной среды.

Как представляется, в таких ситуациях предпочтительнее ориентироваться не только на исторические факторы, а выделить территории, которые были пере-

даны нынешнему населению от предыдущих одного или двух поколений.

3. Традиционные способы хозяйствования и промыслы также являются базовым критерием квалификации принадлежности к коренному малочисленному народу. Исследуемый критерий представляет собой сложную и многогранную систему, тесно связанную с уникальными природными условиями региона, в частности ДФО, и накопленным опытом, рассматриваемой категории народа.

Это не просто набор отдельных знаний, а целостная социокультурная система, опыт предков об этой системе, передающийся из поколения к поколению, включающая в себя глубокое знание окружающей среды, специфические технологии, социальную организацию и духовные представления.

Традиционный образ жизни является неотъемлемой частью их идентичности и самобытности, и его сохранение имеет первостепенное значение для выживания и культурного развития этих народов.

Традиционные способы хозяйствования и промыслы, сохранившиеся у коренных малочисленных народов, составляют часть их культурного наследия. Поэтому, представляется, что включение законодателем в понятие коренных малочисленных народов, в том числе такого критерия, как сохранение традиционного образа жизни и хозяйственной деятельности, в том числе промыслов, указывает на значимость для России сохранение такого наследия, являющегося частью культурного наследия России.

4. Четвертый базовый критерий квалификации принадлежности к коренному малочисленному народу — это его количественный показатель.

Численность на территории России менее 50 тысяч человек также являются базовым критерием квалификации принадлежности к коренному малочисленному народу, и он должен соответствовать по численности в России менее 50 тысяч человек. При этом законодатель устанавливает перечень этих народов, включая его в Единый перечень коренных малочисленных народов Российской Федерации (далее Перечень)¹⁰. В настоящее время в данный перечень входят 47 исследуемых народов.

Установленный количественный предел, как критерий признания народа малочисленным, позволяет обо-

¹⁰ Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 N 255 (ред. от 26.05.2020) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2000, N 14, ст. 1493

собить коренные малочисленные народы, от народов имеющих скромную численность, но позволяющую им развиваться на самодостаточной основе, не требующей особой государственной защиты.

В этой связи есть необходимость акцентировать внимание на том, что именно народы, имеющие незначительную численность, а также этнически себя самоидентифицировавшие, продолжая жить и трудиться на исконных территориях, на которых жили их предки, занимающиеся традиционными способами хозяйствования (промыслами), в основе которых лежит опыт предков, находятся под особой охраной государства в связи с их малочисленностью, которое стремится сохранить соответствующую и подходящую для этих народов среду обитания.

Таким образом, государством были введены правовые механизмы, включающие не только государственные и региональные программы по охране среды обитания таких народов, учитывающие специфику каждого региона, но и законодательные акты, касающиеся их развития¹¹, а также гарантирующие права коренного малочисленного населения¹².

Помимо законодательных актов, которые непосредственным образом определяют статус данных народов, законодателем учтены их особые свойства и в иных нормативно-правовых актах, закрепляющих гарантии реализации прав коренных малочисленных народов¹³.

¹¹ Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.2009, N 7, ст. 876.

¹² Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, N 18, ст. 2208.

¹³ Например: Водный кодекс Российской Федерации — статья 54. Использование водных объектов в местах традиционного проживания и традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // («Собрание законодательства РФ», 05.06.2006, N 23, ст. 2381); Лесной кодекс Российской Федерации — статья 48. Использование лесов в местах традиционного проживания и хозяйственной деятельности лиц, относящихся к коренным малочисленным народам Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации («Лесной кодекс Российской Федерации» от 04.12.2006 N 200-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // «Собрание законодательства РФ», 11.12.2006, N 50, ст. 5278); Федеральный закон от 12.01.1996 N 7-ФЗ «О некоммерческих организациях» — статья 6.1. Общины коренных малочисленных народов Российской Федерации; Федеральный закон от 24.04.1995 N 52-ФЗ «О животном мире» — статья 9. Участие коренных малочисленных народов и этнических общностей в охране и использовании объектов животного мира,

Законодатель постарался комплексно урегулировать данную сферу взаимодействия, с учетом специфических особенностей каждого из коренных малочисленных народов, включая народы ДФО.

Важно отметить, что только при осуществлении комплексного подхода, учитывающего особенности каждого народа, возможно осуществление и обеспечение равенства и самоопределения коренных малочисленных народов России и сохранить их богатейшее культурное наследие, и даже можно сказать, генетическое наследие, для будущих поколений. При этом сохранение культурного многообразия нашей страны является не только моральным долгом, но и национальным богатством России.

Реализация программных документов, связанных с развитием ДФО, требует не только финансовых и организационных ресурсов, но и сотрудничества с представителями коренных малочисленных народов.

Вывод

Понятие коренных малочисленных народов в Российском законодательстве формировалось постепенно, но последовательно:

- начиная, с Устава 1822 г., в котором был уже выделен специальный статус данных народов,
- советского периода, в котором была произведена попытка социализации данных народов, в ее понимании советской властью, и
- настоящего времени, когда данные народы получили особый правовой статус и возможность на самоопределение.

сохранении и восстановлении среды их обитания; Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» — статья 25. Рыболовство в целях обеспечения традиционного образа жизни и осуществления традиционной хозяйственной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации; Закон РФ от 25.06.1993 N 5242-1 «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации» — статья 6.1. Особенности регистрации по месту жительства гражданина Российской Федерации, относящегося к коренному малочисленному народу Российской Федерации, ведущего кочевой и (или) полукочевой образ жизни и не имеющего места, где он постоянно или преимущественно проживает; Федеральный закон от 07.05.2001 N 49-ФЗ «О территориях традиционного природопользования коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Федеральный закон от 20.07.2000 N 104-ФЗ «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»; Федеральный закон от 07.02.2003 N 21-ФЗ «О временных мерах по обеспечению представительства коренных малочисленных народов Российской Федерации в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Российской Федерации».

В настоящее время законодатель дал вполне емкое понятие коренных малочисленных народов, но не раскрыл его содержания. В этой связи следует выделить критерии квалификации принадлежности к коренному малочисленному народу, определяя их следующим образом:

Критерий этнической самоидентификации, который формируется и закрепляется в результате осознанных действий, а также неосознанных психологических процессов, проявляясь в виде идей и взглядов, которые находят выражение в интересах, потребностях, намерениях и целях сообщества. Соответственно осознание себя как самостоятельной этнической общности является ключевым фактором для сохранения культурной идентичности и самобытности народа.

Исконная территория или среда обитания, т.е. исторически сформировавшаяся природная зона, в пределах которой народы, являющиеся потомками тех этносов, которые обитали в данном ареале и осуществляли свою культурную и повседневную деятельность еще до прихода туда людей другой этнической и расовой принадлежности с иной материальной и духовной культурой.

Традиционные способы хозяйствования и промыслы, представляющие собой не только сложную и многогранную систему, тесно связанную с уникальными природными условиями ДФО, и накопленным опытом, рассматриваемой категории народа, но и целостную социокультурную систему, включающую опыт предков с глубоким знанием окружающей среды, специфическими технологиями, социальной организацией и духовными ценностями, являющимися культурным наследием не только данных народов, но и России в целом, что требует сохранения культурного наследия этих народов.

Принадлежность к коренному малочисленному народу — это его количественный показатель (менее 50 тысяч человек), он как критерий, устанавливающий количественный предел, позволяет обособить коренные малочисленные народы, от народов, имеющих скромную численность, но позволяющую им развиваться на самодостаточной основе, не требующей особой государственной защиты.

Поэтому только народы, имеющие незначительную численность до 50 тысяч человек, а также этнически себя самоидентифицировавшие, продолжая жить и трудиться на исконных территориях, на которых жили их предки, занимающиеся традиционными способами хозяйствования (промыслами), в основе которых лежит опыт предков, являются коренными малочисленными народами, находящимися под особой охраной государства в связи с их малочисленностью, и которым государство стремится сохранить соответствующую и подходящую для этих народов среду обитания.

Культурные ценности коренных малочисленных народов в полной мере соответствуют всему вышеуказанному, поскольку они способствуют выстраиванию в обществе гармоничных отношений, способны передавать историческое наследие и формировать высокоморальные личности.

Кроме того, поскольку традиционные способы хозяйствования и промыслы, их духовность и прочие факторы, сохранившиеся у коренных малочисленных народов, составляют часть не только их культурного наследия, но и представляют для России часть ее культурного наследия, наша страна усиленно способствует его сохранению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Градовский А.Д. Начала русского государственного права. В 2-х т. Т. 1. О государственном устройстве. М.: Зерцало, 2006. С. 321–332.
2. Резолюция N 61/295 Генеральной Ассамблеи ООН «Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов» (Принята в г. Нью-Йорке 13.09.2007 на 107-ом пленарном заседании 61-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) // Международные правовые акты и российское законодательство: В 2 т. Т. 1. Кн. 5 / Сост. В.А. Кряжков. М.; Салехард: Ассоциация коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации, 2013. С. 143–211.
3. Постановление Правительства РФ от 24.03.2000 N 255 (ред. от 26.05.2020) «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.04.2000, N 14, ст. 1493.
4. Распоряжение Правительства РФ от 04.02.2009 N 132-р «О Концепции устойчивого развития коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 16.02.2009, N 7, ст. 876.
5. Федеральный закон от 30.04.1999 N 82-ФЗ (ред. от 13.07.2020) «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» // «Собрание законодательства РФ», 03.05.1999, N 18, ст. 2208.
6. Сухаренко А. Влияние преступности и коррупции на инвестиционную привлекательность субъектов Дальневосточного федерального округа // Региональные проблемы. 2015. N 1. С. 52–58.
7. «Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // <http://www.pravo.gov.ru>.
8. Распоряжение Правительства РФ от 24.09.2020 N 2464-р (ред. от 29.11.2023) «Об утверждении Национальной программы социально-экономического развития Дальнего Востока на период до 2024 года и на перспективу до 2035 года» // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_363186/
9. Капитонова Е.А. Физические лица как субъекты конституционного права Российской Федерации: проблемы терминологии // Вестник Пензенского государственного университета. 2014. N 4. С. 59.
10. Георги И. Г. ((1729–1802)) «Описание всех народов, обитающих в Российском государстве. Их житейских обрядов, обычаев, одежды, жилищ, занятий, забав, вероисповеданий и других достопримечательностей» // URL: <https://archive.org/details/GeorgiOpisanieVsexObitayushix1Kniga/page/n9/mode/2up> (дата обращения 26.12.2024).

© Намцараев Александр Намдакович (sasha1975sasha@mail.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ЗАЩИТЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ОТ НЕДОБРОСОВЕСТНОЙ КОНКУРЕНЦИИ

LEGAL MECHANISMS FOR PROTECTING ENTREPRENEURS FROM UNFAIR COMPETITION

N. Orekhova

Summary. The article presents legal mechanisms aimed at antimonopoly legislation and protection of entrepreneurs from unfair competition. It is determined that there are many limitations in the development of a competitive environment in the Russian market, which negatively affects the overall competitive activity of the market. In this regard, there is a high rise in prices, and the presence of other negative factors, which reduces the activity of the economy as a whole. The regulatory framework that regulates antitrust actions and promotes competition in the market is also considered. It is concluded that it is necessary to finalize the regulatory framework that defines responsibility and criteria for the facts of unfair competition. It is necessary to prescribe at the legislative level such facts, which are of a nature that contributes to reducing the activity of competition in the market, as well as to determine the responsibility of legal entities for their use.

The purpose of the article is to analyze the legal mechanisms for protecting entrepreneurs from unfair competition.

Keywords: protection of entrepreneurs, antimonopoly activities, unfair competition, responsibility.

Орехова Наталья Леонидовна

кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье проанализированы правовые механизмы антимонопольного законодательства, направленные на защиту предпринимателей от недобросовестной конкуренции. Определено, что существует множество ограничений в развитии конкурентной среды на рынке России, что негативно сказывается на общей конкурентной активности рынка. В этой связи, наблюдается высокий рост цен, и наличие других негативных факторов, что снижает активность развития экономики в целом. Также рассмотрена нормативная правовая база, которая регулирует антимонопольные действия, а также способствует развитию конкуренции на рынке. Сделан вывод о том, что требуется доработка нормативной правовой базы, определяющей критерии и ответственность за факты недобросовестной конкуренции. Необходимо на законодательном уровне закрепить подобные факты, которые носят характер, способствующий снижению активности конкуренции на рынке, а также определить ответственность юридических лиц за их использование.

Цель статьи: проанализировать правовые механизмы защиты предпринимателей от недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: защита предпринимателей, антимонопольная деятельность, недобросовестная конкуренция, ответственность.

Недобросовестная конкуренция является одной из негативных сторон рыночной экономики, поскольку влечет за собой снижение конкурентной активности на рынке. Существует множество вариантов недобросовестной конкуренции, влекущие монополизацию экономики, которая грозит ухудшению качества предлагаемых товаров и услуг, а также сужению общей конъюнктуры рынка в стране.

Наиболее значимые ограничения систематизированы в таблице 1.

Все представленные ограничения негативно сказываются на развитии конкуренции в стране. При этом монополизация снижает уровень конкуренции, способствует росту цен, а также разгону инфляции в государстве.

Кроме того, недобросовестная конкуренция становится фактором высоких цен, что существенно ограничивают выбор потребителей, а также вызывает отсут-

ствие возможностей потребителей влиять на качество производимой продукции.

В этой связи, в Российской Федерации регулируются монополии на уровне государства и при выявлении появления фактов недобросовестной конкуренции, предпринимается меры, в составе которых формирование законодательной базы, определяющей ответственность и меры, предотвращающие недобросовестную конкуренцию.

Основными законами, направленными на развитие конкуренции, являются:

- Федеральный Закон «О защите конкуренции» [1],
- Федеральный закон от 17.08.1995 N 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024) О естественных монополиях» [2].

Кроме того, функционирует множество надзорных и контрольных органов власти, которые в той или иной степени следят за конкурентной деятельностью представителей бизнеса разных отраслей.

Таблица 1.
Ограничения в развитии конкурентной среды

Фактор	Описание
Монополизация	Присутствие крупных компаний, доминирующих на рынке, что ограничивает возможности для новых участников.
Недостаточная правовая защита	Слабое антимонопольное регулирование и коррупция, что приводит к искажению конкурентной среды.
Ограниченный доступ к финансированию	Трудности малых и средних предприятий (МСП) в получении кредитов и нехватка венчурного капитала.
Регуляторные барьеры	Сложные административные процедуры и нестабильность законодательства, затрудняющие ведение бизнеса.
Нехватка инноваций	Недостаточное финансирование НИОКР и отсутствие культуры предпринимательства, ограничивающие инновации.
Региональные различия	Неравномерное развитие конкуренции в разных регионах, что создает дисбаланс на рынке.
Государственное вмешательство	Привилегии государственных компаний и программы поддержки, которые искажают рыночные механизмы.
Сложности в выходе на международные рынки	Препятствия, связанные с экспортом и международной торговлей, которые ограничивают конкуренцию.

Источник: составлено автором

Зачастую органы власти ведут данный контроль чрезмерно, что «выталкивает» предприятия из отрасли и снижает уровень конкуренции, позволяя менее технологически активным игрокам оставаться на рынке. Это способствует росту недобросовестной конкуренции в рыночной среде.

Кроме того, государство предлагает субсидии и дотации отдельным участникам рынка, которые также распределяются не всегда справедливо.

В то же время, благодаря дотациям и субсидиям предприятия получают возможность снижать себестоимость собственной продукции, в результате чего появляются ценовая дискриминация, вывод товаров по ценам ниже конкурентов.

Поэтому существует целесообразность в устранении этого дисбаланса посредством развития антимонопольного законодательства, совершенствования административного законодательства, регулирования состава и порядка заключения так называемых «антиконкурентных соглашений». В их состав включены:

- соглашения между хозяйствующими субъектами конкурентами (ч. 1 ст. 11 ФЗ-135);
- соглашения между органом власти и хозяйствующим субъектом (ст. 16 ФЗ-135);
- «вертикальные» соглашения между хозяйствующими субъектами (ч. 2 ст. 11 ФЗ-135);
- иные соглашения между хозяйствующими субъектами (ч. 4 ст. 11 ФЗ-135).

Рассмотрим подробнее правовую характеристику каждого из приведенных нарушений.

Соглашения между хозяйствующими субъектами признаются нарушением антимонопольного законодательства, если они приводят к ограничению конкуренции. Данные соглашения включают как явные, так и скрытые договоренности, которые касаются цен, объемов производства, распределения рынков и других условий, влияющих на конкуренцию [3]. При этом данные решения негативно сказываются на других участниках рынка и включают в свой состав следующие действия, сказывающиеся на конкуренции:

- ограничение цен на товары, реализуемые в отрасли;
- ограничение объемов производства конкретных товаров, особенно первой необходимости;
- разделение рынков (по географическому принципу, видам товаров, другим сегментам);
- установление условий, которые препятствуют доступу на рынок другим участникам.

Такие соглашения заключаются, как в явной (формальной), так и скрытой форматах (например, устные договоренности). При этом ФАС даже неформальные договоренности признает нарушением, если они приводят к ограничению конкуренции на конкретном рынке.

При этом подобные заключения могут заключаться на ряде рынков, если при этом не противоречат правилам свободной конкуренции, но явные сговоры, устраняющие тем самым конкурентов с рынка, являются объектом контроля Антимонопольной службы.

Поэтому заключение хозяйствующими субъектами указанных соглашений должно сопровождаться тщательным анализом, поскольку они могут быть расценены ФАС, как антиконкурентные. Это формальные контракты и неформальные договоренности с конкурентами, которые зачастую являются предметами разбирательств в суде. Примером служит уголовное дело № 12201007754000411, возбужденное по пункту «в» части 2 статьи 178 УК РФ. В рамках дела было рассмотрено соглашение между ООО «КуроротСтрой» и другими представителями отрасли (всего 40 участников), которое УФАС расценило, как картельный сговор [4].

Действия по данному делу квалифицировались по статье 178 УК РФ, касаясь антиконкурентных соглаше-

ний, которые включали ценовые договоренности, раздел рынка, фиксацию ставок и другие формы сговора, направленные на получение неправомерной выгоды.

Согласно материалам дела, участники «картельного сговора» извлекли доход в особо крупном размере, превышающий 397 миллионов рублей. При этом уголовная ответственность по статье 178 УК РФ включает лишение свободы на срок до 7 лет и штрафные санкции.

Вторую составляющую преступлений, связанных с недобросовестной конкуренцией, представляют соглашения, заключаемые между органом власти и хозяйствующим субъектом (ст. 16 ФЗ-135). В этих ситуациях ФАС тщательно расследует дела, поскольку наиболее часто, соглашения носят рутинный и коммерческий характер. К примеру, УФАС получило заявление от физических лиц о возможных нарушениях антимонопольного законодательства в действиях ГБПОУ «С» при заключении договоров с единственными поставщиками [5]. После проведенной проверки представители УФАС установили, что ГБПОУ «С» заключило 4 договора на проведение идентичных ремонтных работ в сумме 600 тыс. рублей каждого, без проведения конкурентных процедур.

Проведение анализа заявления, УФАС пришло к выводу, что работы, предусмотренные договорами, были однородными, и действия ГБПОУ «С» могли быть расценены как попытка избежать конкурентных процедур. Однако, в ходе расследования УФАС установило, что ГБПОУ «С» не является органом власти и не выполняет функции государственного органа власти. А статья 16 Закона о защите конкуренции применяется к действиям непосредственно органов власти и их подведомственных учреждений.

Заявитель, не согласный с решением УФАС, обратился в ФАС РФ с требованием отменить это решение, но вышестоящая инстанция приняла тоже решение [6].

Глубоко исследуются ФАС и «вертикальные» соглашения, которые находятся под запретом согласно ч. 2 ст. 11 ФЗ-135. По сути, это договора, которые заключаются между хозяйствующими субъектами, находящимися на разных уровнях распределительной цепочки.

Основная цель вертикальных соглашений — организация эффективного перемещения товаров от производителя к конечному потребителю, что в целом позволяет установить четкие правила и условия для поставок и упрощает процесс доставки и хранения товаров.

В тоже время, вертикальные соглашения не должны оказывать влияния на цены перепродажи товаров. А значит, производители и поставщики не должны устанавливать минимальные или фиксированные цены для своих дистрибьюторов или дилеров в рамках таких соглашений. Однако, некоторые соглашения включают

рекомендации по ценам, что не допустимо в рамках антимонопольного законодательства, исходя из чего вертикальные соглашения подлежат антимонопольному контролю.

При этом ФАС проводит анализ на предмет степени ограничения конкуренции. Если соглашение приводит к существенному ограничению конкуренции на рынке, оно может быть признано недействительным.

В свою очередь ФАС признает вертикальные соглашения законными в сфере инноваций и высоких технологий при соблюдении следующих условий:

- они не предоставляют возможностей для снижения конкуренции на рынке;
- не представляют ограничений, накладываемых на других участников рынка;
- улучшают процессы производства и содействуют техническому и инновационному развитию предприятия;
- обеспечивают преимущества для выбора потребителям товаров.

ФАС также отмечает, что для субъектов, осуществляющих деятельность в области высоких технологий и инноваций, предусмотрены и специальные исключения, которые дают возможность им заключать вертикальные соглашения, если они соответствуют вышеуказанным критериям и способствуют развитию отрасли.

При выявлении вертикальных соглашений, помимо уголовной ответственности, антимонопольные органы (ФАС России) также проводят расследование и принимают меры по восстановлению конкуренции на рынке, включая наложение штрафов на участников картеля.

Хозяйствующие субъекты, нарушающие антимонопольное законодательство подвергаются разным мерам ответственности, включая штрафы, предписания об устранении нарушений, а также возможные иски со стороны пострадавших конкурентов или потребителей.

Также ведется методическая работа с юридическими лицами и индивидуальными предпринимателями, в отношении которых проводятся проверки соблюдения требований антимонопольного законодательства путем дачи разъяснений по вопросам применения антимонопольным органом антимонопольного законодательства Российской Федерации в случае поступления обращений [7].

В 2024 году было подготовлено множество документов и направлений Правительства РФ по итогам анализа отраслевых документов, а также проведена работа по взаимозаменяемости товарных рынков.

В результате в Федеральном законе в 2023-м году «О защите конкуренции» были внесены изменения, согласно которым введён запрет на монополистическую

деятельности лицами, владеющими программами ЭВМ, используемыми для взаимодействия и проведения сделок между продавцами и покупателями «маркетплейсов» и «агрегаторов». При этом условие контроля предусматривает, если цена сделки превышает 7 млрд руб [8].

Кроме того, внесён законопроект об изменении в статью 178 Уголовного кодекса Российской Федерации, увеличивающий штрафные санкции для юридических лиц с дифференциацией по выручке при препятствовании проверкам, проводимым антимонопольными органами.

В дальнейшем планируется отмена антимонопольных «иммунитетов», которые были применены к соглашениям и распоряжениям и интеллектуальным правам на результаты интеллектуальной деятельности в результате чего имело место злоупотребление исключительными правами патентообладателей.

В настоящее время Российская Федерация столкнулась с вызовами, связанными с ростом цен, и для устранения этого негативного явления, она как никогда нуждается в развитии конкуренции на рынке. Чем сильнее развита конкуренция на рынке, тем значительнее ценовое давление на сектор экономики, это будет содействовать снижению роста цен, а значит и инфляция будет сдерживаться.

Кроме того, на наш взгляд, в России в настоящее время сформирована слабая система антимонопольного регулирования. Имеет место коррупция, что в целом также ограничивает развитие конкурентной среды. Огромное количество проверок, проводимых в отношении отдельных сегментов бизнеса, мешает им в эффективном функционировании, а также снижает результаты хозяйственной деятельности, а часто способствует уходу с рынка компаний.

В тоже время, часто предприятия сталкиваются со сложностями в доступе к финансированию несмотря

на то, что выводят на рынок перспективную и востребованную продукцию. Это также связано с наличием большого количества бюрократических барьеров, затянутостью оказания материальной и финансовой поддержки представителям малого и среднего бизнеса.

Соответственно, недостаток инноваций, их финансирования, в определенной степени ограничивает рост развития экономики в целом.

Наблюдается существенный дисбаланс в регионах по развитию конкуренции. Существует регионы, в которых бизнес аккумулирован фактически в одних руках. Это существенно ограничивает возможности развития конкуренции на рынке, а также проявление рыночных механизмов и налаживания развития производств и экономики в целом.

Существуют и другие ограничения, которые в определенной степени связаны с перечисленными.

Таким образом, требуется доработка нормативной правовой базы, определяющей ответственность и критерии за факты недобросовестной конкуренции. Необходимо на законодательном уровне закрепить подобные факты, которые носят характер, способствующий снижению активности конкуренции на рынке, а также определить ответственность юридических лиц за их использование.

Кроме того, целесообразно ужесточить ответственность должностных лиц за принятие решений, которые так или иначе содействуют снижению конкуренции.

Необходимо проработать механизм стимулирования предпринимателей, соблюдая баланс интересов, роста конкуренции на рынке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) О защите конкуренции // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-26072006-n-135-fz-o/>
2. Федеральный закон от 17.08.1995 N 147-ФЗ (ред. от 08.08.2024) О естественных монополиях // <https://sudact.ru/law/federalnyi-zakon-ot-17081995-n-147-fz-o/>
3. Кинёв А.Ю. Классификация антиконкурентных соглашений в антимонопольном законодательстве Российской Федерации // Современная конкуренция. 2021. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/klasifikatsiya-antikonturentnyh-soglasheniy-v-antimonopolnom-zakonodatelstve-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 31.10.2024).
4. Решение №22/112867/23 Решение по делу № 22/01/11-19/2023 (Брянские крыши) от 29 декабря 2023 г. // <https://br.fas.gov.ru/ca/upravlenie-po-borbe-s-kartelyami/6827bc68-13dc-41c2-81ab-7ba58c86ba75/>
5. Нельговский, И.Е. Проблемы доказывания нарушений антимонопольного законодательства, предусмотренных статьёй 16 Закона о защите конкуренции РФ / И.Е. Нельговский, Д.В. Ботанцов. — Текст: непосредственный // Государство и право: теория и практика: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Чита, июль 2014 г.). — Т. 0. — Чита: Издательство Молодой ученый, 2014. — С. 29–31.
6. Решение Апелляционной коллегии ФАС России от 01 октября 2021 г. по делу №059/01/16-465/2021
7. Подробности: <https://gkgz.ru/fas-pravoprimeritel'naya-praktika-pri-kvalifikatsii-dejstvij-organov-vlasti-i-hozsubektov-po-state-16-zakona-o-zashchite-konkurentsii/>
8. Кулакова, А.А. Борьба с картелями как стратегическое направление государственной антимонопольной политики / А.А. Кулакова // Per aspera ad astra — Через тернии к звездам: Сборник научных статей международных научных студенческих слушаний, Ставрополь, 08 февраля 2024 года. — Ставрополь: ООО «Ставропольское издательство «Параграф», 2024. — С. 101–104.
9. Федеральный закон от 10.07.2023 № 301-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О защите конкуренции»

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

LEGAL ASPECTS OF THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN BUSINESS ACTIVITIES

N. Orekhova

Summary. The article examines the main legal aspects of the use of artificial intelligence in business, which are currently represented by a variety of legislative initiatives. At the same time, there is no single document defining the responsibilities of developers and users in this area, and there are many ethical issues in the use of artificial intelligence and the distribution of responsibility in conflict situations. In addition, international experience has been studied, which has shown that a regulatory framework has not been developed abroad that satisfies all aspects of the use of artificial intelligence. Every country is actively working to develop this regulatory framework, including the Russian Federation. Currently, in Russia, responsibility is established by the Code of Administrative Offenses and other federal laws, and an ethical code for the use of artificial intelligence and digital technologies and concepts for their development have been developed. Nevertheless, the problem remains unresolved due to the lack of a transparent regulatory framework in this matter, which has predetermined the need to develop an understandable mechanism for determining responsibility for possible failures in artificial intelligence, as well as the creation of norms and standards that will help eliminate emerging conflicts in this area. The purpose of the article is to analyze the legal aspects of the use of artificial intelligence in business activities.

Keywords: legal aspects, artificial intelligence, responsibility, concept, standards.

Применение искусственного интеллекта в разных сферах экономики Российской Федерации сопровождается резонансным отношением общества к ним и необходимостью соблюдения этических принципов. К принципам этики в области применения технологии искусственного интеллекта относятся безопасность, надежность, прозрачность, инклюзивность, защита прав человека, беспристрастность, справедливость, контролируемость, конфиденциальность, ответственность и др. Исходя из этих принципов формируется законодательная база, на которой основываются разработчики цифровых решений в РФ, применяемых в предпринимательстве.

В частности, речь идет о контроле за соблюдением требований по безопасности использования искусственного интеллекта, авторских прав разработчиков,

Орехова Наталья Леонидовна
кандидат юридических наук, доцент, Северо-Западный институт управления — филиал РАНХиГС при Президенте РФ (г. Санкт-Петербург)
nataliaorekhova@bk.ru

Аннотация. В статье рассмотрены основные правовые аспекты использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности, которые в настоящее время представлены множеством законодательных инициатив. При этом единого документа, определяющего ответственность разработчиков и пользователей в этой сфере не установлено, а также возникает ряд вопросов этического характера в использовании искусственного интеллекта, и распределении ответственности при возникновении конфликтных ситуаций. Кроме того, изучен мировой опыт, который показал, что в отдельных зарубежных странах также не разработана нормативная база, удовлетворяющая все стороны пользования искусственным интеллектом. В настоящее время в России ответственность устанавливается Кодексом об административных правонарушениях, и другими федеральными законами, разработан этический кодекс использования искусственного интеллекта и цифровых технологий, и концепции их развития. Тем не менее остаётся нерешенной проблема, связанная с отсутствием прозрачной нормативной базы в этом вопросе, что предопределило необходимость в разработке понятного механизма определения ответственности за возможные «сбои» в работе искусственного интеллекта, а также создание норм и стандартов, которые будут способствовать устранению возникающих конфликтов в данной сфере.

Цель статьи — проанализировать правовые аспекты использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности в современной России.

Ключевые слова: правовые аспекты, искусственный интеллект, ответственность, концепция, стандарты.

контроле этичности его использования и не допущении применения в преступных целях.

Однако, до настоящего времени законодательная база в Российской Федерации не предусматривала отдельных этических ограничений для разработчиков цифровой среды, что осложняло деятельность Правительства РФ по защите населения от цифровых мошенников и сказывалось на обеспечении правовой легитимности функционирования рынка технологий искусственного интеллекта в целом.

В 2022 г. Правительством РФ был введён экспериментальный правовой режим, который отменил действие норм общего регулирования разработчиков и наделил их деятельность специальными правилами [1].

Суть заключается в ослаблении контроля и надзора за работой компаний разработчиков информационных решений, что освобождает их от ответственности и ограничений в продвижении своих технологий на соответствующие рынки.

С этой целью был издан закон Федеральный закон № 258-ФЗ от 31.07.2020 г., который вступил в силу с января 2021 год [2]. Данный закон представляет собой системный механизм тестирования реальных взаимоотношений государства и бизнеса, занятого разработкой и продвижением искусственного интеллекта, больших данных, квантовых технологий, виртуальной реальности, блокчейн, нейротехнологии.

Закон об инновациях распространяется только на лица, являющиеся разработчиками интеллектуальных систем, которые внедряются в состав основных отраслей экономики.

Данный закон предполагает, что Правительство РФ имеет право формировать и другие направления, в которых будет применяться особый правовой режим для использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности, что позволит бизнесу облегчить их работу с большими данными, внедрение технологий, связанных с беспроводной связью, квантовым производством.

В соответствии с законом внесены изменения и в ряд федеральных законов, регламентирующих безопасность таких систем, как персональные данные, воздушные и транспортные перевозки, безопасность дорожно-го движения, и ряд других законов.

Благодаря данному закону большая часть пользователи технологий на основе искусственного интеллекта получили свободу действий, что позволило повысить эффективность реализации инновационных товаров услуг и усилило их правовую ответственность.

Кроме того, стоит отметить, что правовое регулирование использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности базируется на гражданском и административном законодательстве, которое предусматривает ответственность разработчиков в области цифровых прав, а также пользование данными права субъектами бизнеса.

В РФ был разработан федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» [3], который закрепил цифровые права граждан, разделив их на обязательные и иные.

Основная цель данного закона состояла в регулировании отношений в рамках цифровой экономики, в том числе использование искусственного интеллекта в бизнесе.

Это подтверждается двумя другими Федеральными законами, которые также направлены на обеспечение этичности использования цифровых прав предпринимательством страны: «О цифровых финансовых активах» [4] и «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ» [5].

Рассматривая закон № 34-ФЗ, становится ясно, что он определяет имущественные и неимущественные права, в составе которых интеллектуальные и другие. И все они могут быть включены в состав цифровых активов и систему цифровой экономики. Однако не поясняются условия реализации прав предпринимателей по использованию искусственного интеллекта в Интернет-сети, что говорит об односторонности и потребности доработки данного федерального закона.

Ответственность за разработки в области искусственного интеллекта и их использование установлена кодексом об административных правонарушениях РФ, который предусматривает санкции за несоблюдение требований законодательства о цифровых правах к их разработчикам и пользователям. Для граждан — это штрафы от 3000 до 5000 руб., для должностных лиц — от 20 000 до 30 000 руб., а для юридических лиц — от 500 000 до 700 000 руб [6].

Еще одним документом, определяющим вопросы этичности интеграции искусственного интеллекта в технологии является «Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 года» (п. 48 Указа Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» [7]. В данном документе отражены этические аспекты использования технологии искусственного интеллекта, а именно п.57 определяет, что они должны учитываться при принятии управленческих решений в сфере бизнеса.

Ещё один документ, который содержит конкретные аспекты регулирования использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности, это Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. [8]. В ней были определены основные аспекты формирования кодекса этики разработчиков, а также применения технологии искусственного интеллекта в предпринимательской среде.

Кроме того, Президентом РФ было принято решение разработать Национальный кодекс этики в сфере искусственного интеллекта, который должен учитывать основные аспекты общественной жизни, влияние на них искусственного интеллекта и этику взаимоотношений, возникающих в рамках использования данных технологий [9].

Этический кодекс в настоящее время подписали альянсы Яндекс, МТС, Mail.ru Group, Сбербанк, Газпром и Российский фонд прямых инвестиций и другие. Проект кодекса этики искусственного интеллекта обсуждался экспертным сообществом [10]. При этом подчёркивалось, что сложно применять технологии искусственного интеллекта без ярко выраженных этических конструкций, а также этического анализа данной сферы. Поэтому разработка этических норм искусственного интеллекта является необходимостью, и должна применяться всеми пользователями данных технологий. Об этом свидетельствует и тот факт, что любой человек, который не обладает специальными знаниями в области искусственного интеллекта воспринимает его функционирование на основании массовой культуры, а также материалов СМИ и представителей разработчиков. Последние зачастую приукрашивают собственную необходимость, способность и функционал, в результате чего люди получают ложные убеждения о применении разных технологий.

Кроме того, этический кодекс является одним из основных методов регулирования в отсутствие сформированного законодательного аппарата, который способен выявлять принципы использования технологий.

Концепция развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники также содержит упоминание о том, что развитие технологий искусственного интеллекта должно основываться «на базовых этических нормах» и принципах.

Для обеспечения безопасности использования искусственного интеллекта в рамках стратегии была разработана программа развития проектного облика «цифрового полицейского» [11].

В частности, для реализации проекта цифровой полиции разработана специализированная информационная система, обеспечивающая использование информационных ресурсов и формирование единой цифровой платформы МВД России. В основе построения ИКТ «Цифровая полиция» находится схема моделирования процессов деятельности в интернете, а также сценарии задач по борьбе с цифровыми рисками [12].

Определённым преимуществом разработки «цифровой полиции» является формализация сценариев деятельности полицейских в виде алгоритмов и задач. С этой целью разработаны робототехнические системы специального назначения, способствующие формированию рациональных путей развития комплекса специального назначения.

В кейсах зарубежных компаний регулирование использования искусственного интеллекта предпринимательством осуществляется на уровне промышленности,

сферы услуг, финансовых услуг. Лидерами являются США и Китай. При этом вопросы регулирования процесса управления технологиями искусственного интеллекта остаются не проработанными фактически во всех современных государствах. В частности, остаются нерешёнными вопросы распределения ответственности при нарушениях и «сбоях» в работе искусственного интеллекта, что приводит к жертвам либо материальному ущербу.

Также актуальны вопросы правового сопровождения вопросов доступа ИИ к личным данным населения государств.

Существуют и противоречия в области прав использования искусственного интеллекта в военных разработках, военных целях. Этому способствует то, что чем дальше внедряется искусственный интеллект в разные отрасли экономики и технологические процессы, возникает большее количество нерешённых проблемы и вопросов, которые связаны с правовой базой его использования в той или иной области.

Однако стоит отметить, что, как и в России, данные вопросы пытаются решить на уровне межнациональных государственных объединений и самих государств.

К примеру, Правительством КНР проработана целая программа с продвижением технологий с ИИ и стимулированием предприятий [13]. При этом в программе выделена область этики применения ИИ, в особенности в жизненно важных отраслях. Так, в одной из клиник КНР в впервые в мире был внедрён робот-дантист, который без вмешательства человека построил имплантат зуба во рту пациента [14]. При этом законодательно установлено, что этот робот может работать только под чутким наблюдением за его действиями со стороны ответственного дантиста. И ответственность в случае сбоев в работе робота несет также ответственный сотрудник клиники.

Кроме того, Китайские компании Megvii или SenseTime стали мировыми лидерами в области внедрения программного обеспечения для распознавания лиц. Эта технология полностью построена на основе ИИ и позволяет создавать качественные продукты для обеспечения безопасности и эффективного контроля продаж [15]. В тоже время по законодательству Китая использование полученных персональных данных может производиться сугубо по назначению и не подлежит распространению.

В указанном примере отсутствует распределение ответственности при распространении личных данных за области проводимого исследования. Кроме того, проблема здесь видится непосредственно в безопасности функционирования данных решений, которая связана с утечками персональных данных, взломами и возмож-

ными «хакерскими атаками», а также рисками сбоя работы искусственного интеллекта. В этой связи максимально эффективным видится формирование такой правовой системы, которая будет учитывать риски внедрения искусственного интеллекта и его максимальной адаптации к действующим решениям.

Российская Федерация, как и Китай уделяет большое внимание безопасности персональных данных, свободе конкуренции и ответственности субъектов, что является важным аспектом в эпоху цифровых технологий.

Также акцент в правовом поле использования ИИ в России ставится на недискриминации отдельных социальных групп и административно-территориальных образований, отражая стремление к сокращению разрыва в использовании цифровых технологий и сплочению нации. Это важные ценности, которые в целом способствуют созданию более справедливого и равноправного общества в условиях цифровой трансформации с прозрачной и доступной правовой базой.

Обращаясь к опыту этического регулирования применения искусственного интеллекта в США, стоит подчеркнуть, что они являются лидерами по использованию ИИ в проектировании умных домов, индустрии распознавания лиц и речи [16]. Однако законодательно не определена степень и источники ответственности при наличии «сбоев», связанных с изменением тактики ИИ, в результате чего может произойти подтоп соседей, пожар и другие бедствия. Кроме того, также, как и в КНР, не установлено распределение ответственности при распространении персональных данных населения.

Таким образом, правовое регулирование использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности в настоящее время в Российской Федерации до конца не проработано и продолжает

развиваться. Необходимо продолжать работу над разработкой стандартов и принципов, которые позволят обеспечить безопасное и этическое использование этих технологий.

В зоне регулирования должна быть четко выделена область ответственности и прозрачности использования искусственного интеллекта с распределением ее по субъектам права.

Следует разработать понятный механизм определения ответственности за возможные «сбои» в работе искусственного интеллекта, поскольку алгоритмы их функционирования зависят от входных данных, и разработчики не всегда гарантируют их точность.

Кроме того, кооперация и плотное сотрудничество в данном вопросе между заинтересованными в этом странами позволит разработать стандарты использования новых технологий в предпринимательстве, которые будут учитывать все аспекты, в том числе защиту приватности, обеспечение прозрачности и ответственности в использовании новых технологий, а также защиту прав и свобод граждан.

Создание норм и стандартов устранил возможные конфликты между субъектами бизнеса и обеспечит единые принципы использования искусственного интеллекта.

Таким образом, для формирования эффективной нормативной правовой базы использования искусственного интеллекта в предпринимательской деятельности требуется набор этических и правовых стандартов, учитывающих скорость развития технологий, сложность правовых отношений в современном обществе, интересы государства и бизнеса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Экспериментальные правовые режимы: перспективы введения в России // <https://www.garant.ru/article/1315582/> (дата обращения: 06.02.2025).
2. Федеральный закон «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации» от 31.07.2020 N 258-ФЗ (последняя редакция) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_358738/ (дата обращения: 06.02.2025).
3. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ (последняя редакция)
4. Федеральный закон «О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 02.08.2019 N 259-ФЗ (последняя редакция)
5. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях» от 30.12.2001 N 195-ФЗ (ред. от 20.10.2022) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/
6. Сухов А.В., Конюшев В.В. Цифровая полиция как эргатическая система, функционирующая в цифровой экосистеме // Правовая информатика. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-politsiya-kak-ergaticheskaya-sistema-funktsioniruyuschaya-v-tsifrovoy-ekosisteme> (дата обращения: 06.02.2025).
7. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/>
8. Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта // <https://ai.gov.ru/regulation/etika-iskusstvennogo-intellekta/> (дата обращения: 06.02.2025).

9. Распоряжение Правительства РФ от 19 августа 2020 г. № 2129-р Об утверждении Концепции развития регулирования отношений в сфере технологий искусственного интеллекта и робототехники на период до 2024 г. // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74460628/> (дата обращения: 06.02.2025).
10. Малюгина А.В., Ануфриева А.Н. Возможности оптимизации и совершенствования деятельности полиции России, связанные с применением технологических инноваций (анализ зарубежного опыта) // *European Journal of Natural History*. — 2020. — № 4. — С. 78–84.
11. URL: <https://world-science.ru/ru/article/view?id=34122> (дата обращения: 06.02.2025).
12. Сухов А.В., Конюшев В.В. Цифровая полиция как эргатическая система, функционирующая в цифровой экосистеме // *Правовая информатика*. 2021. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovaya-politsiya-kak-ergaticheskaya-sistema-funktsioniruyuschaya-v-tsifrovoy-ekosisteme> (дата обращения: 06.02.2025).
13. Белая книга (официальный правительственный документ) индустрии искусственного интеллекта в Китае] // Deloitte. 2018. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/cn/Documents/innovation/deloitte-cn-innovation-ai-whitepaper-zh-181126.pdf> (дата обращения: 06.02.2025).
14. Искусственный интеллект (рынок Китая) // Российский интернет-портал и аналитическое агентство TAdviser. 2019. URL: <http://www.tadviser.ru/index.php> (дата обращения: 06.02.2025).
15. China AI development report 2018 // China Institute for Science and Technology Policy at Tsinghua University. 2018. URL: http://www.sppm.tsinghua.edu.cn/eWebEditor/UploadFile/China_AI_development_report_2018.pdf (дата обращения: 06.02.2025).
16. Проекты Open Source как драйвер развития искусственного интеллекта // AI Conference. 2019. URL: <https://aiconference.ru/ru/article/proekti-open-source-kak-drayver-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta-96504> (дата обращения: 06.02.2025).

© Орехова Наталья Леонидовна (nataliaorekhova@bk.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПЕРВЫЙ СИСТЕМНЫЙ ЗАКОН В РОССИИ: КАК ЗЕМСКИЙ СОБОР ПРИНИМАЛ УЛОЖЕНИЕ В СЕРЕДИНЕ XVII ВЕКА

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,
Краснодарский университет МВД России
uporov@list.ru

THE FIRST SYSTEMIC LAW IN RUSSIA: HOW THE ZEMSKY SOBORD ADOPTED THE CODE IN THE MIDDLE OF THE 17TH CENTURY

I. Uporov

Summary. In the history of Russian legislation, one of the most important landmark events is the adoption of the Collected Code in 1649 — this act is unique in many respects. The article examines this thesis from several angles, with special attention paid to the fact that the draft Code was discussed in advance by representatives of different classes (with the exception, of course, of involuntary people and women, in accordance with the social relations that existed in the Muscovite state at that time), and then at a general meeting in the form of the Zemsky Sobor, the final decision was made, including the signatures of the participants of the council, which was also attended by the tsar. Such a legislative procedure, which had certain democratic principles, can obviously be considered a prototype of the modern legislative process. It is noted that the Code consists of systematically thematically arranged chapters, which was not the case before. This Code regulated various aspects of social relations, and in this context, this act was a universal, extremely concise set of rules and norms of both substantive and procedural law. At the same time, there was a predominance of issues of a property and land nature. Many norms regulated the protection of the political system (the initial stage of absolutism) — for an attempt on the lives of persons of the highest nobility, crimes against the state, the death penalty was imposed. The same punishment was for severe general criminal punishments; for the first time, punishment in the form of imprisonment appears. The Code was first reproduced in print. Accordingly, the norms of the Cathedral Code, other documents related to its adoption, scientific works that touch on this issue are analyzed, and the author's generalizations are made.

Keywords: Moscow state, cathedral, code, project, systematization, commission, law.

Аннотация. В истории российского законодательства одним из важнейших знаковых событий является принятие в 1649 г. Сборного уложения — этот акт уникален по многим позициям. В статье данный тезис рассматривается с нескольких сторон, при этом особое внимание уделяется тому обстоятельству, что проект Уложения обсуждался предварительно представителями разных сословий (разумеется, за исключением невольных людей, а также женщин — согласно существовавшим тогда социальным отношениям в Московском государстве), а затем на общем собрании в форме Земского собора было принято окончательное решение, в том числе включая подписи участников собора, в котором присутствовал и царь. Такую законодательную процедуру, в которой наличествовали определенные демократические начала, можно, очевидно, считать прообразом современного законодательного процесса. Отмечается, что Уложение состоит из системно-тематически расположенных глав, чего не было ранее. В этом акте регулировались различные аспекты общественных отношений, и в этом контексте этот закон являлся универсальным, предельно сжатым сводом норм как материального, так и процессуального права. Вместе с тем имело место преобладание вопросов имущественного и земельного характера. Немало норм регулировали защиту политического строя (начального этапа абсолютизма) — за покушение на лиц высшей знати, преступления против государства полагалась смертная казнь. Такое же наказание было за тяжкие общеуголовные наказания; впервые появляется наказание в виде тюремного заключения. Уложение впервые было размножено печатным способом. Соответственно анализируются нормы Соборного уложения, другие документы, связанные с его принятием, научные труды, в которых затрагивается данная проблематика, делаются авторские обобщения.

Ключевые слова: Московское государство, собор, уложение, проект, систематизация, комиссия, закон.

При исследовании Соборного уложения следует иметь в виду, что сам текст этого закона сохранился, чего нельзя сказать о материалах Уложенной комиссии не сохранились, поэтому с точностью говорить о всех деталях, связанных с процедурой принятия Уложения, не приходится, и в этой связи в литературе справедливо отмечается, что многое относится к области догадок, предположений и косвенных построений» [1; 2; 3 и др.]. На этом счет имеются исследования, в том

как дореволюционного, так и советского и современного периодов российской истории [4;5;6;7 и др.]. Тем не менее имеющиеся сведения дают возможность составить представление о законотворческом процессе того времени. Так, к началу октября 1648 г. проекта Уложения в текстовом его изображении был готов, после чего началось обсуждение проекта, которое а происходило отдельно в двух совещаниях, или, как их условно называют, «палатах», а именно в боярской палате и дво-

рянско-посадской палате [8, с. 17–18]. Вероятно, такое обсуждение можно считать прообразом будущих обсуждений в системе публично-властных отношений [9]. После того, как обсуждение закончилось, государь (царь Алексей Михайлович) дал указ «то все Уложение написать на список», закрепить его «рукоприкладством» участников соборного обсуждения, после чего передать для печатного тиражирования [10, с. 159]. Как видно из текста самого Уложения (в завершающей его части) работа Земского собора по обсуждению проекта данного акта была закончена 29 января 1649 г. Спустя некоторое время (начало апреля 1649 г.) был издан указ о напечатании Уложения, после чего книги с текстом Уложения поступили в продажу [8, с. 69]. Так на свет появилось Уложение [11], которое позже, когда поставлена нумерация главам и статьям (в начальной редакции этого не было) стали именовать как «Соборное уложение» (в дальнейшем анализе текста Уложения используется принятая для данного акта нумерация).

В числе подписантов были церковные служители (патриарх, два митрополита и др.), бояре, окольниковы, казначей, московские дворяне и дворян иных городов, выборные от московских сотен и слобод, представители посадов, стрельцы — всего указано 315 «рукоприкладившихся» [12, с. 247]. Преобладали представители дворянства, видно и влияние представителей посада. По мнению А.Н. Зерцалова, было еще тридцать участников Земского собора, не оставивших подписей. Всего на собор съехались выборные из 116 городов [13, с. 23]. Следует отметить достаточно высокую активность словесных представителей при обсуждении проекта Уложения, который был подготовлен Уложенной комиссией, о чем свидетельствуют, например, ссылки на них в тексте Уложения. Так, в ст. ст. 42 Главы XVII («О вотчинах»): указывалось: «А ныне государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси, советовав со отцем своим и богомолцем святейшим Иосифом патриархом Московским и всея Руси, и с митрополиты, и со архиепископы, и с епископом, и со архимариты, и игумены, и со всем Освященным собором, и говоря с своими государевыми бояры, и с околничими, и з думными людьми и с столники, и с стряпчими, и з дворяны московскими, и з городовыми дворяны и детми боярскими указал, и собором уложили...» [11]. И далее шла речь об имущественных правах церкви.

Очевидно, можно предположить, что ряд сословий ставили вопрос о целесообразности ограничения этих прав (в данном случае прав со сделками с родовыми вотчинами). Об этом говорится, в частности, в одной из челобитных, где указывается, что «все выборные люди ото всея земли били челом, чтоб Государь указал у Патриарха, и у властей, и у монастырей, и у протопопов, и у попов вотчинная земли взять на себя, Государя, которая даваны с восемьдесят осьмаго году, после указу и уложе-

ню прежних Государей...и прежних властей, которые с ними, Государя в то время были на соборе, а в том соборном деле уложение написано, что с тех мест в монастыри вотчинных земель отнудь не давать, а власти де к тому приговору и руки свои приложили» [14, № 33]. Вероятно, на основании этого челобитья и возникла процитированная выше норма Соборного Уложения.

При обсуждении проекта Уложения среди других активно обсуждался крестьянский вопрос. Так, дворянством было выдвинуто требование о юридическом оформлении крепостничества. В царской грамоте в Звенигород от 24 января 1649 г. говорилось о челобитье царю служилых людей «всех городов» с просьбой об отмене «урочных лет» для сыска беглых крестьян. Это челобитье в итоге было разрешено следующим образом: беглых крестьян и бобылей отдавать их господам по писцовым книгам без «урочных лет» [15, с. 231]. В этой грамоте звенигородской приказной администрации предписывалось руководствоваться уже Уложением, где в ст. 1 Главы XI (под названием: «Суд о крестьянах») значилось: «Которые государевы дворцовых сел и черных волостей крестьяне и бобыли, выбежав из государевых дворцовых сел и ис черных волостей ... тех государевых беглых крестьян и бобылей сыскивая свозити в государевы дворцовые села и в черные волости, на старые их жеребьи по писцовым книгам з женами и з детьми и со всеми их крестьянскими животы без урочных лет» [11].

Обсуждался на уложенной комиссии также вопрос о частновладельческих, торговых и промышленных слободах на посадской земле и о закладчиках за землевладельцами, избегающих посадского тягла. Так, в челобитной от 30 октября 1648 г. стольники, стряпчие, дворяне московские и городовые дворяне и дети боярские отмечали, что «на Москве же де и по городом патриарши, и монастырские, и боярские и иных чинов люди, их крестьяне, покупил себе и в заклады поимали тяглые дворы и лавки, и погребы каменные, и торгуют всякими товары, и своею мочью и заступою откупают на Москве и по городом таможи и кабаки и всякие откупы, и от того де они служилые и тяглые люди обедняли и одолжали неоплатными долги, а промыслов своих многие отбыли» [14, № 32-1]. 25 ноября 1648 г. последовала новая подписная челобитная «всяких чинов выборных людей» об отписке на государя слобод и возвращении закладчиков «без лет и без сыску». Челобитчики полагали «чтоб впредь слободам со крестьяны и с бобыли и с закладчики, с торговыми и ремесленными людьми, на Москве и в городех всем быть его государевым, а ничьим иным, опричь его государевых людей не быть, и чтоб той розни в его государстве никакой ссоры и розни меж людьми не было» [14, № 32-3]. Как видно, предложения были вполне конкретные.

И вот как это нашло отражение в Уложении (ст. 1 Главы XIX (под названием «О посадских людях»): «Которыя

слободы на Москве патриарши и митрополичи и владычни и монастырския и бояр и околничих и думных и ближних и всяких чинов людей, а в тех слободах живут торговые и ремесленные люди и всякими торговыми промыслами промышляют и лавками владеют, а государевых податей не платят и служб не служат, и те все слободы со всеми людьми, которые в тех слободах живут, всех взятии за государя в тягло и в службы безлетно и бесповоротно, опричь кабалных людей ... А впредь, опричь государевых слобод, ничьим слободам на Москве и в городех не быть» [11]. Связь челобитных и данной нормы очевидна. И там, и там речь идет об отчуждении частновладельческих слобод и вотчин в пользу посада с прикреплением к посаду их торгово-промышленного населения и к сыску беглых посадских людей — закладчиков [16, с. 251].

В целом же такого рода проблемы отражали противоречия между, с одной стороны, землевладельцами (в основном представители аристократии и высшего чиновничества), и, с другой стороны, нарождающегося класса российской буржуазии. В данном случае был найден некий баланс интересов, и этому способствовала предоставленная посадскому сословию возможность заявить о своих интересах в рамках составления нового Уложения. Вместе с тем был вопрос, по которому и боярство, и посад выступали консолидировано.

Речь шла, в частности, о запрете иностранным купцам торговать во всех русских городах, кроме Архангельска. На этом счет представителями указанных сословий были поданы отдельные челобитные. Смысл их один и тот же, хотя терминология различается (из челобитной от стольников, стряпчих, дворян, детей боярских: «московские гости и торговые люди во всяких торгах и в промыслах от немец погибли и разорились до конца»; из челобитной гостей и торговых людей: «Чтоб в Московском государстве заморские немцы не множились, и иных бы государств королевскими имяны, на Москве живучи не назывались»).

Эти челобитные поступили в «приказ бояр», оттуда был послан запрос в Посольский приказ о том, какими документами определялись условия иностранной торговли в России. Ответ этого приказа был датирован 20 декабря 1648 г., и царь передал его на рассмотрение Земского собора, и вызвал весьма заинтересованное обсуждение (достаточно сказать, что под текстом с изложением ситуации с иностранной торговлей и подтверждением своей позиции подписались 164 выборных человека). Однако в Уложении данный аспект отражения не нашел [17, с. 301]. Можно предположить, что поскольку этот вопрос был связан с внешнеполитическими отношениями, то потребовал большего времени для его решения. Лишь в июне 1649 г. последовал царский указ, разъясняющий особенности иностранной торговли в России.

Немало норм Уложения посвящены борьбе с преступностью. В этом контексте следует заметить, что именно с Соборного уложения стало формироваться и получил закрепление такой вид наказания, как тюремное заключение [18]. Там же закреплялось и ранее применяемая ссылка в отдаленные места в отношении политических противников правящей элиты. В дальнейшем эти два вида, оставаясь самостоятельными видами уголовной репрессии, в совокупности составили основу нового вида уголовного наказания — каторгу, когда осужденные к нему не только ссылались в отдаленные места, но и привлекались к работам, как правило физически тяжелым, в интересах государства, и при этом содержались в каторжных тюрьмах. При этом, как отмечает Ю.И. Майоров, Московское государство того времени применяло довольно жесткие наказания за преступления, и прежде всего за преступления, посягающие на существовавший тогда политический строй, то есть за преступления, так или иначе направленные против власть имущих [19] (следует заметить, что эта тема, связанная с преступлениями и наказаниями в Соборном уложении в историко-правовой литературе освещена достаточно подробно, в том числе в публикациях последних лет [20; 21; 22; 23 и др.]). Тем самым государство определенным образом упорядочивало в этом законодательном акте меры государственного принуждения к лицам, совершавшим общественно опасные деяния [24].

В целом Уложение, бесспорно, некоторым образом оптимизировало социальные отношения середины XVII в., приведя в большее соответствие нормы закона и реальное положение в стране [25; 26]. Отчасти, имея в виду на более высоком уровне законодательную защиту прав жителей Московии, можно считать, что Уложение пусть в небольшой степени, но все же отражало то, что в дальнейшем будет определяться как идеи естественного права [27; 28]. Но, разумеется, всех противоречий Уложение решить не могло. Так, В.Н. Алексеев обнаружил документы, из которых следует, что в челобитной от 9 марта 1649 г. курянин Малышев, работавший на Земском соборе как делегат «по выбору всего города курчан», жаловался на то, что некоторые жители остались крайне недовольны статьей Уложения об ограничении торговли в воскресные и праздничные дни (ст. 26 Главы X) и за это наговаривали на него (будто он в Москве «курчан весь город ... всяким дурном огласил») и намеревались в отношении него «всяко дурно учинити» [29, с. 80]. По этому вопросу был составлен такой ответ: «шумят де на него курчане, что он на Москве разных их прихотей в Уложенье не исполнил, и нам бы его пожаловать, велети ему дати береженную грамоту» [29, с. 81]. Если же иметь в виду масштаб всей страны, то достаточно указать на восстание Разина, показавшее остроту социальных противоречий, сгладить которые не помогло и Уложение [30]. Известный историк С.Ф. Платонов полагал, что провинциальные соборные представители при обсуждении

проекта Уложения ставили вопросы, вызывавшие неудовольствия в московском обществе. Поэтому, конечно, не следует идеализировать процедуру и содержание данного законодательного акта. Не нужно забывать, что правовая практика XVII в. еще не имела сложившихся правил составления закона, поскольку в одном и том же правовом источнике, в данном случае в Уложении, содержалось несколько альтернативных, а порой и взаимоисключающих решений по одному и тому же вопросу; во многих случаях на практике действующее право дополнялось различными общепринятыми обычаями, нигде в законе письменно не обозначенными [31, с. 8]. Данное Уложение имело силу до начала известной систематизации российского законодательства (первая треть XIX в.), а отдельные нормы «дожили» до конца существования российской империи.

Не менее важный представляется и то, что Соборное уложение по указанным выше характеристикам были первым и, одновременно последним, то есть, единственным, универсальным правовым актом, разработанным и принятым на системном уровне, в истории права России. В дальнейшем и в петровскую и екатерининскую эпохи предпринимались попытки создать подобное универсальное, на все случаи жизни Уложение, однако все такие попытки оказались безуспешными, несмотря на более совершенные государственные механизмы

принятия законов в Российской империи. Основная причина заключалась в том, что усложненные и непрерывно усложняемые социальные отношения уже не могли быть отрегулированы в одном акте — требовались все новые и новые нормы права, и они издавались и издаются в виде отдельных актов, и такая практика сохраняется до сих пор (так, спустя двадцать лет после издания Соборного уложения были приняты «Новоуказные статьи», что показывало ограниченный потенциал Уложения с точки зрения регулирования требующих этого актуальных вопросов социальной практики [32]).

Однако указанные обстоятельства не принижают значительной роли Соборного Уложения в правовой истории России, учитывая, что это был уникальный нормативно-правовой акт в истории российского законодательства, причем сразу по нескольким параметрам. Это был первый российский закон столь высокого по тем временам системного уровня, имея в виду разделение на 25 глав («О государьской чести, и как его государское здоровье оберегать», «О суде», «О поместных землях», «О стрельцах» и др.), далее — это был первый акт универсального характера, где отрегулированы наиболее важные общественные отношения, который был одобрен представителями разных сословий, то есть относительно демократическим, по тем временам, путем и ратифицирован печатным образом.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маньков А.Г. Уложение 1649 года: кодекс феодального права России. М.: ГПИБ, 2003.
2. Ельчанинова О.Ю. К вопросу о формировании Российской правотворческой традиции в XVII в. // Вестник Самарского юридического института. 2020. № 1. С. 38–45.
3. Козляков В.Н. Царь Алексей Тишайший: летопись власти. М., 2018.
4. Софроненко К.А. Соборное Уложение 1649 года — кодекс русского феодального права. М.: Прогресс, 1959. 347 с.
5. Уложение царя и великого князя Алексея Михайловича и земский собор 1648–1649 года // Известия и ученые записки Императорского Казанского Университета. Казань, 1880. С. 157–159.
6. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. Киев, 1915. С. 244.
7. Савченко Д.А. Создание Соборного Уложения: исторический опыт модернизации отечественного законодательства // Вестник НГУЭУ. 2013. № 3. С. 209–222.
8. Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. Соборное уложение 1649 года. М.: МГУ, 1961.
9. Звягольский А.Ю., Тамазов З.Г., Упоров И.В. Правовое регулирование института публичных слушаний и его реализация в муниципальных образованиях (проблемы теории и практики). Москва, 2008.
10. Государственное Древлехранилище хартий и рукописей (опись док. матер. Ф. 135) / Сост. В.Н. Шумилов. М.: Внешторгиздат, 1971.
11. Уложение от 29.01. 1649 г. // Полное собрание законов Российской империи. № 1.
12. Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII век. Т. 6 / Под ред. А.А. Новосельского, Н.В. Устюгова. М.: АН СССР, 1955.
13. Зерцалов А.Н. Новые данные о земском соборе 1648–1649 гг. М.: Универс.типогр., 1887. 80 с.
14. Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. IV. СПб., 1836.
15. Смирнов П.П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII в. Т. 2. М.-Л.: АН СССР, 1948. 736 с.
16. Маньков А.Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.-Л.: АН СССР, 1962. 422 с.
17. Черепнин Л.В. Земские соборы русского государства в XVI–XVII вв. М.: Наука, 1978. 417 с.
18. Упоров И.В. Первое законодательное закрепление тюремного заключения как наказания в российском праве // Государство и права. 1998. № 9.
19. Майоров Ю.И. Памятник русского права (к 350-летию со времени принятия Соборного Уложения) // Ярославский педагогический вестник. 1999. № 3. С. 204–210.
20. Константинова В.М. Сравнительно-правовой анализ преступлений и наказаний в XVII–XVIII вв. // Актуальные вопросы борьбы с преступлениями. 2023. № 2. С. 45–50.

21. Богданова Д.М. Государственные преступления: историко-правовой аспект // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2022. № 5. С. 116–122.
22. Рожнов А.А. К вопросу о пожизненном лишении свободы в Уложении 1649 года // Общество и право. 2011. № 2. С. 149–152.
23. Жильцов С.В. Некоторые аспекты смертной казни по Уложению 1649 года // Вестник Волжского университета им. В. Н. Татищева. 2012. № 2. С. 142–148.
24. Турицын И.В., Упоров И.В. Виды государственного принуждения, применяемого правоохранительными органами, и принципы его реализации // Право и практика. 2013. № 4. С. 21–28.
25. Грузнова Е. Б. Отечественные традиции законотворчества от Закона Русского до Уложения 1649 г. // Палеоросия. Древняя Русь во времени, в личностях, в идеях. 2018. № 10. С. 103–124.
26. Желонкина Е.А. Законотворческая техника в России XVII-XIX веков. М.: Юрлитинформ, 2015.
27. Упоров И.В., Схатум Б.А. Естественное и позитивное право: понятие, история, тенденции и перспективы развития: учебное пособие. Краснодар, 2000.
28. Упоров И.В. Правовое регулирование естественных прав человека в местах лишения свободы. Рязань, 1998.
29. Алексеев В.Н. Новый документ к истории земского собора. 1648–49 год // Древности. Труды Археологической комиссии Московского археологического общества. 1900. Т. 2. Вып. 1. С. 79–84.
30. Красницкая А.В. Правотворческая функция земских соборов в Московском государстве XVII в. (на примере разработки и принятия Соборного Уложения 1649 г.) // Общество и право. 2011. № 1.
31. Анучина Ю.Н. Историко-правовое исследование гражданского права по Соборному уложению 1649 года: автореф. дис. . . . канд. юрид. наук. Саратов, 2009.
32. Жуланов А.В., Мингес И.А., Теппеев А.А. От Соборного уложения к «Новоуказным статьям»: развитие русского права во второй половине 18 века // Право и управление. 2022. № 9. С. 136–139.

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОБНОВЛЕНИЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ БАЗЫ В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КРАЕВЫХ И ОБЛАСТНЫХ СОВЕТОВ НАРОДНЫХ ДЕПУТАТОВ ПОСЛЕ ПРИНЯТИЯ ПОСЛЕДНЕЙ СОВЕТСКОЙ КОНСТИТУЦИИ

Упоров Иван Владимирович

д.и.н., к.ю.н., профессор,

Российская академия естествознания, г. Краснодар

uporov@list.ru

UPDATING THE LEGISLATIVE FRAMEWORK IN THE ACTIVITIES OF REGIONAL AND REGIONAL COUNCILS OF PEOPLE'S DEPUTIES AFTER THE ADOPTION OF THE LAST SOVIET CONSTITUTION

I. Uporov

Summary. After the October Revolution of 1917, the Bolshevik government established a new system of public authority based on the Marxist political and ideological platform. Organizationally, this was implemented through the formation of a system of Soviets at all levels, including the local level. During all 74 years of the existence of the Soviet state, local Soviets had contradictory developments and different names. The article reveals the features of legislative regulation of regional and provincial Councils of People's Deputies after the adoption of the last Constitution of the USSR in 1977. The article analyzes the norms of laws at the union and republican levels (using the example of the RSFSR) that regulated the elections of deputies of regional and provincial Councils of People's Deputies, the powers and other components of the legal status of these government bodies in the late 1970s, relevant government decisions, as well as scientific works that address this issue, including those by authors of the Soviet period. It is noted that at that time, updating the legislative framework in the activities of local Councils of People's Deputies provided a positive impetus aimed at expanding the activity and effectiveness of local Councils of Workers' Deputies, but was never implemented later, and Soviet society continued to plunge into a period called «stagnation», where local Councils of Workers' Deputies actually acted as executors of decisions of higher authorities, and the main decisions were made by the party-bureaucratic apparatus.

Keywords: Soviet state, local government, regional and provincial Councils of People's Deputies, powers.

Аннотация. После октябрьской революции 1917 г. большевистская власть установила новую систему публичной власти, основанную на марксистской политико-идеологической платформе. Организационно это было реализовано путем формирования системы Советов на всех уровнях, в том числе на местном уровне. В течение всех 74 лет существования советского государства местные Советы имели противоречивое развитие и вариативные названия. В статье раскрываются особенности законодательного регулирования краевых и областных Советов народных депутатов после принятия последней Конституции СССР 1977 г. Анализируются нормы законов союзного и республиканского уровня (на примере РСФСР), которыми регулировались выборы депутатов краевых и областных Советов народных депутатов, полномочия и другие составляющие правового статуса этих органов государственной власти в конце 1970-х гг., соответствующие правительственные решения, а также научные труды, в которых затрагивается данная проблематика, в том числе советского периода. Отмечается, что тогда, после принятия союзной Конституции, обновлению законодательной базы в деятельности местных Советов народных депутатов был задан позитивный импульс, направленный на расширение активности и действенности местных Советов, однако в дальнейшем потенциал этого импульса так и не был реализован, а советское общество продолжало погружаться в период, названный «застоем», где местные Советы фактически являлись исполнителями решений вышестоящих инстанций, а основные решения принимал партийно-бюрократический аппарат.

Ключевые слова: советское государство, местная власть, краевые и областные Советы народных депутатов, полномочия.

С конца 1960-х гг. в СССР после длительного перерыва (с 1930-х гг.) стал обновляться статус местных Советов депутатов трудящихся, и начало было положено в отношении поселков и сельских населенных пунктов, что в немалой степени было обусловлено начавшейся реформой в управлении народным хозяйством СССР. Так, в рассматриваемый период 8 апреля 1968 г. был принят — Указ ПВС СССР «Об основных правах и об основных обязанностях сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся»; несколько позже,

19 марта 1971 г., был принят — Указ ПВС СССР «Об основных правах и обязанностях районных и районных в городах Советов депутатов трудящихся». На основе союзных законов принимались республиканские законы о местных Советах депутатов трудящихся, в том числе в РСФСР, в частности, был принят Закона РСФСР о районном Совете [1].

В дальнейшем предметом законодательного регулирования местных Советов депутатов трудящихся ожидаемо последовательно стали краевые, областные,

окружные Советы депутатов трудящихся, то есть речь шла о высших органах государственной власти в рамках местных Советов депутатов трудящихся (выше были Верховные Советы союзных и автономных республик, Верховный Совет СССР, статус которых здесь не рассматривается). Ниже краевые, областные, окружные Советы для удобства изложения материала обозначаются также как «региональные Советы».

Направления в развитии законодательства о региональных Советах задавались монополюно правящей КПСС, как было принято в советском государстве. Так, очередной XXV съезд КПСС, который состоялся в 1976 г., поставил задачу разработать и принять законы, определяющие компетенцию краевых, областных, окружных Советов депутатов трудящихся [2, с. 81], которые должны были завершить систему нормативных актов, устанавливающих статус местных органов государственной власти. Во исполнение этой задачи ПВС СССР и СМ СССР приняли совместное постановление [3], в котором указывалось на необходимость при подготовке этих актов обратить особое внимание на повышение ответственности региональных Советов за проведение на местах политики партии и государства, комплексное экономическое и социальное развитие краев, областей и национальных округов, подчеркивалась также необходимость более четко урегулировать взаимоотношения краевых, областных и окружных Советов с расположенными на их территории предприятиями, учреждениями и организациями вышестоящего подчинения.

Однако разработка соответствующего закона несколько затянулась, вероятно, в связи с тем, что планировалось принятие новой, «брежневской», Конституции СССР — это было сделано 7 октября 1977 г. [4] (несколько позже были приняты также соответствующие конституции союзных республик, в том числе Конституция РСФСР 1978 г. [5]) Соответственно все последующие законы должны были опираться на новую Конституцию СССР, в которой видоизменили название Советов — если ранее они были «Советами депутатов трудящихся», то теперь стали «Советами народных депутатов». Во исполнение конституционных предписаний Верховный Совет СССР 25 июня 1980 г. Закон СССР «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» [6]. Принятию закона предшествовало широкое обсуждение статуса региональных Советов в самих регионах на местах, в юридической литературе [7; 8; 9 и др.], в результате с технико-юридической точки зрения данный закон был разработан фундаментально. В союзных республиках с областным делением на основании новых республиканских конституций были приняты соответствующие республиканские законы об областных Советах. Так, Закон РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР» принят

на второй сессии Верховного Совета РСФСР десятого созыва 20 ноября 1980 г. [10] Правовой статус Советов 6 краев и 121 области регулировался названными законами. Новое законодательство о краевых, областных Советах закрепило существующую практику их деятельности, в нем использованы выводы и достижения науки советского строительства [11, с. 8].

Новое законодательство о региональных Советах устанавливало, что в подчинении названных органов находятся предприятия, учреждения и организации, обслуживающие преимущественно население данной территории. С учетом этого ЦК КПСС, ПВС СССР и СМ СССР в постановлении от 19 марта 1981 г. [12] обязали Советы Министров союзных республик совместно с заинтересованными министерствами и ведомствами СССР и с участием местных Советов рассмотреть и решить вопрос о передаче указанных объединений и предприятий из союзного и республиканского (союзных республик) подчинения в республиканское (автономных республик) и местное подчинение. Тем самым региональные Советы выступали главным звеном в управлении территорией, они отвечали за согласованное развитие всех отраслей народного хозяйства в интересах комплексного использования производительных сил.

Деятельность краевых, областных Советов строилась на основе демократических принципов: коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, регулярной отчетности органов Совета перед Советом и населением, широкого привлечения граждан к участию в их работе, включая обращение к различным формам непосредственной демократии (например, вынесение наиболее важных вопросов на обсуждение граждан, развитие общественной самодеятельности населения и т.д.).

Особая роль Советов обусловила включение в Конституцию СССР 1977 г. нормы об увеличении сроков полномочий депутатов всех уровней — с четырех до пяти лет срок полномочий Верховных Советов и с двух до двух с половиной лет — местных Советов. Выборы согласно Конституции СССР, должны были регулироваться законами Союза ССР, союзных и автономных республик. Соответственно в 1978-1979 гг. были приняты Закон СССР «О выборах в Верховный Совет СССР» [13], законы о выборах в Верховные Советы республик, в том числе в РСФСР [14], республиканские законы о выборах в местные Советы, в том числе в РСФСР [15]. В этих законах получили дальнейшее развитие и конкретизацию важнейшие положения, связанные с организацией и проведением выборов депутатов представительных органов власти, совершенствованием порядка их формирования, в том числе указывались нижние и верхние пределы численности депутатов, подлежащих избранию в Совет того или иного звена, это сделано с целью уста-

новления оптимального количества депутатов Советов различных уровней, регулировались различные аспекты подготовки и проведения выборов, устанавливался единый для всех избирательных участков критерий их образования (численность избирателей), определялся порядок составления и обнародования списков избирателей, регламентировались полномочия избирательных комиссий, вводились гарантии деятельности кандидатов в депутаты.

Так, в указанном законе РСФСР о выборах в местные Советы в ст. 10 указывалось, что «право выдвижения кандидатов в депутаты местных Советов народных депутатов РСФСР принадлежит организациям Коммунистической партии Советского Союза, профессиональных союзов, Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза Молодежи, кооперативным и другим общественным организациям, трудовым коллективам, а также собраниям военнослужащих по воинским частям. Гражданам РСФСР и общественным организациям гарантируется свободное и всестороннее обсуждение политических, деловых и личных качеств кандидатов в депутаты, а также право агитации на собраниях, в печати, по телевидению, радио» [15].

Несколько позже были приняты также республиканские законы о статусе краевых, областных Советов народных депутатов. В РСФСР это было сделано в конце 1980 г., когда был издан Закон РСФСР «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР» [16]. В этом акте подробно отрегулирован статус региональных Советов. Основные принципы деятельности краевых, областных Советов определены в ст.4, где указывалось, в частности, что деятельность региональных Советов строится на основе коллективного, свободного, делового обсуждения и решения вопросов, гласности, отчетности исполнительного комитета, других создаваемых Советом органов перед Советом и населением, широкого привлечения граждан к участию в их работе. Согласно ст. 5 региональные Советы руководят на своей территории государственным, хозяйственным и социально-культурным строительством; утверждает планы экономического и социального развития, бюджет края, области и отчеты об их выполнении; осуществляет руководство подчиненными ему государственными органами, предприятиями, учреждениями и организациями; обеспечивает государственное руководство колхозами, иными кооперативными организациями и их объединениями; содействует укреплению обороноспособности страны; обеспечивает соблюдение законов, государственной и трудовой дисциплины, охрану государственного и общественного порядка, прав граждан [16].

Для решения этих задач законодатель определил полномочия Советов в разных сферах деятельности, в частности, в ст. 13 закрепляются полномочия в области

планирования, материально-технического снабжения, учета и отчетности, в том числе следующие полномочия: утверждают текущие и перспективные планы экономического и социального развития края, области; разрабатывают в составе планов экономического и социального развития края, области сводные разделы по всему комплексу мероприятий в области социального развития, предусматривают в них меры по улучшению условий труда, повышению квалификации и профессионального мастерства работников, общеобразовательного и культурного уровня населения, улучшению жилищных и культурно-бытовых условий жизни, медицинского обслуживания и другие мероприятия в области социального развития и культуры в увязке с заданиями по развитию производства, капитальному строительству и повышению их эффективности; утверждают текущие и перспективные планы предприятий, учреждений и организаций краевого, областного подчинения; организуют предприятия, учреждения и организации краевого, областного подчинения и др.

Наряду с рассмотренными законодательными актами было немало других, в которых регламентировались те или иные стороны организации и деятельности, а также полномочий местных Советов народных депутатов и их органов. Сюда относились специальные и отраслевые законодательные акты, в которых в соответствии с конституционными предписаниями регулировалось правовое положение тех или иных органов, руководство отдельными отраслями хозяйственного или социально-культурного строительства. Особое внимание при этом уделялось исполнительным комитетам региональных Советов, учитывая, что именно исполкомы осуществляют деятельность местных органов государственной власти в повседневном режиме (по аналогии с местными администрациями как исполнительных органов в системе местного самоуправления современной России [17; 18 и др.]).

Можно констатировать, что советское законодательство рассматриваемого периода соединяли в себе двуединое начало государственной власти и местного самоуправления. Указанное обновление законодательной базы в деятельности краевых и областных Советов народных депутатов получило, положительные оценки в советской правовой литературе (другого и не могло быть с учетом политической цензуры в СССР). И с формальной точки зрения депутаты представляли народ и имели определенную самостоятельность, однако фактически, многие депутаты действительного влияния на положение дел не имели, поскольку в дальнейшем ставка правящей советской элиты, и прежде всего со стороны руководящей КПСС, была сделана на административно-бюрократический аппарат, ориентированный на исполнительные органы, а не на активизацию деятельности местных депутатов как избранных представителей госу-

дарственной власти на местах, в данном случае — в краях и областях. И здесь нужно отметить, что данный тезис подтверждается тем, что вся система Советов депутатов трудящихся строилась по принципу административного соподчинения нижестоящих Советов вышестоящим Советам, то есть вышестоящий Совет мог отменять решения нижестоящих Советов. И в результате заданный в СССР в конце 1970-х гг. позитивный импульс (в виде издания указанных выше законодательных и правительственных решений) на расширение активности и ответственности местных Советов депутатов трудящихся так

и не был реализован, а советское общество стало все глубже погружаться в период, названный «застоем», где местные Советы депутатов трудящихся фактически являлись исполнителями решений вышестоящих инстанций. И когда вскоре (с 1985 г.) началась известная горбачевская «перестройка», то выяснилось, что местные Советы как представители власти народа на местах не смогли внести коррективы в перестроечные реформы, и в итоге СССР распался, а местные Советы были заменены действующим в настоящее время институтом местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Закон РСФСР от 20.07. 1972 г. «О районном Совете народных депутатов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1971. № 31.
2. Материалы XXV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1976.
3. Постановление ПВС СССР и СМ СССР от 12.10.1976 г. «О подготовке проектов законодательных актов, определяющих компетенцию краевых, областных и окружных Советов депутатов трудящихся» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1976. № 44.
4. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята ВС СССР 07.10.1977) // Ведомости Верховного Совета СССР. 1977. № 41.
5. Конституция (Основной Закон) РСФСР (принята ВС РСФСР 12.04.1978) // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 15.
6. Закон СССР от 25.06.1980 г. «Об основных полномочиях краевых, областных Советов народных депутатов, Советов народных депутатов автономных областей и автономных округов» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1980. № 27.
7. Леонов С.П. К вопросу о компетенции краевых, областных Советов // Советское государство и право. 1978. № 1. С. 55–57.
8. Лазарева Н.С. Отраслевой аппарат исполкомов краевых, областных Советов // Советское государство и право. 1978. № 6. С. 72–76.
9. Телишевский Т. Подсказано жизнью // Советы народных депутатов. 1979. № 1. С. 49–53.
10. Закон РСФСР от 20.11. 1980 г. «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 31.
11. Колюшин Е.И. Новое законодательство о краевых, областных Советах // Правоведение. 1981. № 4. С. 3–12.
12. Постановление ЦК КПСС, ПВС СССР и СМ СССР от 19.03. 1981 г. «О дальнейшем повышении роли Советов народных депутатов в хозяйственном строительстве» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1981. № 13.
13. Закон СССР от 06.07. 1978 г. «О выборах в Верховный Совет СССР» // Ведомости Верховного Совета СССР. 1978. № 28.
14. Закон РСФСР от 08.08. 1978 г. «О выборах в Верховный Совет РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1978. № 32.
15. Закон РСФСР от 03.08.1979 «О выборах в местные Советы народных депутатов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1979. № 32.
16. Закон РСФСР от 20.11.1980 «О краевом, областном Совете народных депутатов РСФСР» // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1980. № 48.
17. Полотебнов А.А., Джораева С.В. Компетенция и полномочия местной администрации в Российской Федерации // Вестник науки. 2025. № 1. С. 712–718.
18. Саркарова Д.С., Меджидов Ш.М. Местное самоуправление как элемент механизма публичной власти в Российской Федерации // Закон и право. 2024. № 6. С. 95–98.
19. Авакьян С.А. Правовое регулирование деятельности Советов (конституционные основы, теория, практика). М., 1980.
20. Барабашев Г.В., Старовойтов П.С., Шеремет К.Ф. Советы народных депутатов на этапе совершенствования социализма. Юрид.литература, 1987.
21. Лазарев Б.М. Аппарат управления общенародного государства. М., 1978

© Упоров Иван Владимирович (uporov@list.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ОСОБЕННОСТИ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ КОММЕРЧЕСКОЙ КОНЦЕССИИ В СФЕРЕ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ: СООТНОШЕНИЕ С КОММЕРЧЕСКИМ ЛИЦЕНЗИОННЫМ ДОГОВОРом (КОММЕРЧЕСКОЙ ЛИЦЕНЗИЕЙ)

FEATURES AND IMPROVEMENT OF CIVIL-LEGAL REGULATION OF COMMERCIAL CONCESSION IN THE SPHERE OF INTELLECTUAL PROPERTY: RELATIONSHIP WITH THE COMMERCIAL LICENSE AGREEMENT (COMMERCIAL LICENSE)

N. Shipkov

Summary. The article is devoted to the civil-legal regulation of commercial relations in the field of intellectual property in the Russian Federation: commercial concession and commercial license agreement (commercial license). The problems of the relationship between commercial concession and commercial license are disclosed. Ways to improve the theory and practice of applying the provisions on commercial concession and commercial licensing are proposed. Ways to improve the theory and practice of applying civil legislation in the field of commercial use of the results of intellectual activity are highlighted. Aspects that allow correlating the commercial concession agreement and the license agreement are highlighted. Particular attention is paid to the practice of applying the license agreement in accordance with the normative classification of means of individualization. The importance of including business reputation and commercial experience in a commercial concession as values that are provided, which are «shared», along with exclusive rights to the result of intellectual activity is revealed.

Keywords: the sphere of intellectual property, commercial transactions, commercial concession, complex of exclusive rights, commercial license, result of intellectual property.

Коммерческая концессия в сфере интеллектуальной собственности — коммерческая сделка. Цель коммерческой концессии определена законом — извлечение прибыли. В соответствии со статьей 1027 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ) правообладатель предоставляет пользователю комплекс исключительных прав для использования в предпринимательской деятельности. Договор коммерческой концессии в международной практике именуется и договором франчайзинга, начал использоваться в США с 1930-х годов [1, С. 558].

Аннотация. Статья посвящена гражданско-правовому регулированию коммерческих отношений в сфере интеллектуальной собственности в Российской Федерации: коммерческая концессия и коммерческий лицензионный договор (коммерческая лицензия). Раскрыта проблематика соотношения коммерческой концессии и коммерческой лицензии. Предложены пути совершенствования теории и практики применения положений о коммерческой концессии и коммерческом лицензировании. Выделены пути совершенствования теории и практики применения гражданского законодательства в сфере коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности. Выделены аспекты, которые позволяют соотнести договор коммерческой концессии и лицензионный договор. Особое внимание обращено на практику применения лицензионного договора в соответствии с нормативной классификацией средств индивидуализации. Раскрыта важность включения деловой репутации и коммерческого опыта в коммерческую концессию в качестве ценностей, которые предоставляются, которыми «делятся», наряду с исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности.

Ключевые слова: сфера интеллектуальной собственности, коммерческие сделки, коммерческая концессия, комплекс исключительных прав, коммерческая лицензия, результат интеллектуальной собственности.

В качестве объекта передаваемых исключительных прав закон указывает средства индивидуализации, а именно, товарный знак, а также знак обслуживания, коммерческое обозначение и секрет производства (ноу-хау). Другие исключительные права в положении нормы лишь предполагаются в словах «иной комплекс исключительных прав». В научной литературе в предмет коммерческой концессии предлагается включать три группы элементов. Мареев Ю.Л., определяет предмет договора следующим образом. Первая группа включает средства индивидуализации, вторая группа — объекты, техниче-

ски и технологически обеспечивающие использование объектов первой группы на уровне правообладателя: секреты производства и объекты патентного права. Третья — вещи (уникальное технологическое, торговое, сервисное оборудование) и «элементы организационной и информационной поддержки, без которых эффективное использование первой и второй групп объектов оказывается либо затруднительным, либо невозможным. В данную группу включаются общие условия, сопутствующие контрактам, в частности «услуги по обучению персонала пользователя, консультированию и инструктированию» («коммерческий опыт») [2, С. 32]. Как видно, коммерческий опыт относится только к сопутствующим контрактам. О деловой репутации речь идет в рамках неотчуждаемого блага (п. 1 ст. 150 ГК РФ). Ученый отмечает, что при использовании товарного знака, одновременно используется и «чужая деловая репутация» [3, С. 62] Представляется целесообразным включать и деловую репутацию, и коммерческий опыт в коммерческую концессию в качестве ценностей, которые предоставляются, которыми «делятся», наряду с исключительными правами на результат интеллектуальной деятельности. Коммерческий опыт, а также деловая репутация определяют сущность коммерческой концессии, отличают ее от лицензионного договора. Важно выделить три аспекта, которые позволяют соотнести договор коммерческой концессии и лицензионный договор.

Первое, некоторые ученые отмечают современную тенденцию «создание у потребителей лояльности, выходящей за пределы рациональных объяснений» [4, С. 8, 9]. Известность бренда потребителю позволяет ему без особых сомнений ориентироваться при выборе товара, работы и услуги. В этой связи, первое отличие от лицензионного договора — объект коммерческой концессии (отношений коммерческой концессии), который включает не только интеллектуальная собственность, но и коммерческий опыт, деловую репутацию. Именно они гарантируют, в отличие от лицензии, известное для потребителя качество продукции. Соответственно, нецелесообразно предоставлять бренды посредством заключения лицензионного договора, объектом которого является только интеллектуальная собственность.

Второе, важно обратить внимание на практику применения лицензионного договора в соответствии с нормативной классификацией средств индивидуализации. Пункт 1.1 ст. 1489 ГК РФ обязывает стороны лицензионного договора определить только перечень товаров, в отношении которых предоставляется исключительное право. Таким образом, лицензионный договор, в отличие от коммерческой концессии, предполагает реализацию товара (не услуг и работ) под тем или иным брендом, товарным знаком и фирменным наименованием. Оказание услуг, выполнение работ, а также производство относится к коммерческой концессии, а также к знаку обслужи-

вания (оказание услуг) и коммерческому обозначению (производству).

Международная классификация (МКТУ), хотя регулирует вопросы регистрации знаков [5], однако содержит и классы услуг. Данная особенность, к сожалению, нарушает структуру средств индивидуализации по их назначению. Товарный знак относится к товарным отношениям (п. 1 ст. 1477 ГК РФ). Знак обслуживания — услуги и (или) работы (п. 2 ст. 1477 ГК РФ). Коммерческое обозначение — производственные отношения (п. 1 ст. 1538 ГК РФ). Правила гражданского законодательства о товарных знаках применяются к знакам обслуживания, то есть на них распространяются положения о регистрации в государственном реестре, выдается свидетельство на товарный знак. Данные правила предусматривают, соответственно, применение МКТУ. Коммерческое обозначение, как средство индивидуализации, не регистрируется, в том числе и в добровольном порядке. Такие условия нарушают логику построения общей системы регистрации прав на средства индивидуализации. В основе государственной регистрации, в частности коммерческой концессии, лежит обязанность правообладателя зарегистрировать свои права на товарный знак, а также знак обслуживания, получить соответствующее свидетельство. Это обуславливает необходимость регистрации коммерческой концессии, как юридического факта предоставления права на использование средства индивидуализации другому лицу. Отсутствие обязанности государственной регистрации исключительного права на коммерческое обозначение не вызывает необходимости в регистрации, соответственно, и его предоставления или перехода (отчуждения). Коммерческая концессия, предусматривающая предоставление коммерческого обозначения, также не должна подлежать государственной регистрации. Кроме того, имеет место неравенство правообладателей в судебной и административно-правовой защите. Приоритет и исключительные права на товарный знак, а также на знак обслуживания возникают и, соответственно, подтверждаются с момента выдачи свидетельства на данные средства индивидуализации. Правообладателю не требуется признавать исключительные права в судебном порядке, прежде чем требовать пресечь действия, нарушающие или создающие угрозу нарушения его прав, возместить понесенные им убытки и т.д. (1252 ГК РФ). Правообладателю коммерческого обозначения вменяется в обязанность доказать свое исключительное право на средство индивидуализации. В пунктах 177 и 178 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» отмечается следующее. Пленум выделил критерии возникновения исключительного права на использование коммерческого обозначения. Средство индивидуализации должно обладать достаточными раз-

личительными признаками, его употребление являться известным в пределах определенной территории. Указано, что право на коммерческое обозначение не возникает ранее момента начала фактического его использования для индивидуализации предприятия (например, магазина, ресторана). Установить наличие данных условий, соответственно, признать исключительное право на коммерческое обозначение возможно исключительно в судебном порядке. Внесудебный режим установления приоритета и исключительного права посредством выдачи свидетельства на коммерческое обозначение законом не предусмотрен. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (Роспатент) не наделена полномочиями на проведение формальной экспертизы, а также экспертизы самого коммерческого обозначения (экспертиза заявленного обозначения). Ведомственные нормативные акты не предусматривают регистрационных процедур и экспертизы [6].

Таким образом, выделим следующие пути совершенствования теории и практики применения гражданского законодательства в сфере коммерческого использования результатов интеллектуальной деятельности.

Во-первых, важно исключить предоставление товарного знака вне рамок коммерческой концессии в условиях доверия потребителя к тому или иному бренду, что позволяет учитывать законные интересы потребителя — приобретать известное ему качество продукции на известных ему условиях. Такой регламентацией может служить положение гражданского законодательства о принципе преемственности качества продукта в любых, тем более в коммерческих сделках. Здесь важно учитывать и указанный выше Пленум Верховного Суда Российской Федерации, который выделил такие критерии коммерческого обозначения, как достаточность различительных признаков и известность продукта в пределах определенной территории. Данные критерии можно отнести и к критериям выбора сделки (коммерческой концессии или коммерческого лицензирования). Коммерческие лицензионные договоры не должны подменять собой коммерческую концессию, их следует применять в реализации готового продукта (товара), отличающегося средством индивидуализации. Важно учитывать цепочку коммерческих отношений: производитель — крупные оптовые поставки (дистрибьютеры) — средние и мелкие оптовые поставки, розни-

ца конечному пользователю (дилеры). Если каких-либо дополнительных требований к стилю и услугам цепочки продаж товара правообладателем не предъявляется, то лицензирование является наиболее приемлемой формой закрепления коммерческих отношений. В том случае, когда правообладателем выработаны условия реализации продукции, которые позволяют идентифицировать официальных представителей, которых можно «угадать» по фирменному стилю точек продаж, одежде, услугам и т.д., в частности, от контрафактной реализации — необходимо использовать положения о коммерческой концессии. Перспективно сформировать практику применения норм о коммерческом или ином лицензировании посредством установления правовых критериев, исключающих использование товарного знака в условиях сформировавшегося у потребителя позитивного представления о качестве и условиях реализации товара.

Во-вторых, привести практику государственной регистрации средств индивидуализации в соответствии с положениями гражданского законодательства. Товарный знак относить к товарным отношениям (п. 1 ст. 1477 ГК РФ). Знак обслуживания относить к услугам и (или) работам (п. 2 ст. 1477 ГК РФ), коммерческое обозначение к производственным отношениям (п. 1 ст. 1538 ГК РФ). В целях единообразного применения норм о коммерческой концессии в сфере интеллектуальной собственности и защиты участников экономических отношений представляется целесообразным установить требования по государственной регистрации приоритета и исключительных прав на коммерческое обозначение. Такие требования позволят решить проблематику судебных и административных споров о приоритетах товарных знаков, а также знаков обслуживания и коммерческого обозначения [7].

Данные предложения позволяют сделать более последовательной, логичной модель гражданско-правового регулирования коммерческих лицензионных договоров и коммерческой концессии в сфере интеллектуальной собственности, сформировать единую практику применения закона, а также соблюсти права и законные интересы не только правообладателей, но и конечных потребителей результатов интеллектуальной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. В.А. Канашевский. Международные сделки: правовое регулирование / Канашевский В.А. // М.: Издательство «Международные отношения», 2016. — 664 с.
2. Ю.Л. Мареев. Договор коммерческой концессии: особенности предмета / Мареев Ю.Л. // Журнал «Законность и правопорядок». — 2022. Статья № 6, выпуск № 3 (35). С. 31–35.
3. Ю.Л. Мареев. Коммерческая концессия: предмет договора (законодательство, теория и практика) / Мареев Ю.Л. // Научно-практический журнал «Коммерческое право». — 2022. № 4 (Том 47). Москва. Издательская группа «Юрист», выпуск № 3 (35). С. 56–68.

4. Н.В. Каленская, Н.Г. Антонченко. Брендинг / Каленская Н.В., Антонченко Н.Г. // Учебное пособие. Казанский федеральный университет институт управления, экономики и финансов. Казань: Издательство «Абзац», 2019. — 125 с.
5. Международная классификация товаров и услуг для регистрации знаков. Федеральная служба по интеллектуальной собственности (РОСПАТЕНТ). Федеральное государственное бюджетное учреждение «Федеральный институт промышленной собственности» (ФИПС). Одиннадцатая редакция. МКТУ — 11. М. 2022.
6. Приказ Минэкономразвития России от 20.07.2015 № 482 «Об утверждении Правил составления, подачи и рассмотрения документов, являющихся основанием для совершения юридически значимых действий по государственной регистрации товарных знаков, знаков обслуживания, коллективных знаков, Требований к документам, содержащимся в заявке на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака, и прилагаемым к ней документам и их форм, Порядка преобразования заявки на государственную регистрацию коллективного знака в заявку на государственную регистрацию товарного знака, знака обслуживания и наоборот, Перечня сведений, указываемых в форме свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), форме свидетельства на коллективный знак, формы свидетельства на товарный знак (знак обслуживания), формы свидетельства на коллективный знак».
7. Решение Федеральной службы по интеллектуальной собственности от 11 апреля 2017 года по заявке № 2015704305 «Об оставлении в силе правовой охраны товарного знака «STAR FOODS»; <https://www.garant.ru/ia/opinion/author/kolomeyeva/1246797/>. Дата обращения 16 марта 2025 года.

© Шипков Никита Антонович (nshipkoff@gmail.com)
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ДОБРОВОЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-СОЦИАЛЬНЫЙ СКОРИНГ: ПРОБЛЕМЫ И ПОТЕНЦИАЛ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ

VOLUNTARY PUBLIC-SOCIAL SCORING: PROBLEMS AND POTENTIAL USES

A. Zhdanov

Summary. The article analyzes the phenomenon of voluntary public-social scoring as a tool for assessing political behavior and its scientific interests in modern public relations. Important aspects of the development of scoring systems based on the voluntary participation of citizens, their potential for increasing social responsibility and the effectiveness of interaction between the process, business and society are considered. Particular attention is paid to ethical, legal and specific problems, the consequences of using such systems, including the risks of judicial power, loss of confidentiality and manipulation of behavior. At present, voluntary acceleration, despite all these advantages, requires careful regulation and the development of principles for the protection of citizens. The article examines the potential of scoring to stimulate the growth of trust in society, the development of regional activity and support for development. Based on the analysis of international experience and modern research, recommendations were given to minimize the risks and maximize the benefits of the formation of such systems. The article is addressed to specialists in the field of sociology, law, political science and digital technologies, as well as a wide range of readers interested in the issues of digitalization of society and these aspects of data use.

Keywords: voluntary scoring, social behavior, ethical risks, digitalization of society, data privacy, civic engagement, regulatory technologies.

Жданов Алексей Владимирович

Аспирант, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российский государственный социальный университет» (РГСУ) (г. Москва)
Alex296_97@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена анализу феномена добровольного общественно-социального скоринга как инструмента оценки социального поведения и его интеграции в современные общественные отношения. Рассматриваются ключевые аспекты внедрения скоринговых систем, основанных на добровольном участии граждан, их потенциал для повышения социальной ответственности и эффективности взаимодействия между государством, бизнесом и обществом. Особое внимание уделено этическим, правовым и социальным проблемам, связанным с использованием таких систем, включая риски дискриминации, утраты приватности и манипуляции поведением. В настоящее время добровольный скоринг, несмотря на все свои преимущества, требует тщательного регулирования и разработки механизмов защиты прав граждан. В статье исследуется потенциал скоринга для стимулирования роста уровня доверия в обществе, развития гражданской активности и поддержки устойчивого развития. На основе анализа международного опыта и современных исследований предлагаются рекомендации по минимизации рисков и максимизации пользы от внедрения подобных систем. Статья адресована специалистам в области социологии, права, политологии и цифровых технологий, а также широкому кругу читателей, интересующихся вопросами цифровизации общества и этическими аспектами использования данных.

Ключевые слова: добровольный скоринг, социальное поведение, этические риски, цифровизация общества, приватность данных, гражданская активность, регулирование технологий.

Введение

В условиях цифровой трансформации общества добровольный общественно-социальный скоринг становится значимым инструментом, способным трансформировать взаимодействие между государством, бизнесом и гражданами. Его внедрение связано как с перспективами повышения эффективности управления, так и с серьёзными рисками, включая угрозы приватности, дискриминацию и манипуляцию поведением. Актуальность исследования обусловлена необходимостью комплексного анализа этого феномена, который, несмотря на активное использование в ряде стран (например, Китай, Сингапур), остается малоизученным в контексте добровольного участия и этико-правовых ограничений. Цифровые технологии создают новые формы социального взаимодействия. Но их внедрение требует переосмысления традиционных норм управле-

ния. При этом в российской научной среде вопросы регулирования скоринга, особенно в аспекте защиты прав граждан, исследованы фрагментарно, создавая пробел в теоретической базе для формирования государственной политики.

Рост интереса к скоринговым системам связан с их потенциалом для решения задач устойчивого развития, таких как оптимизация распределения ресурсов, снижение бюрократической нагрузки и повышение гражданской вовлеченности. Международный опыт (на примере ЕС и США) демонстрирует: регулирование подобных систем требует баланса между инновациями и защитой прав человека. В России, где цифровизация госуслуг активно развивается, отсутствие адаптированных правовых механизмов для добровольного скоринга создает риски как для граждан, так и для государства.

Цель исследования — выявить ключевые проблемы и потенциал использования добровольного общественно-социального скоринга в государственном управлении.

Основные результаты

Добровольный общественно-социальный скоринг представляет собой инновационный механизм оценки социального поведения, основанный на активном участии граждан и направленный на формирование более прозрачного общества. Данный механизм, интегрирующий элементы цифровых технологий и социальных наук, позволяет оценивать поведение индивидов на основе их добровольно предоставленных данных. Впоследствии формируются специальные рейтинги, которые могут влиять на доступ к общественным благам, услугам или привилегиям.

Как отмечает А.В. Лебедев, «добровольный скоринг становится инструментом социальной инженерии, где граждане сами формируют критерии оценки, сущность которых повышает уровень доверия к системе» [6, с. 45].

В западной научной традиции подобные системы рассматриваются как часть концепции «социального капитала», где доверие и взаимодействие между участниками становятся ключевыми элементами устойчивого развития. По мнению Дж. Мейера, «скоринговые системы, основанные на добровольном участии, способны трансформировать традиционные модели управления, делая их более гибкими и адаптивными» [16, р. 12].

Однако, как подчеркивает Е.Л. Григорьева, «внедрение таких систем требует тщательного анализа потенциальных рисков, связанных с возможной манипуляцией поведением и утратой приватности» [3, с. 78]. Вследствие этого добровольный скоринг не только отражает существующие социальные нормы, но и активно формирует новые, специфика которых делает его мощным инструментом государственного управления. Как отмечает Р.Т. Харрис, «ключевым вызовом является баланс между стимулированием позитивных изменений и защитой прав граждан, который требует использования комплексного подхода к регулированию» [14, р. 34].

Поэтому добровольный общественно-социальный скоринг представляет собой сложный, но перспективный механизм, который может стать основой для построения более справедливого и эффективного общества при условии соблюдения этико-правовых норм.

Несмотря на потенциал скоринга для стимулирования позитивных социальных изменений, его внедрение сопряжено с серьезными правовыми вызовами. Одной из ключевых проблем на данный момент является воз-

можность злоупотребления данными, которая может привести к нарушению прав граждан на неприкосновенность частной жизни. По мнению М.А. Волкова, «скоринговые системы, основанные на сборе и анализе больших данных, создают риски несанкционированного доступа к личной информации, специфика которых впоследствии требует разработки robust-механизмов защиты» [2, с. 34]. В западной научной литературе также акцентируется внимание на росте дискриминации социального характера, появление которой может привести к дестабилизации общества. По словам Л. Брауна, «скоринговые алгоритмы, не учитывающие контекстные особенности, создают новые барьеры для доступа к ресурсам» [10, р. 22]. Кроме того, как указывает А.Р. Зайцев, «этические риски связаны с возможностью манипуляции поведением граждан, ставя под сомнение добровольный характер участия в таких системах» [4, с. 56]. В этом контексте особое значение приобретает необходимость разработки четких правовых рамок, которые бы регулировали сбор, хранение и использование данных в рамках скоринговых систем. Как отмечает Дж. Тейлор, «без эффективного законодательного регулирования скоринг может превратиться в инструмент контроля, а не развития общества» [17, р. 15]. Поэтому внедрение добровольного общественно-социального скоринга требует использования комплексного подхода, учитывающего как его потенциал, так и возможные негативные последствия.

Для минимизации негативных последствий необходимо разработать четкие правовые рамки и механизмы контроля, которые обеспечат защиту персональных данных и предотвратят злоупотребление скоринговыми системами. Одним из ключевых аспектов регулирования является создание законодательных норм, гарантирующих прозрачность алгоритмов и справедливость их применения. Как отмечает Е.А. Морозова, «эффективное регулирование скоринговых систем должно включать требования к открытости алгоритмов, понимание которых гражданами обусловит процесс формирования рейтингов» [7, с. 67].

В западной научной литературе также подчеркивается необходимость внедрения механизмов независимого аудита для предотвращения злоупотреблений. По глубокому убеждению, К. Джонсона, «регулярный аудит скоринговых систем позволяет выявлять и устранять предвзятость алгоритмов, отсутствие которой способствует повышению доверия к таким системам» [13, р. 45]. Кроме того, как указывает В.С. Калинин, «важным элементом правового регулирования является установление ответственности за неправомерное использование данных, включая санкции за нарушения конфиденциальности» [5, с. 89]. В этом контексте особое значение приобретает международный опыт, который характеризует высокий

успех скоринговых систем. Успешное регулирование достигается только при условии межведомственного взаимодействия и участия гражданского общества. Как отмечает М. Ли, «регулирование должно быть гибким для своевременной адаптации к быстро меняющимся технологическим реалиям. При этом регулирование остается строгим в защите прав граждан» [15, р. 33].

Как мы видим, разработка правовых рамок и механизмов контроля является необходимым условием для минимизации рисков, связанных с внедрением добровольного общественно-социального скоринга, и обеспечения его устойчивого развития. Успешное внедрение добровольного скоринга требует активного взаимодействия между государством, бизнесом и обществом, а также формирования культуры ответственного использования данных и цифровых технологий. Государство играет ключевую роль в создании нормативно-правовой базы, обеспечивающей защиту прав граждан и регулирование процессов сбора и обработки данных. Как отмечает А.Д. Новиков, «эффективное государственное управление в условиях цифровизации предполагает не только контроль, но и стимулирование инноваций, требуя гибкого подхода к регулированию» [8, с. 54]. Бизнес, в свою очередь, выступает технологическим драйвером, обеспечивающим разработку и внедрение скоринговых платформ. Однако, его деятельность должна быть строго регламентирована для предотвращения злоупотреблений. По мнению Р. Гринфилда, «корпорации, разрабатывающие скоринговые системы, должны нести ответственность за соблюдение этических норм и прозрачность своих алгоритмов» [12, р. 18].

Важным элементом успешного внедрения скоринга является вовлечение гражданского общества, которое должно быть не только объектом, но и активным участником процесса. Как подчеркивает Т.В. Белова, «формирование культуры ответственного использования данных невозможно без повышения цифровой грамотности населения и его активного участия в обсуждении этических и правовых аспектов скоринга» [1, с. 76].

В перспективе добровольный общественно-социальный скоринг может стать инструментом устойчивого развития, способствуя не только повышению эффективности управления, но и укреплению социальной справедливости и доверия в цифровую эпоху. Данный механизм, основанный на добровольном участии граждан, позволяет не только оптимизировать процессы принятия решений в государственном управлении, но и создает условия для более справедливого распределения ресурсов. Как отмечает А.М. Орехов, «цифровые технологии, включая скоринг, могут стать катализатором социальных изменений, если их внедрение будет сопровождаться четкими этическими и правовыми рамками» [9, с. 260].

Скоринговые системы, основанные на принципах прозрачности и инклюзивности, способны снизить уровень цифрового неравенства и обеспечить равный доступ к цифровым благам для всех социальных групп [12, р. 18]. Однако, как указывает в своих исследованиях Е.Л. Григорьева, «успешное внедрение скоринга требует не только технологической инфраструктуры, но и формирования специальной культуры доверия между государством, бизнесом и социумом» [3, с. 78].

Итак, добровольный общественно-социальный скоринг, при условии его этического и прозрачного использования, может стать важным инструментом для построения более справедливого и устойчивого общества в цифровую эпоху.

Выводы

Рассмотренная в рамках статьи концепция представляет собой значимый инструмент в современном обществе, способный оказывать большое влияние на различные сферы социально-экономической жизни. Добровольный общественно-социальный скоринг, основанный на принципах прозрачности, добровольности и ответственности, может способствовать повышению социальной активности граждан, укреплению доверия между различными социальными группами, а также улучшению качества предоставляемых услуг в различных отраслях.

Одним из ключевых преимуществ добровольного социального скоринга является его потенциал в области кредитования и финансовых услуг. Использование социального скоринга в добровольной форме в рамках актуальной модели потребительского кредитования выступает одним из перспективных направлений развития финансового рынка. Анализ социального поведения заемщиков позволяет более точно оценивать их кредитоспособность, которая, в свою очередь, снижает риски для кредитных организаций и способствует повышению доступности финансовых ресурсов для широких слоев населения.

Кроме того, добровольный социальный скоринг находит применение в сфере страхования. Страховые компании активно используют скоринговые модели для определения размера страховых премий. Тариф по КАСКО всегда зависел от пола, возраста, семейного положения, стажа водителя, марки автомобиля и региона его эксплуатации. Скоринговые системы обрабатывают все доступные им данные и оценивают соответствующие риски в автоматизированном режиме.

Вместе с тем, внедрение добровольного общественно-социального скоринга сопряжено с рядом проблем и вызовов. Прежде всего, это вопросы защиты персо-

нальных данных и обеспечения конфиденциальности информации. Сбор и анализ информационных данных о социальном поведении граждан требуют строгого соблюдения норм законодательства о защите персональных данных, а также разработки эффективных механизмов предотвращения несанкционированного доступа и использования информации.

Еще одной проблемой является возможность дискриминации и социальной стигматизации отдельных групп населения. Неправильное или предвзятое использование результатов социального скоринга может привести к ограничению доступа к определенным услугам или благам для лиц с низкими социальными рейтингами, неучет которых противоречит принципам социальной справедливости и равенства.

Для эффективного использования потенциала добровольного общественно-социального скоринга необходимо разработать и внедрить четкие нормативно-правовые рамки, регулирующие его применение. Регулятивные меры включают в себя определение стандартов и критериев оценки, механизмов контроля и ответственности, а также обеспечение прозрачности процессов сбора и обработки данных.

Важным аспектом является также информирование и просвещение населения о целях, принципах и механизмах работы системы социального скоринга. Повышение осведомленности граждан позволит снизить уровень недоверия и опасений, связанных с возможными негативными последствиями использования таких систем, а также стимулировать активное участие в их развитии и совершенствовании.

Как мы видим, добровольный общественно-социальный скоринг обладает значительным потенциалом для улучшения различных аспектов социальной и экономической жизни. Однако, его успешная реализация требует комплексного подхода, включающего разработку соответствующей нормативно-правовой базы, обеспечение защиты прав и свобод граждан, а также активное участие всех заинтересованных сторон в процессе его внедрения и развития.

Таким образом, добровольный общественно-социальный скоринг представляет собой перспективный инструмент, способный внести значимый вклад в развитие современного общества при условии его ответственного и взвешенного применения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, Т.В. Цифровая грамотность как основа ответственного использования данных / Т.В. Белова // Информационное общество. — 2023. — № 2. — С. 74–80.
2. Волкова, М.А. Проблемы защиты персональных данных в условиях цифровизации / М.А. Волкова // Информационное право. — 2020. — № 4. — С. 32–38.
3. Григорьева, Е.Л. Этические и правовые аспекты внедрения скоринговых систем / Е.Л. Григорьева // Право и цифровизация. — 2022. — № 3. — С. 76–83.
4. Зайцев, А.Р. Этические аспекты использования скоринговых систем в государственном управлении / А.Р. Зайцев // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2022. — № 2. — С. 54–60.
5. Калинин, В.С. Ответственность за неправомерное использование персональных данных в цифровую эпоху / В.С. Калинин // Право и информационные технологии. — 2023. — № 1. — С. 85–92.
6. Лебедев, А.В. Добровольный скоринг как инструмент социальной инженерии / А.В. Лебедев // Социологические исследования. — 2021. — № 5. — С. 45–52.
7. Морозова, Е.А. Правовые аспекты регулирования скоринговых систем / Е.А. Морозова // Журнал российского права. — 2021. — № 8. — С. 65–72.
8. Новиков, А.Д. Государственное управление в условиях цифровой трансформации / А.Д. Новиков // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2021. — № 3. — С. 52–58.
9. Орехов, А.М. Цифровое неравенство и цифровая справедливость: социально-философские аспекты проблемы / А.М. Орехов, Н.А. Чубаров // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. — 2024. — Т. 28, № 1. — С. 260–272.
10. Brown, L. Ethical Challenges of Social Scoring Systems / L. Brown // Journal of Social Policy. — 2021. — Vol. 29. — P. 20–25.
11. Carter, E. Building Trust in Digital Governance / E. Carter // International Journal of Public Administration. — 2023. — Vol. 25. — P. 27–32.
12. Greenfield, R. Corporate Responsibility in Digital Age / R. Greenfield // Journal of Business Ethics. — 2022. — Vol. 45. — P. 15–20.
13. Johnson, K. Auditing Algorithms: Ensuring Fairness in Social Scoring Systems / K. Johnson // Journal of Technology and Society. — 2022. — Vol. 15. — P. 42–48.
14. Harris, R.T. Balancing Innovation and Privacy in Social Scoring Systems / R.T. Harris // International Journal of Public Administration. — 2023. — Vol. 46. — P. 30–37.
15. Lee, M. Adaptive Regulation for Digital Governance / M. Lee // International Journal of Public Policy. — 2023. — Vol. 20. — P. 30–37.
16. Meyer, J. Voluntary Social Scoring: A New Paradigm for Public Governance / J. Meyer // Journal of Digital Policy. — 2020. — Vol. 18. — P. 10–15.
17. Taylor, J. Legal Frameworks for Digital Governance / J. Taylor // International Journal of Law and Technology. — 2023. — Vol. 14. — P. 12–18.

© Жданов Алексей Владимирович (Alex296_97@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НА РЫНОК ТРУДА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATIONS ON THE LABOR MARKET IN THE RUSSIAN FEDERATION

A. Zavyalov

Summary. The article considers the current trends in the development of the labor market in the IT sphere taking into account the implementation of the national project "Digital Economy of the Russian Federation", in particular, taking into account the implementation of federal projects in three areas: personnel for the digital economy, digital technologies, and the development of human resources in the IT industry. The article considers the existing positive and negative trends associated with the emerging digital economy. The positive trends include a significant expansion of specialists related to the creation and testing of various software. Negative trends include the existing disproportion in the labor market due to the shortage of mid-professional technical specialists. This negative trend may hinder further expansion of digital transformation in the economy. Also, the article considers the filling of IT specialists by areas of economic activity.

Keywords: labor market, labor relations, digitalization, digital technologies, IT sphere, socio-economic relations.

Завьялов Андрей Евгеньевич

Кандидат социологических наук,
Московский городской педагогический университет
zavyalov88@inbox.ru

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции развития рынка труда в ИТ-сфере с учетом реализации национального проекта «Цифровая экономика Российской Федерации», в частности с учетом реализации федеральных проектов по трем направлениям: кадры для цифровой экономики, цифровые технологии, развитие кадрового потенциала в ИТ-отрасли. В статье рассматриваются существующие позитивные и негативные тенденции, связанные с формирующейся цифровой экономикой. К позитивным тенденциям можно отнести существенное расширение специалистов, связанных с созданием и тестированием различного программного обеспечения. К негативным тенденциям относится существующая на рынке труда диспропорция, связанная с нехваткой средне-профессиональных технических специалистов. Такая негативная тенденция может затруднять дальнейшее расширение цифровых трансформаций в экономике. Так же в статье рассматривается наполнение ИТ-специалистами по сферам экономической деятельности.

Ключевые слова: рынок труда, трудовые отношения, цифровизация, цифровые технологии, ИТ-сфера, социально-экономические отношения.

Введение

Современный мир задает новые, особые тренды развития, связанные с формированием цифровой экономики. Внедрение цифровизации в промышленные процессы становится одним из ключевых факторов экономического развития, приводящий не только к увеличению валового внутреннего продукта и увеличению производительности, но и к повышению благосостояния населения. При этом происходят существенные изменения на рынке. Предпринимателям, участникам рыночных отношений приходится менять существующие бизнес-модели, а работникам на рынке труда необходимо осваивать новые возникающие профессии. Появляются и новые тренды на рынке труда.

Информационно-коммуникационные технологии оказывают огромное влияние на все сферы человеческой жизни. В 2024 году было заявлено о завершении национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации». Указано, что удалось достичь 99,34 % всех установленных ранее показателей. При этом по ряду федеральных проектов — полностью удалось

достичь всех целевых показателей. В рамках социально-экономического развития и развития рынка труда можно обратить внимание на такие федеральные программы: развитие кадрового потенциала в ИТ-отрасли, кадры для цифровой экономики, цифровые технологии. Данные проекты были направлены на расширение подготовки школьников в ИТ-сфере, на расширение возможностей для существующих кадров по получению специальностей в области ИТ, а также развитию и внедрению новых технологий в бизнес-сфере.

Результаты

Если обратится к тем профессиям, которые активно используют информационно-коммуникационные технологии, то можно обратить внимание на ряд факторов (см. табл. 1). Во-первых, стоит отметить, что к 2023 году продолжается уверенный рост количества разработчиков программного обеспечения, выросший с 674 тысяч человек в 2019 году до 862 тысяч человек в 2023 году, несмотря на небольшое падение темпов прироста в 2022 году, что говорит о востребованности данного направления и требованиях рынка к все большему созданию различ-

ного программного обеспечения. Это достаточно закономерно в условиях развития цифровой экономики. Увеличение влияния цифровых технологий на промышленное производство приводит к увеличению требований к программному обеспечению, что особенно сказывается при внедрении нейросетевых технологий. Также, закономерным и положительным можно назвать прирост численности монтажников и ремонтников, занятых с цифровым оборудованием. При том, темпы роста можно назвать уверенными. Особенно сильный прирост можно отметить начиная с 2022 года, когда численность увеличилась со 106 тысяч до 157 тысяч работников в 2022 году, с последующим ростом до 185 тысяч человек в 2023 году. И хотя такую динамику можно назвать положительной, тем не менее, можно предположить, с учетом соотношения с другими профессиями, что на рынке все еще существует определенный дефицит специалистов данной профессии. Однако, наблюдаются и тенденции, требующие своего внимания. Негативной тенденцией является систематическое снижение численности инженеров электроники наблюдающееся с 2020 года: если в 2019 году насчитывалось 161 тысяча специалистов, то в 2021 году их численность сократилась до 145 тысяч, а в 2023 году упала еще ниже до отметки в 132 тысячи человек, что может повлиять негативно на развитие цифровых технологий. Также, начиная с 2020 года наблюдается устойчивое снижение количества руководителей подразделений в сфере информационно-коммуникационных технологий. При этом за три года снижение численности произошло почти в два раза. Если в 2019 году численность специалистов была 64 тысячи, то в 2021 году уже сократилась до 58 тысяч человек, а в 2022 и 2023 года численность упала до 35, и далее до 34 тысяч человек. Подобное снижение может быть связано с начавшимся весной 2022 года оттоком части специалистов из страны, а также с уходом ряда иностранных компаний с рынка, которые обеспечивали дополнительные рабочие места в данной сфере, в том числе уровня руководителей отделов. Однако, важно заметить, что это не повлияло на общий прирост численности специалистов по ряду направлений, о чем говорилось ранее.

Также интересным является количество специалистов, не имеющих прямое отношение к ИКТ, но при этом интенсивно использующие информационно-коммуникационные технологии (см. табл. 2). Здесь также можно заметить существенные изменения распределения персонала на рынке труда. Численность управляющих административных и финансово-экономических постепенно снижается, начиная с 2020 года. Так, если в 2019 году насчитывалось 839 тысяч человек занятых в этой сфере, то в 2021 году таких специалистов стало уже 786 тысяч, а к 2023 году их численность сократилась до 665 тысяч. Хотя и наблюдается некоторый подъем, так как в 2022 году насчитывалось 562 тысячи специалистов. Такие изменения численного состава могут быть связаны с уходом

Таблица 1.
Занятость в профессиях, связанных с ИКТ,
тысяч человек

	2019	2020	2021	2022	2023
Руководители подразделений в сфере ИКТ	64,1	63,5	58,2	35,0	34,0
Разработчики и аналитики программного обеспечения	674,5	761,5	800,7	761,1	862,6
Специалисты по базам данных и сетям	311,8	332,4	330,2	410,2	378,8
Инженеры электроники	161,4	159,4	145,8	149,6	132,6
Графические дизайнеры	27,1	36,0	36,2	44,5	38,3
Специалисты техники по эксплуатации ИКТ	94,44	78,9	72,9	109,3	119,3
Специалисты техники по телекоммуникациям и радиовещанию	65,0	66,2	63,5	78,4	69,9
Техники-электроники	50,2	43,1	33,6	68,4	59,3
Монтажники и ремонтники	110,0	104,7	106,7	157,9	185,7

ряда иностранных компаний с российского рынка и последовавшей постепенной стабилизацией. Сократилось также и количество руководителей отделов в областях маркетинга и сбыта: в 2019 году насчитывалось 193 тысячи человек, в 2021 году их численность сократилась до 187 тысяч, а в 2023 году и вовсе упала до 120 тысяч человек. Данная тенденция может быть связана, как с уходом иностранных компаний, о чем говорит резкое снижение численности в 2022 году, так и возможно оптимизациями и частичной автоматизацией ряда процессов в компаниях по мере внедрения цифровых технологий. К негативным тенденциям можно также отнести снижение численности профессорско-преподавательского состава: с 244 тысяч в 2019 году до 210 тысяч в 2023 году. И хотя, основное сокращение численности произошло в 2020 году, тем не менее образовательные процессы являются важной частью развития и прогресса страны в целом, обеспечивая поступление кадров на рынок труда. На рынке труда среди профессий, использующих информационно-коммуникационные технологии существуют и положительные тенденции. Важно отметить, что за 4 года существенно выросла численность инженеров-электриков. В 2019 году насчитывалось 214 тысяч человек данного направления, в 2021 году их численность снизилась до 202 тысяч человек, однако уже спустя два года — резко увеличилось почти в два раза до 379 тысяч человек. Такая тенденция может быть связана с острой нехваткой специалистов на рынке труда и ростом заработных плат в этой сфере. Интересно отметить, что резкий прирост приходится в большей степени на 2022 год,

как раз в период, снижения численности специалистов по некоторым другим направлениям.

Таблица 2.
Численность специалистов, использующих ИКТ,
тысяч человек

	2019	2020	2021	2022	2023
Финансово-экономические и административные управляющие	839,7	826,6	786,5	562,5	665,7
Руководители маркетинга, развития, сбыта	193,7	199,5	187,3	131,2	120,2
Руководители в сфере социальных услуг	387,3	377,7	382,2	266,6	323,6
Химики, физики и родственные занятия	118,44	109,9	115,2	112,3	128,5
Архитекторы, проектировщики, топографы, дизайнеры	448,2	471,0	515,7	471,8	534,8
Профессорско-преподавательский состав	244,9	206,6	206,4	205,9	210,5
Инженеры-электрики	214,5	207,2	202,7	361,4	379,6

Если изучить развитие информационно-коммуникационных технологий по сферам применения с точки зрения видов экономической деятельности (см. табл. 3). Относительно распределения занятости можно посмотреть, как происходит перераспределение различных секторов экономики. В условиях цифровизации экономики — по мере развития технического прогресса требуется проведение цифровизации, даже в тех областях, в которых традиционно влияние ИКТ достаточно низкое. Сравнивая процентное распределение между 2020 годом и 2023 годом, можно обратить внимание, что немного увеличилась численность специалистов ИКТ в сфере сельского хозяйства: с 0,2 процентов до 0,3 процентов. Хотя данный прирост является незначительным, и необходимо уточнение в последующие годы — тем не менее это можно отнести к намечающимся тенденциям по усилению влияния ИКТ в области сельского хозяйства: традиционные методы будут постепенно уходить на второй план, а наукоемкость сельского хозяйства соответственно будет увеличиваться. Также произошло перераспределение процентного соотношения в сторону прироста в сфере логистики — транспортировка и хранение. Если в 2020 году в этой области было занято 1,1 процент от общей численности, то в 2023 году уже 1,4 процента. Также увеличилось процентное соотношение в области здравоохранения: с 0,8 процентов до 1,0 процентов от общей численности. Незначительные снижения в ряде других областей можно объяснить не столько снижением численности, но сохранением ее на прошлом уровне без существенных изменений. Также, наиболее востребованным остается сектор информации и связи — где за-

действовало самое большое количество специалистов ИКТ.

Таблица 3.
Численность специалистов по видам экономической
деятельности, % от численности занятых

Сферы деятельности	2020	2023
Сельское хозяйство	0,2	0,3
Добыча полезных ископаемых	2,0	1,7
Обрабатывающая промышленность	2,7	2,8
Обеспечение энергией	2,6	2,6
Водоснабжение, водоотведение, утилизация отходов	1,1	1,2
Строительство	1,0	0,9
Оптовая и розничная торговля	1,1	0,9
Транспортировка и хранение	1,1	1,4
Гостиницы и общественное питание	0,5	0,6
Информация и связь	42,2	50,3
Финансовый сектор	6,2	5,5
Операции с недвижимым имуществом	1,1	1,4
Профессиональная, научная и техническая деятельность	6,6	5,2
Государственное управление	1,8	1,9
Образование	0,6	0,7
Здравоохранение	0,8	1,0
Культура и спорт	1,5	1,2

Заключение

В рамках развития цифровой экономики в Российской Федерации, с учетом реализации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации» видна положительная динамика в расширении количества средне-профессиональных специалистов, занятых в ИТ-сфере, однако, все еще сохраняются определенные диспропорции в этой области. Развитие цифровизации требует большое количество техников различных направленностей для обслуживания информационной инфраструктуры. Можно предположить, что серьезную проблему все еще составляет низкий уровень престижности средне-профессиональных технических ИТ-специальностей.

Также можно выделить, что увеличивается количество специалистов не некоторых областях экономической деятельности, что можно обозначить как позитивная тенденция. Это касается сферы здравоохранения, обрабатывающей промышленности, сельское хозяй-

ство, сфера логистики, сфера государственного управления.

Чисто экономические составляющие мотивации к выбору таких средне-профессиональных специальностей — не всегда могут иметь должный результат, так престижность профессии также является важным показателем при выборе направления подготовки. Помимо

потенциала профессиональной переподготовки, который задействуется уже сейчас, также возможным путем решения проблемы будет являться проведение различных социальных пиар-кампаний, направленных на информирование о потенциалах возможностей и развития в данных областях, как для школьников, выбирающих профессию, так и для желающих сменить направление профессиональной деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ефимкина Ю.Е. Влияние цифровизации на устойчивое развитие сельских территорий / Ю.Е. Ефимкина // Устойчивое развитие и кооперация: содействие внедрению инноваций: Сборник трудов IV Международной научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых учёных, Российский университет кооперации, 15-16 апреля 2024 года. — Мытищи: Российский университет кооперации, 2024. — С. 1414–1419.
2. Иноземцев С.А., Линкина А.В. Экономический и социальный эффект цифровой трансформации // Вестник Воронежского института высоких технологий. — 2022 — № 1 — С. 155–158.
3. Морозова Н.И. Информационные технологии в деятельности современных организаций: вызовы и стратегии развития / Н.И. Морозова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук: Сборник научных трудов VI Международной конференции профессорско-преподавательского состава, Казань, 16 декабря 2023 года. — Казань: Российский университет кооперации, 2023. — С. 86–89.
4. Сиваков В.Н. Цифровизация государственного контроля (надзора): теоретический аспект // Научный вектор: сборник научных трудов/под науч. ред. — С. 426
5. Тавберидзе Карл Юрьевич. Цифровой маркетинг в сфере здравоохранения // Общественное здоровье и здравоохранение. — 2023 — №2 (77) — С. 18–26
6. Тюфанов В.А. Анализ влияния цифровой трансформации на бизнес // Молодой ученый. — 2022. — № 17 (412). — С. 121–124
7. Цифровая экономика. Краткий статистический сборник. 2025. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» [Электронный ресурс]: Электрон. версия печат. публ. URL: <https://issek.hse.ru/mirror/pubs/share/995751983.pdf>. (дата обращения: 10.03.2025).
8. Яковлева Е.А., Виноградов А.Н., Александрова Л.В., Филимонов А.П. Роль технологий искусственного интеллекта в цифровой трансформации экономики // Вопросы инновационной экономики. — 2023. — Т. 13, № 2. — С. 707–726.

© Завьялов Андрей Евгеньевич (zavyalov88@inbox.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ПОТЕНЦИАЛ ДЕКОЛОНИАЛЬНОГО ПОВОРОТА В СОЦИОЛОГИИ: ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ И АРГУМЕНТЫ «ПРОТИВ»

THE POTENTIAL OF THE DECOLONIAL TURN IN SOCIOLOGY: MAIN RESEARCH DIRECTIONS AND ARGUMENTS AGAINST

**M. Rubtsova
D. Martyanov
N. Martyanova**

Summary. The article examines the potential of the decolonial turn in sociology, its main characteristics, and the arguments of its supporters and opponents. The authors conclude that the reasons for the crisis of decolonial studies lie in the fact that the «decolonial optics» has brought virtually nothing new to the development of methods and principles of sociological knowledge. Therefore, the main factor in the development of the project of global sociology is not the rise of decolonial sociology, but the internal crisis of Western epistemology, which is being torn apart for purely political and managerial reasons, while projects in the spirit of post-Western sociology are being developed in the same West and are so far remain only barely emerging.

Keywords: decolonial turn, crisis of Western epistemology, indigeneity, indigenous sociology, postcolonial studies.

Рубцова Мария Владимировна

Д.с.н., профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
abc33@yandex.ru

Мартьянов Денис Сергеевич

К.полит.н., доцент, Санкт-Петербургский
государственный университет
economistinfo@yandex.ru

Мартьянова Наталья Александровна

К.с.н., доцент, РГПУ им. А.И. Герцена
economistinfo@yandex.ru

Аннотация. В статье рассмотрен потенциал деколониального поворота в социологии, его основные характеристики, аргументы сторонников и противников. Авторы делают вывод, что причины кризиса деколониальных исследований заключаются в том, что «деколониальная оптика» практически не принесла ничего нового в разработку методов и принципов социологического знания. Поэтому главным фактором разработки проекта глобальной социологии выступает вовсе не подъём деколониальной социологии, а внутренний кризис западной эпистемологии, раздираемой на части по чисто политическим и управленческим причинам, в то время как проекты в духе постзападной социологии разрабатываются все на том же Западе и пока остаются лишь едва намечившимися.

Ключевые слова: деколониальный поворот, кризис западной эпистемологии, индигенность, индигенная социология, постколониальные исследования.

В 2023 году в своем обращении к социологическому сообществу действующий президент Международной социологической ассоциации Джеффри Плейерс поднял вопрос о «деколониальном повороте» в социологии¹. Такая постановка вопроса возникла не на пустом месте. Более того, ряд авторов видят возможности для подобных радикальных перемен и в философии по принципу прежних лингвистического и прагматического поворотов².

Современная социология в теоретико-методологическом контексте уже предприняла попытку сделать несколько шагов в сторону деколонизации. К таковым можно отнести формирование постколониальных ис-

следований, индигенной социологии, теории Юга и, наконец, деколониальной социологии. Каждое из этих направлений, объединенных критикой позитивизма (универсализма), но обладающих своей спецификой, стало формировать корпус социологических авторитетов, олицетворяющих эти теоретико-методологические векторы.

Постколониальные исследования, оформившиеся в конце 1980-х гг., имеют продолжительную предысторию и восходят к работам таких немейнстримных социологов как Уильям Эдуард Бёркхардт Дюбуа³.

Индигенная (коренная) социология приобрела известность благодаря Акинсоло Акивово, который

¹ Плейерс Д., Романовский Н.В. Глобальная социология — это возобновление глобального диалога // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 15–18. DOI 10.31857/S013216250029333-9 С.16.

² См., например: Gallien, C. (2020) A decolonial turn in the humanities. Journal Of Comparative Poetics. No. 40, pp. 28–59.

³ Саид Э.В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с.], Г. Спивак [G. C. Spivak A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of The Vanishing Present; Seagull Books, Calcutta, 1999. 449 p.], Х. Бабу [Homi K. Bhabha The Location of Culture, Routledge 1994.

призвал к «индигенной африканской социологии»⁴. Индигенные социологии зачастую обвиняются в ангажированности и прожектерстве, подменяющем реальное содержание. В числе их защитников — Майкл Буравой, а среди авторитетных критиков — Нейл Смелзер и Петр Штомпка. По мнению последнего, сам термин «индигенность» крайне размыт. Это и «всё незападное», и нечто ограниченное или одной цивилизацией, или же регионом, или одним национальным государством⁵. Индигенные социологии противопоставлены универсальному социологическому дискурсу и могут выступать против его гегемонии.

Теория Юга или «Южная теория» введена в научный оборот с подачи Рейвин Коннелл⁶. Коннелл развернуто выступает с критикой европоцентризма и шире — глобального социологического Севера. В целом теоретики Юга отмечают незаслуженность возвышения европейского контекста социологии⁷, критикуя пантеон классиков европейской социологической науки. В качестве примера такой критики можно привести широко обсуждаемую на Западе работу британских социологов Герминдер Брамбры и Джона Холмвуда «Колониализм и современная социальная теория»⁸. С точки зрения авторов данного труда в наше время необходима «деколонизация» социальных наук и учебных дисциплин, в том числе — концепций и категорий классических мыслителей, таких как А. Токвиль, Э. Дюркгейм, М. Вебер, К. Маркс, У. Дьюба и другие.

Для осуществления «деколонизации» авторы обращаются к исследованию колониального контекста, в котором сформировалась европейское понимание современной социальной теории. Это предполагает рассмотрение следующих аспектов:

- институциональные преимущества колониализма для развития западной системы образования;
- интеллектуальное наследие колониализма в организации западной мысли, особенно в области социальных наук.

⁴ Akiwowo A. Contribution of sociology of knowledge from an African oral poetry // International sociology. — L., 1986. — Vol. 1, N 4. — P. 343–358.

⁵ Буравой М. Последний позитивист // Социологический ежегодник, 2011: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ-ВШЭ; Ред. и сост. Покровский Н.Е., Ефременко Д.В. — М., 2011. С. 19.

⁶ R. Connell, Southern theory: The global dynamics of knowledge in social science. Polity Press, Cambridge, 2007.

⁷ Кисленко И. Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, no. 1 (167), 2022, С. 226–244.

⁸ Брамбра Г., Холмвуд Дж. Колониализм и современная социальная теория. 2021.

По мнению авторов, современный период развития социологической мысли ошибочно воспринимается как эпоха свободы, однако он является, напротив, периодом сильного принуждения, популизма и ксенофобии по отношению к меньшинствам, мигрантам и прочим социально уязвимым группам. Движения за деколонизацию от Запада (в Алжире, Индии, африканских республиках и пр.) трансформировали мировой порядок, тем не менее, это не стало предметом особенного социологического интереса. Более того, классическая социологическая мысль была организована на основе пяти колониальных «фикций» или «вымыслов», к которым авторы относят следующее:

1. Утверждение «естественного состояния» (natural state) общества. Эта идея была развита еще Т. Гоббсом, а также классическими социологами, такими как Г. Спенсер, Г. Зиммель и пр. В этих теориях, как нам известно, прослеживается представление о войне и военных завоеваниях (в том числе «войне всех против всех») как базовом, естественном состоянии. Здесь можно обратиться к известной цитате Г. Зиммеля — «война есть первая социологическая взаимосвязь между людьми»⁹;
2. Идея социального прогресса, согласно которой современное общество неминуемо движется в сторону эгоистичной рациональности. Колонизация большинства народов «империями из прошлого» как раз соответствует данному представлению.
3. Идея национального государства, развитая в наибольшей степени в концепции М. Вебера. С точки зрения великого немецкого социолога, государство имеет монополию на легитимное насилие¹⁰. Это неотъемлемое право национальных государств постулируется в целом направлении социологии международных отношений, обозначаемое как «реализм». Сторонники реализма утверждали приоритет национальных интересов, что противоречит современным призывам к деколонизации.
4. Классовое разделение общества и труда, представленное, разумеется, в работах К. Маркса.
5. Приоритет рациональности в социальной теории, также представленный в работах Э. Дюркгейма, М. Вебера и др.

Но все эти «фикции» или допущения не применимы к современному контексту. Авторы подчеркивают свое уважение к классическим мыслителям, однако призывают к рассмотрению их идей по-новому, а именно — в контексте колониализма. Как колониализм структури-

⁹ Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. Том № 2. С. 114–119

¹⁰ Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.

ровал европейскую научную мысль эпохи модерна, так деколонизация должна привести к деконструкции социальной теории.

В частности, в качестве примера колониального подхода эпохи модерна авторы приводят фразу британского историка Томаса Маколея «одна полка хорошей европейской библиотеки стоит всей туземной литературы Индии и Аравии»¹¹. В эпоху постмодерна такое недопустимо: мнения и высказывания всех акторов имеют значение. Современный дискурс полисемантичен и поликультурен. Вследствие этого, по мнению авторов, должна произойти трансформация самой концептуальной структуры социологии. Эта трансформация должна затронуть как угнетаемых от колониальной политики прошлого, так и ее бенефициаров (в первую очередь, европейские страны, бывшие «империи»).

Деколониальную социологию также отличает акцент на активизм в пику рефлексивности постколониальных исследований. Пионером деколониальной теории выступает Али Мехджи. Мехджи приходит к выводу о том, что южная теория работает в той же логике, что и колониальная¹², стараясь просто занять место Севера в качестве нового гегемона. Мехджи отвергает идею противоборства внутри колониальной эпистемы и выступает за пересмотр самой идеи социологии¹³. Деколониальная социология выступает против ранжирования и исключения альтернативных эпистемических систем и за формирование альтернатив западному колониалистскому взгляду. Деколониальные исследования включают широкий спектр различных видений (например, деколониальный ислам как форма теологии освобождения, борьбу с исламофобией и антисексуализм)¹⁴. Деколониальный поворот «ставит под сомнение саму суть, логику и методологию существующей системы знания и дисциплинарных делений»¹⁵.

С точки зрения динамики заметен постепенный переход от «рефлексивных» постколониальных теорий,

¹¹ Macaulay T. Minute on Education // Sources of Indian Tradition / Compiled by Wm. Theodore de Bary, Stephen Hay a.o. Delhi etc., 1963. P. 596–597.

¹² Meghji, A. Decolonizing Sociology: An Introduction. Cambridge, MA: Polity Press, 2021.

¹³ Кисленко И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии (к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа) // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 3–14. DOI 10.31857/S013216250021240-7 С. 7.

¹⁴ Кисленко И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии (к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа) // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 3–14. DOI 10.31857/S013216250021240-7 С. 7.

¹⁵ Тлостанов М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстезиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=141.

которые стали проявлять элементы эрозии¹⁶, в сторону активной деколониальной социологии, действующей в активистском духе, с акцентом на широкую научную deliberation. Активизация усилий по укреплению позиций деколониальной социологии заметна в рамках проекта глобальной социологии, в значительной степени последовательному продвижению которой способствовала Международная социологическая ассоциация (МСА)¹⁷.

Истоки глобальной социологии усматриваются в 1960-е гг. в речи президента Американской социологической ассоциации Уилберта Мура, говорившего о «социологии земного шара»¹⁸. Постановка вопроса на уровне МСА, функционирование которой связано как раз с постколониальным периодом, была осуществлена в 1990 году в докладе «Социология для всего мира: Единство или разнообразие?». Президент МСА Маргарет Арчер делала акцент на универсальности социологии в условиях гомогенизации «мира», противопоставленного «мирам», и декларировала то, что общества перестали быть главными единицами социологии¹⁹.

Позиция еще одного социологического тяжеловеса Ульриха Бека состоит не только в более изощренной формулировке «глобальной социологии» (Бек предлагает называть ее космополитической социологией), но и в обозначении «врагов» космополитизма — национализма, глобализма (т. е. глобального капитала) и демократического авторитаризма²⁰. Развитие глобального социологического проекта, таким образом, «втискивается» Бекем в прокрустово ложе западной модели либеральной демократии, что мало соответствует установке на плюральность индигенных подходов.

Значимым событием в продвижении глобальной социологии (и других смежных проектов, в т.ч. индигенных социологий) стала дискуссия²¹ между главами МСА Петром Штомпкой²² и Майклом Буравым, касающаяся

¹⁶ Savransky, Martin. (2017). A Decolonial Imagination: Sociology, Anthropology and the Politics of Reality. *Sociology*. 51. 11–26. DOI 10.1177/0038038516656983.

¹⁷ Кисленко И. Социологический анализ институционального аспекта глобальной социологии Майкла Буравого // Социологическое обозрение, Т. 18, № 3, 2019, С. 172–194.

¹⁸ Moore, W.E. (1966) *Global Sociology: The World as a Singular System*, in «*American Journal of Sociology*», 71, 5, pp. 475–482.

¹⁹ Archer, Margaret S. «Sociology for one world: Unity and diversity». *International Sociology* 6 (1991): 131–147.

²⁰ Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 1. С. 24–53.

²¹ Социологический ежегодник, 2011: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ-ВШЭ; Ред. и сост. Покровский Н.Е, Ефременко Д.В. — М., 2011. — 408 с. С. 10.

²² Sztompka P. (2006). *Introductory Remarks to the Presidential Debate*. URL: https://www.isa-sociology.org/uploads/files/presidential_address_p_sztompka.pdf

перспектив «глобальной социологии». Если Штомпка выступил в роли защитника универсализма, за что был удостоен ярлыка «последнего позитивиста», то идея Буравого заключается в провозглашении равенства национальных социологов²³, представляющего как проект эгалитарного партнерства индигенных социологий в борьбе за всеобщую, глобальную социологию²⁴. При этом Буравой выступает и против «партикуляристских ответов» в духе «нового универсализма», что лишь приведет к новым контргегемонистским ответам других альтернативных социологий²⁵. Дальнейшие назначения в руководстве МСА свидетельствуют о победе программы Буравого, при том, что изменения, касающиеся собственно улучшения позиций индигенных социологий и их представителей в структуре МСА, говорят об обратном²⁶.

Так или иначе в настоящий момент «южная» социология не претендует на то, чтобы быть социологией, самостоятельно говорящей сама за себя. Дж. Плейерс, завершая свое обращение, видит место эпистемологии Юга вместе с экологическими, индигенными, интерсекциональными и другими подходами — т.е. участь незападной социологии — быть уравненной с «передовыми» идеологически ангажированными западными эпистемологиями.

В настоящий же момент роль незападных социологов зачастую сводится к повторению или, в лучшем случае, детализации нарративов глобального Запада (в т.ч. провозглашаемых в качестве антизападных) в отношении самих «южных» стран. Социология глобального юга не превращается в социологию, удостоенную легитимного права описания образа Запада (или Севера), включая невозможность установления собственной повестки дня, формирования и полноценной защиты своих цен-

²³ Буравой М. (2010). Отвечая на вызовы глобальной социологии — от Гётеборга до Йокогамы / Пер. с англ. В.В. Коношенков под ред. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. 13. № 4. С. 187–193.

²⁴ Социологический ежегодник, 2011: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ–ВШЭ; Ред. и сост. Покровский Н.Е., Ефременко Д.В. — М., 2011. С. 10.

²⁵ Inglis, D., & Almila, A.-M. (2020). Sociological Masters of the World: For and Against 'Global Sociology'. *Rassegna Italiana di Sociologia*, LXI(4), 741–769. <https://doi.org/10.1423/100000>

²⁶ Кисленко И. Социологический анализ институционального аспекта глобальной социологии Майкла Буравого // Социологическое обозрение, Т. 18, № 3, 2019, С. 172–194. С. 185.

ностей и соблюдения собственных же эпистемологических «правил игры».

Деклониальная социология уравнивается в своих правах с социологиями западных меньшинств и опирается на трансформирующуюся идеологическую базу гегемонистской социологии. Обычно проекты глобальной социологии предлагают формирующимся постколониальным «национальным» школам роль поставщиков эмпирических данных, легитимирующих общую идеологическую установку (с предоставлением коммуникационных площадок, статусом в международных организациях и даже грантового финансирования). Показательно и то, что руководство МСА с энтузиазмом отреагировало на процессы глобализации, ответив проектом «глобальной социологии», но фактически проигнорировало постглобалистский тренд, фактически оставшись на стороне «глобалистов». По факту пропаганда универсалистской «модернизации» сменилась на пропаганду универсалистской же «демократизации». Ориентация на западное понимание демократии служит скрытой конвенцией, регулирующей легитимность индигенных социологий.

Причины кризиса деколониальных исследований, на наш взгляд, кроются в попытке простой замены доминирующей социальной группы на другую. Ранее доминировали «западные» социологии, теперь будут доминировать «постколониальные». Но сами методы и принципы социологического знания не меняются от простой «перестановки мест слагаемых», пресловутая деколониальная оптика уничтожая барьеры, якобы созданные колониальными системами угнетения, сразу вводит новые — либо ведущие в архаику с ещё большим угнетением, либо банально служащие политическим интересам иных, но опять-таки западных политических групп. Поэтому главным фактором проекта глобальной социологии выступает вовсе не подъём индигенных социологий (теоретическая фундированность которых по-прежнему считается сомнительной), а внутренний кризис западной эпистемологии, раздираемой на части по чисто политическим причинам, в то время как проекты в духе постзападной социологии²⁷ разрабатываются все на том же Западе и пока остаются лишь едва наметившимися.

²⁷ Roulleau-Berger, L. The fabric of Post-Western sociology: ecologies of knowledge beyond the «East» and the «West». *J. Chin. Sociol.* 8, 10 (2021). <https://doi.org/10.1186/s40711-021-00144-z>

ЛИТЕРАТУРА

1. Бек У. Космополитическое общество и его враги // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. Том VI. № 1. С. 24–53.
2. Брамбра Г., Холмвуд Дж. Колониализм и современная социальная теория. 2021.
3. Буравой М. Отвечая на вызовы глобальной социологии — от Гётеборга до Йокогамы / Пер. с англ. В. В. Коношенко под ред. А.В. Тавровского // Журнал социологии и социальной антропологии. 2010. Т. 13. № 4. С. 187–193.
4. Буравой М. Последний позитивист // Социологический ежегодник, 2011: Сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; Кафедра общей социологии НИУ–ВШЭ; Ред. и сост. Покровский Н.Е, Ефременко Д.В. — М., 2011. С. 19.
5. Вебер М. Политика как призвание и профессия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс, 1990. С. 644–707.
6. Зиммель Г. Человек как враг // Социологический журнал. 1994. Том. № 2. С. 114–119
7. Кисленко И. Социологический анализ институционального аспекта глобальной социологии Майкла Буравого // Социологическое обозрение, Т. 18, № 3, 2019. С. 172–194.
8. Кисленко И.Ю. О колониальной эпистеме и деколониальной социологии (к дискуссии о канонизации У.Э.Б. Дюбуа) // Социологические исследования. 2022. № 7. С. 3–14.
9. Кисленко И.Ю. Южная теория: существует ли социология за пределами западного канона? // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, N. 1 (167), 2022. С. 226–244.
10. Плейерс Д., Романовский Н.В. Глобальная социология — это возобновление глобального диалога // Социологические исследования. 2023. № 12. С. 15–18. DOI 10.31857/S013216250029333-9
11. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. Санкт-Петербург: Русский мир, 2006. 636 с.
12. Тлостанова М.В. Постколониальная теория, деколониальный выбор и освобождение эстетизиса // Человек и культура. 2012. № 1. С. 1–64. DOI: 10.7256/2306-1618.2012.1.141 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=141.
13. Akiwowo A. Contribution of sociology of knowledge from an African oral poetry // International sociology. L., 1986. Vol. 1, N 4. P. 343–358.
14. Archer, Margaret S. «Sociology for one world: Unity and diversity». International Sociology 6. 1991. P. 131–147.
15. Bhabha H. K. The Location of Culture, Routledge 1994.
16. Connell R. Southern theory: The global dynamics of knowledge in social science. Polity Press, Cambridge, 2007.
17. Gallien, C. A decolonial turn in the humanities // Journal Of Comparative Poetics. 2020. No. 40. P. 28–59.
18. Inglis, D., & Almila, A.-M. Sociological Masters of the World: For and Against 'Global Sociology'. Rassegna Italiana di Sociologia, LXI(4), 2020. P. 741–769. <https://doi.org/10.1423/100000>
19. Macaulay T. Minute on Education // Sources of Indian Tradition / Compiled by Wm. Theodore de Bary, Stephen Hay a.o. Delhi etc., 1963. P. 596–597.
20. Meghji, A. Decolonizing Sociology: An Introduction. Cambridge. Medford, MA: Polity Press, 2021.
21. Moore, W.E. (1966) Global Sociology: The World as a Singular System, in «American Journal of Sociology», 71, 5, pp. 475–482.
22. Roulleau-Berger, L. The fabric of Post-Western sociology: ecologies of knowledge beyond the «East» and the «West». J. Chin. Sociol. 8, 10 (2021). <https://doi.org/10.1186/s40711-021-00144-z>
23. Savransky M. A Decolonial Imagination: Sociology, Anthropology and the Politics of Reality. Sociology. 2017. 51. 11–26. 10.1177/0038038516656983.
24. Spivak G. C. A Critique of Postcolonial Reason: Toward a History of The Vanishing Present; Seagull Books, Calcutta, 1999. 449 p.,
25. Sztompka P. (2006). Introductory Remarks to the Presidential Debate. [Электронный ресурс] URL: https://www.isa-sociology.org/uploads/files/presidential_address_p_sztompka.pdf (Дата обращения 01.03.2025)

© Рубцова Мария Владимировна (abc33@yandex.ru); Мартыанов Денис Сергеевич (economistinfo@yandex.ru);
 Мартыанова Наталья Александровна (economistinfo@yandex.ru)
 Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВИЗАЦИИ НА ТРУДОВУЮ ЗАНЯТОСТЬ СТУДЕНТОВ: ВОЗМОЖНОСТИ И РИСКИ

THE IMPACT OF DIGITALIZATION ON STUDENT EMPLOYMENT: OPPORTUNITIES AND RISKS

F. Safullina

Summary. The labor market for students is undergoing significant changes due to digital transformation, offering both new opportunities and potential risks. The spread of digital technologies encourages the development of flexible employment forms but also increases job instability. In this context, the education system should not only provide academic training but also develop digital competencies to help students adapt to the demands of the modern labor market. To mitigate the risks of digitalization, it is essential to improve educational programs and regulatory frameworks related to student employment.

Keywords: digitalization, labor market, student employment, digital technologies, flexible employment forms, digital competencies, adaptation.

Сафиуллина Фарида Рафисовна

*Кандидат социологических наук,
старший преподаватель, Казанский государственный
энергетический университет
far491@mail.ru*

Аннотация. В условиях цифровой трансформации рынок труда для студентов претерпевает значительные изменения, создавая как новые возможности, так и потенциальные угрозы. Распространение цифровых технологий стимулирует развитие гибких форм занятости, однако приводит к росту нестабильности трудовых отношений. В этих условиях система образования должна не только обеспечивать академическую подготовку, но и формировать цифровые компетенции, способствующие успешной адаптации студентов к требованиям современного рынка труда. Для минимизации рисков цифровизации необходимо совершенствование образовательных программ и нормативно-правовой базы в сфере студенческой занятости.

Ключевые слова: цифровизация, рынок труда, студенческая занятость, цифровые технологии, гибкие формы занятости, цифровые компетенции, адаптация.

В эпоху цифровых преобразований, наряду с расширяющимися перспективами трудоустройства, появляются и новые вызовы, усложняющие процесс поиска работы для студентов. Эти трудности обусловлены трансформацией значимости профессиональных компетенций, размыванием национальных границ на рынке труда и формированием принципиально новых стратегий занятости. Современные условия оказывают значительное влияние на положение молодежи в системе трудовых отношений, поскольку именно этот сегмент рынка труда наиболее подвержен воздействию цифровых технологий.

Дополнительным фактором, ускорившим внедрение инноваций в различных сферах деятельности, стала пандемия COVID-19, которая способствовала стремительному развитию и применению решений в области искусственного интеллекта, роботизации и коммуникационных технологий. В этих условиях система образования приобретает ключевое значение, так как ее задача заключается не только в обеспечении академической подготовки студента, но и в создании условий для его эффективной адаптации к профессиональной среде. Одним из главных трендов становится увеличение спроса на компетенции, которые не могут быть заменены автоматизированными системами.

Американский социолог Элвин Тоффлер еще в 70-х годах XX века в своем труде «Шок будущего» впервые подробно рассмотрел вопрос ускоренного технологического и социального развития общества [1, с. 126]. Н.Р. Вяльшин отмечает, что разработка цифровых систем управления и внедрение открытого программного обеспечения подготавливают человечество к очередному технологическому скачку, который сегодня называют Индустрией 4.0 [2, с. 31]. С.Г. Пьянкова и соавторы обращают внимание, что цифровизация оказывает значительное влияние на процессы организации труда, изменяя структуру трудовых отношений и механизмы контроля за выполнением рабочих задач [3, с. 828]. Для успешной адаптации к новым реалиям рынок труда предъявляет повышенные требования к квалификации персонала, что делает модернизацию системы подготовки кадров особенно актуальной.

В ответ на эти вызовы государственные органы, включая Роструд, начали активно интегрировать цифровые инструменты в свою деятельность. В частности, в рамках реализации полномочий ведомство разработало и приняло концепцию повышения эффективности надзора за соблюдением трудового законодательства, в которой ключевую роль занимает цифровизация контроля и мониторинга [4, с. 9]. Одновременно с этим происходят изменения в характере занятости: традиционные формы

трудоустройства уступают место новым, более гибким моделям. А.Д. Мельник и Н.Л. Антонова указывают на то, что с развитием цифровых платформ значительно возросло количество работников, занятых во фрилансе, что стало частью таких явлений, как нестабильная занятость, прекаризация труда и позже — платформенная занятость [5, с. 39]. Эти новые формы работы по мнению О.С. Резниковой и И.В. Цыганковой изменили структуру рынка труда, породив категорию «платформенных работников», которых сложно классифицировать с юридической точки зрения, поскольку они не относятся ни к наемным работникам, ни к самозанятым [6, с. 122].

Современная экономическая ситуация существенно отличается от предшествующих этапов развития мировой экономики. Важнейшим фактором этих изменений является автоматизация и роботизация, которые позволяют избавиться от тяжелых, опасных и рутинных видов деятельности, одновременно ускоряя производственные процессы и снижая их себестоимость [2, с. 32]. А.Е. Кузнецова высказывает мнение, что данное явление имеет и обратную сторону: многие современные профессии могут со временем исчезнуть, поскольку их выполнение будет передано интеллектуальным системам [7, с. 99]. В исследовании Л.И. Филющенко делается акцент на том, что в ближайшие 10–15 лет массовое внедрение искусственного интеллекта может привести к тому, что 70–75 % рабочих мест будут заменены автоматизированными алгоритмами и роботами [8, с. 41]. Несмотря на такие риски, российский рынок труда пока что не испытывает масштабного вытеснения работников из-за автоматизации, поскольку лишь небольшая доля профессий связана с монотонными и рутинными задачами, легко поддающимися алгоритмизации. В то же время цифровизация порождает спрос на специалистов нового типа. Работодатели все чаще обращают внимание на кандидатов, обладающих развитыми «мягкими» навыками, такими как гибкость, креативность, способность работать в команде и принимать нестандартные решения.

Дэниел Сасскинд, экономист, подчеркивает важность переосмысления подхода к профессиональному развитию: «Либо вы обучаетесь тому, что недоступно для машин, либо готовитесь к созданию этих машин». Т.Г. Гриненко констатирует, что ближайшем будущем наибольшим спросом будут пользоваться специалисты, обладающие компетенциями в области информационных технологий и способные эффективно применять цифровые инструменты в своей профессиональной деятельности [9, с. 66, 69]. Одним из ключевых факторов успешной адаптации к цифровой эпохе становится опережающее образование, обеспечивающее подготовку кадров, соответствующих требованиям рынка труда. Именно оно рассматривается как залог технологического развития и экономического лидерства страны.

В индустриальном обществе профессиональный путь человека строился по линейной модели: после однократного выбора профессии следовало единовременное обучение, после которого специалист приступал к работе, требующей лишь периодического повышения квалификации. Однако современная реальность рынка труда диктует необходимость непрерывного профессионального развития, что связано с динамическими изменениями в экономике и внедрением цифровых технологий [1, с. 128]. Цифровая трансформация затронула все сферы деятельности, включая рынок труда, что обуславливает неизбежность внедрения новых технологий в трудовые отношения. Современные компании активно используют цифровые инструменты для расширения аудитории и оптимизации процессов, а работодатели все чаще предъявляют требования к владению цифровыми компетенциями у соискателей [10, с. 31, 32]. Одним из ключевых изменений, вызванных цифровизацией, является рост спроса на специалистов, обладающих знаниями в области информационных и компьютерных технологий.

Цифровые инструменты предоставляют возможность выполнять профессиональные задачи без привязки к физическому рабочему месту, используя лишь Интернет. В результате рынок удаленного труда демонстрирует стабильный рост, привлекая специалистов гибкостью графика и возможностью работы из любой точки мира [11, с. 54]. Цифровая экономика способствует распространению гибких форм занятости, включая дистанционную работу и фриланс, что открывает дополнительные перспективы для студентов. Такие условия позволяют совмещать профессиональную деятельность с обучением, повышая конкурентоспособность молодых специалистов. Особенно востребованы в данной модели работы сферы IT, маркетинга, дизайна, онлайн-образования, а также различные креативные профессии [12, с. 25]. Представители молодого поколения, демонстрируют особую заинтересованность в удаленной занятости, так как она предоставляет им больше свободы в выборе места работы, а также возможность монетизировать свои увлечения [9, с. 69].

Одним из проявлений цифровой трансформации стало формирование гиг-экономики, где занятость носит краткосрочный характер, а работники чаще всего взаимодействуют с компаниями в формате фриланса [13]. Это позволяет студентам-фрилансерам самостоятельно организовывать рабочее время и совмещать несколько видов деятельности, однако создает и определенные риски.

Несмотря на преимущества гибкой занятости, такие модели работы зачастую лишены социальных гарантий, а доход фрилансеров и удаленных сотрудников может быть нестабильным. Отсутствие фиксированного графика

ка и предсказуемости в оплате труда делает специалистов уязвимыми перед экономическими колебаниями [14, с. 86]. Пандемия COVID-19 стала катализатором этих процессов, приведя к резкому увеличению количества удаленных рабочих мест и трансформации традиционного рынка труда [4, с. 10]. В новых условиях особенно актуальной становится задача адаптации к изменяющейся реальности. Важную роль в этом играет взаимодействие вузов и цифровых работодателей, а также включение в образовательные программы дисциплин, направленных на развитие цифровых компетенций. Это особенно значимо для студентов, так как расширяет их возможности на рынке труда.

Современный рынок требует от молодых специалистов высокой мобильности, готовности к освоению новых профессий и быстрой адаптации к изменяющимся условиям. По прогнозам, к 2030 году порядка 14 % рабочей силы в мире будет вынуждена сменить профессиональную сферу из-за внедрения новых технологий [15, с. 201]. Статистические данные подчеркивают важность гибкости и непрерывного обучения, которые становятся ключевыми факторами успешной карьеры в цифровую эпоху. В таблице 1 отображены ключевые аспекты влияния цифровизации на занятость студентов.

Развитие цифровых технологий оказывает существенное влияние не только на рынок труда, но и на систему образования, что требует активного внедрения в учебный процесс современных инструментов и цифровых навыков. В условиях цифровой экономики образование должно трансформироваться не просто путем автоматизации отдельных процессов, а посредством комплексного пересмотра методик подготовки специалистов.

Приоритетной задачей вузов становится интеграция цифровых компетенций в образовательные программы, что позволит выпускникам эффективно адаптироваться к условиям изменяющегося рынка труда [16, с. 35]. Одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности выпускников является тесное сотрудничество вузов с цифровыми работодателями. Развитие стратегических партнерств между образовательными учреждениями и ведущими игроками рынка IT и высоких технологий позволит повысить востребованность специалистов [17, с. 379]. В этой связи особую значимость приобретает создание междисциплинарных учебных и исследовательских сообществ, ориентированных на практическую подготовку студентов [18, с. 22].

Изменение форматов обучения в условиях цифровизации предполагает адаптацию образовательного процесса к индивидуальным потребностям учащихся, развитие персонализированных подходов и повышение практической ориентированности курсов [19, с. 247]. Пе-

Таблица 1.
Риски и возможности занятости студентов в условиях цифровизации. (Составлено автором)

№ п/п	Возможности	Риски
1.	Молодое поколение быстрее осваивает цифровые технологии, что делает их более конкурентоспособными на рынке труда	Изменения на рынке труда делают прогнозирование востребованных профессий сложным, акцент смещается на развитие универсальных навыков.
2.	Расширение вакансий за счет цифровых платформ и онлайн-сервисов облегчает поиск работы.	Неравномерные доходы и избыточные налоговые платежи могут стать препятствием для студентов, работающих в цифровой среде.
3.	Компании все активнее инвестируют в обучение и переквалификацию сотрудников, что повышает шансы студентов на трудоустройство.	Формат удаленной работы ограничивает живое общение с коллегами и может замедлять социализацию молодых специалистов.
4.	Фриланс и самозанятость дают возможность учащимся совмещать учебу и работу, обеспечивая гибкий график.	Рост конкуренции требует от студентов постоянного повышения квалификации и совершенствования профессиональных навыков.
5.	Развитие платформенной экономики упрощает доступ студентов к временной занятости и проектной работе.	Гибкие формы занятости не всегда предполагают социальные гарантии, что может создавать нестабильность в доходах.
6.	Углубленные знания цифровых технологий значительно увеличивают шансы выпускников на трудоустройство.	Дистанционная работа повышает риск социальной изоляции и затрудняет командное взаимодействие.
7.	Удаленные вакансии позволяют кандидатам претендовать на должности в ведущих компаниях, независимо от места проживания.	Цифровизация увеличивает нестабильность трудовых отношений и снижает уровень защищенности работников.
8.	Интернет и цифровизация делают рынок труда более доступным и открытым.	Автоматизация производственных процессов может уменьшить количество доступных рабочих мест.
9.	Современные технологии способствуют развитию гибких форм занятости, таких как проектная работа и краткосрочные контракты.	Дистанционный формат работы требует от студентов высокой самодисциплины и умения организовать рабочий процесс.
10.	Электронное обучение и онлайн-курсы помогают студентам оперативно приобретать новые навыки, востребованные на рынке труда.	Отсутствие четких законодательных норм в сфере цифровой занятости может привести к снижению трудовых гарантий.

реход к новым моделям взаимодействия между студентами и преподавателями приведет к снижению традиционной роли педагога, а ключевым элементом обучения станет самостоятельное освоение материалов с использованием технологий искусственного интеллекта [20, с. 23].

Растущая популярность вторичной занятости среди студентов свидетельствует о необходимости пересмотра существующих механизмов взаимодействия вузов с работодателями [5, с. 41]. Для успешного трудоустройства будущих специалистов важно не только наличие актуальных знаний, но и возможности для профессиональной адаптации, что требует гибких образовательных программ и мер поддержки дополнительного обучения [21, с. 32]. Современная система образования должна способствовать готовности студентов к переподготовке и смене профессиональной деятельности, а также расширять возможности для непрерывного профессионального роста [22, с. 18].

Одним из вызовов цифровой трансформации остается недостаточная вовлеченность студентов в дополнительные образовательные программы, что затрудняет их профессиональное самоопределение [5, с. 40]. В то же время, повышение цифровой грамотности и развитие компетенций, необходимых в цифровой экономике, является важным условием не только для устранения дисбаланса на рынке труда, но и для общего роста уровня благосостояния населения [11, с. 53].

Инвестиции в человеческий капитал, внедрение инновационных решений и поддержка различных форм занятости выступают основополагающими задачами государства и бизнеса. Чтобы обеспечить соответствие системы образования современным требованиям, необходимо активно интегрировать в учебные программы

цифровые технологии, создавая условия для подготовки специалистов, готовых к работе в динамично меняющемся цифровом мире.

Анализ последствий цифровизации в сфере трудовой занятости студентов позволяет выявить не только перспективные возможности, но и потенциальные угрозы, обусловленные цифровой трансформацией. Влияние цифровых технологий на рынок труда носит амбивалентный характер: с одной стороны, они способствуют распространению нестабильных форм занятости, а с другой — обеспечивают новые перспективы для трудоустройства и создают условия для улучшения положения работников.

Развитие цифровой среды открывает перед студентами дополнительные карьерные пути, однако этот процесс требует своевременной корректировки законодательных норм, а также совершенствования образовательных программ с целью соответствия новым требованиям рынка труда. Цифровые платформы и инструменты значительно расширяют спектр возможностей для формирования устойчивых форм занятости, особенно в дистанционном и виртуальном форматах работы, что актуально в условиях современных экономических реалий.

Для достижения оптимального соотношения между преимуществами цифровизации и возникающими рисками необходимо ориентироваться на модернизацию образовательных стандартов и активное развитие цифровых навыков у студентов. В будущем научные исследования должны акцентироваться на глубоком изучении влияния новых технологий на трудовую деятельность обучающейся молодежи, а также на выработке эффективных стратегий адаптации к динамично изменяющимся условиям рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Никулина, А.Н. Особенности цифровой трансформации на рынке труда / А.Н. Никулина // Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. — 2022. — № 1. — С. 125–130. — DOI 10.24412/1994-3776-2022-1-125-130.
2. Вьялшин, Н.Р. Профессиональная идентичность как фактор цифрового бытия / Н.Р. Вьялшин // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2024. — № 3(66). — С. 30–36. — DOI 10.26907/2079-5912.2024.3.30-36.
3. Пьянкова, С.Г. Митрофанова Инна Васильевна, Ергунова Ольга Титовна, Сомов Андрей Георгиевич Перспективы развития рынка труда: трансформация базовых компетенций в цифровую эру / С.Г. Пьянкова, И.В. Митрофанова, О.В. Ергунова, А.Г. Сомов // Экономика. Информатика. — 2024. — №4. — С. 824–838.
4. Вуколов, В.Л. Особенности нормативно-правового регулирования использования цифровых технологий на рынке труда и в сфере трудовых отношений / В.Л. Вуколов // Социально-трудовые исследования. — 2023. — № 2(51). — С. 8–15. — DOI 10.34022/2658-3712-2023-51-2-8-15.
5. Мельник, А.Д. Фриланс как вынужденная форма занятости молодых профессионалов / А.Д. Мельник, Н.Л. Антонова // Теория и практика общественного развития. — 2024. — № 11(199). — С. 37–44. — DOI 10.24158/tpor.2024.11.3.
6. Резникова, О.С. Особенности новых форм занятости населения в условиях цифровизации экономики / О.С. Резникова, И.В. Цыганкова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Экономика и менеджмент. — 2024. — Т. 18, № 3. — С. 121–131. — DOI 10.14529/em240309.
7. Кузнецова, А.Е. Замещающие и компенсационные эффекты цифровизации экономики / А.Е. Кузнецова // Via Scientiarum — Дорога знаний. — 2022. — № 3. — С. 97–102.

8. Филющенко, Л.И. Правовое обеспечение трудоустройства в цифровом обществе / Л.И. Филющенко // Юридические исследования. — 2023. — № 5. — С. 40–47. — DOI 10.25136/2409-7136.2023.5.39007.
9. Гриненко, Т.Г. Молодежь на рынке труда: возможности и угрозы / Т.Г. Гриненко // Управленческое консультирование. — 2022. — № 5(161). — С. 62–71. — DOI 10.22394/1726-1139-2022-5-62-71.
10. Буянова, А.В. Новые вызовы цифровой среды в трудовых отношениях — практико-правовой анализ / А.В. Буянова, Е.А. Линькова // Вестник экономической безопасности. — 2023. — № 1. — С. 30–35. — DOI 10.24412/2414-3995-2023-1-30-35.
11. Кириллова, А.Д. Проблемы и перспективы молодежной занятости в условиях цифровизации российской экономики / А.Д. Кириллова, А.В. Попов // Вестник НГУЭУ. — 2023. — № 1. — С. 47–59. — DOI 10.34020/2073-6495-2023-1-047-059.
12. Сагайдак, В.А. Характеристика и основные мотивы вторичной занятости студентов / В.А. Сагайдак // Primo Aspectu. — 2024. — № 3(59). — С. 23–28. — DOI 10.35211/2500-2635-2024-3-59-23-28.
13. Чуланова, О.Л. Job sharing, как технология-тренд найма временного персонала в условиях гиг-экономики / О.Л. Чуланова, Д.В. Чуланов, Е.В. Татаринская // Вестник евразийской науки. — 2022. — Т. 14, № 5.
14. Гайыпов, М. Экономика «gig» экономики: последствия временной занятости для социального обеспечения / М. Гайыпов // Инновационная наука. — 2024. — № 10-2. — С. 85–87.
15. Катульский, Е.Д. Современные тенденции развития российского рынка труда / Е.Д. Катульский, Д.Г. Щипанова, Е.А. Гурина, Г.Э. Арбаев // Знание. Понимание. Умение. — 2023. — № 1. — С. 198–212. — DOI 10.17805/zpu.2023.1.14.
16. Иваненко, О.Б. Актуальные аспекты управления цифровой занятостью в Российской Федерации / О.Б. Иваненко, Л.Р. Хайрулина, А.И. Ковалев // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 31–37. — DOI 10.24412/2225-8264-2022-1-31-37.
17. Карапетян, Р.В. От рынка труда к рынку занятости: новая реальность (к итогам VII Санкт-Петербургского международного форума труда) / Р.В. Карапетян, М. В. Филиппова // Ежегодник трудового права. — 2024. — № 14. — С. 373–383. — DOI 10.21638/spbu32.2024.125.
18. Разумов, А.А. Цифровые факторы развития социотехнологических систем в современной организации: трудовой аспект / А.А. Разумов, И.В. Цыганкова // Социально-трудовые исследования. — 2022. — № 3(48). — С. 18–26. — DOI 10.34022/2658-3712-2022-48-3-18-26.
19. Шацкая, И.В. Глобальные тренды совершенствования системы кадрового обеспечения инновационного развития / И.В. Шацкая // Стратегирование: теория и практика. — 2022. — Т. 2, № 2(4). — С. 241–256. — DOI 10.21603/2782-2435-2022-2-2-241-256.
20. Меньшикова, О.И. Особенности образования в условиях цифровизации: технологический и гуманитарный аспекты / О.И. Меньшикова, Е.Г. Бикменова // Знание. Понимание. Умение. — 2022. — № 4. — С. 18–29. — DOI 10.17805/zpu.2022.4.2.
21. Иваненко, О.Б. Актуальные аспекты управления цифровой занятостью в Российской Федерации / О.Б. Иваненко, Л.Р. Хайрулина, А.И. Ковалев // Вестник Сибирского института бизнеса и информационных технологий. — 2022. — Т. 11, № 1. — С. 31–37. — DOI 10.24412/2225-8264-2022-1-31-37.
22. Зудина, А.А. Макротренды на рынке труда и новый молодой пролетариат / А.А. Зудина // Социодиггер. — 2022. — Т. 3, № 10-11(22). — С. 16–23.

© Сафиуллина Фарида Рафисовна (far491@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ФОРМИРОВАНИЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ КУЛЬТУРЫ СРЕДИ МОЛОДЕЖИ

FORMATION OF ENTREPRENEURIAL CULTURE AMONG YOUTH

F. Safullina

Summary. The article examines the formation of entrepreneurial culture among young people amid modern socio-economic transformations. Special attention is paid to the role of higher education institutions in developing entrepreneurial thinking, competencies, and students' motivation for business activities. Barriers hindering youth entrepreneurship, including lack of knowledge, resources, and mentoring, are analyzed. The paper proposes mechanisms and tools for integrating entrepreneurship education into the academic environment as a means of shaping sustainable behavior patterns and supporting youth professional self-realization.

Keywords: entrepreneurship, youth, entrepreneurial culture, entrepreneurial thinking, higher education, students, professional self-realization.

Сафиуллина Фарида Рафисовна

Кандидат социологических наук,
старший преподаватель, Казанский государственный
энергетический университет
far491@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности формирования предпринимательской культуры среди молодежи в условиях современной социально-экономической трансформации. Акцент сделан на роли высших учебных заведений в развитии предпринимательского мышления, формировании деловых компетенций и мотивации студентов к предпринимательской активности. Проанализированы барьеры, препятствующие реализации молодежных бизнес-инициатив, включая дефицит знаний, ресурсов и наставничества. Предложены механизмы и инструменты интеграции предпринимательского образования в образовательную среду как способ формирования устойчивых моделей поведения и профессиональной самореализации молодежи.

Ключевые слова: предпринимательство, молодежь, предпринимательская культура, предпринимательское мышление, высшее образование, студенты, профессиональная самореализация.

Предпринимательская деятельность сегодня рассматривается как один из ключевых механизмов обеспечения экономической устойчивости и прогресса. В условиях современной социально-экономической трансформации особое внимание со стороны государства и институтов развития сосредоточено на стимулировании молодежного предпринимательства. Это обусловлено тем, что от качеств и потенциала подрастающего поколения во многом зависит вектор и динамика развития любого общества. Современные реалии в России, включая нестабильность внешнеполитической обстановки, необходимость внутренней консолидации ресурсов и повышение эффективности экономической модели, требуют активного вовлечения молодежи как главного носителя инновационного потенциала.

Молодое поколение традиционно рассматривается как наиболее динамичная и восприимчивая к изменениям часть социума. Однако процесс формирования жизненных ориентиров, в том числе и предпринимательских, часто оказывается вне поля системного внимания — как со стороны образовательных учреждений, так и институтов социализации. Молодежь как социальная группа характеризуется высокой степенью адаптивности, креативности, стремлением к новизне и готовностью к принятию разумных рисков. Эти особенности

делают её важнейшим ресурсом для создания новой волны предпринимателей, способных оперативно реагировать на вызовы времени.

Особую исследовательскую значимость представляет анализ предпринимательских установок студенческой молодежи. Именно в этот период жизни начинают формироваться основы предпринимательского мышления, определяются мотивации, стратегии поведения и отношение к риску и новаторству. Предпринимательская культура вкупе с внутренними трудовыми установками служит мощным стимулом к проявлению деловой активности среди молодежи. Она формирует ценности, поведенческие модели и установки, способствующие созданию собственного бизнеса, участию в инновационных проектах и экономических инициативах. В этой связи важную роль приобретает система высшего образования, обеспечивающая не только передачу знаний, но и формирование у студентов личных и профессиональных качеств, необходимых для успешного включения в предпринимательскую среду. Университеты становятся катализаторами формирования предпринимательских компетенций и запускают механизмы социализации, способствующие профессиональной самореализации молодежи.

Под внешними факторами в контексте развития предпринимательской деятельности принято рассма-

тривать совокупность внешнеэкономических и социокультурных условий, которые прямо или косвенно воздействуют на процессы становления и функционирования бизнеса в отдельных регионах и государствах в целом [1, с. 81]. На сегодняшний день общество находится в процессе интенсивной трансформации, связанной с переоценкой базовых ориентиров, пересмотром стратегических целей, а также с поиском эффективных подходов и механизмов, направленных на повышение результативности реализуемых социальных инициатив [2, с. 124]. Современной российской молодежи предстоит адаптироваться к жизни в условиях многослойных социально-экономических вызовов, обусловленных внешнеполитическим давлением, введением санкционных ограничений и снижением доступности западных научно-технических разработок [3, с. 41]. При этом глобальная экономика функционирует под воздействием комплекса разнонаправленных факторов, которые могут не только способствовать ускорению экономического роста, но и привести к глубоким структурным изменениям в распределении приоритетов между ключевыми секторами производственной и финансовой систем [4, с. 111].

Молодые люди, как специфическая социально-демографическая категория, при попытке начать предпринимательскую деятельность нередко сталкиваются с множеством трудностей и ограничений. Эта группа населения считается одной из наиболее уязвимых на рынке труда, что объясняется, прежде всего, ограниченным профессиональным опытом и, как следствие, пониженной конкурентоспособностью [5]. В связи с этим актуальной задачей становится преодоление тех препятствий, которые существенно осложняют молодежи путь в сфере бизнеса. К числу таких преград по мнению И.А. Соловьевой относятся нехватка практических навыков, ограниченный доступ к финансовым ресурсам, а также дефицит полезных контактов и деловых партнерств [4, с. 115]. Согласно исследованию М.Ю. Абабковой и О.О. Васильевой ключевыми проблемами, препятствующими созданию собственного дела, молодые респонденты назвали отсутствие стартового капитала, сложности административного характера и нехватку эффективной государственной поддержки [6, с. 32]. Особенно остро ощущается дефицит финансирования, поскольку именно невозможность привлечения первоначальных инвестиций чаще всего становится решающим фактором, сдерживающим реализацию предпринимательских намерений у молодежи.

Период юности традиционно ассоциируется с высоким уровнем жизненной энергии, стремлением к самореализации, гибкостью мышления и выраженной склонностью к творческому поиску. Представители молодого поколения в этот жизненный этап особенно остро нуждаются в систематизации образовательного опыта и в обретении собственной идентичности. На этом фоне

включение предпринимательских установок и моделей поведения в образовательный процесс может играть важную роль в развитии у молодежи таких качеств, как инициативность, креативность, способность к принятию решений в условиях неопределенности и готовность идти на разумный риск [7, с. 42]. При этом ключевая роль в формировании предпринимательского мышления принадлежит педагогам. Несмотря на сложности, которые возникают в процессе внедрения инновационных подходов в обучение, преподаватели способны направлять молодежные сообщества к осмыслению перспектив будущей профессиональной самореализации, включая путь предпринимательства [8]. Своевременное включение в образовательные программы информации о предпринимательстве способствует формированию у студентов готовности к вхождению в деловую среду, а также развитию предпринимательской культуры на уровне учебных заведений. Однако, согласно результатам международного исследования GUESSS, около 60 % студентов отметили, что в рамках их университетского образования не было предусмотрено ни одного курса, посвященного предпринимательской деятельности [9, с. 583], что указывает на необходимость более активного внедрения таких дисциплин в учебный процесс.

В современной научной мысли предпринимательство трактуется как важнейший институт рыночной экономики, обладающий как экономическим, так и социокультурным измерением. Оно выходит за рамки создания новых коммерческих структур, представляя собой механизм, способствующий экономическому росту, повышению качества жизни, усилению инновационного потенциала и устойчивому развитию общества [4, с. 111]. Сегодня предпринимательство рассматривается как сложная и многослойная экосистема, включающая широкий спектр участников: от частных собственников до государственных и регулирующих органов, а также образовательных учреждений [9, с. 583]. Такое взаимодействие различных субъектов обеспечивает динамичность экономического процесса и адаптивность к изменяющимся условиям внешней среды. На уровне государственной политики особое значение приобретает создание благоприятной институциональной среды для развития бизнеса, особенно в регионах [10, с. 178]. Поддержка предпринимательской инициативы и формирование эффективной инфраструктуры содействуют не только росту занятости, но и стимулируют инновационную активность, укрепляя экономическую устойчивость территорий.

Особое место в этой системе занимает молодежное предпринимательство, которое сегодня рассматривается как одно из наиболее перспективных направлений развития малого и среднего бизнеса в России. В условиях ограниченных экономических возможностей, особенно в регионах с низким уровнем доходов, создание

собственного дела становится для молодых людей альтернативным способом решения проблем занятости и социальной реализации [11, с. 608]. Индивидуальная предпринимательская инициатива открывает возможности для восходящей социальной мобильности, помогает реализовать профессиональный и личностный потенциал [12, с. 104]. Желание обрести независимость от наемного труда и взять на себя ответственность за собственную судьбу становится важным мотивом в выборе предпринимательской траектории [1, с. 81]. Более того, вовлеченность в бизнес-процессы способствует формированию у молодежи уверенности в себе, развитию лидерских качеств и способности самостоятельно принимать решения в условиях неопределенности и конкуренции.

Формально-рациональный тип мышления, присущий как ученому, так и предпринимателю, формирует их способность действовать в условиях неопределенности и риска. Однако, в отличие от исследователя, вдохновляемого научным озарением, предприниматель полагается на интуицию, творческий подход и стратегическое чутьё, нередко проявляющееся в виде оригинальных идей и «коммерческой интуиции». Без этих качеств он рискует остаться лишь исполнителем чужих решений, а не создателем новых бизнес-моделей [13, с. 295]. Одним из ключевых факторов, препятствующих полноценному признанию предпринимательства в молодежной среде, является укоренившееся негативное восприятие предпринимательской инициативы, особенно под влиянием критического отношения к культурным практикам, заимствованным с Запада [14, с. 320]. Такая культурная предвзятость формирует недоверие к предпринимательству как к сфере, требующей новаторства и смелости.

Особо важно учитывать и влияние национального менталитета. Например, в Китае распространён страх перед неудачей, что тормозит стремление молодежи к предпринимательской деятельности, воспринимаемой как нестабильный и рискованный карьерный путь [15, с. 25]. Страх неудачи ограничивает инициативность и снижает готовность к экспериментам, которые составляют основу предпринимательского подхода. Дополнительное значение имеет и гендерная идентичность. Социально обусловленные установки по-прежнему влияют на восприятие предпринимательства как преимущественно мужской сферы. Женщины, ориентирующиеся на традиционно мужские поведенческие модели, чаще демонстрируют готовность к предпринимательству и формируют карьерные намерения в этой области [16, с. 1053].

Формирующаяся с ранних лет образовательная среда, к сожалению, не способствует развитию предпринимательских навыков. Общая система школьного образования преимущественно фокусируется на подго-

товке к стандартизированным проверочным заданиям, а не на развитии системного мышления и способности к нестандартному решению задач [17, с. 93]. Это тормозит становление предпринимательской инициативы у молодежи. Высшие учебные заведения также в недостаточной степени включены в процесс обучения предпринимательству. В университетской практике слабо представлены программы, направленные на развитие предпринимательского мышления и установок, соответствующих реальным условиям рынка [8]. Большинство вузовских курсов изолированы от практической среды, а сами студенты не получают необходимых инструментов для осознанного старта в бизнесе. Создание эффективных образовательных продуктов в сфере предпринимательства продолжает вызывать затруднения. Мало того, при отсутствии надлежащей методологической базы образовательные усилия могут даже снизить мотивацию студентов к ведению бизнеса, если будут восприниматься как теоретические, оторванные от жизни [18]. Однако, правильно выстроенное обучение способно показать, что неудачи — это не конец, а часть процесса, приводящего к успеху. Оно формирует устойчивость, способность извлекать уроки и продолжать движение вперёд.

Предпринимательский потенциал значительной части молодежи, особенно в сельской местности, остаётся нереализованным. Важной причиной является недостаток правовых знаний, слабая информированность о доступных мерах поддержки и отсутствии навыков в экономико-правовой сфере [19, с. 13]. Молодые люди сталкиваются с нехваткой базовой информации и инструментов, необходимых для начала бизнеса. Среди главных затруднений, обозначаемых самими молодыми предпринимателями, — нехватка практического опыта, слабая подготовка в области экономики и финансов, а также отсутствие наставничества и устойчивых деловых связей [3, с. 42]. Стартовать бизнес сегодня технически проще, чем удержать его в рабочем состоянии — для этого необходимы не только ресурсы, но и развитый социальный капитал [12, с. 108]. Одной из существенных институциональных проблем остаётся фрагментарность государственной поддержки молодежного предпринимательства. На федеральном уровне отсутствует цельная система инструментов, программ и механизмов сопровождения, что осложняет формирование устойчивой предпринимательской среды для молодежи [20, с. 6]. Решение указанных проблем требует комплексного подхода, предполагающего координацию усилий органов власти, образовательных учреждений и бизнес-сообщества. Только синхронизация этих трех сфер может обеспечить формирование полноценных условий для роста молодежной инициативы в предпринимательстве.

Среди психологических барьеров, сдерживающих активность студентов, выделяется страх неудачи, который

формирует тревожность и снижает мотивацию к действию [21, с. 249]. Столкновение с рисками и неопределённостью порой приводит к отказу от реализации собственных идей. Это особенно заметно среди студентов, не уверенных в своей способности справляться с вызовами, которые предполагает ведение бизнеса. Скептическое отношение к предпринимательским возможностям зачастую формируется ещё в подростковом возрасте [17, с. 93]. Это ограничивает развитие предпринимательского мышления ещё до выхода на рынок труда.

Исследование, проведенное В.В. Горбуновой и соавторами, указывает на крайне низкий уровень предпринимательской активности среди молодежи [5]. Несмотря на наличие интереса к теме, реальные шаги в направлении создания собственного дела предпринимают лишь единицы. Молодые люди часто предпочитают минимизировать риски, избегая вовлечения в деловые проекты с близкими — друзьями или членами семьи [12, с. 111]. Согласно исследованию О.А. Гешко, лишь незначительная доля молодежи чувствует себя способной к анализу социальных проблем и видит пути их решения через бизнес-модели [22, с. 554]. Это говорит о дефиците стратегического мышления и социальных компетенций, необходимых для ведения социально ориентированного предпринимательства. А.А. Рабцевич отмечает, что условиях городских агломераций также наблюдается пассивность: молодёжь нередко делает выбор в пользу найма, особенно если рынок труда предлагает достаточное количество стабильных вакансий [11, с. 604]. В результате снижается привлекательность предпринимательства как карьерной стратегии и требуется внедрение дополнительных стимулов для вовлечения молодежи в бизнес-среду.

Культуру принято рассматривать как систему общих для определённого сообщества убеждений, жизненных ценностей и ожиданий, разделяемых его членами. Особенности культурной среды оказывают значительное влияние как на формирование у человека намерения заняться предпринимательской деятельностью, так и на реальное проявление предпринимательской активности. Господствующая в обществе культурная парадигма оказывает влияние на индивидуальное поведение, воздействуя на систему убеждений, восприятие общественного одобрения либо порицания, а также на социальные нормы, которые могут как ограничивать, так и стимулировать действия индивида [16, с. 1054]. В рамках этих представлений предпринимательскую культуру можно интерпретировать как совокупность поведенческих шаблонов, норм и ценностей, поддерживающих позитивное отношение к предпринимательству в обществе, что в свою очередь способствует высокому уровню вовлечённости населения в самозанятость [18]. Особый интерес с точки зрения социологов и экономистов вызывают такие аспекты жизнедеятельности молодёжи, как цен-

ностные ориентиры, профессиональное самоопределение, внутренние установки и эмоциональные состояния [17, с. 92]. Всё это рассматривается как значимые элементы процесса социализации. В этом контексте следует отметить, что к числу необходимых компетенций относятся не только профессиональные качества — такие как упорство, уверенность в себе, трудолюбие и целеустремлённость, — но и социальные навыки, включающие умение взаимодействовать в команде, продуктивно коммуницировать и выстраивать конструктивные отношения с окружающими.

Формирование предпринимательской культуры у молодого поколения в значительной степени обусловлено уровнем их трудовой мотивации, поскольку она служит важнейшим стимулом к проявлению предпринимательской активности [5]. Именно по этой причине ведение бизнеса, особенно в условиях многонационального общества, требует от предпринимателей осознания своей социальной ответственности, уважительного отношения к принимающему обществу и высокой степени интеграции в его социокультурную структуру [23, с. 152]. Современное молодежное предпринимательство, особенно в его креативной форме, базируется на инновационном мышлении и реализации нестандартных идей, что способствует формированию новых направлений развития рынка и влияет на трансформацию потребительских предпочтений [4, с. 117]. Предпринимательское образование выступает не только как механизм передачи знаний и навыков, но и как способ формирования самостоятельного мышления, а также развития особой социокультурной среды, в которой закладываются модели поведения и ценностные ориентиры, способствующие подготовке молодёжи к преодолению будущих вызовов [24, с. 26]. Предпринимательский дух представляет собой интегральное сочетание личных установок, специфических навыков и системы знаний, необходимых для преобразования человека в активного инициатора изменений — как в бизнес-среде, так и в общественной жизни в целом [25, с. 95]. Обладающие данным духом личности, как правило, склонны к творческому подходу, поиску нестандартных решений, генерации оригинальных идей и созданию продуктов, обладающих высокой добавленной ценностью.

На этом фоне особую значимость приобретает предпринимательская грамотность, представляющая собой совокупность знаний, умений и поведенческих установок, необходимых для успешной реализации бизнес-проектов. Молодые люди, обладающие высокой степенью такой грамотности, как правило, демонстрируют способность эффективно распознавать и использовать бизнес-возможности, грамотно управлять рисками и проявлять креативность в запуске собственных инициатив. Однако в образовательных учреждениях подобная подготовка зачастую оставляет желать лучшего: несо-

вершенство учебных планов и недостаток практикоориентированного обучения не позволяют достичь желаемого уровня [26, с. 204]. Развитие предпринимательского мышления и жизненных навыков среди молодежи способствует не только повышению уровня экономической активности и качества жизни, но и служит базисом для построения устойчивых, социально ориентированных сообществ.

Кроме того, ключевую роль в формировании предпринимательской культуры играет создание соответствующей институциональной среды в образовательных учреждениях, особенно в университетах. Такие экосистемы стимулируют инициативу, развивают лидерские качества и открывают возможности для реализации стартап-проектов. Процесс мышления формируется на основе сложной комбинации убеждений, ценностей, эмоций и установок. Именно они определяют направление принимаемых решений, оказывая влияние на уровень инновационности и способность к адаптации. В результате мышление молодежи становится определяющим фактором, влияющим на степень её открытости к трансформациям и способность адаптироваться в быстро меняющейся социокультурной и экономической среде. В результате настоящего исследования предлагаются следующие механизмы формирования предпринимательской культуры среди молодежи:

- образовательная среда, в особенности вузы, оказывает значительное влияние на становление предпринимательской мотивации у молодежи, создавая условия, в которых формируется настойчивость и целеустремленность, необходимые для запуска собственного дела;
- современные университетские программы должны акцентировать внимание на практическом опыте: студенты вовлекаются в реализацию проектов, работают в командах и представляют свои разработки, что способствует формированию прикладных навыков и уверенности в собственных силах;
- одной из приоритетных задач вузовских программ, ориентированных на практику, является вовлечение студентов в реальные предпринимательские процессы, что позволяет им глубже понять рынок и его требования;
- для эффективного формирования предпринимательского мышления необходимо налаживать взаимодействие между государственными структурами и университетами, направленное на реализацию согласованной образовательной и молодежной политики;
- важно привлекать успешных представителей бизнеса к обучающим программам — в качестве наставников, спикеров и консультантов — для пере-

дачи практического опыта и мотивации студентов к предпринимательской деятельности;

- студенческие предпринимательские сообщества, функционирующие при вузах, могут стать площадками для обмена опытом, освоения бизнес-компетенций и налаживания контактов с потенциальными инвесторами;
- молодежные инициативы в университетах должны быть направлены не только на генерацию новых бизнес-идей, но и на их практическую реализацию — через, например, участие в консультационных проектах на базе студенческих предпринимательских организаций;
- в рамках образовательных программ студенты должны осваивать навыки, связанные как с повседневной жизнью, так и с ведением бизнеса — включая управление рисками, постановку целей и развитие лидерских качеств — через практику индивидуальных и командных заданий;
- предоставление студентам возможности самостоятельно разрабатывать продукты и представлять их широкой аудитории способствует росту интереса к предпринимательству и стимулирует старт собственных проектов ещё в молодом возрасте.

Формирование предпринимательского типа мышления среди молодежи представляет собой приоритетное направление для построения общества, ориентированного на устойчивое развитие, инновационные подходы и высокую адаптивность к изменениям. Одной из ключевых составляющих в этом процессе выступает деятельность высших учебных заведений, которые играют важнейшую роль в распространении предпринимательских знаний и формировании соответствующих компетенций у студентов. Проведённое исследование подчёркивает необходимость пересмотра и совершенствования существующих программ в сфере предпринимательского образования. Особое внимание должно быть уделено развитию у обучающихся таких качеств, как креативность, инициативность, готовность к принятию взвешенных рисков, что позволяет им успешно адаптироваться в современной экономике и эффективно реализовывать деловые проекты. Предпринимательская подготовка требует более глубокой интеграции в структуру образовательного процесса, охватывая как теоретические, так и практико-ориентированные элементы. При этом важной задачей становится активное участие педагогического сообщества: преподаватели и наставники должны не только передавать знания, но и обеспечивать всестороннюю эмоциональную и методическую поддержку, способствующую формированию у молодежи устойчивой мотивации к предпринимательской деятельности и уверенности в собственных силах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дикун, Н.А. Предпринимательские намерения студенческой молодежи: региональная составляющая / Н.А. Дикун, Н.Н. Белов // Альманах Крым. — 2023. — № 36. — С. 80–88.
2. Махмутова, Е.Н. Проектирование образовательной среды вуза для развития предпринимательских компетенций студентов / Е.Н. Махмутова, Р.Н. Воронина // Российский психологический журнал. — 2022. — Т. 19, № 3. — С. 123–134. — DOI 10.21702/rpj.2022.3.8.
3. Касьянов, В.В. Молодежное предпринимательство в современной России: основные проблемы и перспективы развития / В.В. Касьянов, Л.В. Самыгина, С.А. Чупрытников // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2024. — № 8. — С. 40–46. — DOI 10.24412/2220-2404-2024-8-27.
4. Соловьева, И.А. Молодежное предпринимательство в контексте креативной экономики / И.А. Соловьева // Вестник аграрной науки. — 2024. — № 5(110). — С. 110–118. — DOI 10.17238/issn2587-666X.2024.5.110.
5. Горбунова, В.В. Предпринимательство как перспективное направление совершенствования социальной политики в области содействия занятости молодежи в Республике Ингушетия / В.В. Горбунова, А.С. Дуракова, В.В. Калинин [и др.] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. — 2023. — № 4(76).
6. Абабкова, М.Ю. Отношение студентов направления «Реклама и связи с общественностью» к предпринимательской деятельности / М.Ю. Абабкова, О.О. Васильева // Российская школа связей с общественностью. — 2024. — № 34. — С. 29–46. — DOI 10.24412/2949-2513-2023-32-29-46.
7. Masnawati, E. Entrepreneurial Mindset Building in Adolescents: Learning Strategies, Potential Identification, Business Initiation, and Social Media Empowerment / E. Masnawati, E. Retnowati., R. Mardikaningsih., D. Darmawan., & M. Munir // International Journal of Service Science, Management, Engineering, and Technology. — 2022. — Vol. 2, Iss. 2. — PP. 42–47.
8. Jardim, J. Promoting an Entrepreneurial Culture: Development, Feasibility and Acceptability of a Primary School-Based Program Focused on Soft Skills // J. Jardim, A. Pereira, A. Bartolo, A. Pinho, M. Cardoso, P. Catanho // Educ. Sci. — 2023. — Vol. 13, Iss. 11. — <https://doi.org/10.3390/educsci13111074>
9. Головастова, Т.И. Роль вуза в развитии молодежного предпринимательства / Т.И. Головастова, А.А. Гребенкина // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. — 2023. — Т. 33, № 4. — С. 581–587. — DOI 10.35634/2412-9593-2023-33-4-581-587.
10. Рябова, И.И. Миграция российской молодежи в региональном измерении: опыт Дальнего Востока / И.И. Рябова // Прогрессивная экономика. — 2024. — № 4. — С. 170–182. — DOI 10.54861/27131211_2024_4_170.
11. Рабцевич, А.А. Методические подходы к оценке развития молодежного предпринимательства в регионе: применимость налоговой статистики / А.А. Рабцевич // Экономика. Информатика. — 2023. — Т. 50, № 3. — С. 597–611. — DOI 10.52575/2687-0932-2023-50-3-597-611.
12. Александрова, О.А. Предпринимательские установки как элемент финансово-экономической культуры студенческой молодежи / О.А. Александрова, А.Г. Тюриков, Д.А. Кунижева [и др.] // Народонаселение. — 2022. — Т. 25, № 3. — С. 103–115. — DOI 10.19181/population.2022.25.3.8.
13. Тюленев, А.И. Этика науки как фактор развития формально-рационального предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи республик Марий Эл и Татарстан) / А.И. Тюленев, А.Ф. Валеева, Ф.Р. Сафиуллина // Вестник экономики, права и социологии. — 2024. — № 1. — С. 294–298.
14. Тюленев, А.И. Религиозные факторы развития предпринимательства (на материалах опроса студенческой молодежи республик Марий Эл и Татарстан) / А.И. Тюленев, А.Ф. Валеева, Ф.Р. Сафиуллина // Вестник экономики, права и социологии. — 2023. — № 4. — С. 317–321.
15. Дерюгин, П.П. Эволюция и трансформации молодежного предпринимательства в Китае: социологический анализ / П.П. Дерюгин, Ж.К. Симтиков, Ц. Чжао, Д.А. Лебединцев // Социодинамика. — 2024. — № 2. — С. 16–29. — DOI 10.25136/2409-7144.2024.2.69751.
16. Liñán, F. Does entrepreneurship fit her? Women entrepreneurs, gender-role orientation, and entrepreneurial culture / F. Liñán, I. Jaén, D. Martín // 2022. — Vol. 58. — PP. 1051–1071. <https://doi.org/10.1007/s11187-020-00433-w>
17. Гараева, Э.И. Отношение обучающихся старших классов к предпринимательству и перспективам открытия собственного дела: материалы социологического исследования / Э. И. Гараева, И. С. Гилева, Д.А. Калугина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. — 2022. — № 3(67). — С. 91–100. — DOI 10.52452/18115942_2022_3_91.
18. Al-Lawati, E.H. Entrepreneurial culture in educational institutions: A scoping review / E.H. Al-Lawati, U.H.A. Kohar, E.S. Suleiman // Cogent Business & Management. — 2022. — Vol. 9, Iss. 1. — <https://doi.org/10.1080/23311975.2021.1997237>.
19. Ахметгалиева, А.Р. Роль и потенциал развития сельского предпринимательства / А.Р. Ахметгалиева, Г.М. Рустомова // Казанский социально-гуманитарный вестник. — 2022. — № 6(57). — С. 11–15. — DOI 10.26907/2079-5912.2022.6.11-15.
20. Шерстнёва, А.В. Некоторые вопросы и проблемы в развитии молодежного предпринимательства / А.В. Шерстнёва // Евразийский научный журнал. — 2022. — № 3. — С. 4–8.
21. Назаров, М.А. Образовательная поддержка студенческого предпринимательства / М.А. Назаров, К.А. Корнилова // Научно-методический электронный журнал «Концепт». — 2024. — № 5. — С. 239–254. — DOI 10.24412/2304-120X-2024-11075.
22. Гешко, О.А. Анализ надпрофессиональных компетенций студенческой молодежи как основа развития социально-предпринимательского потенциала / О.А. Гешко // Вестник Академии знаний. — 2024. — № 5(64). — С. 552–555.
23. Бритвина, И.Б. Проблема развития предпринимательской деятельности студентов из стран центральной Азии в России / И.Б. Бритвина, С.Н. Малявин, П.А. Шумилова // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. — 2022. — № 5-2(137). — С. 151–156.
24. Undiyaundeye, F.A. Entrepreneurship Skills Acquisition and the Benefits amongst the Undergraduate Students in Nigeria / F.A. Undiyaundeye, E.A. Otu // European Journal of Social Science Education and Research. — 2022. — Vol. 9, Iss. 1. — PP. 24–32. — <https://doi.org/10.26417/ejser.v4i1.p9-14>
25. Ahmad, M.I.S. The Role of Education in Fostering Entrepreneurial Spirit in the Young Generation / M.I.S. Ahmad, M.I. Idrus, S. Rijal // Journal of Contemporary Administration and Management (ADMAN). — 2023. — Vol. 1, Iss. 2. — PP. 93–100.
26. Vigna, A. Developing an Entrepreneurial Mindset in Youth: Investigating Locus of Control and Self-Efficacy among Students of Pringsewu Business Management Vocational School / A. Vigna, M. Indriayu, L. Noviani // Neraca Keuangan: Jurnal Ilmiah Akuntansi dan Keuangan. — 2023. — Vol. 19, Iss. 2. — PP. 202–210. — DOI: 10.32832/neraca

© Сафиуллина Фарида Рафисовна (far491@mail.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СИНЕРГИЯ ПРОЕКТНОГО И БЕРЕЖЛИВОГО УПРАВЛЕНИЯ В СИСТЕМЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

SYNERGY OF PROJECT AND LEAN MANAGEMENT IN THE SYSTEM OF PUBLIC INSTITUTIONS

A. Fomushkin

Summary. The article analyses the Russian experience and reveals the stages of implementation of project and lean management in the Tyumen Region Branch of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation and other territorial bodies. Special attention is paid to the synergy of project management and lean production in the system of public institutions in the context of improving management processes and social interaction of employees of the organisation. The article analyses the normative and legislative acts of project and lean management aimed at solving a wide range of tasks of public institutions related to improving the efficiency and effectiveness of activities from the position of development of positive social changes in the social sphere of the region. It is concluded that the synergy of project management and lean production is aimed at the formation of a new culture of labour productivity, implemented through staff involvement and continuous improvement of socio-cultural and socio-economic characteristics of the systems of public institutions.

Keywords: project management, lean production, public institutions, management processes, social management mechanisms, loss reduction, service quality improvement.

Фомушкин Антон Владимирович

*Заместитель управляющего, Отделение Фонда
пенсионного и социального страхования
Российской Федерации по Тюменской области
anton.fomushkin@bk.ru*

Аннотация. В статье на основании анализа российского опыта раскрываются этапы внедрения проектного и бережливого управления в Отделении Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области и других территориальных органах. Особое внимание уделяется синергии проектного управления и бережливого производства в системе государственных учреждений в контексте совершенствования управленческих процессов и социального взаимодействия сотрудников организации. Анализируются нормативно-законодательные акты проектного и бережливого управления, нацеленные на решение широкого спектра задач государственного учреждения, связанных с повышением эффективности и результативности деятельности с позиции развития позитивных социальных перемен в социальной сфере региона. Делается вывод о том, что синергия проектного управления и бережливого производства направлена на формирование новой культуры производительности труда, реализуемой за счет вовлеченности персонала и постоянного совершенствования социокультурных и социально-экономических характеристик систем государственных учреждений.

Ключевые слова: проектное управление, бережливое производство, государственные учреждения, управленческие процессы, механизмы социального управления, сокращение потерь, повышение качества услуг.

Настоящее исследование затрагивает малоизученные процессы внедрения проектного и бережливого управления в деятельность государственных учреждений. Объектом исследования выступают процессы внедрения проектного и бережливого управления Отделением Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области в строгом соответствии с их периодизацией.

Актуальность исследования обусловлена возможностью распространения передового опыта Отделения Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области¹ в сфере проектного управления и бережливого производства в целях его дальнейшего применения в деятельности российских государственных учреждений в рамках совершенствования отечественной системы проектного и бережливого управления.

¹ До 01.01.2023 учреждение называлось «Государственное учреждение — Отделение Пенсионного фонда Российской Федерации по Тюменской области»

Отлаженные управленческие процессы и механизмы социального управления, включающие в свой состав контроль качества выполнения поставленных перед подчиненными задач — выступают в виде набора эффективных инструментов проектного управления и бережливого производства, способствующего государственным учреждениям осваивать новые уровни реализации услуг для населения.

В данном аспекте процессы синергетического взаимодействия проектного управления и бережливого производства значительно увеличивают полученный эффект от достижения закрытия определенных потребностей клиентов государственных учреждений. В современных условиях синергия проектного управления и бережливого производства выступает в качестве ключевой «точки опоры» для руководителей государственных учреждений, нацеленных на совершенствование операционной эффективности организаций и повышение качества их функционирования при принятии стратегических решений.

В научной литературе содержание трактовки термина «проект» раскрывают с позиции процесса реализации определенной цели в определенном временном периоде: жизненном цикле, отражающем этапы решения последовательных проектных задач, поставленных для достижения заданных результатов. Взаимосвязанные элементы проекта (время, стоимость, качество), выражают успешность или не успешность проекта в рамках достижения его ключевой цели [16].

Содержание трактовки термина «проектное управление» в научной литературе раскрывают с позиции деятельности, выступающей составной частью системы государственного учреждения, включающей в свой состав такие элементы, как знаниявые компетенции, навыки, инструменты и технологии, способы и методы, нацеленные на решение задач и достижение целей проекта [17].

Адаптированная к российской практике государственных учреждений/проектных организаций: система менеджмента качества, опирается на международные стандарты ISO 10006 и ISO 9001, представляющие собою структурированные и систематические подходы к обеспечению контроля качества реализации услуг для населения [1].

Проектное управление контролем качества реализации услуг государственных учреждений предстает в виде системы, состоящей из трех взаимоувязанных подсистем (методология, инструменты, мероприятия), которые направлены как на удовлетворение клиентских ожиданий и требований в процессе реализации проекта, так и на удовлетворение ожиданий и требований, заинтересованных в достижении заданных результатов проекта сторон.

Для достижения высоких стандартов качества услуг государственных учреждений требуется интеграция проектного управления и бережливого производства, которая является первой точкой пересечения двух аспектов управления: проектного и бережливого [12].

В научной литературе отсутствует единое определение для дефиниции «бережливое производство». Ряд исследователей раскрывают данную категорию с позиции концепции управления производственным предприятием [19], другие исследователи раскрывают содержание данной трактовки с позиции логистической концепции менеджмента [18], следующая группа исследователей раскрывает данное понятие с позиций определенного типа мышления [7].

ГОСТ Р 56404-2021 Бережливое производство. «Требование к системе менеджмента», раскрывает содержание трактовки данного понятия с позиции концепции организации бизнеса, охватывающей все процессы ор-

ганизации и требующей непрерывного совершенствования бизнес-структуры на основе вовлечения персонала, ориентированного на устранение всех видов потерь в рамках создания безостановочных потоков ценностей для потребителей [4].

Автор статьи приходит к выводу, что бережливое производство возможно представить в виде непрерывной оптимизации системы управления субъектов хозяйствования, их бизнес-моделей и всех процессов производственно-хозяйственной деятельности, реализуемой в условиях постоянной фокусировки на запросах рынков, формирующих потребительскую ценность продукции, товаров и услуг, и предполагающей вовлечение в процесс оптимизации каждого сотрудника организации, нацеленного на устранение всех видов потерь.

Автором статьи был исследован российский опыт применения концепции бережливого производства, которую начали внедрять в России на основе элементов японской философии производственного менеджмента и элементов европейско-американской «Lean-концепции» повышения производительности труда только в 2004 году. Но уже к 2014 году в Российской Федерации было разработано нормативно-методическое обеспечение концепции бережливого производства и утверждены 16 национальных стандартов по бережливому производству, обеспечивающие в соответствии с современными подходами и моделями модернизацию организационно-управленческих основ российских компаний и проектно-ориентированных организаций [5].

В 2017 году в Российской Федерации внедрили систему добровольной сертификации российских компаний и проектно-ориентированных организаций, опирающихся на принципы бережливого производства в своей деятельности. Независимая, квалифицированная оценка соответствия систем управления хозяйствующих субъектов требованиям бережливого производства создает условия для достижения уверенности потребителей в высоком качестве продукции/услуг через компетентную и беспристрастную сертификацию [13].

В 2017 году в Российской Федерации введены в действие «Рекомендации по применению принципов бережливого производства в различных отраслях промышленности», разработанные Министерством промышленности и торговли Российской Федерации [11].

Начиная с 2017 года и до настоящего времени 44 российских региона на базе сотрудничества с государственной корпорацией «Росатом» и организациями из различных секторов социальной сферы развивают проект «Эффективный регион» [15]. В качестве показателей эффективности реализации проекта «Эффективный регион» использованы: качество реализации проектов;

время протекания процессов в конкретных проектах и показатели удовлетворённости целевой клиентской группы и сотрудников организаций. Внедрена методика партнерской проверки Росатом качества бережливого образца практик управления на трех уровнях: местном, региональном, федеральном, направленная на сравнение реализованных бережливых проектов регионами с эффективными образцами реализованных бережливых проектов на федеральном уровне [6].

На федеральном, региональном и местном уровнях власти органы государственного и муниципального управления опираясь на методы бережливого производства (версия Росатома) повышают эффективность взаимодействия государственных учреждений с населением, создают лучшие практики управления, сокращая все виды потерь и увеличивая степень удовлетворенности клиентов качеством оказания услуг. К 2024 году в различных видах экономической деятельности и социальной сферы было реализовано свыше 50 тысяч проектов бережливого производства по результатам которых уровень удовлетворенности клиентов и сотрудников организаций — временем протекания операционных процессов и качеством полученных результатов повысился до 95 % [15].

В настоящее время в Российской Федерации на основе инструментов и технологий бережливого производства реализуют национальный проект «Повышение производительности труда и поддержка занятости» [9].

Высшие образовательные учреждения активно вовлечены в процессы внедрения бережливых технологий и выступают в роли центров по созданию высококвалифицированных кадров новой формации для государственных учреждений [3].

Синергия проектного управления и бережливого производства в таком формате направлена на формирование новой культуры производительности труда, которая реализуется за счет вовлеченности персонала и на постоянное совершенствование социокультурных и социально-экономических характеристик систем государственных учреждений [2].

Управление проектами на основе бережливого производства влечет за собой значительный рост производительности труда и непрерывное совершенствование операционной эффективности государственных учреждений, которая выражается в виде повышения качества оказания услуг для населения.

Здесь следует отметить тот факт, что руководители управления проектами в текущих условиях должны обладать высокой манёвренностью и гибкостью в контексте оперативного формирования и создания рабочих

групп из сотрудников, обладающих знаниями компетенциями, навыками и владеющими инструментами, и технологиями бережливого производства, способами и методами проектного бережливого управления, нацеленными на решение задач и достижение целей проекта [8].

В контексте темы статьи с позиций изучения совершенствования управленческих процессов и системы социального взаимодействия сотрудников организации, автором раскрывается передовой опыт внедрения проектного и бережливого управления в государственном учреждении: Отделении Фонда пенсионного и социального страхования Российской Федерации по Тюменской области, завоевавшем в период 2019/2024 годов неоднократное признание на конкурсах профессионального управления проектной деятельностью «Проектный Олимп» в Российской Федерации в номинациях:

1. «Проектное управление в системе Пенсионного фонда РФ»;
2. «Системы управления проектной деятельностью в государственных корпорациях, компаниях с государственным участием, коммерческих и общественных организациях, а также институтах развития»;
3. «Система бережливого управления»; «Компетентный проектный офис» [10].

Здесь следует представить этапы внедрения проектного и бережливого управления в деятельность государственного учреждения.

Этап 2016/2018 годов («Новые возможности»), характеризуется внедрением, становлением и развитием системы проектного управления в государственном учреждении, опирающейся на положения Приказа № 437 «Об утверждении Положения о системе управления проектной деятельностью Отделения ПФР по Тюменской области» от 30 декабря 2016 года (изменения и дополнения внесенные в соответствии с Приказом № 577 от 29 декабря 2017 года; Приказом № 447 от 10 сентября 2018 года) и на положения Приказа № 439 «Об утверждении Положения о Проектном офисе государственного учреждения» от 30 декабря 2016 года [10].

Внедрение проектного управления в Государственном учреждении — Отделении Пенсионного фонда Российской Федерации по Тюменской области (далее Отделении ПФР по Тюменской области) обосновано положениями Приказа № 575 от 29 декабря 2017 года об утверждении «Положения о Проектном комитете государственного учреждения», функционирующем в целях обеспечения общей координации и сопровождения проектной деятельности [10].

В 2018 году на основании положений Приказа № 447 от 10.09.2018 года, автором статьи был разработан

Устав проекта «Совершенствование системы проектного управления в Отделении ПФР по Тюменской области и территориальных органах», внесены предложения по совершенствованию системы проектного управления и проведению анализа деятельности проектного офиса и команд проектов.

Таким образом в государственном учреждении была внедрена система проектного управления. Продуктами проекта выступила: документация по проектной деятельности; реализованная программа проектов и проекты; портфель проектов; сертифицированный персонал и обученный персонал.

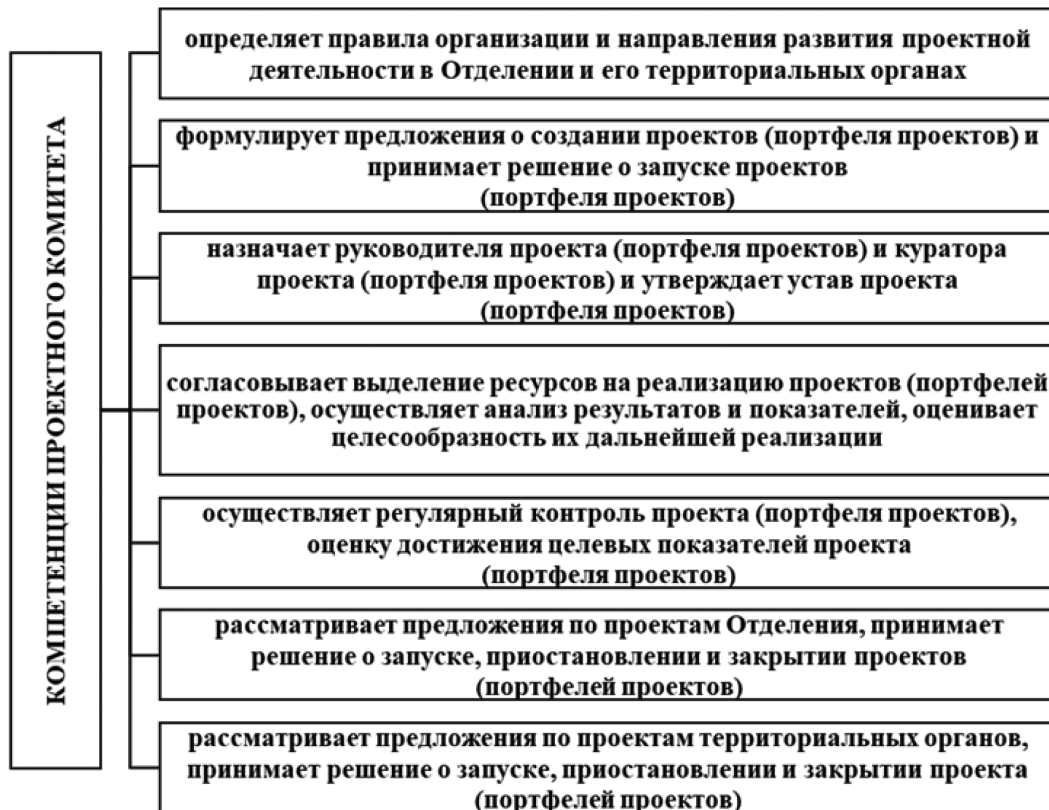
Проектный комитет — это высший координационно-контрольный орган в сфере управления проектной деятельностью государственного учреждения и его территориальных органов. Функции Проектного комитета представлены рисунком 1.

Проектный офис обеспечивает организацию всей системы управления проектной деятельностью государственного учреждения (осуществляет планирование, реализацию и контроль данного вида деятельности), активно взаимодействует как с Проектным комитетом, так и с Проектными офисами территориальных органов и выступает в качестве координационно-контрольного органа в сфере управления проектной деятельностью,

разрабатывает документы и изменения к ним для приведения соответствия методологии проектного управления и развития компетенций, мотивации участников проектной деятельности, организует обмен передовым опытом и внедрение лучших практик проектного управления, формирует показатели оценки рейтинга проектной деятельности государственного учреждения при достижении запланированных результатов.

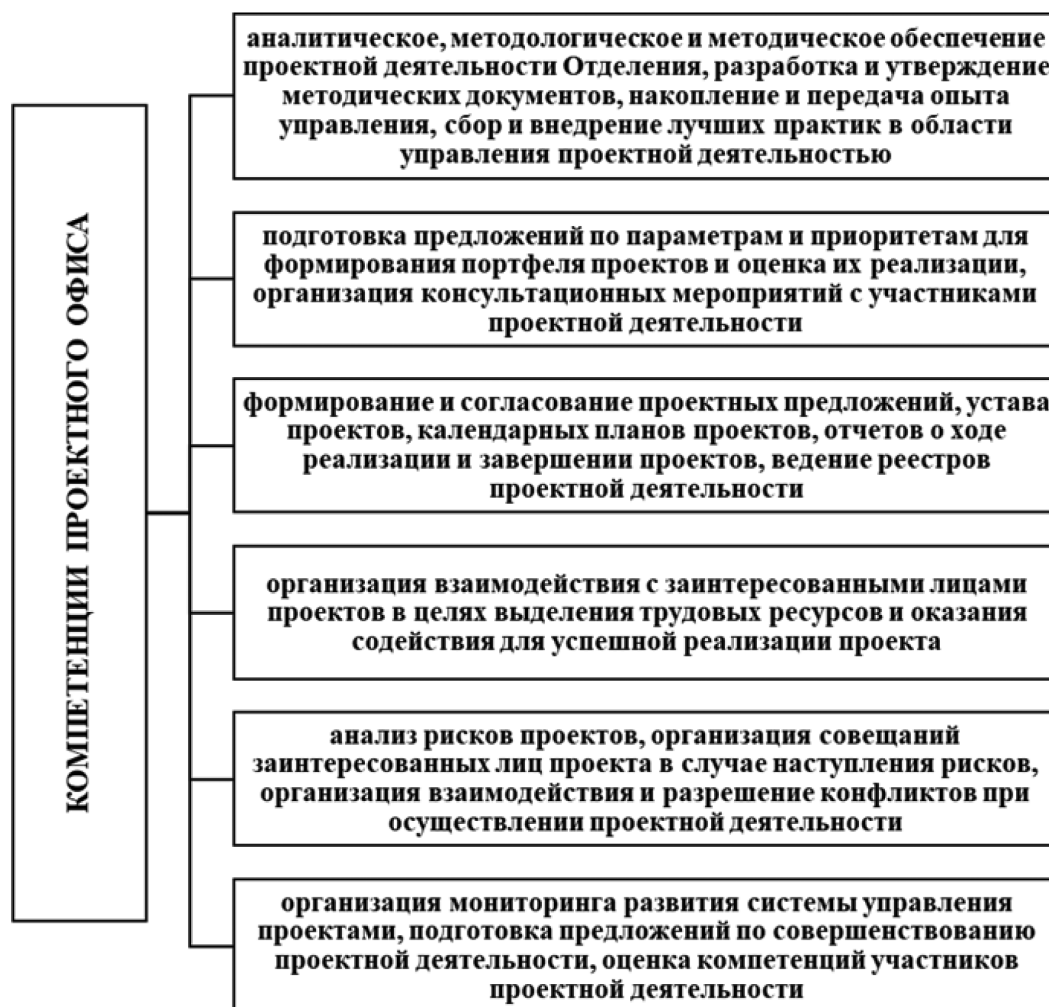
Функции Проектного офиса представлены рисунком 2.

Внедрение, становление и развитие системы проектного управления в государственном учреждении сопровождалось созданием экспертного сообщества, нацеленного на повышение мастерства и профессионализма специалистов государственного учреждения и распространение информации о лучших практиках применения проектного подхода, направленного на улучшение качества государственных услуг, достигаемого за счет обновления и модернизации цифровых технологий, за счет внедрения инициатив каждого конкретного работника и применения принципиально новых решений для улучшения качественных показателей деятельности государственного учреждения, в том числе и за счет повышения степени ответственности, задействованного персонала.

Источник: составлено автором на основании материалов [10]

Рис. 1. Функции Проектного комитета

Источник: составлено автором на основании материалов [10]

Рис. 2. Функции Проектного офиса

Этап 2019 года («Новые инициативы»), характеризуется развитием системы проектного управления в государственном учреждении, опирающейся на положения Приказа № 252 от 21 мая 2019 года вносящего изменения и дополнения в Приказ № 437 «Об утверждении Положения о системе управления проектной деятельностью Отделения ПФР по Тюменской области» от 30 декабря 2016 года, стимулирующие развитие эффективности работы территориальных подразделений в частности и государственного учреждения в целом за счет распространения лучших практик проектной деятельности, базирующихся на передовой генерации идей проектного управления [10].

В 2019 году был утвержден «Порядок управления проектной деятельностью в Отделении ПФР по Тюменской области», на основании которого были сформированы требования к реализации процессов управления Портфелем; Программой; Проектом и было зафиксировано повышение качества проектной деятельности и повышение производительности труда [10].

В 2019 году на основании Приказа № 202 от 10.06.2029 года было принято Положение о Конкурсе проектов Отделения ПФР по Тюменской области с целью выявления лучших технических и организационных проектов и практических наработок территориальных подразделений для поощрения применения проектного подхода, направленного на снижение расходов и улучшение качественных показателей деятельности Отделения ПФР по Тюменской области; стимулирование развития государственного учреждения путем содействия генерации лучших идей, и практик проектной деятельности, распространение которых способствовало росту мастерства и профессионализма специалистов [10].

Этап 2020 года («Бережливое управление»), характеризуется развитием синергии систем проектного и бережливого управления в государственном учреждении, опирающихся на положения Приказа № 417 «О внедрении технологий бережливого производства» от 30 декабря 2020 года, обуславливающих форматы обучения сотрудников государственного учреждения основам философии бережливого производства, ее принципам,

технологиям, инструментам и методам, нацеленным на сокращение всех видов потерь [10].

Виды потерь Отделения ПФР по Тюменской области представлены рисунком 3.

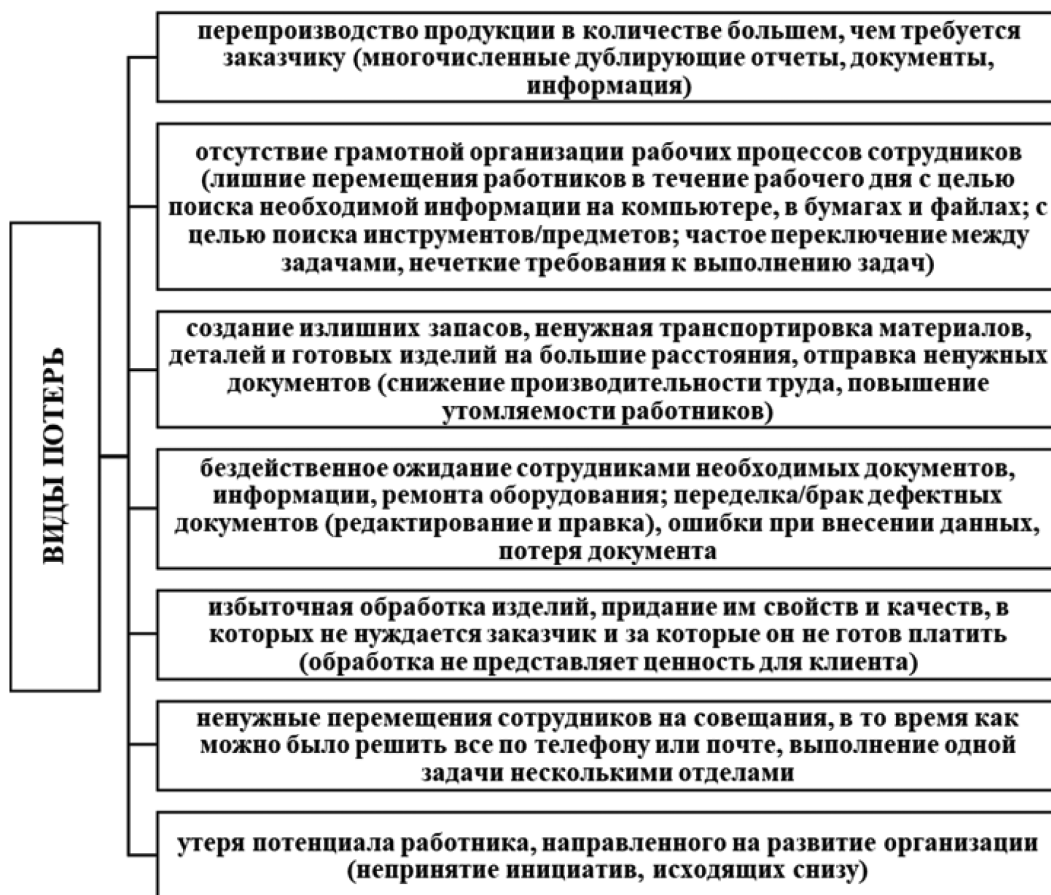
На данном этапе утверждено «Положение о бережливом управлении», нацеленное на системное применение ценностей, принципов и инструментов бережливого управления для повышения производительности труда Отделения ПФР по Тюменской области. Определена миссия государственного учреждения, содействующая развитию позитивных социальных перемен в социальной сфере региона и сконцентрированная на обеспечении реализации прав граждан Тюменской области, гарантированных Конституцией Российской Федерации в области обязательного пенсионного страхования и на обеспечении реализации мер социальной поддержки в рамках построения эффективной пенсионной системы на базе организованного взаимодействия с партнерами государственного учреждения.

Определены главные стратегические цели, часть из которых связана с совершенствованием системы управления в области внедрения технологий бережли-

вого производства направленных на устранение всех видов потерь через развитие сотрудников государственного учреждения.

Утверждена Политика Отделения ПФР по Тюменской области в области бережливого производства, нацеленная на обеспечение эффективной реализации функций сотрудников в рамках выполнения их прямых обязанностей надлежащего пенсионного и социального обеспечения граждан. Данному этапу характерна реализация проекта «Совершенствование системы бережливого управления в Отделении ПФР по Тюменской области» и внедрение ведения реестра пилотных бережливых проектов в государственном учреждении.

Автор статьи адаптировал концепцию бережливого производства «Lean» к условиям функционирования российского государственного учреждения в рамках решения задач, направленных на внедрение проектного и бережливого управления, и предложил использовать авторскую систему путей решения задач проектного и бережливого управления государственного учреждения, которая получила название «Концепция ЦЕНТР» [14]. Положениями Приказа № 250 от 01.09. 2020 года «Концепция ЦЕНТР» была утверждена к реализации

Источник: составлено автором на основании материалов [10]

Рис. 3. Виды потерь государственного учреждения

в Отделении ПФР по Тюменской области и в настоящее время успешно применяется в государственном учреждении [10].

На основе «Концепции ЦЕНТР» формируется потребительская ценность услуг государственного учреждения и осуществляется развитие и совершенствование как самой организации, так и её сотрудников. Данная концепция смогла обозначить для специалистов разного уровня их связь с операционной эффективностью и ресурсной устойчивостью в рамках функционирования проектной и бережливой деятельности в государственном учреждении, а для руководителей разного уровня обозначить их связь со стратегическими показателями оценки эффективности деятельности государственного учреждения, выраженными конечными результатами ведения деятельности [14].

Таким образом, деятельность Отделения ПФР по Тюменской области была организована с учетом принципов бережливого управления: неукоснительного соблюдения требований стандартов в рамках ведения деятельности; организации работы с позиции создания ценностей для клиента; системного совершенствования бизнес-процессов государственного учреждения, нацеленных на постоянное улучшение функционирования организации и повышения качества ее услуг; всестороннего сокращения и устранения всех видов потерь и экономии резервов организации и ее ресурсов; придания системной огласки при возникновении потерь, прозрачности в решениях, основанных на фактах при ведении операционной деятельности; построения корпоративной культуры, нацеленной на раскрытие потенциала каждого работника организации с целью его вовлечения в развитие системы бережливого производства и формирование лидерской среды, которая окажется быть способна на основе применения проектного подхода — проводить улучшения.

При внедрении принципов бережливого управления в Отделении ПФР по Тюменской области использовался проектный подход, так как процесс изменений требует вовлечения в него специалистов всех структурных подразделений государственного учреждения.

Этап 2021 года («Бережливое производство»), характеризуется развитием синергии систем проектного и бережливого управления в государственном учреждении, опирающихся на положения Приказа № 377 от 30 декабря 2021 года вносящего изменения и дополнения в Приказ № 437 от 30 декабря 2016 года, стимулирующие развитие эффективности работы территориальных подразделений в частности и государственного учреждения в целом [10]. На данном этапе задачи организации были связаны с формированием положительного отношения персонала организации к проектной деятельно-

сти в рамках применения технологий бережливого производства.

Деятельность Отделения ПФР по Тюменской области была направлена на стандартизацию рабочих процессов и оптимизацию рабочего пространства с целью построения эффективных логистических потоков потребителей услуг с учетом их целей посещения государственного учреждения, обеспечивающих функциональность персонала при оказании услуг потребителям и увеличивающих как доступность получаемых услуг, так и сокращающих сроки их получения. Деятельность Отделения ПФР по Тюменской области была нацелена на сокращение всех видов потерь за счет эффективного использования зданий, сооружений, эффективного функционирования техники и оборудования, эффективного использования кадровых и финансовых ресурсов государственного учреждения и за счет внедрения эффективных моделей процессов ведения операционной деятельности с последующим их тиражированием в территориальных органах. Синергия проектного управления и бережливого производства в системе государственного учреждения была сфокусирована на повышении удовлетворенности потребителя качеством услуги.

При этом, Проектный офис Отделения ПФР по Тюменской области сопровождал внедрение технологий бережливого производства в Отделении и территориальных органах и разрабатывал методические рекомендации для оказания организационно-методической помощи работникам в части реализации проектов по улучшению с использованием методов бережливого производства в Пенсионном фонде, формирования единых подходов к работе по данному направлению.

Этап 2022 года («Трансформационные изменения»), характеризуется развитием синергии систем проектного и бережливого управления в государственном учреждении, опирающихся на положения Приказа № 200 от 21 июня 2022 года вносящего изменения и дополнения в Приказ № 437 от 30 декабря 2016 года, стимулирующие развитие эффективности работы территориальных подразделений в частности и государственного учреждения в целом [10]. На данном этапе состоялась реализация первых проектов государственного учреждения в рамках участия в совместном проекте Правительства Тюменской области и государственной корпорации «Росатом» — «Эффективный регион», где Отделение ПФР по Тюменской области опираясь на методы бережливого производства (версия Росатома) повышало эффективность взаимодействия государственного учреждения с населением, создавало лучшие практики управления, сокращало все виды потерь и увеличивало степень удовлетворенности клиентов качеством оказания услуг. Применение инструментов бережливого управления на данном этапе было направлено на достижение

стратегической цели развития управленческой системы государственного учреждения на базе обмена опытом и методами бережливого производства с государственной корпорацией «Росатом» при участии региональных органов власти.

Этап 2023/2024 годов («Наставничество»), характеризуется развитием синергии систем проектного и бережливого управления в государственном учреждении, опирающихся на положения Приказа № 235 от 6 августа 2024 года вносящего изменения и дополнения в Приказ № 437 от 30 декабря 2016 года, стимулирующие развитие эффективности работы территориальных подразделений в частности и государственного учреждения в целом [10]. На данном этапе состоялась реализация 8 проектов государственного учреждения в рамках участия в совместном проекте Правительства Тюменской области и государственной корпорации «Росатом» «Эффективный регион» в объединенном фонде. Здесь следует отметить укрепление роли наставников, ответственных за внедрение бережливого управления в государственном учреждении на базе проектного подхода, которые возглавляя команды лидеров — координируют их деятельность и оказывают всестороннее содействие внедрению технологий, методов и инструментов бережливого управления и бережливого производства, оценивая при этом эффективность и результативность проекта по достигнутым результатам.

Таким образом, подводя итоги исследования в контексте совершенствования управленческих процессов и системы социального взаимодействия сотрудников государственного учреждения, отметим что все принятые нормативно-законодательные акты были нацелены на решение широкого спектра задач, опирающихся на синергию проектного управления и бережливого производства и связаны с повышением эффективности и результативности деятельности сотрудников государственного учреждения; с обеспечением достижения запланированных результатов в установленные сроки на основе использования выделенных для реализации проектов временных, финансовых, кадровых, информационных ресурсов; с использованием выделенных для реализации проектов механизмов контроля и прогнозирования ведения деятельности для своевременного введения корректирующих мер в рамках неукоснительного соблюдения требований стандартов; организации работы с позиции создания ценностей для клиента; системного совершенствования бизнес-процессов государственного учреждения, нацеленных на постоянное улучшение функционирования организации и повышения качества ее услуг; всестороннего сокращения и устранения всех видов потерь и экономии резервов организации и ее ресурсов; построения корпоративной культуры, нацеленной на раскрытие потенциала каждого работника организации с целью его вовлечения в развитие системы бережливого производства и формирование лидерской среды, которая окажется быть способна — проводить системные улучшения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Балашов А.И., Рогова Е.М., Тихонова М.В., Ткаченко Е.А. Управление проектами: учебник и практикум для вузов / под редакцией Е.М. Роговой. — М.: Издательство Юрайт, 2024. — 383 с.
2. Валиуллина Л.А., Беспалова М.Э., Хадасевич Н.Р. Интеграция принципов бережливого производства и системы менеджмента качества в организации труда учреждений социального обслуживания // Лидерство и менеджмент. 2019. № 2. С. 107–116. DOI: 10.18334/eo.9.3.40849.
3. Верменикова Л.В., Веселова Д.В. Бережливый вуз как инновационная система организации работы высшего образовательного учреждения, направленная на подготовку кадров новой формации // Эффективное государственное и муниципальное управление как многоаспектный фактор социально-экономического развития современной России: материалы II Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2019. С. 94–98.
4. ГОСТ Р 56404-2021 Бережливое производство. «Требование к системе менеджмента» [Электронный ресурс]. URL: <https://docs.cntd.ru/document/1200179301> (дата обращения: 10.02.2025).
5. Грачев АН., Лapidус В.А. Бережливое производство: от зарубежного опыта к разработке национального стандарта // Сертификация. 2014. № 4. С. 8–11.
6. Давыдова Н.С., Железнов Л.М., Мазунина С.Д., Краснов Д.И., Лекарев С.Н., Исакова Л.В., Ситников С.В., Калинина С.Н., Артемьева Г.Б., Мелкоян К.И., Веселова Д.В., Свистун О.В., Алехина О.В., Баркова О.Л., Аджиенко В.Л., Прохоров В.Н., Белоусова О.А., Стрельникова Н.В. Эффективность в бережливом управлении организациями — Издательство ООО «ВЕСИ», 2024. — 106 с.
7. Макаров И.Н., Хрючкина Е.А., Назаренко В.С., Байсара Э.Р. Концепция бережливого производства как отображение изменения культуры производственного менеджмента в условиях ресурсо-дефицитной экономики // Креативная экономика. 2021. Том 15. № 12. С. 4837–4850. DOI: 10.18334/ce.15.12.114130
8. Мельников О.Н., Ганькин Н.А., Есипенко Д.А. Эквивалентность знаний при постановке и решении задач как условие организации и управления бережливым производством информационных экономических продуктов // Экономика, предпринимательство и право. 2020. № 3. С. 635–648. DOI: 10.18334/erp.10.3.100796.
9. Национальный проект «Производительность труда» [Электронный ресурс]. URL: https://economy.gov.ru/material/directions/nacionalnyy_projekt_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 10.02.2025).
10. Отделение Фонда пенсионного и социального Российской Федерации по Тюменской области [Электронный ресурс]. URL: <https://sfr.gov.ru/branches/tumen/> (дата обращения: 10.02.2025).
11. Приказ Минпромторга России от 20.06.2017 N 1907 «Об утверждении Рекомендаций по применению принципов бережливого производства в различных отраслях промышленности» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_212572/ (дата обращения: 10.02.2025).

12. Приморский М.С., Шабурова А.В. Синергия проектного управления и системы менеджмента качества // *Interexpo GEO-Siberia*. 2024. № 8(2). С. 151–157. DOI:10.33764/2618-981X-2024-8-2-151-156
13. Система добровольной сертификации систем «бережливого производства» предприятий [Электронный ресурс]. URL: https://nopss.ru/reestr_sds/sistema-dobrovolnoy-sertifikacii-sistem-berezhlivogo-proizvodstva-predpriyatiy-sds/ (дата обращения: 10.02.2025).
14. Фомушкин А.В. Адаптация концепции бережливого производства «Lean» в рамках российской системы проектного бережливого управления // *Russian Economic Bulletin*. 2025. Том 8. № 1. С. 209–218.
15. Давыдова Н.С. Целеполагание в бережливом управлении: от постановки целей — к новому мышлению // Форум современное предприятие и будущее России. Сборник трудов XIV Всероссийской научной конференции по организации производства. Москва, 2024. С.44–51.
16. Bergman B., Klefsjo B. *Quality from Customer Needs to Customer Satisfaction* // 2nd ed., Studentlitteratur. Lund, 2003.
17. Klefsjo B., Bergquist B., Edgeman R.L. *Six Sigma and Total Quality Management: different day, same soup?* // *International Journal of Six Sigma and Competitive Advantage*, 2006. Vol. 2. № 2. P. 162–178.
18. Oudhuis M., Tengblad S. *Experiences from Implementation of Lean Production: Standardization versus Self-management: A Swedish Case Study* // *Nordic Journal of Working Life Studies*. January 2013. Vol. 3(31). P.31–48.
19. Womack J., Jones D., Roos D. *The Machine That Changed the World. The Story of Lean Production. How Japan's Secret Weapon in the Global Auto Wars Will Revolutionize Western Industry*. New York: Rawson Associates, 1990. 167 p.

© Фомушкин Антон Владимирович (anton.fomushkin@bk.ru)

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

НАШИ АВТОРЫ

Alshaluhi Ali Hamad Jwaid — Postgraduate student, Kazan Federal University

Arsenov V. — Candidate of Technical Sciences, Academy of Management under the President of the Republic of Belarus (Minsk)

Avdeeva V. — Candidate of sciences, State Educational Establishment of Higher Education «Lugansk Vladimir Dahl State University»

Avdeeva V. — postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Burov P. — Financial University under the Government of the Russian Federation; Head of Credit Analysis Department AO Alfa-Bank

Buzanova A. — Art director of the department of educational and social work with staff Federal State Educational Institution of Higher Education St. Petersburg University of the Federal Penitentiary Service of Russia, Pushkin

Doleva O. — Postgraduate student, of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

Dubkov D. — Postgraduate student, Financial University under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Dyachenko E. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kuban State University

Fomushkin A. — Deputy Manager, Department of the Pension and Social Insurance Fund of the Russian Federation for the Tyumen Region

Fursov A. — PhD in Economy, Associate Professor, Saratov State University

Georgievskaya E. — Federal State Scientific Research Institution "Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation"

Grigiryants I. — Ph.D. in Economy, Associate Professor, Samara National Research University named after Academician S.P. Korolev

Hasan Talib Hashim — Postgraduate student, Southern Technical University; Technical College Dhi Qar Department of Accounting Technologies

Huseynova G. — Doctoral student, Baku State University

OUR AUTHORS

Isaenko A. — PhD in Economics, State University of Education, Moscow; Moscow University of Finance and Law

Ivanova E. — Doctor of Economic Sciences, Professor, Rostov State University of Economics (RINH)

Kartamysheva O. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Azov State Pedagogical University

Kazaryan G. — Moscow State Institute of International Relations

Khalilov A. — Doctor of Economics, Professor, Sevastopol State University

Kobzar-Frolova M. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Institute of State and Law Russian Academy of Sciences

Koltsova D. — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Koryagina I. — PhD in History, Associate Professor, Plekhanov Russian University of Economics

Krasnov V. — Candidate of Physical and Mathematical Sciences, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

Levandovskaya M. — Candidate of Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

Levina Yu. — PhD in Economics, Rostov State University of Economics (RINH)

Li Lingyan — Lecturer, Heihe University

Lvova M. — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanov

Lyashenko V. — Postgraduate student, Saint-Petersburg University of Management Technologies and Economics

Martyanov D. — PhD in Political Sciences, Associate Professor, Saint Petersburg State University

Martyanova N. — PhD in Sociological Sciences, Associate Professor, Herzen State Pedagogical University of Russia

Matokh S. — PhD in Economics, Belarusian State Agrarian Technical University (Minsk)

Melnikov V. — Candidate of economic sciences, Autonomous non-profit organization of higher education «Russian New University»

Mirzoyan A. — Moscow State Institute of International Relations

Misun V. — Inspector of the Customs Service of the III rank, inspector of the Department of customs control operations of the Minsk Regional Customs

Namtsaraev A. — postgraduate student, Baikal University State University (Irkutsk)

Orekhova N. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, North-West Institute of Management — branch of RANEPА under the President of the Russian Federation (St. Petersburg)

Panteleev M. — PhD student, ITMO University, St. Petersburg,

Pyatina E. — postgraduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Central Russian Institute of Management — Branch of RANEPА» (Orel)

Raubo V. — PhD in Economics, Belarusian State Agrarian Technical University (Minsk)

Rubtsova M. — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Saint Petersburg State University

Safullina F. — Candidate of Sociological Sciences, Senior Lecturer, Kazan State Power Engineering University, Kazan

Shipkov N. — lawyer of the Interregional Bar Association of Moscow; postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University "SINERGY"

Spilnichenko V. — Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Tomilova L. — Candidate of Legal Sciences, Associate Professor, Kuban State University

Uporov I. — D.Sc. (Hist.), Ph.D. (Law), Professor, Russian Academy of Natural Sciences, Krasnodar; D.Sc. (Hist.), Ph.D. (Law), Professor, Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Krasnodar

Voronov A. — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher, Research Center No. 4, FGKU «All-Russian Research Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia»

Zavyalov A. — D. in Sociology, Moscow City Pedagogical University

Zhang Weiyu — Lecturer, Heihe University

Zhdanov A. — graduate student, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian State Social University» (RGSU) (Moscow)

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускаются.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные — 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).